

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ

Электронный научный журнал

Главный редактор – Рыбакова Татьяна Игоревна, заместитель главного редактора – Незнамова Юлия Николаевна.

Редакционная коллегия: Гаевская Екатерина Юрьевна, доцент кафедры земельного и экологического права, кандидат юридических наук; Глазырин Валерий Алексеевич – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, доктор социологических наук; Гончаров Максим Владимирович – доцент кафедры конституционного права, кандидат юридических наук; Григорьев Иван Владимирович – доцент кафедры трудового права, кандидат юридических наук; Дикусар Яна Сергеевна – доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева, кандидат юридических наук; Новикова Наталья Александровна – доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук; Сергеев Андрей Михайлович – доцент кафедры предпринимательского права имени В.С. Якушева, кандидат экономических наук; Файзрахманов Рафаил Андреевич – доцент кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева; Шамсумова Эмма Файсаловна – доцент кафедры истории государства и права, кандидат юридических наук; Шерпаев Владимир Иванович – профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева, доктор политологических наук.

Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. с. 587.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-75805

ISSN: 2687-007X

Адрес редакции:

ул. Колмогорова, д. 54, каб. 117А, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620034

Е-mail: iustitia.quastio@gmail.com

Тел. / факс: +7 (343) 367-40-91

Учредитель:

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

ул. Комсомольская, д. 21, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620137

Тел. / факс: +7 (343) 374-43-63.

Е-mail: rektorat@usla.ru

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в журнале «Вопросы российской юстиции», допускается только с разрешения редакции.

© Вопросы российской юстиции, 2024

ЭКОНОМИКА

Курлянчик Владислав Сергеевич. **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ И ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ** 8

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Галат Влада Николаевна. **НЕЮРИСДИКЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**..... 16

Кведерс Никита Станиславович. **СОВЕТСКАЯ ДОКТРИНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТРЕСТОВ** 23

Кряжевских Ксения Александровна. **ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА** 35

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Еремейкина Лада Львовна. **НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ НОРМ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ**..... 42

Коротаева Анна Вячеславовна. **К ВОПРОСУ О КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРОЙ РФ** 48

Котовой Алексей Сергеевич. **ПРЕЗИДЕНТ РФ И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА**..... 54

Мусальникова Валерия Дмитриевна. **РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ** 60

Насонова Полина Сергеевна. **ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА** 69

Рысев Генрих Сергеевич. **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ** 79

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО,
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

Аширбакиев Ринат Маратович. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СЕКРЕТА ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	93
Базазян Елена Андреевна. ПРИЗНАКИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА.....	100
ГраMATчиков Владимир Андреевич. ВЫПЛАТА ДИВИДЕНДОВ В НАТУРАЛЬНОМ ВЫРАЖЕНИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ТАКИХ ДИВИДЕНДОВ БИЗНЕСОМ И НЮАНСЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ.....	108
Демьянишин Владислав Викторович. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИМПЛАНТАЦИИ В РОССИИ.....	120
Кроливец Вита Александровна. СЮЖЕТ КАК ОХРАНЯЕМЫЙ ОБЪЕКТ В СОСТАВЕ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	130
Лященко Александр Юрьевич. ПРАВО МУЖА НА РАЗВОД С СУПРУГОЙ, БЕРЕМЕННОЙ ЧУЖИМ РЕБЁНКОМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЙ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	138
Миронова Надежда Викторовна. ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ О РОДИТЕЛЬСКОМ КИДНЕПИНГЕ.....	150
Морозов Андрей Александрович. ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО СПОСОБА РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВАХ	159
Осокин Александр Владиславович. НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ БАНКРОТСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО БАНКРОТСТВА)	165
Ревкова Валентина Сергеевна. НОТАРИАЛЬНАЯ ФОРМА СДЕЛКИ: УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	179
Суховская Анастасия Александровна. ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ОБЫКНОВЕННЫХ АКЦИЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	186
Толстикова Александра Юрьевна. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	196
Торицина Анастасия Сергеевна. СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	211

Тошматова Адолат Нейматжоновна. **ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ ИММУНИТЕТЕ «РОСКОШНОГО» ЖИЛЬЯ**..... 224

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Берадзе Елизавета Денисовна. **ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГАРАНТИИ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РФ** 240

Веревкин Иван Евгеньевич. **ОТНОШЕНИЯ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ТРУДОВЫМ**..... 249

Кулагина Анна Владиславовна. **ПРОЯВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНОГО ТРУДА** 259

Незнамова Юлия Николаевна, Рыбакова Татьяна Игоревна. **НЕТИПИЧНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ «ТИПИЧНЫХ» ИСТОЧНИКОВ ТРУДОВОГО ПРАВА В ПЕРИОД COVID-19** 279

Чугуевская Ксения Александровна. **ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСУ ИНДЕКСАЦИИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ**..... 286

**ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО;
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

Кушнарев Александр Сергеевич, Мецлер Валерия Эдуардовна. **К ВОПРОСУ О ГАРАЖНОЙ АМНИСТИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИТИЧЕСКОГО И ПРИКЛАДНОГО ХАРАКТЕРА**..... 299

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС;
КРИМИНАЛИСТИКА**

Андреев Валерий Максимович. **ОБЩИЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА** 308

Глазырин Максим Алексеевич. **ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ: ЭКОНОМИКА ИЛИ ЭКОЛОГИЯ?** 316

Кротов Денис Андреевич, Смирнов Сергей Андреевич. **ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО – ХРАНИЛИЩЕ ПО СМЫСЛУ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА? СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ** 326

Кушнарев Александр Сергеевич. **ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ, ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ** 338

Рыбакова Татьяна Игоревна. **ЖИВОТНЫЕ КАК СРЕДСТВО И ОРУДИЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ** 352

Сариев Георгий Спартакович. ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТАХ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ	361
Соромотина Владислава Алексеевна, Титов Павел Михайлович. ОРГАНИЗАЦИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЮ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРАФАКТНОЙ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ	370
Трубеева Мария Сергеевна. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КРАЖА ЛИЧНОСТИ» И МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	378
Чуйкин Михаил Сергеевич. К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ И НАХОДКИ	383

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Израловский Николай Романович. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ДОСТОЙНОГО ТРУДА В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА МИНИМАЛЬНОГО РАЗМЕРА ОПЛАТЫ ТРУДА	389
Матевосова Елена Константиновна. СМЕРТОНОСНЫЕ АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ ВООРУЖЕНИЙ: КАК ОТЛИЧИТЬ КОМБАТАНТА ОТ ОХОТНИКА С ФОТОРУЖЬЁМ?	404
Мецлер Валерия Эдуардовна. РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ОБЗОР МЕХАНИЗМОВ И ПРАКТИКИ	412
Петрова Антонина Сергеевна. КИБЕРАТАКА И ИНТЕРНЕТ-ВИРУСЫ: ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЖЕНЕВСКИХ КОНВЕНЦИЙ	422

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Журавлева Александра Вячеславовна, Задорина Мария Андреевна. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	433
Урусова Вероника Анатольевна. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БЕЗБИЛЕТНЫЙ ПРОЕЗД В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ В ГОРОДЕ МОСКВЕ	440

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Глухова Александра Андреевна. ПРАКТИКА ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	448
---	-----

Свиридова Екатерина Александровна. **ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ. 456**

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

Балакаев Виктор Дмитриевич, Кряжевских Ксения Александровна. **ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ И ЕЁ ПРЕДЕЛЫ..... 466**

Вострикова Анастасия Михайловна. **АЛЬТЕРНАТИВНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ..... 473**

Грязева Милена Александровна. **ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ ОТ НЕДОБОРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ВОПРОСЫ КОМПЕТЕНЦИИ..... 480**

Машинская Нина Александровна. **ИЗВЕЩЕНИЕ О ВОЗБУЖДЕНИИ ГРУППОВОГО ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ..... 490**

Мифтяхетдинов Айрат Тахирович. **ОБЩЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ..... 498**

Фрейдин Алексей Сергеевич. **НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЭСТОПМЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 507**

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Анисимова Ксения Борисовна. **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НАЛОГОВОМ АДМИНИСТРИРОВАНИИ 516**

Зарипов Шамиль Ришатович. **ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОАКТИВОВ КАК СРЕДСТВА МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 527**

Незнамова Юлия Николаевна. **ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ 546**

Нечепаяев Назар Андреевич. **МОДЕЛЬ НЕОБЛАГАЕМОГО МИНИМУМА ДОХОДА В НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ АНГЛОСАКСОНСКИХ СТРАН 556**

Сухарькова Дарья Михайловна. **КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДВИЖИМОГО И НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В ЦЕЛЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГЕ НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ 563**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Гришечкина Маргарита Андреевна. **НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ В ИНТЕРНЕТЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ЧАТ-БОТА) 574**

Шиляев Дмитрий Сергеевич. **ПОНЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В БРИТАНСКОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ..... 582**

ЭКОНОМИКА

УДК 339.5

Курлянчик Владислав Сергеевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Юридический факультет

Беларусь, Гродно

kurlyanchik2310@mail.ru

Kurlyanchik Vladislav

Yanka Kupala State university of Grodno

Faculty of Law

Belarus, Grodno

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ И ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: в научной статье автор рассматривает понятие «экономические санкции» и отмечает, что их главная цель заключается в дестабилизации экономической безопасности государств, в отношении которых применяются санкции. Экономические санкции обладают наибольшей эффективностью, однако только 1/3 часть из них являются успешными в применении. Автор подробно рассматривает инструменты борьбы с санкциями и отмечает, что самым эффективным инструментом являются средства массовой информации, так как именно они предотвращают панику в обществе и активно освещают негативные последствия санкций, инструменты борьбы с ними и влияние на экономику страны.

Ключевые слова: экономические санкции, импортозамещение, средства массовой информации, финансовые операции, запрет.

ECONOMIC SANCTIONS AND COUNTERACTION TOOLS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Annotation: in the scientific article, the author examines the concept of "economic sanctions" and notes that their main purpose is to destabilize the economic security of the states against which sanctions are applied. Economic sanctions are most effective, but only 1/3 of them are successful in their application. The author examines in detail the tools to combat sanctions and notes that the most effective tool is the mass media, since they are the ones that prevent panic in society and actively highlight the negative consequences of sanctions, tools to combat them and the impact on the country's economy.

Key words: economic sanctions, import substitution, mass media, financial transactions, prohibition.

В настоящее время санкции стали основным инструментом внешней торговли. В борьбе за сохранение однополярного мироустройства США и их сателлиты используют весь доступный арсенал политико-дипломатического, торгово-экономического, а в ряде случаев и силового давления на суверенные государства [9, с. 48-49]. С целью дестабилизации национальной и экономической безопасности недружественные страны применяют санкции. Одной из разновидностей санкций являются экономические санкции.

Экономические санкции – это инструменты внешней политики, которые оказывают влияние на экономику государств, в отношении которых они применяются. Основной целью экономических санкций является дестабилизация экономической безопасности государства.

Экономические санкции обладают наибольшей эффективностью, так как в условиях глобализации выключение государств-объектов санкций из международного разделения труда наносит наиболее существенный удар по внутренней политике и экономике, что ведет в большинстве случаев к

ухудшению уровня жизни населения [2, с. 79], а именно происходит снижение темпов роста ВВП, растет уровень безработицы, снижаются возможности бизнес-сообщества конкурировать на внешнем рынке.

Следует отметить, что, хоть экономические санкции обладают наибольшей эффективностью, только 1/3 часть из них являются успешными в применении. Так, Хафбауэр с соавторами рассматривают 204 случая санкций, разделяя их на успешные или неуспешные. По их наблюдениям, успех зависит от поставленной цели, в среднем санкции достигают успеха примерно в трети случаев [2, с. 80; 10, с. 127]. Во втором издании коллективной монографии «Переосмысление экономических санкций: экономика и современная политика» (1990), авторы которой, исследователи из Института мировой экономики Петерсона (Peterson Institute for International Economics, США), приходят к выводу, что экономические санкции достигали цели лишь в одной трети из 100 проанализированных случаев [5, с. 56]. Этот вывод подтвержден исследованием, проведенным коллективом авторов того же института в 2007 г.: исследование показало, что в среднем санкции демонстрируют свою эффективность в 34 % случаев [5, с. 56].

К экономическим санкциям относятся: запрет импорта и экспорта товаров, ограничение в совершении финансовых операций.

Рассмотрим подробно экономические санкции и инструменты борьбы с ними в Республике Беларусь и Российской Федерации.

1. Запрет импорта и экспорта товаров. Недружественные страны запрещают ввоз и вывоз товаров из Республики Беларусь и Российской Федерации на территорию Европейского союза (далее – ЕС). Например, Республика Беларусь не может поставлять калийные удобрения в ЕС, что в свою очередь привело к угрозе продовольственной безопасности многих стран и даже континентов [9, с. 52]. Из ЕС в Беларусь ограничены поставки широкого перечня оборудования, машин и механизмов, отдельных товаров для

производства табачных изделий, товаров и технологий двойного назначения, товаров, способствующих совершенствованию военно-технического, оборонного секторов и сектора безопасности [8].

Для борьбы с таким инструментом внешней торговли, как запрет импорта и экспорта продукции, следует применять такие меры, как:

1) Применять параллельный импорт как законный инструмент внешней торговли. Параллельный импорт – введение в гражданский оборот товара, защищенного товарным знаком, посредством импорта без разрешения правообладателя в страну, не предназначенную для его распространения [12, с. 55]. Отличительной чертой параллельного импорта является то, что он представляет ввоз оригинальной продукции на территорию государств.

Следует отметить, что параллельный импорт легализован в Республике Беларусь и Российской Федерации. Правовой основой применения параллельного импорта является: в Республике Беларусь – Закон Республики Беларусь от 3 января 2023 г. № 241-З «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности» [3]; в Российской Федерации – Федеральный закон от 08.03.2022 N 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11].

В Республике Беларусь и Российской Федерации параллельный импорт может применяться в отношении тех товаров, которые являются «важными для внутреннего рынка». В Российской Федерации перечень данных товаров приводится в Приказе Минпромторга России от 21.07.2023 № 2701 (далее – Приказ) [6], а в Республике Беларусь – отсутствует.

2) Применять Региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак. Согласно п. 16 Приложения № 26 «Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности» к Договору о ЕАЭС [1] в государствах-членах ЕАЭС применяется региональный принцип исчерпания исключительного знака на товарный знак (далее – принцип). Суть

данного принципа заключается в том, что правообладатель, реализовав свой товар в одном из государств-членов ЕАЭС, исчерпывает исключительное право на товарный знак, то есть после этого товар может использоваться в государствах-членах ЕАЭС свободно, без каких-либо препятствий.

3) Выход на новые рынки, поиск новых партнеров. Развитие внешнеэкономических связей. В настоящее время Республика Беларусь и Российская Федерация развивают отношения со странами Африканского континента. В рамках ЕАЭС государства-члены ЕАЭС реализуют программу «Один пояс – один путь», «Евразийский агроэкспресс».

Следует отметить, что реализация подобных проектов ведет к углублению интеграции в рамках ЕАЭС.

4) Импортозамещение. Для национальных производителей санкционное давление является временем для реализации своих возможностей. Импортозамещение – замена иностранной продукции национальной. Именно в период санкционного давления бизнес-сообщество может получить прибыль путем построения новых внешнеэкономических связей и выхода на зарубежные рынки отечественной продукции.

2. Ограничение в совершении финансовых операций.

1) Отключение от системы SWIFT. Для борьбы с данной проблемой в Российской Федерации была создана и функционирует система-аналог SWIFT – Системе передачи финансовых сообщений (СПФС) [13].

2) Препятствие проведению расчетов. Для решения данной проблемы следует создать независимую валютную среду.

В ЕАЭС для совершения финансовых операций внедряется новый инструмент цифровой экономики – цифровой рубль.

Цифровой рубль – это законное платежное средство, выполняющее все функции денег, имеющее одинаковую ценность с наличным и безналичным

рублем, являющееся прямым требованием к Центральным банкам государств-членов ЕАЭС и эмитируемое ими.

Следует отметить, что использования цифрового рубля в ЕАЭС для осуществления трансграничных расчетов станет возможным только после того, как все государства-члены ЕАЭС внедрят цифровой рубль и унифицируют правила его использования [4, с. 11]. В настоящее время в ЕАЭС отсутствуют правовые основы регулирования цифрового рубля, так как данный инструмент формируется на национальном уровне государств-членов ЕАЭС.

Успешное внедрение цифрового рубля в рамках ЕАЭС позволит создать наднациональную валютную среду, что обеспечит прозрачность и независимость в проведении финансовых операций.

Одним из основных инструментов борьбы с санкционным давлением являются средства массовой информации (далее – СМИ). Именно СМИ активно освещают негативные последствия санкций, инструменты борьбы с ними и влияние на экономику страны. Например, россияне не особо обеспокоены угрозами экономических санкций, 68% опрошенных, по данным ВЦИОМ, говорили, что санкционные угрозы их не особо тревожат [7, с. 108-109].

Таким образом, экономические санкции – это инструменты внешней политики, которые оказывают влияние на экономику государств, в отношении которых они применяются. К экономическим санкциям относятся: запрет импорта и экспорта товаров, ограничение в совершении финансовых операций. Следует сделать вывод о том, что Республика Беларусь и Российская Федерация эффективно справляются с санкционным давлением путем применения инструментов борьбы с санкциями. Основным средством противодействия санкциям являются СМИ, так как они предотвращают панику в обществе и активно освещают негативные последствия санкций, инструменты борьбы с ними и влияние на экономику страны.

Список литературы:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176>.
2. Еремина, А. Е. Экономические санкции: понятие, типология, особенности / А. Е. Еремина // Постсоветский материк. – 2019. – № 4 (24). – С. 78-93.
3. Закон Республики Беларусь от 3 января 2023 г. N 241-З «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности» // URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N12300241>.
4. Курлянчик, В. С. Цифровой рубль в Евразийском экономическом союзе: преимущества, недостатки, перспективы развития / В. С. Курлянчик // Устойчивое развитие науки и образования. – 2024. – №1 (88). – С. 10-14.
5. Мешкова, А. П. Международные санкции: вопросы эффективности / А. П. Мешкова, Е. О. Вострикова, О. А. Верховец // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2017. – № 2 (58). – С. 54-62.
6. Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/23a02701/>.
7. Охотский, Е. В. Государство в тисках санкционных ограничений: политико-правовые аспекты, механизмы противодействия / Е. В. Охотский, С. Г. Камолов // Право и государство. – 2019. – № 4 (85) – С. 108-121.
8. Санкции ЕС в отношении Беларуси // URL: https://belgium.mfa.gov.by/ru/exportby/eu_sanctions/.

9. Серебряков, В. О. Санкционная политика как инструмент воздействия на суверенные государства / В. О. Серебряков // Беларуская Думка. – 2023. – № 10. – С. 48-53.

10. Сидоров, В. А. Санкционный ноумен: агония кризиса сквозь призму потерь. Часть 1. Санкции как инструмент геополитической и экономической борьбы / А. В. Сидоров, Э. В. Соколов, М. М. Нагучев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: экономика и управление. – 2019. – №3 (47). – С.120-129.

11. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 08.03.2022 N 46-ФЗ (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411095/.

12. Фукс, Е. Н. Легализация «параллельного» импорта как способ борьбы с «серым» импортом / Е. Н. Фукс // Вестник Российской таможенной академии. – 2017. – № 3. – С. 54-62.

13. ЦБ: к российскому аналогу SWIFT подключились 20 стран // URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2024/01/16/1015315-rossiiskomu-analogu-swift-20-stran>.

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
УДК 347.12**

Галат Влада Николаевна
Красноярский государственный аграрный университет
Юридический институт
Россия, Красноярск
galatvlada@mail.ru
Galat Vlada
Krasnoyarsk state agrarian university
Law Institute
Russia, Krasnoyarsk

**НЕЮРИСДИКЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

Аннотация: защита прав и свобод человека и гражданина представляет собой самостоятельную область правовой деятельности, предполагающая реализацию субъективных гражданских прав и государственных полномочий, осуществляющих контроль, защиту, пределы осуществления данных прав. Способы защиты гражданских прав реализуются в юрисдикционных и неюрисдикционных формах. В настоящей статье представлен правовой анализ неюрисдикционных форм защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: права, свободы, формы защиты гражданских прав, неюрисдикционная форма защиты гражданских прав, самозащита, защита прав граждан.

**NON-JURISDICTIONAL WAYS OF PROTECTING HUMAN AND CIVIL
RIGHTS AND FREEDOMS**

Annotation: the protection of human and civil rights and freedoms is an independent area of legal activity involving the realization of subjective civil rights and state powers exercising control, protection and limits on the exercise of these rights. Methods of protection of civil rights are realized in jurisdictional and non-jurisdictional forms. This article presents a legal analysis of non-jurisdictional forms of protection of human and civil rights and freedoms.

Key words: rights, freedoms, forms of civil rights protection, non-jurisdictional form of civil rights protection, self-defense, protection of citizens' rights.

Институт защиты прав и свобод человека и гражданина имеет глубокие исторические корни. Еще с самого начала возникновения правовых конструкций, осознания социальными индивидами себя как носителей прав и обладателями свобод появилась своего рода социально-правовая активность, направленная на отстаивание этих прав и границ их осуществления.

Основной целью института защиты прав и свобод человека и гражданина является обеспечение состояния максимально возможной правовой защищенности каждого отдельного субъекта. Названный институт выполняет следующие функции: регулятивную, интеграционную, охранительную, коммуникативную, информационноуправленческую, правообеспечительную, просветительскую [1, с. 32].

В процессе реализации защиты прав и законных интересов возникают сложности с формализацией данного вида защиты. В юриспруденции существует подразделение защиты прав на юрисдикционную и неюрисдикционную формы. В свою очередь, юрисдикционная форма подразделяется на общий и специальный порядок осуществления защиты.

Юрисдикционная форма защиты является разновидностью общего режима защиты, так как она распространяется на права, свободы и законные интересы каждого лица. Способ защиты, а также право на защиту определяются

действующими в соответствии с правовыми нормами, позволяющим самостоятельно определить способы и формы защиты нарушенных или оспоренных прав [2, с. 146].

Неюрисдикционная форма защиты подразумевает защиту прав и законных интересов с применением всех законных механизмов. Особенность неюрисдикционной формы защиты заключается в том, что за нарушением права, проявленным субъектом не в судебном заседании, а непосредственно на месте, права и свободы лица не подлежат защите и охраняются только в судебном порядке. При этом в качестве источника права на защиту может выступать любое процессуальное соглашение между сторонами по его поводу.

Неюрисдикционная форма защиты – это деятельность самих лиц, права которых и свободы были нарушены, то есть она включает в себя механизмы самозащиты. Институт самозащиты имеет глубокие исторические корни: еще с самого начала появления писанных источников права – для России это времена Русской правды, а также Псковской и Новгородской судных грамот, – выделился определенный вид занятия – самозащита лица перед судом или перед его обидчиком. Для такой защиты приглашался человек, обладающий знаниями в области права, умеющий вести защиту, которому поручалось выступать в интересах того или иного подзащитного. Изначально элементы самозащиты встречаются в XIV веке. Уже с тех времен к защите допускались родственники, прочие лица, которым доверял подзащитный, но не допускались служащие, которые имели власть и полномочия, могущие оказать влияние на исход дела. Представительство велось больше по правовым обычаям, особых его правил не было закреплено [3, с. 12].

Описанный подход соответствует системе, которая воспринята в России, поскольку, согласно ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), защита нарушенных прав субъектов производится посредством, в том числе, самозащиты прав [4]. Самозащита также декларируется в Конституции

Российской Федерации как способ защиты своих прав и свобод [5]. Выступая защитником самого себя, субъект автоматически приобретает свойства, права и обязанности субъекта правозащитной деятельности.

Следует помнить, что самозащита – это полная мера ответных мер по предотвращению или прекращению неправомерных действий по нарушению прав. Охрана прав – это возможная реакция лица на неправомерное поведение со стороны нарушителя, и определяет она в качестве основного свои собственные отношения с правом. Поэтому обязанность защищать права возникает и осуществляется только тогда, когда нарушение этих прав совершено умышленно и сознательно.

Самозащита имеет строго определенную целевую компенсаторно-восстановительную направленность, она направлена именно на защиту прав и свобод субъектов права. Этот вид деятельности функционирует тогда, когда имеется правонарушение или же когда субъект права (иное уполномоченное законом или договором лицо) считают, что имело место нарушение права. То есть самозащита – это всегда ответ на нарушение права, реальное или мнимое. Самозащита – всегда правовая, она всегда происходит в рамках правового поля.

Помимо самозащиты в группу неюрисдикционных форм защиты прав и свобод входят меры оперативного воздействия, направленные на «обеспечение надлежащего исполнения обязательств путем предоставления управомоченной стороне права непосредственного оперативного воздействия на неисправного контрагента» [6, с. 11].

Под мерами оперативного воздействия следует понимать разновидность правовой деятельности, которая имеет своей целью восстановление нарушенных прав и свобод субъектов права. Реализуются меры оперативного воздействия в соответствии с законом и процедурой и направлены на защиту законности.

Примером оперативного воздействия выступает требование гражданина или организации об опровержении сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь, достоинство и деловую репутацию (согласно ст. 43 Закона РФ «О средствах массовой информации») [7]. Здесь мера оперативного воздействия – опубликование опровержения недостоверных сведений.

Применительно к процедуре банкротства примером оперативного воздействия выступает отказ внешнего и конкурсного управляющих от исполнения договоров должника, в случае, если названный договор становится препятствием на пути восстановления платежеспособности должника (согласно п. 1 ст. 102, п. 3 ст. 129 Федерального закона «О банкротстве») [8]. В данном случае специфика защиты субъективных прав в том, что никакой предмет охраны не может быть передан другим субъектам помимо уполномоченного лица, а защите подлежат не только материальные или нематериальные вещи, но также суждения и действия, выражающие субъективное мнение.

К мерам оперативного воздействия относятся также действия по предъявлению требований к хозяйствующему субъекту, допустившему нарушение права другого хозяйствующего субъекта или создавшему угрозу нарушения такого права. В данном случае меры оперативного воздействия имеют строго определенную целевую компенсаторно-восстановительную направленность, которая направлена именно на защиту прав и свобод субъектов права. Этот вид деятельности функционирует тогда, когда имеется правонарушение или же когда субъект права (иное уполномоченное законом или договором лицо) считают, что имело место нарушение права. То есть оперативное воздействие – это всегда ответ на нарушение права, реальное или мнимое. И оперативное воздействие – всегда правовая деятельность, она всегда происходит в рамках правового поля [9, с. 44].

Также к неюрисдикционным формам защиты относят меры, применяемые саморегулируемыми организациями, при защите гражданских прав в третейском суде, при общественной защите прав инвесторов, некоторые меры, применяемые регулирующими органами (приостановление эмиссии), деятельность компенсационных фондов и т.д. При этом, если говорить о неюрисдикционных формах защиты, то их можно понимать как специальную деятельность, осуществляемую субъектами, направленную на достижение определенного правового результата; в такой деятельности могут активно участвовать негосударственные структуры [10, с. 9].

С позиции организации неюрисдикционные формы защиты всегда характеризуются определенной организованностью, обладают определенной иерархией распределения обязанностей внутри структуры. Неюрисдикционные формы защиты отражают реальное воплощение модели правового государства, которая в настоящее время является правовым ориентиром для большинства современных развитых государств. Правовое государство, – это, прежде всего, государство, в котором соблюден принцип верховенства права, то есть обеспечения реализации прав и свобод человека и гражданина. И по уровню развития неюрисдикционных форм защиты можно судить о реальном воплощении этого принципа в действительности.

Список литературы:

1. Небрятенко О.О. Механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : монография. – Ростов-на-Дону : ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2015. – 210 с.

2. Герасимова Е.В., Глушкова С.И. Защита прав человека и гражданина: вопросы теории и практики, истории и современности (обзор материалов конференции) // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 4 (39). – С. 146-157.

3. Вахрамеева Л.Н. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты абсолютных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – 29с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.

6. Чепенко Я.К. Правовые проблемы в механизме конституционного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в свете практики Конституционного Суда РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2017. – 26с.

7. Закон РФ от 27.12.1991г. № 2124-1 (ред. от 11.03.2024г.) «О средствах массовой информации» // Рос. газ. 1992. 08 февр.

8. Федеральный закон от 26.10.2002г. № 127-ФЗ (ред. от 19.03.2024г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

9. Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина: Опыт системного конституционного осмысления: монография. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2003. – 198 с.

10. Волкова М.В. Правовые средства обеспечения прав и свобод человека: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010. – 29 с.

Кведерс Никита Станиславович
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» - Санкт-Петербург
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
n.kveders@yandex.ru

Kveders Nikita
National Research University
«Higher School of Economics» - Saint Petersburg
Faculty of Law
Russia, Saint-Petersburg

СОВЕТСКАЯ ДОКТРИНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТРЕСТОВ

Аннотация: на основе нормативной базы и трудов ученых правоведов проведен анализ понимания советской правовой доктриной понятия юридического лица и особенностей положения государственных предприятий - трестов. Цель работы - определение понимания юридического лица советской правовой доктриной и выделение особенностей правового положения государственных трестов. Выводом является определение особенности советского юридического лица как синтез частного и публичного права с преобладанием второго, где гражданская сущность является полностью подконтрольной публичной.

Ключевые слова: СССР, Трест, Государственные предприятия, Советское право, Советское юридическое лицо, Советское гражданское право.

SOVIET DOCTRINE OF LEGAL ENTITY ON THE EXAMPLE OF STATE ENTERPRISES TRUSTS

Annotation: based on the regulatory framework and the works of legal scholars, an analysis of the understanding of the concept of a legal entity by the Soviet legal doctrine and the specific features of the position of state enterprises - trusts is carried out. The purpose of the work is to determine the understanding of a legal entity by the Soviet legal doctrine and to highlight the specific features of the legal position of state trusts. The conclusion is to determine the specific features of a Soviet legal entity as a synthesis of private and public law with the predominance of the latter, where the civil entity is completely controlled by the public.

Key words: USSR, Trust, State enterprises, Soviet law, Soviet legal entity, Soviet civil law.

Введение

После революции 1917 года в жизни людей поменялось все, но для любого общества важна экономика, новому правительству было необходимо создать систему регулирования национализированных государственных предприятий, а также выработать свою правовую доктрину юридического лица, анализу которой и посвящена данная работа.

Исследовательский вопрос заключается в определении особенностей правового положения трестов и того, что представляло из себя юридическое лицо в советской правовой доктрине. Актуальность данной проблемы заключается в том, что в последнее время возвращается вопрос о том, что советская доктрина в вопросе юридического лица составило правовую базу для современных государственных унитарных предприятий [1, с. 50-54].

Целью данной работы является определение понимания юридического лица советской доктриной на примере государственных предприятий - трестов. Основными задачами является изучить нормативно правовые акты и труды

ученых юристов по вопросам юридических лиц и трестов, определить основные особенности советского юридического лица и трестов, а также охарактеризовать позицию советской правовой доктрины в понимании юридического лица.

В первой главе будут раскрыты основные положения, касающиеся советской доктрины в вопросе юридических лиц, а после во второй главе, раскрыты особенности государственных предприятий – трестов. Особое внимание именно к тресту обусловлено тем, что он являлся самой популярной и значимой в советское время формой юридического лица и его регулированию уделялось повышенное внимание. На основе полученных результатов будет сделан вывод об особенностях доктрины советского юридического лица.

1 Советское юридическое лицо.

Существовало много видов юридических лиц: больницы, школы, учреждения, предприятия и другие. На вопрос «что такое юридическое лицо?» в советской доктрине отвечает О.С.Иоффе, он вывел следующее определение: “Советское юридическое лицо — это признанный советским гражданским законом, организованный как единое целое коллектив трудящихся, который, обладая обособленным имуществом, выступает в обороте от собственного имени и несет самостоятельную ответственность за свои действия” [5, с. 80]. Ключевое значение в данном определении играет “коллектив трудящихся”, именно собрание рабочих составляет юридическое лицо. Однако важно отметить, что несмотря на то, что собрание рабочих является объединением лиц, образующее юридическое лицо, они практически никогда не вступают с ним в административные отношения управления предприятием, так как ни в одном уставе нет указания на то, что все трудящиеся осуществляют прямое управление [9, с. 459-464]. Единственное в чем их участие в делах юридического лица может заключаться это в назначении правления, но такое встречается только в мелких предприятиях, как например артели. В более

крупных предприятиях правление назначается государственным органом, поэтому коллектив трудящихся, образуя юридическое лицо, вступает с ним в трудовые правоотношения, то есть юридическое лицо — это собрание трудящихся, которые объединяют свой труд и вступают в трудовые отношения под чьим-либо административным контролем и образуют организацию, обладающую определенными признаками.

Также А.В. Венедиктов отмечает, что каждое государственное юридическое лицо — это не только объединение трудящихся, но и советского государства в том числе и что за каждым советским юридическим лицом стоит как коллектив рабочих, так и государство [2, с. 664-667]. Здесь отражается то, что каждое юридическое лицо являлось определенным отражением государственной воли и не было возможности создать обособленную организацию без разрешения государства, но несмотря на это коллектив рабочих под управлением руководства все еще вступает в гражданский оборот от своего имени, а не от имени государства и такое устройство позволяет государству реализовывать свое имущество непосредственно через созданные с его волей юридические лица как пишет А.В.Венедиктов [2, с. 672].

У Юридического лица есть определенные признаки, которые позволяют выделить его в гражданских правоотношениях, так О.С.Иоффе выделяет следующие черты: организационное единство, обособленность имущества, самостоятельная ответственность и вступления в оборот от своего имени [5, с. 79-80]. Однако о это не говорит о его полноценной независимости от государства, а о том, что именно организация с этими признаками является в советском праве юридическим лицом и вступает в гражданский оборот как субъект гражданских правоотношений.

Несмотря на то, что юридическое лицо таким образом являлось лишь отражением государства в обороте, оно сохраняло свое индивидуальность, которая отражалась в наличии определенных средств индивидуализации,

которая отделяла одни предприятия от других [5, с. 89-90] и Иоффе подмечает “государственное юридическое лицо — это персонифицированная часть государственного имущества” [4, с. 127]. Важно отметить в данном высказывании опять приход к тому, что юридическое лицо понималось хоть и как отдельный субъект с определенными индивидуализирующими чертами, но все еще считалась частью государства и его имущества.

Возникновение юридических лиц происходит в 3 видах: распоряжение, разрешение или нормативно-явочный порядок. Каждый вид возникновения имеет две стадии: издание документа об образовании юридического лица и оперативная работа, которая заключалась в создании устава, выделении имущества и образовании органов управления государственным органом [5, с. 84-85]. Данное положение есть не что иное как полный контроль над процессом возникновения юридических лиц, именно государство решало вопрос о создании юридического лица. Даже условно частные объединения, как например артели были подконтрольны определенному государственному органу и для того, чтобы зарегистрировать артель было необходимо получение разрешения от государственного органа, что, по сути, делало организацию зависимой от государства.

Таким образом советское юридическое лицо есть не что иное как объединение трудящихся под государственным контролем, который выражался как в участии государственного органа в делах организации, так и под непосредственным мониторингом органов за деятельностью организации. Совет трудящихся хоть и представлял из себя организацию, наделенную определенными признаками юридического лица, средствами индивидуализации и наделенную гражданской дееспособностью и правоспособностью, но только с разрешения государства и только в том объеме, в котором позволяло государство [2, с. 655-663]. Таким образом организация не могла иметь больше прав и обязанностей чем того давало государство, в случае попытки заключить

сделки или действия, не входящие в цели и полномочия организации государство пресекало подобные действия.

2 Государственные тресты.

Определение треста заложено в статье 19 гражданского кодекса РСФСР 1922 года что трест – это государственные предприятия и их объединения, выступающие как равный, не связанный с казной и самостоятельный субъект в гражданские отношения и работающие на системе хозяйственного расчета и являются юридическими лицами. Так в Положении о государственных промышленных трестах (далее положение о трестах) указывается, что трест является формой объединения предприятий промышленности и торговли в который могут входить как несколько разных предприятий, так и одна хозяйственная единица [8, с. 2]. То есть трест — это некое объединение различных предприятий, находящихся под одним контролем управляющего органа.

В советское время было две системы работы предприятий: в сметном порядке, когда государство выделяло денежные средства предприятию и давало ему определенный план, который необходимо выполнить и не потратить свыше выделенной суммы и система хозяйственного расчета, когда государство выделяло предприятию определенное имущество, необходимое для его деятельности и получало от пользования трестом данного имущества налоги от прибыли, создание рабочих мест и различные выгоды [6, с. 20]. Таким образом, ключевое отличие предприятий, работающих на хозяйственном расчете от предприятий, финансируемых в сметном порядке в том, что в первом случае предприятия, работающие на системе хозяйственного расчета, получают определенную, на первый взгляд, свободу действий, единственное их условие — это достижение прибыли, чтобы заплатить государству налоги и выполнить план, но у этой свободы есть определенные особенности.

Первой особенностью всех советских юридических лиц с гражданской правоспособностью и дееспособностью является то, что в гражданские отношения юридическое лицо вступает как равноправный субъект на основных началах гражданского права, но внутренняя структура, а именно отношения с государственными органами контролируется совершенно другими нормами [6, с. 7]. Это позволяет говорить о двуликости советского юридического лица, но в нем гражданская сущность юридического лица сильно зависит от административных отношений, потому что особенность предприятий работающих на хозяйственном расчете в том, что государство выделяет им определенный капитал, который они должны реализовать и показать прибыльность для уплаты налогов. Государство в таком случае снабжает трест необходимым начальным имуществом, спускает ему план и получает налоги от деятельности предприятия и поэтому здесь отношения с государственными органами играют важную роль, ведь именно они напрямую влияют то какое имущество будет выдано, в какой ссуде отказано и именно они будут принимать решение о дополнительном финансировании или закрытии предприятия, поэтому здесь административная личность юридического лица сильно влияет на его гражданскую сущность.

Создание треста происходит строго в административном порядке по решению государственного органа согласно статьям 9-14 положения о трестах. Но это не вызывало возражений ведь в СССР отсутствовала частная собственность на промышленные предприятия, поэтому граждане просто не могли создать трест по своему желанию, а инициатива исходила только от государства.

Следующая особенность трестов заключается в том, что отношения предприятий с государственными органами не ограничиваются только сдачей отчетностей как упоминалось ранее. Для осуществления непосредственного управления предприятием государственным органом, в ведении которого

находится предприятие, назначается правление, которое заключает все сделки от имени предприятия, представляет его в судах и, по сути, управляет его хозяйственной деятельностью. Стоит отметить участие государства на этом не заканчивается. Учреждение, контролирующее предприятие участвует в его деятельности непосредственно по положению статьи 15 раздела III положения о трестах. Так управление трестом осуществляет правление в полномочиях которых находится ведение основной хозяйственной деятельности предприятия согласно тому же разделу III положения о трестах в статьях 18 и 19. Однако ключевые полномочия принадлежат государству, а именно учреждению, которому подконтрольно предприятие, Б.С. Мартынов подробно раскрывает роль государственных органов в деятельности предприятия [6, с. 17-21]. И тут рационален вывод, о том, что, по сути, юридическое лицо в лице правления не имело самостоятельности, ведь все ключевые полномочия принадлежали государственному органу: такие как утверждение инструкций для правления, утверждение производственных планов, установка для треста отпускных цен, выдача разрешения на получение кредита и другие важные административные функции.

Непосредственно правление лишь занималась деятельностью по производству, продаже, отгрузке, выдаче зарплат, заключению сделок от имени предприятия и представления в суде интересов треста. Данные функции можно считать хозяйственными, а все ключевые административные дела вело государство. В этом наиболее ярко подтверждается двуликость юридического лица, с преобладанием административной части, которая полностью контролировала гражданскую сущность предприятия и фактически делало всю дееспособность юридического лица фикцией, ведь за всеми гражданскими действиям стоит административная воля, а именно требование сделать какое-либо действие определенным образом.

Еще одной особенностью, которая еще больше ограничивала дееспособность юридического лица — это ограничение кредитования, предприятие не могло получить кредит в финансовой организации без одобрения вышестоящего органа, выпуск облигаций тоже был полностью под контролем государственного органа, который осуществлял контроль за предприятиями, в полномочиях которого была не только выдача разрешения на выпуск облигаций, но и выступления в роли гаранта платежеспособности предприятия [6, с. 25-26]. Что говорит об существенном участии государства в финансовой деятельности предприятия.

Важной деталью, убивающую самостоятельность юридического лица, это распределение прибыли, так статья 46 положения о трестах прямо обязывает распределять прибыль по воле правления, а заставляет их распределять прибыль в установленном законом порядке.

Особенностью трестов было так же являлось то, что несмотря на равенство в гражданском обороте, в случае судебного разбирательства нельзя было обратиться за взысканием на государственное имущество, был запрет на продажу отдельных предприятий и имущества треста [3, с. 60]. Это также дает понимание о тресте как об особом субъекте, который не только защищен государством от судебных взысканий, но и на который наложен запрет на распоряжение имуществом.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что трест есть ни что иное как государственный орган, который наделен функциями юридического лица, который выполняет определенные хозяйственные функции для выполнения плана и наполнения бюджета налоговыми отчислениями.

Указанная самостоятельность является лишь фикцией, ведь большинство его прав были превращены в обязанности, правлению было необходимо заключать определенные сделки для выполнения плана, даже в случае неисполнения договоров контрагентами треста, правление от лица треста было

обязано подать иск под страхом привлечения членов правления к ответственности [3, с. 60]. Предприятие не могло распределять прибыль так как хотелось его правлению, это было необходимо делать так, как того хотело государство. Даже заявленное равенство в гражданском обороте по положению статьи 40 положения о трестах было фикцией. По смыслу данной статьи трест должен оказывать преимущество другим государственным учреждениям и предприятиям, которые выступают в качестве контрагентов, что полностью ставит государственные предприятия в преимущественное положение по сравнению с другими организациями. Хотя и частные предприятия в период правления Сталина были запрещены [2, с. 720], данная норма показывает позицию доктрины в отношении равенства государственных юридических лиц в гражданском обороте.

В современной науке можно встретить мнение, что советское предприятие — это юридическое лицо не собственник, оно не обладает полным правом собственности на его имущество, а только право пользования и владения т.е. правом оперативного управления определенным имуществом, которое ему дано для выполнения определенных задач, поставленных государством [7, с. 81-84]. Но данная позиция ошибочна, советское юридическое лицо — это не юридическое лицо вообще, а лишь государственный орган, который облечен в форму юридического лица, потому что помимо отсутствия права собственности на свое имущество, хозяйственная и административная деятельность предприятия практически полностью находилась под контролем государства без возможности какого-либо влияния негосударственных лиц на его деятельность.

Заключение

Доктрина советского юридического лица не давала организации полноценной “свободы”, чтобы получать налоговые отчисления, создавать с помощью организации новые рабочие места и выполнять различные

общественные функции, а полностью контролировало его деятельность и превращало права правления юридического лица в его обязанности. На примере государственных трестов видно, что фактически правление не играло существенной роли, вся их деятельность была строго диктована государством. Помимо этого, огромное влияние государства сказывается в строгом распределении прибыли, невозможности получить кредитные средства без государственного разрешения, недопущении отчуждения имущества даже в судебном порядке, а также в обязанности правления подать судебный иск под страхом попасть под уголовную ответственность, все это «связывало руки» правлению и делало главным во всей деятельности государственный орган, которому было подконтрольно предприятие.

Резюмируя, подобные положения о государственных трестах и юридических лицах позволяют говорить, что юридическое лицо в советской доктрине — это государственный орган, который наделен чертами т.е. признаками юридического лица, у предприятия не было «своей» самостоятельности, оно было обязано делать так как велит государственный орган, контролирующий предприятие, и план, любое существенное действие правления связанное с деятельностью предприятия требовало разрешения, что и делает его по своей сути государственным органом а не полноценным юридическим лицом с его гражданской дееспособностью и свободой действий.

Список литературы:

1. Болдырев Владимир Анатольевич История конструкции юридического лица несобственника: этап становления // Омск.: Научный вестник Омской академии МВД России. - 2011. - №4. - С. 50-54.
2. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., Ленинград.: Академия наук СССР, 1948. 841 с.

3. Грешников И.П. Субъекты права. Ч.1. Юридическое лицо в праве и законодательства / Алматы.: Издательство «Let», 2001. 220 с.
4. Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I) / Ленинград.: Издательство Ленинградского университета, 1975. 160 с.
5. Иоффе О. С. Советское гражданское право (Курс лекций общая часть) / Ленинград.: Издательство Ленинградского университета, 1958 г. 132 с.
6. Мартынов Б.С. Государственные тресты / М.: Высший совет народного хозяйства. 1924 г. 59 с.
7. Муратова С.А., Смердина Ю.С. Право оперативного управления и хозяйственного ведения в системе ограниченных вещных прав // М.: Вестник Московского университета МВД России. – 2015. - №11. – С.81-84.
8. Об утверждении положения о государственных промышленных трестах. 29 июня 1927 г. (с изменениями на 27 марта 1936 года) (утратил силу) // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства СССР, № 39, июнь 1927.
9. Примерный устав рыбацкой артели от 17 апреля 1930 г. (утратил силу) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год, апрель 1930 г.

УДК 34.096

Кряжевских Ксения Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

zvezda5361@mail.ru

Kryazhevskikh Ksenia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА

Аннотация: в статье автором анализируется влияние искусственного интеллекта на современную юридическую деятельность с точки зрения доктринальных источников и судебной практики. Исследуется роль системы искусственного интеллекта в правотворческой и правоприменительной деятельности. Выделены дальнейшие перспективы использования искусственного интеллекта в юридической практике. В настоящее время исследователями делается вывод о принципиальной возможности дальнейшего использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, юридическая деятельность, правосудие, правоприменительная деятельность.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LEGAL ACTIVITY: DOCTRINE AND PRACTICE

Annotation: in the article, the author analyzes the influence of artificial intelligence on modern legal activity from the point of view of doctrinal sources and judicial

practice. The role of the artificial intelligence system in lawmaking and law enforcement activities is explored. Further prospects for the use of artificial intelligence in legal practice are highlighted. Currently, researchers are drawing a conclusion about the fundamental possibility of further use of artificial intelligence.

Key words: artificial intelligence, digitalization, legal activity, justice, law enforcement.

Актуальность изучения влияния искусственного интеллекта на юридическую деятельность в настоящее время достаточно велика. Обуславливается это безусловным проникновением искусственного интеллекта не только в общественную жизнь каждого человека, но и юридическую деятельность, что требует от современных юристов поиска новых путей развития юридической практики.

При этом любопытно, что особенностью и юридической деятельности, и систем искусственного интеллекта является то, что они работают с выработкой и переработкой информации. На этом основании исследователями справедливо делается вывод о принципиальной возможности использования в юридической деятельности систем искусственного интеллекта [1].

Стоит отметить, что в доктрине под искусственным интеллектом чаще всего понимается компьютерная система, которая обладает признаками автономности и способностью к совершению умозаключений. Так, в частности, исследователи приходят к выводу, что искусственный интеллект выступает предметом компьютерных наук, а создаваемые на ее основе технологии являются информационными технологиями, позволяющими совершать разумные рассуждения и действия с помощью вычислительных систем и иных искусственных устройств [2]. Также ряд ученых понимают искусственный интеллект как полностью или частично автономную самоорганизующую (самоорганизующуюся) компьютерно-аппаратно-программную систему (в том

числе как виртуальную или киберфизическую, в том числе биокибернетическую), которая обладает способностями к мышлению, самоорганизации, обучению, самостоятельному принятию решений и т.д. [3].

В настоящее время искусственный интеллект все более активно проникает в юридическую деятельность, что позволяет сделать вывод о необходимости изучения его влияния на функционирование и развитие юридической практики. Так, например, происходит активное влияние цифровизации на правотворческую деятельность. В деятельности органов государственной власти за последние годы возникли такие понятия, как «электронное правительство», предоставление некоторых видов государственных услуг в электронной форме, «электронное управление». Созданы различные электронные государственные реестры, которые, однако, до сих пор не находятся в надлежащем взаимодействии между собой. Исследователи приходят к выводу, что именно данный фактор является одной из преград внедрения цифровой экономики в России [4]. Но стоит обратить внимание и на то, что уже само по себе развитие информационных технологий в правотворческой деятельности уже, по мнению В.Ю. Самородова, свидетельствует о понимании законодателем востребованности и необходимости своевременной регламентации применения информационных технологий [5].

Что касается правоприменительной деятельности, то уже сейчас искусственный интеллект значительно упрощает работу судей по отправлению правосудия. Так, с 1 сентября 2019 года было введено автоматизированное распределение дел и в арбитражных судах, и в судах общей юрисдикции. Цель такого нововведения – обеспечить справедливое распределение нагрузки между судьями и исключить влияние на распределение дел заинтересованных лиц во исполнение принципа беспристрастности суда.

Обращаясь в этом контексте к доктрине, Д.О. Дрозд выделяет три уровня использования искусственного интеллекта в судебной деятельности: техническая работа искусственного интеллекта по анализу доказательств и судебной практики; оценка искусственным интеллектом доказательств; рассмотрение дела искусственным интеллектом [6].

Кроме того, современный уровень развития искусственного интеллекта позволил ему самостоятельно разрешать конкретные юридические споры. На этом фоне использование, в частности, нейросетей в юридической и в том числе судебной работе является формирующейся тенденцией. В частности, такая практика де-факто легализована в ряде государств мира, например, в Колумбии, где Суд Первого округа по трудовым спорам Картахены в решении от 30 января 2023 года применил нейросеть для разрешения спора, о чём прямо указал в своём акте [7].

В сфере третейского разбирательства также затрагивался вопрос о том, может ли решение арбитража составляться без непосредственного участия арбитров, например, нейросетью. Подобный вопрос рассматривался Верховным судом Бельгии в решении по делу *ЕМЕК Инсаат СТИ Лтд*, который, однако, столкнулся с составлением решения арбитража помощником арбитров и секретарём [8]. Суд допустил такую ситуацию, однако указал, что в таком случае за процессом составления решения должен обеспечиваться контроль со стороны арбитров. Полагаем, что данный подход можно экстраполировать и на ситуации, когда решение арбитража составляется нейросетью в отсутствие арбитров.

Вместе с тем, имеется практика, которая возбраняет использование нейросети в судебном разбирательстве и позиционирует это как основание для отмены решения. Например, Апелляционный суд США по Пятому округу намеревается внести изменения в свои правила, согласно которым Суд будет требовать даже от представителей сторон письменных подтверждений, что в

подготовке их меморандумов не участвовал искусственный интеллект. Если же выяснится факт применения нейросети при составлении меморандумов, Суд будет требовать подтверждения того, что данные документы впоследствии были проверены человеком (правило 32.3) [9].

Против использования судьями искусственного интеллекта при составлении судебных решений выступает судейское сообщество Великобритании. Так, британские органы судейского самоуправления в своём руководстве от 12 декабря 2023 года указывают, что судьям не рекомендуется использовать нейросеть при проведении юридического анализа, поскольку информация, предоставленная инструментами искусственного интеллекта, «может быть неточной, неполной, вводящей в заблуждение или устаревшей» [10].

Стоит задуматься о дальнейших перспективах использования искусственного интеллекта в юридической деятельности. Несомненно, дальнейшее внедрение искусственного интеллекта позволило бы повысить уровень финансовой доступности квалифицированной юридической помощи, оказываемой как на возмездной, так и на безвозмездной основе за счет более быстрого поиска информации, автоматизированной работы с документами, оптимизации процессов консультирования.

Кроме того, как верно отмечает А.А. Калиногорский, применение искусственного интеллекта оказывает положительное влияние на информационную доступность в сфере получения юридической помощи за счет упрощения поиска юридической информации, подготовки форм документов и получения квалифицированной юридической помощи; в сфере оказания юридической помощи за счет упрощения адаптации информационных стратегий, ускорения реагирования на запросы общества и информационного сопровождения деятельности субъектов, оказывающих квалифицированную юридическую помощь [11].

Список литературы:

1. Свищенкова К.А. Перспективы и проблемы цифровизации правосудия в Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 15 (410). С. 292-294.
2. Осипов Г.С. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее/новости искусственного интеллекта. 2001. № 1. С. 3-13.
3. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. С.257.
4. Белянская О.В., Чомаев А.А. Влияние цифровизации на процесс осуществления юридической деятельности // Актуальные проблемы государства и права. 2022. №24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-protsess-osuschestvleniya-yuridicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 19.03.2024).
5. Самородов В.Ю. Цифровизация в современной культуре правотворчества: тренд на обновление и позитивная тенденция правовой жизни // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 14. С. 165-179.
6. Дрозд Д.О. Непосредственность судебного разбирательства при использовании искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 87 - 98.
7. Rama Judicial de Colombia. Juzgado 1o Laboral del Circuito Cartagena.31 <https://forogpp.files.wordpress.com/2023/01/sentencia-tutela-segunda-instancia-rad.-13001410500420220045901.pdf> (дата обращения: 24.03.2024).
8. Belgium's Cour de Cassation. EmekInsaatSti Ltd v European Union (C.21.0548.F/1). 24 April 2023. URL: <https://www.singleton.com/2023/12/emek-insaat-sti-ltd-v-european-union-and-the-fourth-arbitrator-the-limits-of-the-arbitral-secretarys-role/>(дата обращения: 24.03.2024).

9. Rama Judicial de Colombia. Juzgado 1o Laboral del Circuito Cartagena.31 <https://forogpp.files.wordpress.com/2023/01/sentencia-tutela-segunda-instancia-rad.-13001410500420220045901.pdf> (дата обращения: 24.03.2024).

10. Courts and Tribunals Judiciary. Artificial Intelligence (AI). Guidance for Judicial Office Holders. 12 December 2023. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2023/12/AI-Judicial-Guidance.pdf> (дата обращения: 25.03.2024).

11. Калиногорский А.А. Роль искусственного интеллекта в обеспечении доступности квалифицированной юридической помощи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-iskusstvennogo-intellekta-v-obespechenii-dostupnosti-kvalifitsirovannoy-yuridicheskoy-pomoschi> (дата обращения: 19.03.2024).

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ
ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 342.4

Еремейкина Лада Львовна

Алтайский государственный университет

Юридический институт

Россия, Барнаул

lada.rayskaya2107@mail.ru

Eremeykina Lada

Altai State University

Law Institute

Russia, Barnaul

**НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ НОРМ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ**

Аннотация: в России признается и гарантируется местное самоуправление, которое закрепляется в Конституции РФ в качестве формы народовластия, основы конституционного строя и права граждан на самостоятельное решение вопросов местного значения. Для организации и функционирования местного самоуправления в российском государстве требуется социально-экономическая основа, однако фактически она отсутствует. Самостоятельность местного самоуправления, декларируемая в ст.12 Основного закона, нейтрализуется другими нормами Конституции, а также принятыми в целях ее исполнения нормативными правовыми актами, что противоречит сущности местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, конституционная ценность, нейтрализация норм, Конституция, публичная власть, государственная власть.

NEUTRALIZATION OF THE NORMS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON LOCAL SELF-GOVERNMENT

Annotation: local self-government is recognized and guaranteed in Russia, which is enshrined in the Constitution of the Russian Federation as a form of democracy, the basis of the constitutional system and the right of citizens to independently resolve issues of local importance. For the organization and functioning of local self-government in the Russian state, a socio-economic basis is required, but in fact it is absent. The independence of local self-government, declared in Article 12 of the Basic Law, is neutralized by other norms of the Constitution, as well as normative legal acts adopted for the purpose of its implementation, which contradicts the essence of local self-government.

Key words: local self-government, constitutional value, neutralization of norms, Constitution, public authority, state power.

В научной литературе отмечается, что нормы Конституции РФ носят формальный характер. Это объясняется юридической техникой изложения конституционных норм. В действующей Конституции РФ имеются явные формально-юридические дефекты: противоречия между отдельными ее нормами, неопределенность ряда положений и даже фиктивность некоторых положений [1, с. 12].

В связи с этим появилось такое понятие как нейтрализация норм Конституции, означающее использование в нормотворческой деятельности уполномоченными субъектами таких средств и приёмов, с помощью которых возможно вложить в закон тот смысл, который выгоден этим субъектам, вне зависимости от его противоречия нормам Конституции.

На общий характер норм глав 1 и 2 Конституции РФ обращает внимание С.А.Денисов [2, с. 117]. Он отмечает, что нормы остальных глав Основного закона по сути нейтрализуют действие конституционных положений первых

двух глав. Представляется, что эта особенность характерна не только для российской Конституции.

На примере российских конституционных норм, регламентирующих местное самоуправление, рассмотрим процесс их нейтрализации.

Итак, местное самоуправление представляет собой важнейшую конституционную ценность [3]. Наличие развитого местного самоуправления – показатель демократического правового государства, каким является Российская Федерация (ст. 1 Конституции РФ).

В 1993 году при принятии Основного закона местное самоуправление в современном его понимании было впервые закреплено де-юре на таком высоком уровне.

Местное самоуправление выступает в трех ипостасях. Во-первых, это одна из основ конституционного строя. Местному самоуправлению посвящена ст. 12 главы 1 Конституции РФ, которая не может быть пересмотрена Федеральным Собранием. Местное самоуправление нельзя отменить, запретить, отказаться от него на части территории Российской Федерации. Оно введено сверху и на всей территории российского государства должны быть созданы условия для его осуществления.

Во-вторых, ст. 3 Конституции РФ закрепила местное самоуправление как одну из форм народовластия, посредством участия в которой население муниципальных образований реализует принадлежащую ему публичную власть. Местное самоуправление - максимально приближенная к населению власть, призванная решать вопросы местного значения наиболее эффективно и оперативно.

В-третьих, местное самоуправление – это право граждан на самостоятельное решение вопросов, связанных с обеспечением их жизнедеятельности. Более того, это не только право, но и юридическая обязанность.

В качестве основы конституционного строя местное самоуправление закреплено в ст. 12 Конституции РФ, в которой отражен важнейший принцип – принцип самостоятельности местного самоуправления в пределах собственных полномочий и обособленность органов местного самоуправления от органов государственной власти.

Однако конституционные положения ст. 12 можно считать декларативными, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 132 органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти наряду с органами государственной власти.

Согласно п. «г» ст. 71 Конституции РФ организация публичной власти; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности; формирование федеральных органов государственной власти находятся в ведении Российской Федерации. Поскольку местное самоуправление стало рассматриваться как низовой уровень публичной власти, то его самостоятельность при формировании своих органов нивелируется.

Более того, органы государственной власти получили юридическую возможность непосредственно участвовать в формировании органов местного самоуправления, что предусмотрено в ч. 1.1 ст. 131 Конституции РФ. Это также ставит органы местного самоуправления в зависимое положение от органов государственной власти, поскольку игнорируется конституционный запрет на включение органов местного самоуправления в систему государственной власти.

Еще одним примером коллизии норм Основного закона может служить п. «т» ст. 71, согласно которому в ведении Российской Федерации находится установление ограничений для замещения муниципальных должностей, должностей муниципальной службы, в том числе ограничений, связанных с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или

иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства, а также ограничений, связанных с открытием и наличием счетов (вкладов), хранением наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Следовательно, федеральный центр регулирует вопросы допуска к муниципальной службе.

Процессы, связанные со встраиванием органов местного самоуправления в единую вертикаль власти и возложением на него государственных функций, имели место и до поправок в Конституцию РФ 2020 года, однако последние усилили контроль государства за местным самоуправлением.

Противоречия между нормами Конституции РФ позволяют законодателю посредством правового регулирования встраивать местное самоуправление в систему органов государства, что, однако, противоречит сущности местного самоуправления. Население как основной субъект местного самоуправления лишается права голоса при принятии решений, касающихся его же жизнедеятельности [4, с. 115].

Противоречивость конституционных норм, нейтрализация общих норм конкретными приводит к тому, что Основной закон теряет свое принципиальное назначение. Провозглашенные Конституцией РФ конституционные ценности, к которым можно отнести и такой демократический институт как местное самоуправление, должны быть незыблемы и получать свое развитие в законодательстве, а затем претворяться в жизнь. Пока же наоборот поправки в Конституцию РФ узаконили фактическое положение дел.

В свое время В. И. Васильев писал: «...местное самоуправление в последнее десятилетие, будучи утвержденным в качестве одной из основ конституционного строя, оказалось на обочине государственных забот. Несмотря на многочисленные программы государственной поддержки

местного самоуправления, муниципалитеты, во всяком случае значительная их часть, хирели. Конституционные принципы самостоятельности местного самоуправления привели на деле не только к отделению местного самоуправления от государства, но, к сожалению, и к отделению государства от самоуправления» [5, с. 6].

Представляется, что государство должно сохранить самостоятельное местное самоуправление, а нейтрализация конституционных норм права, содержащихся в главах 1 и 2 Конституции РФ, не позволит достичь данного результата.

Список литературы:

1. Аничкин Е.С. Формальная Конституция и конституционная практика в России: варианты взаимодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 10-15.
2. Денисов С.А. Правовой механизм нейтрализации норм глав 1 и 2 Конституции РФ // Уральский Форум конституционалистов. Материалы Шестого Уральского Форума конституционалистов. Отв. редактор М.С. Саликов. – Екатеринбург, 2021. С. 116-124.
3. Аничкин Е.С., Казанцева О.Л. Местное самоуправление как конституционная ценность в решениях Конституционного Суда РФ // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4 (4). С. 19-24.
4. Казанцева О. Л. Местное самоуправление в России: де-юре и де-факто / О. Л. Казанцева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 103-121.
5. Васильев В. И. Государственная власть и местное самоуправление: продолжение спора // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации: сборник научных трудов. М., 2004.

УДК 342.59

Коротаева Анна Вячеславовна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Институт частного права

Россия, Москва

Annakorotaeva1234@mail.ru

Korotaeva Anna

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

Institute of Private Law

Russia, Moscow

К ВОПРОСУ О КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРОЙ РФ

Аннотация: в данной статье исследуется вопрос порядка организации координационной деятельности органов прокуратуры РФ с иными правоохранительными органами РФ. Определяется проблема отсутствия четкого законодательного регулирования соответствующего порядка организации, а также инструментов оценки эффективности действия исследуемой деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, координация деятельности, правоохранительные органы, оценка эффективности, прокурорский надзор.

ON THE ISSUE OF COORDINATION OF THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES BY THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: this article examines the issue of the organization of coordination activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation with other law enforcement agencies of the Russian Federation. The problem of the lack of clear

legislative regulation of the relevant organization procedure, as well as tools for evaluating the effectiveness of the activity under study, is determined.

Key words: prosecutor's office, coordination of activities, law enforcement agencies, efficiency assessment, prosecutor's supervision.

На сегодняшний день одним из ключевых государственных органов является Прокуратура РФ, главенствующая роль и особый правовой статус которой не вызывают сомнений. Основа организации и направления деятельности органов прокуратуры определяются на конституционном уровне, в частности, ст. 129 Конституции РФ, принятой в ходе всенародного голосования 12 декабря 1993 года [1]. Содержание вышеупомянутой статьи гласит, что «Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющая надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции».

Направления деятельности органов прокуратуры РФ весьма многообразны: осуществление надзора за исполнением действующего законодательства РФ, участие в отечественном судебном процессе, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, международное сотрудничество. В данной работе хотелось бы остановиться на исследовании содержания одного из них – порядка взаимодействия Прокуратуры РФ с другими правоохранительными органами, как надзорными, так и не поднадзорными ей. Глобальная цель ведения подобной координации – повышение эффективности борьбы с преступностью, в частности, с ее содержанием [2, с. 7-8]. На практике координационная деятельность органов прокуратуры и других правоохранительных органов находит выражение в разработке и реализации согласованных мер по

оперативному выявлению, пресечению, раскрытию и предупреждению преступлений. В настоящее время вопрос содержания и оценки эффективности ведения соответствующих координационных действий органами прокуратуры является открытым.

За последние годы эмпирических исследований можно сделать вывод, что в России наблюдается устойчивое снижение общего процента преступности: официальные статистические источники указывают на то, что за первое полугодие 2024 года наблюдается снижение количества зарегистрированных преступлений на 2,6%. Вместе с тем, по отдельным критериям совершенных деяний наблюдается рост – так, на 16,5% увеличилось число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [3]. Общая характеристика исследуемых показателей свидетельствует о том, что к настоящему моменту в России все еще имеет место сложная криминогенная обстановка, которая рождает тезис о необходимости объединения усилий охранных структур, координационная деятельность которых должна быть наполнена качественно новым содержанием, распределением сил и инструментами разработки и осуществления согласованных решений. Иными словами, координационная деятельность правоохранительных органов должна носить властно-распорядительный характер [4, с. 105].

Актуальная модель построения системы правоохранительных органов в России позволяет подразделить их на несколько групп, в рамках настоящего исследования – на правоохранительные органы, поднадзорные Прокуратуре РФ и не поднадзорные ей. В первую группу традиционно входят такие субъекты, как органы внутренних дел, Федеральная служба безопасности, войска национальной гвардии и др. Во вторую – судебная система РФ, Совет безопасности РФ, Счетная палата РФ и др.

На сегодняшний день продолжает действовать Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденное Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 года № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [5]. В ст. 1 упомянутого юридического документа провозглашается цель координационной деятельности правоохранительных органов – «повышение эффективности работы правоохранительных органов». Вместе с тем, на сегодняшний день по-прежнему отсутствует система критериев, позволяющая объективно оценить работу правоохранительных органов как по отдельности, так и в координации.

Анализ современной научной литературы также не может дать однозначного ответа на вопрос оценки эффективности координационной деятельности органов прокуратуры с другими правоохранительными органами ввиду необходимости закрепления соответствующих базовых правил на законодательном уровне. Таким образом, к настоящему моменту актуализируется потребность в оценке работы отечественной правоохранительной системы, однако отсутствует инструмент, с помощью которого может быть достигнута поставленная цель, что рождает определенную проблему как в теории и законодательстве, так и в правоприменительной практике. В актуальной научной литературе не раз подчеркивалось, что сегодня система координации Прокуратурой РФ иных правоохранительных органов носит исключительно организационно-рекомендательный характер, что нередко приводит к «установлению барьера» в работе сотрудниками правоохранительных дел и ведение последними обособленного и частичного характера работы [6, с. 35].

Порядок взаимодействия органов прокуратуры РФ с другими государственными органами, не поднадзорными ей, имеет свою специфику. В частности, данные органы в любой из складывающихся ситуаций продолжают

действовать независимо без согласования планируемых к совершению действий с иными органами, включая Прокуратуру РФ. Наряду с этим, по-прежнему очевидным остается тот факт, что взаимодействие данных органов с иными правоохранительными органами из соответствующей системы РФ значительно повышают эффективность борьбы с преступностью, снижают уровень криминогенной обстановки, а также способствуют предупреждению совершения преступлений. Однако, как и в предыдущем случае, порядок взаимодействия исследуемых органов урегулирован лишь на уровне подзаконных актов, а иногда и вовсе логически вытекает из полномочий, особенностей или принципов организации деятельности государственного аппарата. И если в случае с правоохранительными органами, поднадзорными Прокуратуре РФ, существует единый документ, устанавливающий правила и порядок их взаимодействия, в случае, исследуемом выше, совместная работа зиждется на сопоставлении отдельных выдержек из подзаконных актов и не имеет единого и кодифицированного формата.

Таким образом, в ходе настоящего исследования нами был выделен ряд проблем законодательного характера, выражающийся в отсутствии должного правового регулирования координации Прокуратурой РФ деятельности правоохранительных органов, как поднадзорных, так и не поднадзорных ей. Предлагается обратить внимание законодательства на объективную необходимость установления критериев оценки эффективности координационной работы органов прокуратуры РФ, которая позволит определить соответствующие преимущества и недостатки в системе, а также урегулирования должным образом порядка ведения совместной деятельности Прокуратуры РФ и органов, не поднадзорных ей. В свою очередь, решение выявленных проблем позволит контролировать координационные процессы в системе правоохранительных органов, а также повысить эффективность их работы в борьбе с преступностью.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации Главная страница ▪ Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 24.06.2024.

2. Коршунова О.Н. Координация прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: учебное пособие / О.Н. Коршунова, Е.Л. Никитин, Д.А. Луньков и др. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 176 с.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-май 2024 года // [Интернет-ресурс] URL: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - май 2024 года (xn--b1aew.xn--p1ai) (Дата обращения: 28.06.2024).

4. Бишлер А.О. Проблема взаимодействия прокуратуры с правоохранительными органами и координации их деятельности по борьбе с преступностью // Форум молодых ученых. 2019. № 10. С. 103-108.

5. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 года № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (ред. от 14.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996 г. № 17. Ст. 1958.

6. Исаева А.М. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Закон и право. 2020. № 8. С. 34-36.

УДК 342.61

Котовой Алексей Сергеевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт прокуратуры

Россия, Москва

kotovoi@bk.ru

Kotovoy Aleksey

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Prosecution

Russia, Moscow

ПРЕЗИДЕНТ РФ И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА

Аннотация: в данной работе рассматриваются особенности взаимодействия Президента РФ и судебной власти после конституционной реформы 2020 года. Целью статьи является освещения проблемных аспектов действующего регулирования в этой сфере. Результатом работы стало определение необходимости пересмотреть данное взаимодействие дабы предотвратить нарушение баланса властей.

Ключевые слова: Президент, Конституция, судебная власть, глава государства, конституционный контроль.

THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE JUDICIARY AFTER THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM

Annotation: this paper examines the specific interaction between the President of the Russian Federation and the judiciary following the constitutional reform in 2020. The aim of this article is to identify problematic aspects of the current regulatory

framework in this area, and the result of this work is the determination that it is necessary to review this relationship in order to avoid a possible imbalance of power.

Key words: President, Constitution, judiciary, Head of State, constitutional control.

Глава государства, как отмечал академик О.Е. Кутафин, представляет собой институт, способствующий государственному единству и преемственности, выступающий примирителем в повседневной деятельности государственных органов [9, с. 4-6]. В Российской Федерации данный институт представлен институтом президента, являющимся гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, охраняющим суверенитет Российской Федерации, ее независимость и государственную целостность, поддерживающим гражданский мир и согласие в стране, обеспечивающим согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти [7]. В Российской Федерации этот институт является сравнительно новым и в то же время исторически преемственным, играющим значимую роль в управлении делами государства. В 2020 году были приняты поправки к Конституции РФ [4]. Данные нововведения в значительной части затронули политико-правовой статус Президента РФ в системе разделения власти. Особенно важно рассмотреть трансформацию взаимоотношений главы государства с судебной ветвью власти, поскольку суд выступает гарантом сложившегося равновесия властей, призванным направлять государственную структуру в конституционное русло [3, с. 317]. Как справедливо отмечает профессор С.В. Нарутто, полномочия главы государства в сфере судебной власти свидетельствуют о степени ее независимости и реальной самостоятельности, о возможности действительно влиять на другие ветви власти [3, с. 317].

В первую очередь, поправки затронули полномочия Президента в области формирования судейского корпуса. В соответствии новой редакцией

Конституции РФ Президент представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Конституционного Суда РФ, заместителя Председателя Конституционного Суда РФ и судей Конституционного Суда РФ, Председателя Верховного Суда РФ, заместителей Председателя Верховного Суда РФ и судей Верховного Суда РФ; назначает председателей, заместителей председателей и судей других федеральных судов (п. «е» ст. 83). Ранее председатели и заместители назначались из числа судей соответствующего органа. К тому же кандидатуры на посты заместителей председателя, судей Верховного суда РФ, председателей, заместителей, судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов представляются Председателем Верховного суда РФ главе государства (ст. 6, 6.1 Закона РФ «О статусе судей в РФ» [5]). Такие изменения усилили участие Президента в процессе формирования персонального состава руководителей судов, что не способствует укреплению самостоятельности и независимости судебной власти. Т.Г. Морщакова отмечает, что «Такое господство судебной бюрократии выгодно политическому руководству, тем более что установлена прямая зависимость председателей и заместителей председателей всех судов, начиная с районного, от президентской власти» [8, с. 10]. С этим суждение сложно не согласиться. К тому же Президент РФ является политической фигурой, тем самым такое активное участие главы государства неизбежно ведет к политизированности судебной власти, что недопустимо в условиях правового государства.

Отдельно стоит обратить внимание на изменения в процедуре назначения руководства Конституционного суда РФ. До 2009 г. Председатель Конституционного Суда РФ, его заместители избирались на три года судьями Конституционного Суда из их состава, последовательно и в закрытом пленарном заседании [3, с. 320]. Нынешний порядок назначения был введен для уравнивания процедуры назначения председателей всех высших судов [3, с. 320].

Однако такой порядок, как отмечалось выше, излишне политизирован. Г.А. Гаджиев справедливо отмечал, что данная процедура «противоречит принципу самостоятельности судебной власти», свидетельствует о «непонимании конституционного судопроизводства» и является косвенной попыткой «давления на суд», поскольку Председатель Конституционного Суда РФ не является «начальником» для судей, а выполняет «деликатные дирижерские функции» [6, с. 67].

В дополнение к вышесказанному стоит упомянуть и новое полномочие Президента на возбуждение «предварительного конституционного контроля». Глава государства вправе обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности федерального конституционного закона, федерального закона до его подписания в предусмотренных Конституцией РФ случаях (ч. 3 ст. 107, ч. 2 ст. 108). Такой вид конституционного контроля распространен в государствах европейской модели конституционного правосудия [1, с. 315]. Однако с учетом описанной выше модели назначения судей Конституционного суда РФ данный институт может быть использован как рычаг давления на законодательную ветвь власти.

Таким образом, можно сделать вывод, что после реформы 2020 года Президент РФ стал более активно участвовать в формировании судебного корпуса. С целью сохранения независимости судебной власти и обеспечения справедливости при рассмотрении дел, необходимым видится внести изменения, которые бы ограничили президентские полномочия в этой сфере. Допустимым рассматривается установление процедуры формирования судебного корпуса на основе прозрачных и объективных критериев, разработанных совместно с представителями судебного сообщества, адвокатами и общественными организациями. Закрытость процедуры назначения судей, минимальное участие судебного корпуса давно отмечается в научной литературе [2, с. 155]. Введение подобных изменений позволило бы

укрепить независимость судебной власти, обеспечить более справедливое рассмотрение дел и повысить доверие общества к судебной системе. Это также поможет предотвратить возможные случаи политического влияния на судебные решения и обеспечить соблюдение принципов верховенства права в стране.

Список литературы:

1. Баглай М.В. Конституционное право зарубежных стран : учебник / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. — 864 с.

2. Волков В.В. Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы / В.В. Волков, А.В. Дмитриева // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / Европейский университет в Санкт-Петербурге. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2012. – С. 128-155.

3. Глава государства : монография / А.М. Будаев, С.С. Заикин, С.В. Кабышев и др. ; отв. ред. А.М. Осавелюк. — Москва : Проспект, 2021. — 400 с.

4. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

5. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Кашепов В.П. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы - Москва :Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 240 с.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

8. Краснов М.А., Мишина Е.А. Открытые глаза Российской Феиды / под. Общ. Ред. Морщаковой Т.Г. - М.: фонд «либеральная миссия», 2007. - 140 с.
9. Кутафин О.Е. Глава государства. — М.: Проспект, 2015. — 560 с.

Мусальникова Валерия Дмитриевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

musalnikovavaleriya@gmail.com

Musalnikova Valeriya

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: в статье обоснована важность института особого мнения судьи с учетом выполняемых им функций, указан кризисный аспект данного института в виде ограничения прав судьи внутри института, проанализирована эволюция статьи об особом мнении судьи в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ». Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства в данной сфере, выдвинуто предложение о применении особого мнения по аналогии с судебным прецедентом.

Ключевые слова: институт особого мнения судьи, конституционное судопроизводство, Конституционный Суд РФ, независимость судьи, статус судьи.

REFORMING THE INSTITUTION OF A JUDGE'S DISSENTING OPINION IN RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDINGS

Annotation: the article substantiates the importance of the institution of a judge's dissenting opinion, taking into account the functions performed by him, indicates the

crisis aspect of this institution in the form of restrictions on the rights of a judge within the institute, analyzes the evolution of the article on a judge's dissenting opinion in the Federal Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation". It is concluded that there is a need to improve legislation in this area, and a proposal has been put forward to apply a special opinion by analogy with a judicial precedent.

Key words: institute of a judge's dissenting opinion, constitutional court proceedings, Constitutional Court of the Russian Federation, independence of a judge, status of a judge.

Российское право насчитывает огромное множество институтов, служащих для организации и поддержания общественного порядка и стабильности, защиты прав и законных интересов граждан, обеспечения справедливости. Одним из правовых институтов в области правосудия, в том числе одной из гарантий судебной независимости, является институт особого мнения судьи.

Сам термин «особое мнение» обозначает мнение члена коллегиального органа, не согласного полностью или частично с решением, принятым большинством данного органа [1]. Здесь следует подчеркнуть, что единая дефиниция данного термина не приведена в законодательстве. Сегодня данный институт действует во всех видах судопроизводства, где, соответственно, применяются коллегиальные решения (ст. 310 УПК РФ, ст. 15 ГПК РФ, ст. 20 АПК РФ, ст. 30 КАС РФ). История рассматриваемого института продолжается более столетия. Впервые имели право на выражение особого мнения народные заседатели СССР, изначально появившиеся по ст. 3 Декрета №2 «О суде» [2] от 7.03.1918 года. Право председательствующего или народного заседателя излагать особое мнение судьи в совещательной комнате в письменном виде было зафиксировано в ст. 307 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [3] от

27.10.1960 года. Также говорится, что особое мнение при провозглашении приговора не объявляется, но приобщается к делу.

Институт особого мнения судьи наиболее рельефно проявился в конституционном судопроизводстве и отличается в своей реализации от других видов судопроизводства в силу того, что конституционная юстиция призвана «самостоятельно задавать стандарт правовых решений» [4, с. 32]. Он появился здесь сравнительно недавно – в 1991 году с учреждением Конституционного Суда РСФСР [5]. Однако о фактическом появлении данного института можно говорить немного ранее, в связи с появлением Комитета конституционного надзора СССР – ст. 24 Временного Регламента ККН СССР от 18.05.1990 года. В статье говорилось, что «лицо, избранное в состав Комитета, имеющее особое мнение, может изложить его в письменной форме. В этом случае оно включается самостоятельной частью в заключение Комитета» [6].

К сожалению, в законодательстве не содержится подробного механизма реализации права судьи на особое мнение, что вызывает значительные трудности при применении данных норм. Возможность судьи высказать точку зрения, отличающуюся от той, которая легла в основу судебного решения, является элементом демократического и правового государства. Как было справедливо отмечено О.А. Кожевниковым, «Особые мнения судей вызывали не только возможность общественной дискуссии, но и давали «старт» формированию плодотворных научных дискуссий и выдвижению целого ряда предложений по совершенствованию действующего российского законодательства» [4, с. 32]. Особое мнение всегда воспринималось как средство обеспечения невмешательства и невозможности давления на правовую позицию судьи, то есть как гарантия его независимости. Тем не менее, ст. 13 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [7] не упоминает в ряде гарантий особое мнение судьи. Важно подчеркнуть, что данное положение

строго не регламентируется и ст. 9 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» [8], которая не предусматривает особое мнение в перечне гарантий независимости судьи.

Достаточно отметить, что за весь период существования такой возможности было высказано более 350 особых мнений судей в период с 1992 по 2017 гг. Как показывают данные проведенного нами анализа, наименьшее количество мнений (а именно – 1) было высказано в 2008 г., а наибольшее (33) – в 2012 г. По анализу опубликованных особых мнений можно заметить, что чаще всего свое несогласие с Постановлениями КС РФ высказывали такие известные ученые и выдающиеся личности, как Аметисов Э.М., Арановский К.В. Витрук Н.В., Гаджиев Г.А., Кононов А.Л., Эбзеев Б.С., Ярославцев В.Г.

Предметная область, по которой судьи КС РФ, высказывались отдельно от большинства, довольно обширна. Значительное количество особых мнений было высказано по поводу полномочий Президента РФ в 1993, 1995, 1997, 1998 годах. Также немалое количество несогласий было высказано относительно полномочий (и в отдельных случаях – статуса) субъектов РФ в 1993, 1996, 1997, 1998, 2001, 2002, 2005 годах. Обсуждение в области уголовного процесса развернулось в 1997, 1999, 2000, 2012, 2015 годах. В 2003 г. высказаны мнения судей по поводу уголовной ответственности, а в 2005, 2012, 2013 - по поводу административной. В 1992 г. не один судья высказал особое мнение насчет приостановления деятельности КПСС и КПРФ, в 1995 г. – насчет законодательного процесса, в 1998 г. – оперативно-розыскной деятельности. В 2003 и 2005 годах не одним судьей было уделено внимание решениям в области выборов и свободы слова, 2010 г. – арбитражному процессу. В 2011 и 2012 годах собственные позиции были выражены насчет непосредственно затрагивающей самих судей предметной области – статуса судей и особых мнений судей, соответственно.

Теперь проследим изменения данной нормы, которые были закреплены в действующем ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации». В первоначальной редакции ст. 76, которая регламентирует данный правовой институт, говорилось, что «особое мнение судьи приобщается к материалам дела и подлежит опубликованию вместе с решением Конституционного Суда Российской Федерации». После внесения изменений в 2001г. [9] было установлено, что особое мнение подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации». Данное изменение положительно повлияло на обеспечения принципа гласности правосудия, посредством которого осуществляется общественный контроль за судебной властью, а также информирование общества о деятельности судов.

Следующие немаловажные изменения были внесены в 2020г. [10]. Во-первых, в связи с прекращением выпуска «Вестника Конституционного Суда Российской Федерации» [11] положения, с ним связанные, были отменены. Во-вторых, особое мнение не подлежит публикации, а только приобщается к протоколу заседания Конституционного Суда Российской Федерации и хранится вместе с ним. В-третьих, самое серьезное изменение заключается в том, что судья Конституционного Суда Российской Федерации хотя и имеет право на письменное изложение своего мнения, но отныне не вправе обнародовать его или публично на него ссылаться. Именно последнее обстоятельство вызвало огромное множество дискуссий [12, 13], безусловно, небеспочвенных. Исключенная возможность в чистом виде гарантировала независимость точки зрения судьи, а возможность опубликования и использования в практике – соответствующий статус судьи в демократическом и правовом государстве.

С нашей точки зрения, институт особого мнения выполняет настолько важные функции, что минимизацию полномочий судьи в его рамках мы находим малообоснованной. Главный научный сотрудник Института

государства и права Российской академии наук (г. Москва), член-корреспондент Российской академии наук (г. Москва), член-корреспондент Российской академии наук М. И. Клеандров, являющийся судьей КС РФ в отставке, предложил несколько функций института особого мнения судьи: такие как функция «выпуска пара», морально-нравственная функция; функция развития юридической науки, совершенствование законодательства и правоприменительной, прежде всего судебной, практики; функция расширения объема содержательной информации по делу, функция определения правильности вынесенного судебного акта. Каждая функция подразумевает под собой крайне важную часть деятельности института. М.И. Клеандров убежден, что именно формальное определение данных функций должно стать «методологической основой в совершенствовании соответствующих законодательства и судебной практики» [14]. Мы согласны с позицией М.И. Клеандрова, так как считаем, что развитие данного института положительно и существенно повлияет на преобразование в сфере судопроизводства.

Так, по нашему мнению, с поправками 2020 года – изменением правовой регламентации права судьи на высказывание своей позиции – произошла трансформация статуса судьи с определенной долей умаления гарантий его независимости, а также возросла необходимость совершенствования института особого мнения судьи в механизме отечественного правосудия в силу выполнения важных функций. Конечно, нельзя сказать, что до внесения изменений от 9.11.2020 г. в ст. 76 ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» данный институт действовал безупречно, однако он более эффективно и стабильно обеспечивал независимость судьи в высказывании собственной позиции.

В связи с последним правильным было бы прислушаться к мнению М.И. Клеандрова о разработке и принятии специального федерального закона «Об особом мнении судьи в судопроизводстве Российской Федерации» и

предусмотреть обязательность обучения судей по составлению и оформлению особого мнения судьи. Со своей стороны, можем добавить, что, исходя из функции совершенствования законодательства, необходимо на нормативной правовой основе (возможно, в вышеуказанном ФЗ) рассмотреть вопрос об использовании обнародованного особого мнения судьи в качестве источника права по различным делам; внедрить практику, схожую с практикой судебного прецедента – то есть возможность публично ссылаться на особое мнение в схожих категориях дел.

Список литературы:

1. Болдырева Н. Н. Особое мнение судьи в гражданском процессе // Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2.
2. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. О суде. (Декрет. № 2) // Декреты Советской власти. Т. I. М., Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 466 – 474.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1960 года. № 40. С. 591.
4. Кожевников О. А. Оценка конституционно-правовых изменений статуса Конституционного суда РФ в 2020 г. // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД. Омск, 2021. С. 32.

5. Закон РСФСР «О Конституционном суде» от 12.07.1991 // Официальный интернет–портал правовой информации (дата обращения: 22.07.2024).

6. Временный Регламент Комитета конституционного надзора СССР от 18.05.1990 // Акты Комитета конституционного надзора СССР 1990–1991 годы. Архив перестройки и реформ, дело № 10, текущая версия: 11 августа 2021 года.

7. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 22.07.2024).

8. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 N 3132-1 (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 22.07.2024)

9. Федеральный конституционный закон от 15.12.2001 N 4-ФКЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 22.07.2024).

10. Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 N 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 22.07.2024)

11. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации // Издательство Закрытое акционерное общество "Издательство "СПАРК". 1993.

12. Кряжкова О. Н. Три причины отменить запрет на публикацию особого мнения судьи конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный вестник. 2021. №6 (24). С. 128–139.

13. Коробка Е. Поправки в Закон о Конституционном Суде дополнили запретом публикации особых мнений судей // Адвокатская газета. 2020.

14. Клеандров М. И. Институт особого мнения судьи: каковы его значение и основные функции? // Российское правосудие. 2021. № 9. С. 17–23.

УДК 342.72

Насонова Полина Сергеевна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

nasonova.polina2004@gmail.com

Nasonova Polina

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация: в статье определяется сущность прав и свобод человека и гражданина в конституционно-правовом смысле, обозначается их значение для формирования правовой демократии в Российской Федерации. Анализируется феномен конституционных ценностей, которые нашли свое отражение в поправках в Конституцию РФ 2020 года и их значение в системе обеспечения национальной безопасности и защиты прав и свобод человека и гражданина. Рассмотрены такие институты конституционного права как принцип пропорциональности ограничения прав и свобод человека и гражданина, принцип разделения властей.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционные ценности, права и свободы человека и гражданина, традиционные российские духовно-нравственные ценности, конституционализм, конституционное строительство, Конституционный суд РФ.

THE IMPORTANCE OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZENS

Annotation: the article defines the essence of human and civil rights and freedoms in the constitutional and legal sense, and outlines their significance for the formation of legal democracy and culture in the Russian Federation. The phenomenon of constitutional values, which are reflected in the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020, and their significance in the system of ensuring national security and protecting the rights and freedoms of man and citizen are analyzed. The following institutions of constitutional law are considered: the principle of proportionality of restrictions on the rights and freedoms of man and citizen, the principle of separation of powers.

Key words: Constitution of the Russian Federation, institutional values, rights and freedoms of man and citizen, traditional Russian spiritual and moral values, constitutionalism, constitutional construction, Constitutional Court of the Russian Federation.

Конституционное строительство РФ и его значение для развития принципов конституционализма, реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина не подлежит умалению. Более того, требует постоянной гиперболизации в академическом, научном и житейском пространстве для формирования правовой культуры и ответственного отношения у настоящих и будущих поколений за судьбу Отечества, укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, нашедших свое отражение в Конституции РФ.

Необходимо определить сущность прав и свобод человека и гражданина в конституционно-правовом смысле. Представители школы естественного права определяют права человека как нечто, дарованное ему природой или по воле

Бога, при этом, они имеются у человека в силу естественного состояния и не зависят от воли государства, а также от содержательного наполнения законов [1, с. 195-284]. Школа позитивного права отстаивает идею невозможности реализации прав человека без их нормативного закрепления, так как без их регламентации они представляют собой идеологию, которая не имеет общеобязательного характера и иных характеристик, которые свойственны нормам права. Как отмечает Джон Бентам, право-это дитя закона, ведь только настоящие законы порождают настоящие права, а вымышленные законы порождают вымышленные права [2, с. 490-529].

В этой работе мы будем исходить из второго подхода к пониманию сущности права, так как права и свободы человека в России закреплены в Конституции Российской Федерации.

Как отмечают Андраш Шайо и Рената Уитц, права человека-это конституционно закрепленные неотъемлемые свободы (например, право на опубликование или вероисповедание), подкрепленные негативной гарантией в форме запрета на вмешательство со стороны государства, при этом исходное предназначение основных прав - ограничивать действия властей [3, с. 458-493]. Нормативное закрепление прав и свобод в Конституции РФ способствует защите частных и публичных интересов не только от государственного, но и от противоправного частного вмешательства. Другими словами, сущность прав и свобод человека заключается в достижении общего блага, что способствует постоянному развитию личности и общества, сдерживаю потенциальной автократии, снабженной государственным деспотизмом.

Высокое значение прав и свобод человека и гражданина в горизонте зарождения правовой демократии России обуславливает необходимость закрепления конституционных механизмов, направленных на их защиту и одним из таких механизмов является Конституция РФ.

Значение Конституции РФ для защиты прав и свобод человека раскрывается через ее функции. Традиционно принято выделять учредительную (установление фундаментальных устоев общества и государства), регулирующую (установление прав, свобод, обязанностей и др.), духовно-мировоззренческую (формирование устойчивой системы взглядов на мир) функции, также выделяется яркая направленность Конституции РФ на систематизацию законодательства [4, с. 64-70]. В рамках данной работы необходимо уйти от обоснования значения Конституции РФ через ее функции, и сделать акцент на свойствах учредительного документа, способствующие защите прав и свобод человека и гражданина.

При анализе содержательной стороны конституционного строительства существенную роль играют конституционные ценности, которые способствуют прямому и косвенному обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина, поскольку направлены на формирование политической и правовой культуры общества. Так, конституционные ценности представляют собой значимые для удовлетворения потребностей человека и общества явления и предметы реальной действительности, отраженные в конституционной материи. Поправки в Конституцию РФ 2020 способствовали включению следующих ценностей: тысячелетняя история, память предков, преемственность в развитии государства, патриотизм, гражданственность, традиционные семейные ценности, безопасность государства, личности, общества [5, с. 60-68]. Конституционные ценности имеют воспитательный и мировоззренческий характер, поэтому способствуют преодолению правового нигилизма в российском обществе, который выражается в пренебрежительном отношении к праву со стороны самих граждан.

Конституционные ценности после поправок в Конституцию 2020 года стали включать в себя традиционные российские духовно-нравственные ценности, которые позже были закреплены в Указе Президента РФ,

способствуя формированию конституционной идентичности [6]. Закрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей в Конституции РФ способствует борьбе с деструктивной идеологией и обеспечению национальной безопасности, которая трактуется в широком смысле и подразумевает под собой «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [7]. Таким образом, ценностная наполняемость Конституции РФ способствует защите прав и свобод человека и гражданина.

Одним из базовых постулатов конституционализма является рассмотрение Конституции как превентивного обязательства государства перед обществом. Наличие превентивных обязательств государства перед обществом в Конституции РФ заключается в том, что в ней устанавливаются строгие рамки пересмотра и внесения поправок, требования при ограничении прав и свобод человека и гражданина исходя из конституционно значимых целей, а также учреждается Конституционный суд РФ. Эти механизмы создают рамки для органов государственной власти, что не допускает разрастания репрессивного гнета автократии над личностью, способствует реализации и защите прав и свобод человека и гражданина. При отсутствии превентивных обязательств реализация прав и свобод человека и гражданина была бы невозможна, а их защита носила бы номинальный характер, свидетельствующий о наличии конституционных дисфункций, то есть ситуации, при которой декларативное конституционное положение не воплощается в реальной действительности. Конституция РФ закрепляет

превентивные обязательства, тем самым способствуя защите прав и свобод человека и гражданина.

Одним из проявлений превентивных обязательств является принцип пропорциональности ограничения права, нашедший свое отражение в Конституции РФ (часть 3 статья 55), а также в практике Конституционного Суда РФ. Согласно данному конституционному принципу, ограничение права может осуществляться исключительно в конституционно значимых целях и интересах (например, защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечение обороны и безопасности государства). При этом как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, ограничение права должно быть соразмерным, адекватным, справедливым и необходимым для защиты конституционно значимых ценностей [8]. Активно используется в отечественном конституционном праве тест на пропорциональность. Как отмечает А. А. Михайлов, тест на пропорциональность включает в себя ответы на следующие вопросы: было ли вмешательство предусмотрено внутригосударственным законом; является ли цель вмешательства легитимной; имеется ли иное, менее обременительное средство достижения конституционно значимых целей; является ли ограничение соразмерным в узком смысле [9, с. 56-69]; Ответы на эти вопросы позволяют дать юридическую оценку справедливости и адекватности ограничения прав и свобод человека и гражданина. Принцип пропорциональности ограничения права, закрепленный в Конституции РФ, способствует защите прав и свобод человека и гражданина, так как не позволяет органам государственной власти ограничивать права и свободы человека и гражданина без наличия на то легитимных оснований и злоупотреблять частными интересами. Другими словами, создаются благоприятные условия, при которых в полной мере могут реализовываться права и свободы человека и гражданина, при их сочетании с публичными интересами.

Доминирующее значение имеет принцип разделения властей, нашедший свое отражение в Конституции РФ (статья 10). Наличие данного принципа способствует защите прав и свобод, поскольку не позволяет государству разрастись в тиранию, направленную на подавление частных и публичных интересов. Как отмечал Монтескье, если законодательная, исполнительная и судебная власть будут представлены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как есть опасения, что будут создаваться тиранические законы, чтобы также тиранически их применять, а жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола [10, с. 62-67]. Конституция РФ, при установлении принципа разделения властей, создает гарантии того, что права и свободы населения не будут нарушены ввиду отсутствия баланса между ветвями власти, что позволяет защитить права и свободы человека и гражданина.

В рамках отечественной системы разделения властей особую роль играет судебная ветвь власти. Как следует из правовой позиции Конституционного Суда РФ, принцип правового государства предполагает построение такого правопорядка, который должен гарантировать каждому государственную защиту его прав и свобод; правосудие является таким гарантом, если обеспечивает справедливое разрешение дела и эффективное восстановление в правах [11]. Фундаментальное значение судебной власти, построение которой основано на нормах Конституции РФ, раскрывается в следующих формах защиты прав и свобод человека и гражданина: организационной, сдерживающей и непосредственной (связана с осуществлением судебной защиты права человека и гражданина).

Организационная форма защиты прав и свобод человека и гражданина подразумевает под собой наличие в Конституции РФ основных принципов, на основе которых судебная ветвь власти осуществляет свою деятельность, обеспечивая защиту прав и свобод человека и гражданина. Так, в Конституции РФ устанавливается принцип независимости (часть 1 статья 120),

несменяемости (часть 1 статья 121) и неприкосновенности судей (часть 1 статья 122), а также принцип состязательности и равноправия сторон в ходе судопроизводства (часть 3 статьи 123) и др. Данные конституционные принципы способствуют обеспечению беспристрастности суда при отправлении правосудия, снижают коррупционную составляющую, что создает благоприятные условия для защиты прав и свобод человека и гражданина.

Сдерживающая форма защиты прав и свобод человека и гражданина подразумевает под собой то, что судебная власть сдерживает законодательную и исполнительную власть. Судебный порядок рассмотрения деятельности публичной администрации и судебный нормоконтроль выступают как инструмент сдерживания политических амбиций, нередко сопровождаемых злоупотреблением правами и свободами человека и гражданина. Таким образом, установление Конституцией РФ основ судебной власти, видов судопроизводства способствует защите прав и свобод человека и гражданина от незаконных действий публичной администрации.

Значительную роль в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина играет Конституционный Суд РФ, основы деятельности которого закреплены в Основном законе (статья 125). Институт конституционного правосудия способствует гармоничному толкованию Конституции РФ, принятию законов, соответствующих Конституции РФ. Более того, Конституционный суд РФ в рамках конституционного судопроизводства защищает права и свободы человека и гражданина.

Таким образом, Конституция РФ способствует защите прав и свобод человека и гражданина, постоянно воздействуя на общественные отношения. В частности, Конституция РФ устанавливает и гарантирует основные права и свободы человека и гражданина (глава 2), способствуя развитию этих прав во всем национальном законодательстве; обеспечивает превентивные обязательства, защищая человека от посягательств со стороны государства

(принцип разделения властей, принцип пропорциональности ограничения права, сложность процедуры изменения Конституции РФ), тем самым создавая правовые и организационные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина. Особое значение играют ценности Конституции РФ, которые способствуют как прямому, так и косвенному обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:

1. Нерсесянц В. С. Право и закон. Из истории правовых учений: монография. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 195-284.
2. Bentham J. *Anarchical Fallacies. The Works of Jeremy Bentham Published Under the Superintendence of His Executor John Bowring. Vol. 2.* Edinburgh: William Tait, 1843. pp. 490-529.
3. Chaillot A., Witz R. *The Liberty Constitution: An Introduction to Legal Constitutionalism.* Oxford University Press Academic, 2017. pp. 458-493.
4. Конституционное право России: учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. — 2-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 64-70.
5. Саликов М. С., Гончаров М. В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного закона Российской Федерации // *European and Asian Law Review.* 2020. №1. С. 60-68.
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 21.07.2024 г.).
7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 21.07.2024 г.).

8. Постановление Конституционного суда от 30.06.2011 г. №14-П // СПС “Консультант Плюс”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116027/ (дата обращения: 21.07.2024 г.).

9. Михайлов А. А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения европейским судом по правам человека, конституционным судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России // Уголовная юстиция. 2016. №1 (7) .С. 56-69.

10. Монтескье Ш. О духе законов (пер. Василия Крамаренкова). — СПб: Лань, 2013. С. 62-67.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2002 г. №22-О // СПС “Консультант Плюс”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36439/ (дата обращения: 21.07.2024 г.).

УДК 342.41

Рысев Генрих Сергеевич
Саратовская государственная юридическая академия
Кафедра конституционного права
имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева
Россия, Саратов
rg552@vk.com
Rysev Henry
Saratov State Law Academy
Department of Constitutional Law named
Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev
Russia, Saratov

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются основные подходы к пониманию толкования понятий «экономическая система», «сущность экономической системы». Основное внимание в научном исследовании уделяется анализу происхождения понятия «экономическая система», а также подчеркивается важность систематизации структурных элементов экономической системы в Конституции Российской Федерации. Предлагается необходимым закрепить собственное толкование определения «экономическая система» в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: хозяйство, экономика, экономическая система, сущность экономической системы, субъекты экономической системы, экономические ресурсы, конституционно-правовые нормы и институты.

IMPROVING THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF THE «ECONOMIC SYSTEM» IN THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the article discusses the main approaches to understanding the interpretation of the concepts of "economic system", "essence of the economic system". The main attention in the scientific research is paid to the analysis of the origin of the concept of "economic system", and also emphasizes the importance of systematization of the structural elements of the economic system in the Constitution of the Russian Federation. It is suggested that it is necessary to consolidate one's own interpretation of the definition of "economic system" in the Constitution of the Russian Federation.

Key words: industry, economy, economic system, the essence of the economic system, subjects of the economic system, economic resources, constitutional and legal norms and institutions.

Понятие «экономическая система» имеет философское происхождение. Ксенофонт и Аристотель под «экономикой» понимали именно «хозяйство» позиции естественной деятельности людей. В. Уотли, Л. Мизес и Ф.А. Хайек позднее стали рассматривать с точки зрения на противоестественной программной установки, целью которой было производство потребительных стоимостей и реализации материального обогащения.

По мнению У.Ж. Алиева понятия «экономика» и «хозяйство» являются тождественными по смысловому содержанию и значению. Основоположник отечественной экономической мысли аргументирует это тем, что историю хозяйства стоит более грамотно периодизировать на экономические формации (натуральность, натуральная, естественная экономика) «хрематистическую, каталлактическую формацию» (рыночность, рыночная экономика) [1, с. 36]. Также, ученый, не разделяет толкование термина «экономика» как

«хрематистическо-каталлактическую экономику», т.е. «оденежно-финансовой экономики», потому что данный подход может привести мировому кризису.

Следует частично поддержать позицию Умара Джашуевича, поскольку хозяйство может существовать не только в различных вышеуказанных видовых вариациях, но и подразделяться на подвиды в зависимости от страны, региона и континента.

Ю.М. Осипов верно утверждал, что «хозяйство», «экономика» «экономическая система» идентичны по смыслу, потому что, в общей теории структуру экономической системы необходимо подразделять как по родовой, так и по видовой терминологической принадлежности. Постхрематистическая, посткаталлактическая или пострыночная формации, выступают в роли родовых понятий, по отношению к понятию «экономика», а такие термины как «хрематистика» («естественная экономика»), «каталлактика» («рыночная экономика»), «социномика» (социальная экономика) являются видовыми понятиями [2, с. 72].

Исходя из проанализированных научных подходов следует отметить, что большинство ученых сходится в том, что понятие «экономическая система» произошло от таких терминов как «экономика» и «хозяйство». Стоит разделить позиции Ю.М. Осипова и У.Ж. Алиева, поскольку без выяснения таких фундаментальных вопросов. Что из себя представляет «экономическая система как таковая? Каково ее строение, устройство, жизнедеятельность, типология, эволюция и логика развития? Без грамотного ответа на эти вопросы будет трудно раскрыть диалектику экономической системы любой эпохи, любого масштаба и характера, тем более эффективно регулировать процессы функционирования современных экономических систем, исходя из объективных экономических законов и их целевых функций.

В связи с этим логичным будет перейти к анализу зарождения толкования понятия экономическая система.

По мнению американского экономиста Бена Селигмена понятие «экономическая система» было впервые введено Максом Вебером. Стоит опровергнуть данную точку зрения, потому что ещё оперировали сходными выражениями такие известные ученые как: Дж. Б. Кларк, К. Маркс, О. Курно и др. Тогда все ранее отмеченные ученые XIX века под экономической системой государства понимали систему буржуазного производства, которая является структурным элементом экономических отношений.

В 50-80-х годах XX в. Н. Бехар, Ю.Я. Ольсевич, Т. Трендафилов пересмотрел толкование определения «экономическая система». Таким образом, экономисты предлагали классифицировать в зависимости от гносеологической основы и доминирующей целевой направленности на три группы: а) структурно-управленческая, согласно которой «экономическая система» определяется как взаимосвязь структурных элементов экономической деятельности, положенных в основу регулирования производственных процессов и определяющих хозяйственное поведение субъектов экономических отношений; б) телеологическая или (мотивационная), суть которой состоит в том, что экономическая система является средством для достижения определенных целей, и выполняет роль связующего звена между внешними условиями, которые определяют функционирование систем и их целевыми функциями; в) институционально-социологическая, основывается на динамическом развитии и консолидации институтов (домашнее хозяйство, фирма, государство, профсоюз и др.), направленных на достижения общей экономической цели [3, с. 14].

Экономисты советского периода при формулировании собственного определения «экономическая система» придерживаются марксистских традиций.

В.Н. Черковец характеризует экономическую систему как совокупность производственных отношений, основывающихся на определенной материально-технической базе, целью которых является достижение всеобщего экономического блага [4, с. 25]. Также, Виктор Никитич, отождествляет экономическую систему с такими понятиями как: «система производственных отношений», «экономический базис», и «экономический строй общества».

А.Н. Азрилиян считал, что экономическая система представляет собой, единство производительных сил с неуклонно развивающейся системой социалистических производственных отношений [5, с. 917].

Здесь стоит не согласиться с мнениями вышеприведенных ученых, поскольку экономическую систему необходимо рассматривать не только с позиции экономики, но и с точки зрения права, потому без созданного механизма правового регулирования будет невозможно регулировать экономические отношения в государстве, поэтому при формулировании понятия «экономическая система» важно отражать все признаки.

Подводя предварительные итоги, важно уточнить, что у всех рассмотренных групп определений отсутствует такой признак как нормативно-правовое регулирование экономических отношений, и делается акцент только сугубо экономической терминологии. Этот недостаток оказывает ощутимый барьер при реализации и защите прав и свобод субъектов экономической деятельности.

Исходя из этого, важно обратить внимание на современное толкование учеными термина «экономическая система».

Так, Л.М. Гатовский и Е.Г. Ясин верно усматривают, что экономическая система- это хозяйственный механизм, характеризующийся рациональным планированием [6, с. 16-18], использованием различных методов управления экономикой, с применением государственными органами экономических законов, порождающих правомерное экономическое поведение [7, с. 38].

В. А. Ржевский справедливо утверждает, что исключение из конституционного регулирования понятия экономической системы способствовало деградации конституционно-правового регулирования экономических отношений, и привело отсутствию необходимого уровня всесторонности и полноты реализации экономических основ конституционного строя [8, с. 111-112].

Владимир Алексеевич верно отмечает, что важно систематизировать выработанные в науке и законодателем подходы, поскольку в правовой доктрине достаточно давно сформировалось множество различных взглядов к определению данного понятия, поэтому представляется необходимым законодателю принять меры по решению данного вопроса.

Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева под экономической системой понимали совокупность взаимосвязанных экономических элементов, которые образуют определенную целостность, экономическую структуру общества, единство отношений, складывающихся по поводу производства, распределения, обмена и потребления экономических благ [9, с. 275].

По мнению Д.И. Долгова, экономическая система – это форма организации экономики, хозяйственный механизм, задача которого состоит в том, чтобы находить пути и методы эффективного использования производственных ресурсов [10, с. 367].

В.Д. Мазаев определял экономическую систему как действующая в стране совокупность принципов, правил, законодательно закрепленных норм, которые определяют форму и содержание основных экономических отношений, возникающих в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономического продукта [11, с. 154].

Профессор Н.М. Добрынин под экономической системой общества понимает совокупность экономических отношений, исторически

обусловленных характером собственности, существующей в обществе [12, с. 178].

Л.А. Слабунов считает, что «экономическая система Российской Федерации – это урегулированная нормами права система общественных отношений, возникающих между индивидом, обществом и государством по поводу установления и закрепления форм и видов собственности, режимов объектов собственности, принципов регулирования экономических отношений, принципов разграничения и распоряжения материальными благами, взаимосвязи экономических, социальных и политических процессов» [13, с. 26].

В.А. Григорьева экономическую систему трактует как структурированные общественные отношения, которые складываются в процессе хозяйственной деятельности, а также по поводу обладания материальными и нематериальными благами, направленные на удовлетворение потребностей общества и отдельных граждан и регулируемые правовыми нормами и иными правилами неформального характера» [14, с. 130].

Исходя из представленных позиций представляется необходимым поддержать точку зрения Л.А. Слабунова, поскольку Леонид Анатольевич при формулировании определения приводит признаки, которые характерны как для понимания с позиции экономики, так и с правовой конъюнктуры. В связи с этим, возникает необходимость в том, что нужно выработать такие парадигмы, способствующие всестороннему исследованию проблемы определения сущности понятия экономической системы. Формулируя авторский взгляд по данному вопросу следует выделить мнения В.А. Григорьевой, Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовской, Е.Б. Стародубцевой, потому что в них отсутствуют признаки, показывающие взаимосвязь между экономикой и правом. Таким образом, считается целесообразным рассматривать и исследовать понятие экономической системы государства как с правового, так и с экономического аспекта.

В связи с тем, что подходов к определению понятия экономической системы выработалось достаточно много, и в Конституции РФ отсутствует понятие «экономическая система», поэтому предлагается законодателю следующая формулировка этого определения: экономическая система – это совокупность экономических отношений урегулированные нормами материального и процессуального права, возникающие в результате взаимодействия субъектов экономической деятельности, по поводу реализации и защиты прав свобод при установлении и закреплении всех форм собственности, а также соблюдения принципов разграничения и распоряжения материальными и нематериальными благами.

После рассмотрения понятия экономической системы, логичным будет перейти к изучению сущности экономической системы.

Н.А. Алексеевой и Е.А. Гайнутдиновой в своих научных изысканиях определили, что сущность экономической системы состоит в том, что происходит постоянное взаимодействие объектов, субъектов, экономических структур и отношений общества, которые способствуют более эффективному функционированию единого воспроизводственного процесса, направленного на удовлетворение потребностей всех участников конституционно-правовых отношений.

В правовой доктрине предлагается рассматривать сущность экономической системы через структурные элементы. М.И. Левина в своих научных изысканиях установила, что следует выделить четыре основных структурных элемента:

- субъекты экономической системы;
- экономические отношения;
- экономические ресурсы (материальные и нематериальные);
- конституционно-правовые нормы и институты, которые имеют прямое отношение к правовому регулированию экономических отношений [15, с. 8-9].

Субъектами экономической системы являются: государство, муниципальные образования, граждане, физические лица, юридические лица, органы государственной и муниципальной власти.

Участие государства в экономической системе следует выделить с двух позиций. С одной стороны, государство активно вступает в конституционно-правовые или другие виды отношений, связанные с управлением государственной собственностью, и заключает гражданско-правовые сделки с другими участниками экономической деятельности. Благодаря весьма обширному публично-правовому регулированию, которые устанавливают пределы полномочий государства в гражданско-правовой сфере. Например, такие как: Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [16], Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [17], и другие нормы. С другой точки зрения, государства через созданные компетентные органы, которые имеют согласно действующего законодательства полномочия для регулирования конституционно-правовых отношений. С принятием Конституции РФ 1993 года начался процесс плавного перехода с командно-административной конституционной модели экономической системы на рыночную экономику. С помощью специально созданных органов и особых форм участия государства в экономической деятельности таких как: государственные корпорации, компании, унитарные предприятия выступает в роли регулятора экономических отношений.

Следующим элементом экономической системы следует отметить экономические ресурсы или блага. Экономические ресурсы являются одновременно целью и предметом экономической деятельности. Особую группу экономических объектов составляют наиболее значимые материальные блага. Согласно положениям, ст. 9 Конституции Российской Федерации [18], к

таким экономическим ресурсам в Конституции отнесены земля и природные богатства (недра, лесной фонд, водные ресурсы). С точки зрения конституционно-правовой оценки данные объекты обладают национальной значимостью для народа, который проживает на территории страны.

Третий элемент это - конституционно-правовые нормы и институты, имеющие прямое отношение к правовому регулированию экономической системы. Представляется, что данный составляющая сущности экономической системы является основополагающим, поскольку нормы конституционного права и смежные с ним отрасли устанавливают границы дозволенного поведения и способствуют разрешению конституционно-правовых споров. Стоит отдельно выделить экономические основы конституционного строя, так как они задают вектор развития экономической системы, определяют круг участников правоотношений, определяют их статус.

И наконец, четвертый элемент экономической системы составляют экономические отношения. Экономические отношения складываются между субъектами в результате осуществления экономической деятельности. По мнению Б.В. Салихова экономические отношения могут успешно функционировать с помощью реализации экономической деятельности, и грамотного сочетания тех действий, которые содействуют получению положительных экономических результатов [19, с. 123].

Действительно, тут нельзя не поддержать точку зрения Маргариты Игоревны, потому что в настоящее время экономическая деятельность состоит не только из производственных мощностей и ресурсов как: оборудование, рабочая сила, технологии, сырье и материалы, сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, добыча полезных ископаемых, строительства, но и из таких отраслей которые активно стали развиваться с переходом на рыночную экономику это: финансовая деятельность, оптовая и розничная торговля, сделки с недвижимостью, предоставление услуг, гостиничный и

ресторанный бизнес, появление новых коммуникационных и логистических возможностей (транспорт, связь).

М.А. Сажина в научных изысканиях пришла к выводу, что экономическая деятельность, как элемент сущности экономической системы может эффективно реализовываться путем проведения хозяйственной деятельности субъектов экономической деятельности. Также, экономист предлагает измерять экономическую деятельность с помощью таких показателей, как валовой национальный продукт, валовой внутренний продукт [20, с. 121]. Более подробное описание ключевых составляющих экономической деятельности и экономических отношений будет рассматривать в других главах диссертационного исследования.

Тут стоит согласиться с мнением Музы Аркадьевны, и отметить следующее, что под сущностью экономической системой следует понимать совокупность общественных отношений, урегулированные нормами конституционного права, которые возникают в результате взаимодействия всех структурных элементов экономической системы, направленные на реализацию потребностей участников экономических отношений.

Исходя из проведенного анализа различных подходов к пониманию понятия и сущности экономической системы, представляется необходимым подвести итоги.

В Конституции Российской Федерации, нужно закрепить следующую формулировку определения экономической системы: экономическая система – это совокупность экономических отношений урегулированные нормами материального и процессуального права, возникающие в результате взаимодействия субъектов экономической деятельности, по поводу реализации и защиты прав свобод при установлении и закреплении всех форм собственности, а также соблюдения принципов разграничения и распоряжения материальными и нематериальными благами. Данная новелла позволит установить нормативно-

правовое регулирование экономической системы государства не только с позиции конституционного права, но и с точки зрения экономической науки и норм смежных отраслей права. В противном случае это приведет к тому, что нормы права, которые регулируют экономическую деятельность не будут работать, поскольку необходимо выстроить более системное взаимодействие между конституцией, экономикой и нормами других отраслей права содержащих в себе положения регламентирующие и защищающие права и свободы субъектов экономических отношений, поскольку от грамотного системного подхода зависит стабильность финансовой системы государства. значимость конституционно-правового регулирования экономической системы, усовершенствовать конституционную основу для регулирования экономических отношений.

Список литературы:

1. Алиев У. Ж. Предмет и структура теоретической экономики: дисс... док. юрид. наук., 2004. 396 с.
2. Осипов Ю.М. Теория хозяйства: начала высшей экономики: учебник: в 3-х т. М.: Моск. ун-т. 1998. Т. 1. 458 с.
3. Ольсевич Ю.Я., Трендафилов Т. Бехар Н. Методология фальсификации: о буржуазных концепциях экономики социализма. М.: Экономика. 1987. 188 с.
4. Черковец В.Н. Социализм как экономическая система. М.: Экономика 1982. 295 с.
5. Азрилиян А.Н. Большой экономический словарь. 4-е изд. доп, и перераб. М.: Институт новой экономики. 1999. 1376 с.
6. Гатовский Л.М. О предмете и методе теории советского хозяйства // Проблемы экономики. 1930. № 1. С. 16-18.

7. Ясин Е.Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. М: Экономика. 1989. 318 с.
8. Ржевский В. А. Проблема собственности в конституционном праве // Личность и власть. 1995. С. 101-116.
9. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М. 1999. 476 с.
10. Долгов Д.И. Экономика и управление: мир необъятного: учеб. пособ. Саранск: МГПУ. 2014. 494 с.
11. Мазаев В.Д. Конституционно-правовая институционализация российской экономической системы // Судьбы конституционализма в России и современном мире. 2012. № 7. С. 152-174.
12. Добрынин Н.М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации: учеб. пособие Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск: Наука. 2010. 376 с.
13. Слабунов Л.А. Конституционно-правовые основы регулирования экономической системы Российской Федерации: автореф. дисс... канд. юрид. наук. 2007. 205 с.
14. Григорьева В.А. Экономическая система как объект конституционно-правового исследования // Российский журнал правовых исследований. 2014. Т. 1. № 4. С. 129-132.
15. Левина М.И. Исследование экономических систем и классификация. // Экономика. Право. Инновации. 2019. № 2. С. 6-13.
16. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 4 ст. 251.
17. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и

муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 апреля 2013 г. № 14 ст. 1652.

18. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек; Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 31. Ст. 4398.

19. Салихова Б.В. Экономическая теория: учебник. М.: Дашков и К. 2014. 723 с.

20. Сажина М.А. Экономическая теория: учебник для вузов. М.: Норма. 2014. 320 с.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО,
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

УДК 347.77

Аширбакиев Ринат Маратович

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

rashirbakiev02@mail.ru

Ashirbakiev Rinat

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СЕКРЕТА ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в настоящей работе подвергается исследованию правовой режим секрета производства (ноу-хау) в Российской Федерации. В статье приводятся научные точки зрения на рассматриваемый правовой институт, особенности возникновения, прекращения права на секрет производства и совершения сделок с ним, а также специфические черты правовой охраны ноу-хау.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, секрет производства, ноу-хау, результат интеллектуальной деятельности, режим конфиденциальности, коммерческая тайна.

LEGAL REGIME OF PRODUCTION SECRET (KNOW-HOW) IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: in this paper, the legal regime of a production secret (know-how) in the Russian Federation is subjected to research. The article presents scientific points of

view on the legal institution under consideration, the features of the emergence, termination of the right to a secret of production and transactions with it, as well as specific features of the legal protection of know-how.

Key words: intellectual property law, production secret, know-how, result of intellectual activity, non-disclosure, trade secret.

Секрет производства (ноу-хау) как результат интеллектуальной деятельности и объект правовой охраны является относительно новым для российского права институтом. Главным образом это связано с самой природой секрета производства (с его функциональной направленностью на извлечение коммерческой прибыли) и историческими реалиями существования российского государства в условиях социалистической формации. Попросту не существовало потребности в нормативном закреплении такого института [1, с. 57-64]. В российском законодательстве закрепление правового института «ноу-хау» произошло с принятием части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в 2006 г.; вопросам его регулирования посвящена глава 75.

В ст. 1465 ГК РФ приведена легальная дефиниция понятия «секрет производства». При этом данный правовой институт представлен двумя равнозначными по своему содержанию понятиями – собственно «секрет производства» и «ноу-хау». Связано это с стремлением федерального законодателя гармонизировать национальную нормативно-правовую базу с правом иностранных государств в том числе в целях защиты отечественных обладателей секрета производства на международном уровне [2, с. 400].

К информации, на которую возможно распространение правового режима ноу-хау, относится достаточно широкий перечень сведений.

Так, в него входит информация о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере. Поскольку в данном случае речь идёт

как о патентоспособных, так и непатентоспособных результатах интеллектуальной деятельности, обладатель ноу-хау свободен в определении правового режима такой информации и руководствуется экономической, хозяйственной и иной целесообразностью.

Так, в случае, когда сам характер использования правообладателем результата интеллектуальной деятельности предполагает ее опубликование, то предпочтительней распространить на него патентную или авторско-правовую охрану, поскольку утрата секретом производства своей конфиденциальности ведет к прекращению защиты такой информации в рамках института ноу-хау.

К секрету производства также может относиться информация о способах осуществления профессиональной деятельности, финансовая, техническая, научная, коммерческая и другая информация [3, с. 285-287].

При этом стоит отметить нормативно установленное ограничение отнесения определённых видов информации к ноу-хау. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 1465 ГК РФ секретом производства не могут быть признаны сведения, обязательность раскрытия которых, либо недопустимость ограничения доступа, к которым, установлена законом или иным правовым актом. В частности, Федеральный закон «О коммерческой тайне» в ст. 5 содержит перечень информации, которая не может составлять секрет производства.

Для того, чтобы распространить на информацию режим секрета производства, правообладатель должен соблюсти несколько требований (признаки ноу-хау) [4, с. 97-99].

Так, информация должна иметь действительную или потенциальную коммерческую ценность. Использование такой информации осуществляется в рамках предпринимательской деятельности и направлено на извлечение прибыли.

Информация должна составлять собой конфиденциальные сведения. В соответствии со ст. 1467 ГК РФ исключительное право на секрет производства

действует до тех пор, пока сохраняется конфиденциальность сведений, составляющих его содержание. Поэтому общеизвестная или легкодоступная информация не может составлять собой ноу-хау. По этим же причинам не предусмотрено обязательной государственной регистрации, публикации такой информации, ведение реестров секретов производства и т. п. Её использование правообладателем фактически представляет собой монополию (за несколькими исключениями).

Этим ноу-хау отличается от иных результатов интеллектуальной деятельности. Так, объекты патентного права (технические решения) предполагают публичность сведений, вносимых в соответствующие реестры для всеобщего ознакомления [5, с. 101-108].

К информации должен отсутствовать свободный доступ на законном основании. При этом к ноу-хау могут иметь доступ конкретные лица, например, сотрудники контролирующих и правоохранительных органов. В частности, в соответствии с положениями пункта 2 статьи 93.1 Налогового кодекса Российской Федерации налоговый орган вправе истребовать документы по конкретной сделке вне рамок налоговой проверки, в том числе содержащие информацию, на которую распространён режим коммерческой тайны. Данная правовая позиция вытекает из Письма Минфина России от 9 февраля 2021 № 03-02-11/8341 [6]. Однако и в таком случае такое вмешательство не должно приводить к общедоступности информации.

В отношении секрета производства правообладатель установил режим коммерческой тайны. Легальная дефиниция этого понятия содержится в ст. 3 одноименного Федерального закона «О коммерческой тайне». Поскольку сущность секретов производства заключается именно в обеспечении их конфиденциальности и недопустимости распространения и разглашения [7, с. 70-73], обладатель такой информации обязан предпринять меры по её сохранению, закреплённые в ст. 10 данного закона, а именно: установить

перечень сведений, составляющих коммерческую тайну; ограничить допуск к данным; сократить круг лиц, имеющих доступ к информации; составить договоры, регулирующих отношения по использованию информации; присвоить гриф «Коммерческая тайна» всем материальным носителям, содержащим информацию о такой тайне.

Секрет производства обладает рядом специфических черт, которые отличают его от большинства иных объектов права интеллектуальной собственности.

Первый признак – неограниченность срока его охраны. Право на ноу-хау действует до тех пор, пока сохраняется её конфиденциальность. Законодатель не связывает срок охраны какими-либо темпоральными характеристиками, как, например, в случае с авторским правом – в течении всей жизни и 70 лет после смерти автора.

Возможность двух и более лиц одновременно и независимо друг от друга являться правообладателями секрета производства. В соответствии с п. 2 ст. 1466 ГК РФ лицо, ставшее добросовестно и независимо от других обладателей секрета производства обладателем сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства, приобретает самостоятельное исключительное право на этот секрет производства. Однако, если лицо неправомерным образом получит информацию, представляющее собой секрет производства ее обладателя, и это станет причиной нарушения исключительного права такого обладателя, последний будет вправе защищать свои нарушенные права всеми допустимыми с точки зрения закона средствами, добиваясь устранения такого нарушения.

Специфический субъект прав на секрет производства – в силу того, что ноу-хау используется в целях получения прибыли, его субъектом может быть только лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность. Такими субъектами могут быть как юридические лица (в том числе некоммерческие

организации, осуществляющие приносящую доход деятельность в уставных целях), так и физические (индивидуальные предприниматели без образования юридического лица).

Субъект прав на секрет производства должен обладать такой информацией на законных основаниях. Гражданский кодекс относит к таким основаниям получение информации самим ее обладателем, а также работником в рамках трудовых отношений с работодателем или на основе гражданско-правового договора; посредством заключения договора об отчуждении права на ноу-хау, получение лицензии.

Законодатель предусмотрел рамки осуществления прав на секрет производства, ограничив целевую направленность реализации правомочий обладателя ноу-хау. Так, не допускается использование секрета производства в целях, противоречащих требованиям защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства.

Прекращение права на ноу-хау законодатель связывает со следующими событиями: утрата обладателем информации фактической монополии на конфиденциальную информацию; отнесение законом информации к сведениям, которые не могут составлять коммерческую тайну [4, с. 101].

Таким образом, современное состояние правовой регламентации нового для российской правовой системы института секрета производства находится на достаточном уровне, для стабильного развития соответствующих общественных отношений в России. Несомненным преимуществом правового режима ноу-хау является распространение на него норм Федерального закона «О коммерческой тайне», который достаточно подробно регулирует вопросы обеспечения режима конфиденциальности информации. В Гражданском кодексе РФ отражен комплекс специфических сущностных характеристик

секрета производства: особенности возникновения и прекращения права на секрет производства, а также его признаки его охраноспособности.

Список литературы:

1. Яблокова И.В. Эволюция правового регулирования ноу-хау // Вестник СПбГУ. № 14 (2). 2010. С. 57-64.
2. Гражданское право: Учебник / С. С. Алексеев, Б. М. Гонгало, Д. В. Мурзин [и др.]. – 4-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Издательство Проспект, 2014. 440 с.
3. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / Л.А. Новосёлова (и др); под редакцией Л.А. Новосёловой. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 300 с.
4. Право интеллектуальной собственности : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Ю. С. Харитонов, А. А. Яковлев, Т. А. Батрова [и др.] ; под ред. Н. М. Коршунова, Н. Д. Эриашвили. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 271 с.
5. Зорина Ю. Г., Фокин Г. В. Дворцовые тайны ноу-хау // Гражданское право. Управление собственностью. № 3 (174) 2016. С. 101-108.
6. Письмо Минфина России от 09.02.2021 № 03-02-11/8341 «Об истребовании налоговым органом документов (информации) вне рамок проведения налоговых проверок и их представлении» // «ЭЖ-Бухгалтер» (Бухгалтерское приложение), 2021, № 8.
7. Паронян Ю.А. Гражданско-правовая охрана ноу-хау // Вопросы студенческой науки. №10. 2020. С. 70-73.

Базазян Елена Андреевна

Челябинский государственный университет

Институт права

Россия, Челябинск

elena.lena5555515@gmail.com

Bazazyan Elena

Chelyabinsk State University

Institute of Law

Russia, Chelyabinsk

ПРИЗНАКИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация: автор статьи предлагает деление признаков цифровых прав как объекта гражданского права на 3 группы, обосновывает свою точку зрения, а также подробно раскрывает каждый признак. Высказывается суждение, что цифровые права соответствуют всем признакам объектов гражданского права, но имеют свои особенности, которые необходимо учитывать при их дальнейшем правовом регулировании. Выражается обеспокоенность недостаточной научной разработанностью доктринальных признаков цифровых прав.

Ключевые слова: объекты гражданского права, объекты гражданских правоотношений, признаки объектов гражданского права, признаки цифровых прав как объекта гражданского права, цифровые права, цифровизация.

ABOUT SOME ISSUES OF THE INSTITUTE OF DIGITAL RIGHTS AS AN OBJECT OF CIVIL LAW

Annotation: the author of the article suggests dividing the features of digital rights as an object of civil law into 3 groups, substantiates his point of view, and also reveals each feature in detail. It is argued that digital rights correspond to all the characteristics of objects of civil law, but have their own characteristics that must be considered in their further legal regulation. Concern is expressed about the insufficient scientific elaboration of the doctrinal features of digital rights.

Key words: objects of civil rights, objects of civil relations, signs of objects of civil law, signs of digital rights as object of civil law, digital rights, digitalization.

Для того, чтобы глубже понять правовую природу и особенности цифровых прав необходимо изучить их признаки в нескольких разных плоскостях, для удобства данные признаки были разделены на три группы. Первая группа – это признаки цифровых прав, характерные для всех объектов гражданского права. Вторая группа – признаки объектов цифровых прав, которые непосредственно указаны в законе. Третья группа – это доктринальные признаки цифровых прав, предложенные учёными.

Несмотря на всё неоднозначность этого решения, законодатель отнёс цифровые права к объектам гражданского права и изменил статью 128 ГК РФ соответственно, поэтому говоря об их правовой природе и сущности, формулируя признаки цифровых прав невозможно обойти стороной понятие и признаки, характерные для всех объектов гражданского права. Изучение этого вопроса позволит детальней понять исследуемый вопрос.

Для начало необходимо поговорить о том, что представляет из себя правовая категория "объекты гражданского права", которая до сих пор остаётся одной из самых дискуссионных и малоработанных в доктрине гражданского права несмотря на то, что интерес к проблематике этого вопроса не только не ослабевает, но и усиливается.

Автором термина "объект гражданского права" называют Ф.К. Савиньи, который раскрывал его через римские категории вещей, что включало в себя не только материальные объекты, но и поведение обязанных лиц [11].

В отечественной юриспруденции первым, кто начал использовать правовую категорию "объект права", стал Д.И. Мейер [9]. Однако, ученый почти сразу меняет предложенный им термин "объект права" на понятие "предмет". Вообще, по справедливому замечанию М.М. Агарков словосочетание "объект права" чаще всего используется для противопоставления его субъекту, ведь поскольку имеется субъект права, то должен быть обязательно и объект права [5]. А так, как понятие «объект права» представляет собой несколько искусственно созданную конструкцию, его часто заменяли другими понятиями, например "вещи", "имущество", «внешние блага» [4].

Вообще, существуют три наиболее известные концепции, отвечающие на вопрос что собой представляет объект гражданского права: объектом гражданского права, является то, на что направлены права и обязанности субъекта гражданских правоотношений; к объектам гражданского права относят то, по поводу чего возникают гражданские правоотношения; объектом гражданского права является то, на что можно воздействовать.

Но на сегодняшний день наиболее правильной видится позиция С.С. Алексеева, который утверждает, что объектами правоотношений выступают явления (предметы) материального и духовного мира, материальные и нематериальные блага, способные удовлетворять потребности и законные интересы субъектов права [5]. Тут можно отметить, что по мнению многих учёных категория объекта гражданских прав совпадает с понятием объекта гражданских правоотношений, поэтому в данной работе видится разумным также приравнять эти понятия [6].

После уточнения терминологии непосредственно можно перейти к признакам, которые характерны для цифровых прав как для любого объекта гражданского права. Наиболее разработанной теорией о признаках объектов гражданского права видится система, разработанная В. А. Лапачевым, который выделял такие признаки как полезность, дискретность, системность и юридическую привязку [8].

Соответственно, цифровые права как любой объект гражданского права обладают следующими признаками.

1. Полезностью

Полезность объекта гражданского права означает, что он способен удовлетворить те или иные потребности людей. Этот признак исходит из природы гражданских прав, которые направлены на удовлетворение потребности их носителей, а также из самого определения объекта гражданского права, который прежде всего является благом, а благо – это как раз-таки и есть то, что служит к удовлетворению каких-либо человеческих потребностей.

2. Дискретностью

Под дискретностью может пониматься индивидуализированность объекта, то есть свойство, которое по каким-либо признакам позволяет отделить один объект от другого. Данный признак является абсолютно необходимым, так позволяет объективно отделить объект от всего остального мира, то есть вообще даёт возможность воспринимать что-либо в качестве объекта.

3. Системностью

Признак системности по отношению к объекту носит внешний характер и выражает его структурную упорядоченную организованность и взаимосвязь с другими объектами гражданского права.

4. Юридической привязкой

Юридической привязкой называется нормативно гарантированная возможность правового закрепления объектов гражданского права за субъектами гражданского права, то есть установление правообъектности того или иного блага, признание его объектом права по закону и способность этого блага на законных основаниях кому-либо принадлежать.

Если говорить о второй группе признаков, то в соответствии со ст. 141.1 ГК РФ законодатель наделил цифровые права следующими признаками [1]:

1. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе

Этот признак говорит о том, что отнесение объекта к цифровым правам возможно только если об этом прямо сказано в законе. Другими словами, права, которые не названы цифровыми, не могут выступать в таком качестве как объект гражданского права. Эта норма является достаточно жёсткой, но объясняется тем, что законодатель хочет максимально контролировать оборот данных объектов, чтобы предупредить, например, преступления, которые могут быть совершены с использованием цифровых прав.

2. Цифровые права являются обязательственными или иными правами

Соответственно, цифровые права не представляют собой новое благо, которого ранее никогда не было, так как их возможно определить через отсылку к иным объектам гражданского права. Интересно заметить, что не была раскрыта категория иные права. Скорей всего, это было сделано из-за того, что институт цифровых прав достаточно недавно появился в российском законодательстве и было необходимо оставить возможность для развития правового регулирования цифровых прав и посмотреть на адаптацию данной нормы правоприменительной средой. Это решение видится правильным, так как при большом количестве ограничений законодатель оставил некую свободу для действий, возможности роста рынка в этой сфере.

3. Содержание и условия осуществления цифровых прав определяются в соответствии с правилами информационной системы, которая должна отвечать установленным законом признакам

Данная норма носит отсылочный характер, к общим нормам об информационной системе, под которой понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств [9]. Однако, данное определение является достаточно общим и не отражает специфику цифровых прав. Несмотря на это, тот факт, что законодатель не стал перегружать ГК РФ техническими нюансами видится верным решением.

4. Осуществление и распоряжение цифровыми правами возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу

Четвертый признак говорит о том, совершение любых действий с цифровыми правами возможно непосредственно в информационной системе, а необходимость в обращении к обязанному лицу отсутствует. То есть, это замкнутая система и все операции совершаются исключительно в ее пределах, без вмешательства любых третьих лиц. Не все исследователи выделяют данный пункт как отдельный признак, многие объединяют его с третьим признаком. Но тут необходимо пояснить, что ключевым моментом отличающий четвертый признак служит указание на то, что в данных правоотношениях нет необходимости обращения к третьей стороне.

Третья группа признаков – это признаки, которыми наделяют цифровые права учёные-правоведы. Данная группа является самой немногочисленной и малоразработанной, так как на данном этапе развития юридической мысли сложно говорить о высоком уровне изученности цифровых прав. Существуют несколько предложений о признаках цифровых прав: указание на то, что цифровые права являются идеальным, а не материальным благом и это их характерная черта; мысль о том, что только обладатель цифрового права

имеет фактическую возможность извлечь из этого права полезные свойства и решить его правовую судьбу; признак о схожести цифровых прав с ценными бумагами; признак нематериальности цифровых прав и другие. Можно заключить, что пока это выглядит достаточно неубедительно. Но об этой группе важно говорить, так как разработка доктринальных признаков цифровых прав является необходимой для дальнейшего развития института цифровых прав и совершенствования законодательства в данной области.

Можно сделать вывод, что цифровые права соответствуют всем признакам объектов гражданского права, но имеют особенности и специфические признаки, которые обусловлены их цифровой природой, поэтому необходимо учитывать это при дальнейшем их регулировании.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238-239.

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2020.

3. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2019.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=1wzzzo8tdk463269811.

5. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.
6. Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. С. 393 - 399.
7. Вельяминов-Зернов В. Опыт начертания российского частного гражданского права. Ч. II: Право вещей. СПб., 1823. С. 1 - 2.
8. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.
9. Мейер Д.И. Русское гражданское право: чтения Д.И. Мейера, изданные по запискам слушателей / под ред. А. Вицына. 5-е изд. М., 1873. С. 130.
10. Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: Статут, 2011 (автор раздела - Е.А. Суханов). С. 300 - 301.
11. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. Т. 1. М., 2011.

Грамотчиков Владимир Андреевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

VolodiaGE@yandex.ru

Gramatchikov Vladimir

Kutafin Moscow State Law University

Institute of Private Law

Russia, Moscow

**ВЫПЛАТА ДИВИДЕНДОВ В НАТУРАЛЬНОМ ВЫРАЖЕНИИ:
ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ТАКИХ ДИВИДЕНДОВ БИЗНЕСОМ И
НЮАНСЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ**

Аннотация: в статье рассматриваются механизмы и правовые аспекты выплаты дивидендов в натуральной форме, а также приводятся примеры практического применения этой правовой возможности у акционерных сообществ. Поднимается вопрос о важности роли независимого оценщика в бизнесе для обеспечения справедливой и точной оценки стоимости активов при выплате дивидендов в натуральной форме. В статье рассматриваются налоговые последствия выплаты дивидендов в натуральной форме и получения натурального дохода. Налогообложение дивидендов в натуре может существенно отличаться от налогообложения денежных выплат, и понимание этих различий является ключевым для акционеров и самой компании.

Ключевые слова: дивиденды, акционерные общества, выплата дивидендов, денежные выплаты, натуральная форма, натуральный доход, налогообложение.

PAYMENT OF DIVIDENDS IN KIND: POSSIBILITY OF REALISATION OF SUCH DIVIDENDS BY A BUSINESS AND NUANCES OF TAXATION IN PRACTICE

Annotation: the article discusses the mechanisms and legal aspects of payment of dividends in kind and provides examples of practical application of this legal possibility in joint-stock companies. The article raises the issue of the importance of the role of an independent appraiser in business to ensure fair and accurate valuation of assets when paying dividends in kind. The article discusses the tax consequences of paying dividends in kind and receiving in-kind income. The taxation of dividends in kind can differ significantly from the taxation of cash payments, and understanding these differences is key for shareholders and the company itself.

Key words: dividends, joint stock companies, payment of dividends, cash payments, in kind, in-kind income, taxation.

Выплата дивидендов является важной частью взаимодействия между акционерами и компаниями. В России, помимо стандартных денежных выплат, существует практика выплаты дивидендов в натуральном выражении. Это необычное решение может быть полезным в определённых ситуациях, но требует тщательного учета юридических и финансовых аспектов.

Статья посвящена исследованию актуальной и малоизученной темы в корпоративных финансах. Выплата дивидендов является важным аспектом деятельности любой компании, так как она напрямую влияет на отношения между компанией и ее акционерами.

В то время как традиционные выплаты дивидендов обычно производятся в денежной форме, существует и альтернатива — выплата дивидендов в натуральной форме. Это могут быть акции, товары, услуги или другие активы компании. Интерес к выплатам в натуральной форме возникает в связи с тем,

что такой подход может предложить уникальные преимущества как для компаний, так и для их акционеров.

Важно отметить понимание потенциальных рисков и ограничений, связанных с этой практикой. Необходимость более глубокого исследования этой темы, поскольку существующая литература и эмпирические данные не дают полного представления о всех последствиях и преимуществах выплат в натуральной форме.

Исследование практики выплаты дивидендов в натуральной форме подразумевает распределение активов компании, таких как товары, услуги или акции, вместо денежных выплат. Основная цель статьи заключается в детальном анализе этой практики, с акцентом на выявление ее преимуществ и недостатков для различных заинтересованных сторон, включая акционеров и компании. При написании статьи рассматривалось, как выплаты в натуральной форме могут повлиять на финансовое состояние компании, а также на восприятие акционерами и рынком в целом.

Для достижения поставленной цели используются различные методы. В первую очередь, проводится обзор литературы, который включает анализ существующих исследований и данных о выплатах дивидендов в натуральной форме. Этот метод позволяет определить ключевые тенденции и выявить основные проблемы, связанные с данной практикой. Кроме того, используются методы сравнительного анализа, где выплаты дивидендов в натуральной форме сравниваются с традиционными денежными выплатами, что помогает понять относительные преимущества и недостатки каждого подхода. Эмпирический анализ проводится на основе данных конкретных компаний, что позволяет проанализировать реальные примеры и сделать выводы на основании практического опыта.

Таким образом, статья сочетает теоретический анализ с эмпирическими данными, что позволяет авторам представить всестороннюю картину выплат

дивидендов в натуральной форме и сделать обоснованные выводы о целесообразности и эффективности данного метода в различных контекстах.

Дивиденды в натуральном выражении представляют собой выплаты, которые предоставляются акционерам не в виде денежных средств, а в форме товаров, услуг или иных активов компании. Это может включать продукцию компании, её акции, недвижимость и другие материальные или нематериальные активы.

Гражданское законодательство позволяет выплатить дивиденды в натуральной форме, то есть не только деньгами, но и другим имуществом. Российское законодательство позволяет компаниям выплачивать дивиденды в натуральном выражении. Основные нормативные акты, регулирующие данный вопрос, являются: Гражданский кодекс РФ [1] с положениями об АО и Федеральный закон «Об акционерных обществах» (№ 208-ФЗ) [2]. В частности, статья 42 данного закона предусматривает возможность выплаты дивидендов в форме имущества, если это предусмотрено уставом компании и одобрено общим собранием акционеров. Также согласно 102 ГК РФ если стоимость чистых активов акционерного общества меньше его уставного капитала и резервного фонда либо станет меньше их размера в результате выплаты дивидендов, то выплата дивидендов будет невозможна и в натуральном виде.

Выплата дивидендов в натуральном выражении может оптимизировать финансовые потоки компании, особенно если она имеет избыток определённых товаров. Это может помочь поддерживать или стабилизировать рыночные цены на продукцию компании. Дополнительно, предоставление продукции акционерам может укрепить их лояльность и заинтересованность в успехе компании.

При налогообложении необходимо учесть доход от реализации объекта, который передали в оплату дивидендов. Дело в том, что при выплате дивидендов в натуральной форме происходят следующие операции: после того

как принято решение о выплате, у организации возникает денежное обязательство перед участниками, акционерами. Вместо денег участнику передают другие активы — фактически реализуют их. То есть уже участник должен организации. НДФЛ с дивидендов в натуральной форме будет уплачивать уже получатель.

В качестве примеров компаний, у которых выплата дивидендов в натуральной форме может укрепить лояльность и заинтересованность акционеров можно привести компании, производящие пищевую продукцию — ПАО "Московская кондитерская фабрика «Красный Октябрь»", имеющая возможность выплачивать дивиденды в виде кондитерских изделий (конфеты, шоколад) по производной себестоимости продукции для дальнейшей возможной перепродажи акционером полученного имущества. Вторым примером, успешным на фондовом рынке (растущим в цене) можно привести ПАО «Абрау – Дюрсо», данная компания для укрепления собственной репутации, может выплачивать годовые дивиденды в виде вин и шампанского по производной себестоимости продукции для дальнейшей возможной перепродажи.

Однако, такой метод выплаты дивидендов имеет свои недостатки. Определение справедливой стоимости натуральных дивидендов может быть сложным и вызывать споры между акционерами и руководством компании. Акционерам вероятно будет не нужна производимая продукция компания, так как часть акционеров покупает акции для спекуляции или долгосрочного инвестирования и преумножения капитала.

В практике существует возможность отказа от дивидендов, то есть учредитель может добровольно и самостоятельно отказаться от доли прибыли после голосования по вопросу распределения, написав заявление об отказе от получения дивидендов. Суммы восстанавливаются в составе нераспределенной прибыли на дату поступления документа. Такая возможность и существует при

выплате дивидендов в натуральной форме. Налогом на прибыль такая операция не облагается согласно письму Минфина от 17.02.2012 г. [3].

Документально отказ от дивидендов в пользу общества можно зафиксировать и в документе о прощении долга (кредиторской задолженности перед участником) с указанием, что имущество, выплачиваемое в натуральной форме, должно быть потрачено на увеличение чистых активов.

В российском законодательстве существует пробел, когда участники готовы перераспределить дивиденды между собой в порядке, отличном от указанного в учредительных документах, то есть отказ от дивидендов в натуральном или денежном выражении в пользу другого участника.

Если будет решение отражено в решении общего собрания акционеров, при котором участники проголосуют за перераспределение доходов - с точки зрения аналогии законодательства, касающегося ООО, т.е. федерального закона от 8 февраля 1998 года N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ст. 28 закона) [4], иное, непропорциональное долям распределение возможно только при единогласном решении всех учредителей, и, если такая возможность зафиксирована в Уставе общества. В противном случае документ можно обжаловать в судебном порядке.

Когда речь идет о выплате дивидендов в натуральной форме в АО (ранее – ЗАО), например, в виде имущества, возникает необходимость в независимой оценке этого имущества. Это связано с несколькими важными аспектами, такими как справедливость распределения, прозрачность операций.

Независимая оценка имущества обеспечивает справедливое распределение дивидендов среди акционеров. Акционеры, получающие дивиденды в натуральной форме, должны быть уверены, что стоимость полученного ими имущества эквивалентна той сумме, которую они могли бы получить в денежной форме. Оценщик, действующий независимо от компании, проводит объективную оценку рыночной стоимости имущества, что исключает

возможность занижения или завышения его стоимости. Так акционеры будут защищены от возможных финансовых потерь, связанных с недооценкой или переоценкой активов.

Оценка имущества независимым оценщиком способствует повышению прозрачности и доверия к управлению компанией. Когда акционерное общество привлекает независимого оценщика, оно демонстрирует свою приверженность принципам открытости и честности в отношениях с акционерами. Это особенно важно в крупных компаниях с большим количеством акционеров, где репутационные риски могут существенно повлиять на рыночную стоимость компании и ее инвестиционную привлекательность. Прозрачность в финансовых операциях, включая выплату дивидендов в натуральной форме, способствует укреплению доверия между акционерами и руководством компании.

Независимая оценка имущества может также способствовать более эффективному управлению активами компании. Оценка рыночной стоимости активов позволяет руководству компании принимать обоснованные решения относительно их использования или продажи. В некоторых случаях компания может решиться на выплату дивидендов в натуральной форме именно после получения независимой оценки, которая может указать на целесообразность такого шага с финансовой точки зрения. Однако, обязательная оценка активов, направляемых на расчеты с учредителями (участниками) по причитающимся им дивидендам действующим законодательством не предусмотрена [5].

В процессе документирования и отчетности независимый оценщик играет важную роль. Результаты оценки включаются в финансовую отчетность компании и предоставляются акционерам, что позволяет последним получать полную информацию о стоимости полученных активов. Это также облегчает процесс налогообложения, так как оценка стоимости имущества помогает

определить налогооблагаемую базу для акционеров, получающих дивиденды в натуральной форме.

Дивиденды в натуральной форме могут вызвать сложности с налогообложением как для компании, так и для акционеров. Важно учитывать и оценивать такие выплаты для налогообложения. Согласно данным ФНС при выплате дивидендов в натуральной форме организация должна перечислить налог в бюджет в исчисленной в соответствии с пунктом 2 статьи 275 НК РФ сумме, передавая имущество стоимостью, равной дивидендам, уменьшенным на сумму налога на прибыль организаций [6].

При налогообложении необходимо учесть доход от реализации объекта, который передали в оплату дивидендов. Дело в том, что при выплате дивидендов в натуральной форме происходят следующие операции: после того как принято решение о выплате, у организации возникает денежное обязательство перед участниками, акционерами. Вместо денег участнику передают другие активы — фактически реализуют их. То есть уже участник должен организации. НДС с дивидендов в натуральной форме будет уплачивать уже получатель

Налоговые органы в виде Минфина и ФНС в своих письмах (письмо ФНС РФ от 15.05.2014г № ГД-4-3/9367@ [7] и Минфина РФ от 07.02.2018г № 03-05-05-01/7294 [8]) на протяжении многих лет придерживаются позиции о том, что в случае дивидендов в натуральной форме происходит переход права собственности на имущество, а значит - возникает реализация и, как следствие, обязанность начислить НДС и налог на прибыль. Вероятно, ведомства руководствуется следующей логикой: если бы организация при наличии у нее ненужного имущества захотела бы выплатить дивиденды денежными средствами, ей бы пришлось сначала продать это имущество, заплатить налоги и уже потом осуществить распределение прибыли своим участникам [9].

Однако суды имеют противоположную позицию - В Постановлении от 25.02.2015г [10] Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа по делу «Республиканской инвестиционной компании» высказался следующим образом: «Поскольку законодательство допускает выплату дивидендов акционеру недвижимым имуществом, передача данного имущества не образует иной объект налогообложения, кроме дохода, следовательно, не является реализацией недвижимого имущества, облагаемой НДС».

Эту же позицию косвенно подтвердил и Верховный Суд РФ в Определении от 31.07.2015г [11], отказав в передаче дела для пересмотра и указав при этом, что передача недвижимости в счет выплаты дивидендов не включается в налоговую базу по НДС.

В качестве необходимых условий выплаты дивидендов имуществом суды указали следующие:

1) Указание в уставе компании на возможность выплаты дивидендов имуществом.

2) Наличие нераспределенной прибыли после налогообложения.

Поэтому, согласно судебной практике, выплата налогов с дивидендов в натуральной форме происходит следующим образом:

1) Начисление доходов по акции лицу

2) Передача имущества в счёт выплаты дохода

3) Начисление физическому лицу НДФЛ (13%) или налога на прибыль организации (20%)

4) Списание себестоимости имущества со счёта организации

Вопрос по организации при отражении передачу имущества в счет выплаты дивидендов как реализацию с последующим начислением НДС, налога на прибыль или налога по УСН является неоднозначным и дискуссионным [12]. Несмотря на судебную практику, контролирующие органы с завидной регулярностью имеют мнение, что в такой ситуации

возникает налогообложение. Однако, имея в качестве аргумента рассмотренные судебные прецеденты, можно избежать претензий на уровне своей налоговой инспекции.

Также в случае, если участник, решивший уменьшить свою долю дивидендов полностью или частично в чью-либо пользу, вправе написать заявление об их перечислении на счет третьего лица, пусть даже другого участника. Организация обязана выполнить такое письменное распоряжение, удержав при этом НДФЛ или налог на прибыль с начисленной суммы.

Важно также дополнительно отметить, что не все компании могут предусмотреть в уставе возможность выплаты дивидендов в натуральной форме, и изменение устава требует значительных усилий и согласований.

Хотя такие случаи редки, в России есть примеры выплаты дивидендов в натуральном выражении. Некоторые производственные компании могут предоставлять акционерам свою продукцию в качестве дивидендов, например, сельскохозяйственные предприятия и производители пищевой продукции могут выплачивать дивиденды в натуральном выражении.

Выплата дивидендов в натуральном выражении является интересным и в некоторых случаях выгодным инструментом для российских компаний, повышая репутацию этих компаний, а также лояльность и заинтересованность акционеров. Однако его применение требует тщательного анализа и подготовки, включая юридические и налоговые аспекты. Для успешного использования натуральных дивидендов компании должны четко прописать условия их выплаты в своих уставных документах и обеспечить прозрачность и справедливость в оценке таких выплат.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26 декабря 1995 года N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2018, N 11, ст. 1584; N 18, ст. 2557; N 30, ст. 4544
3. Письмо Минфина России № 03-04-06/2-233 от 04.10.2010 «О порядке налогообложения НДФЛ доходов физлица в виде дивидендов, в случае если физлицо отказалось от получения причитающихся ему дивидендов в пользу организации, которая их выплачивает»
4. Федеральный закон от 8 февраля 1998 года N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2016, N 1, ст. 11, ст. 29
5. Коротаев, С. Л. Выплата дивидендов в натуральной форме: актуальные вопросы учета и налогообложения / С. Л. Коротаев // Бухгалтерский учет и анализ. – 2020. – № 6(282). – С. 3-16. – EDN UUCDTL
6. Томаева М. Налог на прибыль // Информационный ежемесячник «Верное решение» выпуск № 02 (196) от 20.02.2019
7. Письмо ФНС России от 15.05.2014 N ГД-4-3/9367@ «О порядке исчисления НДС при передаче имущества в счет выплаты дивидендов»
8. Письмо Минфина России от 07.02.2018 № 03-05-05-01/7294 «О налоге на имущество организаций и НДС при передаче учредителю общества объекта недвижимого имущества в счет выплаты дивидендов»
9. «Выплата дивидендов имуществом: какие налоги платить?». Центр структурирования бизнеса и налоговой безопасности taxCOACH [Электронный ресурс] // URL: <https://www.audit-it.ru/articles/account/assets/a25/959564.html>

10. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25 февраля 2015 г. N Ф02-6656/14 по делу N А58-341/2014 // СПС «Консультант Плюс»

11. Определение Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. N 302-КГ15-6042 «Об отказе в передаче кассационной жалобы в Судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»

12. Козодаева Наталья Аркадьевна Порядок отражения на счетах бухгалтерского учета расчетов с учредителями // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-otrazheniya-na-schetah-buhgalterskogo-ucheta-raschetov-s-uchreditelyami> (дата обращения: 01.07.2024).

Демьянишин Владислав Викторович
Донецкий государственный университет
Юридический факультет
Россия, Донецк
demyanishin.vladislav@gmail.com

Demyanishin Vladislav
Donetsk State University
Faculty of Law
Russia, Donetsk

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИМПЛАНТАЦИИ В РОССИИ

Аннотация: в данной работе проводится анализ теоретико-правовых аспектов ответственности в области процедуры имплантации, в частности неисправных имплантатов. В результате анализа отечественной и зарубежной практики выявлены основные проблемы, пути их решения в современном гражданском праве на территории нашего государства, которые направлены на совершенствование законодательной базы.

Ключевые слова: имплантация, имплантат, ответственность, неисправные имплантаты, производитель, медицинская организация.

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF IMPLANTATION LIABILITY IN RUSSIA

Annotation: this work analyzes theoretical and legal aspects of liability in the field of implantation procedure, in particular defective implants. As a result of the analysis of domestic and foreign practice the main problems are revealed, ways of their

solution in the modern civil law in the territory of our state, which are aimed at improving the legislative framework.

Key words: implantation, implant, liability, defective implants, manufacturer, health organization.

Стремительное развитие биомедицинских технологий, в частности, сферы имплантируемых устройств, открывает перед человечеством невероятные возможности: восстановление утраченных функций организма, лечение хронических заболеваний, расширение сенсорных и других возможностей. Однако внедрение сложных технологических устройств в человеческое тело неизбежно порождает ряд этических и, что особенно важно, правовых вопросов, требующих тщательного анализа и поиска ответов. Конечно, пока эта область еще не настолько развилась, чтобы говорить о чем-то фантастическом, как нам представляют в художественных произведениях, однако медицине знаком уже целый ряд видов имплантатов, как технически очень сложных, так и, по сравнению с первыми, довольно простых имплантатов-протезов.

В этом отношении возникает ряд вопросов. Ответственность за дефекты имплантатов: каким образом распределяется ответственность за неисправность имплантируемого устройства между производителем, медицинским учреждением и самим пациентом? Компенсация вреда, причиненного имплантатом: какие правовые механизмы защиты предусмотрены для пациента, пострадавшего вследствие некорректной работы или отказа имплантируемого устройства и другие. Исследование данных вопросов представляет значительную актуальность в условиях активного внедрения имплантируемых устройств в медицинскую практику и позволит определить направления совершенствования законодательства в этой относительно новой и сложной сфере.

Ответственность за неисправность имплантата довольно серьезный вопрос, учитывая недостаточно урегулированную правовую природу имплантата в отечественном законодательстве. Конечно, большую часть имплантатов можно отнести к «медицинским изделиям», закрепленным в п. 1 ст. 38 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011. Однако, говоря об этой дефиниции, можно выделить из нее два критерия, согласно которым имплантат можно отнести к «медицинским изделиям». Во-первых, это преследование медицинских целей, а во-вторых, это предназначение, вкладываемое производителем «для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности...».

В отношении «медицинских целей» законодатель не раскрывает содержание данного понятия, а в случае предназначения, вкладываемого производителем все достаточно ясно – любой имплантат в своей сути так или иначе изменяет, восстанавливает или замещает анатомическую структуру тела или ее часть. Можно предположить, что под «медицинскими целями» подразумевается профилактика, диагностика, лечение и медицинская реабилитация заболеваний, исходя из этого же нормативного акта. Тогда часть имплантатов не могут квалифицироваться, как медицинские изделия, так как они не преследуют медицинских целей. Например, различные эстетические имплантаты, или те, которые преследуют цели улучшения каких-либо возможностей человека.

Очевидно, что, как и в случае с трансплантируемыми органами, возникает вопрос их правовой природы: следует ли их квалифицировать как вещи или же как органы?

Мы считаем, что имплантаты следует определить как вещи, ограниченные в обороте с безоговорочным правом собственности человека, в которого они вживлены, с учетом их природы органов в правовом смысле. Это соответствует точке зрения законодателя по поводу квалификации их в качестве медицинских изделий, хотя в будущем видится целесообразным их выделение в отдельную категорию или подкатегорию. Учитывая, что имплантат предназначен для внедрения в тело человека и выполнения функций, свойственных органам или тканям, он становится частью организма, а не просто внешним предметом. Наряду с этим имплантат создан искусственно, он не является продуктом природы и не обладает всеми свойствами естественного органа.

В случае же квалификации их как органов, то получается, что человек лишается множества средств защиты своих прав, учитывая то, что нормы, защищающие права потребителей не будут относиться к этим случаям. В похожем ключе думает и к.ю.н Алексей Владимирович Анисимов [1, с. 148-149]. В своей статье данную проблему он относит только к киберфизическим системам, однако мы считаем, что эта ситуация касается в принципе всех имплантатов. У пациента остается всего один механизм защиты своих прав - требование компенсации за ненадлежащее оказание медицинских услуг, при этом, как показывает практика, не всегда эффективный. Так, в 2013-2016 гг. было изучено 1100 гражданских дел о некачественном оказании стоматологической помощи и лишь в 60% дел исковые требования удовлетворялись полностью или частично [2, с. 21].

Еще сложнее обстоит дело, когда сама медицинская услуга по имплантации проведена надлежащим образом и неисправен сам имплантат. В этом случае такой способ защиты будет несправедлив по отношению к медицинской организации, оказавшей такие услуги, так как за брак ответственен производитель, который в данном случае не подлежит никакой

ответственности, ввиду непроработанности данного аспекта. В итоге выходит ситуация, когда у пациента всего один способ защиты своих прав, который мало того, что не дает гарантированного результата, так еще и может быть несправедлив в отношении медицинской организации.

Необходимо отметить, что проблема некачественных имплантатов не нова. И если в стоматологии она не так обострена, это не значит, что в других областях медицины так же. Так, кардиостимуляторы не совершенны и многочисленные исследования показывают, что многие из них имеют серьезные нарушения и ошибки [3; 4; 5]. Очевидно, что кардиостимуляторы не единственные имплантаты, которые могут быть неисправны, то есть проблема касается в принципе всех подобных устройств: технологически простых и сложных, временных и постоянных, свободно отделяемых и неотделяемых без медицинского вмешательства и так далее.

В этой области примечательна зарубежная практика. В США существует Пересмотр раздела 402а и 402b (Пересмотр Деликтов), который устанавливает особую ответственность продавца товара за причинение физического вреда потребителю.

Фрэнк Гриффин в своей работе использует «кривую обучаемости» из которой делает вывод, что кривая обучаемости для ненадежно проверенных имплантируемых медицинских изделий (далее – USIMD) связана со значительным травмированием пациентов и является *prima facie* доказательством дефектной конструкции, поскольку риски кривой обучаемости не компенсируются никакими доказанными преимуществами. Наряду с этим он говорит о том, что Федеральный Закон не отменяет претензии штатов к производителям USIMD по поводу дефектной конструкции. Далее он указывает на возможность пострадавшего пациента предъявить иск к производителю некачественных имплантатов, вызвавших осложнения [6, с. 762]. Действительно, такие дела существуют, и они также не являются чем-то новым

(In Re TMJ Implants Products Liability Litigation, 872 F. Supp. 1019 D. Minn. 1995; case of PIP, Stryker LFIT Multicounty Litigation в которых выиграли истцы; Allergan Biocell textured breast implant products liability litigation и т.д.).

Рассмотрим вышеупомянутые дела. Первый случай [7] примечателен тем, что решение суда произошло в упрощенном порядке. Суд установил, что «решение суда в упрощенном порядке уместно, если нет подлинных существенных фактов и истец имеет право на вынесение решения по существу закона». То есть, Суд США по округу Миннесота подтвердил право пострадавших на обращение в суд, хоть в итоге и удовлетворил ходатайства DuPont и American Durafilm (поставщиков материалов для производства имплантатов) о вынесении решения в упрощенном порядке по искам к имплантатам Proplast TMJ. Данное решение также показывает готовность правовой системы рассматривать более широкий спектр ответственных лиц в делах, связанных с дефектами медицинских изделий, а именно имплантатов.

Второй [8] и третий [9] случай также показателен. Апелляционный суд Франции обязал компанию Poly Implant Prothese (PIP) выплатить компенсацию тысячам женщин, пострадавшим от имплантации грудных имплантатов, которые были низкокачественными и небезопасными. В свою очередь компания Stryker не только выплатила компенсацию всем пострадавшим в размере более миллиарда долларов, но еще и отозвала свои имплантаты [10]. В деле «Allergan», компания также отозвала свои небезопасные имплантаты [11]. Примечательно, что иск изначально был одиночным, однако он ни к чему не привел [12]. Позже подали уже коллективный иск – итог еще не ясен и к делу присоединяется все больше пострадавших женщин, хотя в последнем решении суд все же отклонил большую часть исковых претензий истцов [13].

Концепция «кривой обучаемости» как *prima facie* доказательства дефекта в контексте USIMD смещает акцент ответственности на производителя. Это

стимулирует проведение более тщательных испытаний и снижает риски для пациентов.

Концепция соотношения риска и пользы имплантируемого устройства также вызывает интерес. Важно подчеркнуть, что взвешивание рисков и пользы не может быть абстрактным. Оно должно проводиться в каждом конкретном случае с учетом индивидуальных особенностей пациента и альтернативных методов лечения. Имплантаты имеют достаточно высокую степень риска из-за ограниченного опыта их применения и возможных невыявленных недостатков. В таких условиях особенно важно тщательно обосновывать целесообразность имплантации, гарантируя, что потенциальная польза для пациента превышает потенциальные риски. Нельзя забывать, что пациент также должен быть полностью проинформирован о всех потенциальных рисках и пользе, а также о наличии альтернативных вариантов лечения, прежде чем дать свое согласие на имплантацию.

Как можно заметить, за рубежом ответственность за неисправный имплантат возлагается на продавца, а за некачественную процедуру имплантации – на врача, проводившего операцию. То есть, у пациента, чьи права были нарушены, существует несколько способов защиты своих прав, а ответственность не снимается с продавца или производителя имплантатов. При этом, клиника, проводившая имплантацию, не находится в безвыходном положении, когда ее делают крайней и ей не приходится защищаться от необоснованных в ее сторону исков.

Таким образом, отечественное законодательство в области имплантации имеет существенные пробелы: не урегулировано распределение ответственности между сторонами при имплантации, что создает, в свою очередь, отсутствие перечня механизмов защиты своих прав пострадавшему пациенту, оставляя ему всего один – компенсация за ненадлежащее оказание медицинских услуг. При этом, медицинская организация в таких случаях

оказывается в несправедливом положении, когда она должна отвечать за производителя, который создал небезопасный имплантат. Для разрешения данных проблем можно обратиться к иностранной практике, например, США, где данная область более развита и есть более богатый судебный опыт в подобных делах.

Видится целесообразным квалифицировать имплантат в качестве вещи ограниченной в обороте с учетом их природы органов в правовом смысле. Учет их природы органов в юридическом смысле позволит сохранить гуманное отношение права к человеку, не умаляя его достоинства как индивида. Также это предоставит возможность пациенту расширить перечень механизмов защиты своих прав в случае некачественных и небезопасных имплантатов, с помощью норм о защите прав потребителей. Данная конструкция не противоречит позиции законодателя по поводу квалификации их в качестве медицинских изделий. Однако мы считаем в будущем уместным будет выделить имплантаты в отдельную категорию или подкатеорию. С помощью вышеуказанной конструкции ответственность между производителем (продавцом), медицинской организацией и пациентом распределится более равномерно и справедливо, а перечень механизмов защиты нарушенных прав увеличится.

Список литературы:

1. Анисимов А.В. Гражданско-правовой статус киберфизических систем до и после имплантации в тело человека // Вестник ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. № 11. С. 144-150.

2. Андреева С.Н., Фетисов В.А. Особенности судебной практики при рассмотрении дел, связанных с дефектами оказания стоматологической помощи при дентальной имплантации // Journal of Siberian Medical Sciences. – 2019. No 2. С. 18-28.

3. Dodinot B, Godenir JP, Costa AB. Electronic article surveillance: a possible danger for pacemaker patients // *Pacing Clin Electrophysiol*. 1993. vol 16 (1). P. 46-53.
4. Dodinot B, Medeiros P, Vignon C, Godenir JP, Faivre G. La mort subite chez le porteur de stimulateur cardiaque. Sudden death in patients wearing pacemakers // *Ann Cardiol Angeiol (Paris)*. 1985. vol 34 (3). P. 161-166.
5. Nürnberg, Michael & Pöttler, Andreas & Frohner, Klaus & Kofler, Klaus & Podczeck, Andrea & Stellwag, Christian & Steinbach, Konrad. Sudden Death in Pacemaker Patients // *Journal of Cardiovascular Electrophysiology*. 2008. vol. 3 (6). P. 477-480.
6. Frank Griffin, M.D., J.D. The Trouble with the Curve: Manufacturer and Surgeon Liability for “Learning Curves” Associated with Unreliably-Screened Implantable Medical Devices // *Arkansas Law Review*. 2016. vol. 69 (3) P. 32.
7. In Re TMJ Implants Products Liability Litigation, 872 F. Supp. 1019 (D. Minn. 1995) [Электронный ресурс] // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/872/1019/1442283/>
8. PIP implant victims 'elated' by compensation win [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bbc.com/news/health-57179180>
9. IN RE: Stryker Orthopaedics Lfit V40 Femoral Head Products Liability Litigation [Электронный ресурс] // URL: https://www.jpml.uscourts.gov/sites/jpml/files/MDL-2768-Initial_Transfer-03-17.pdf
10. Class 2 Device Recall Stryker LFIT Anatomic V40 Femoral Head [Электронный ресурс] // URL: <https://www.accessdata.fda.gov/scripts/cdrh/cfdocs/cfRes/res.cfm?ID=149782>
11. Allergan Voluntarily Recalls BIOCELL Textured Breast Implants and Tissue Expanders [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fda.gov/safety/recalls-market-withdrawals-safety-alerts/allergan-voluntarily-recalls-biocellr-textured-breast-implants-and-tissue-expanders>

12. IN RE: Allergan Biocell Textured Breast Implant Products Liability Litigation. Sachiko Jungbluth, Plaintiff, V. Allergan Inc. F/K/A Inamed Corporation F/K/A/ Mcghan Medical Corporation; Allergan USA, Inc; And Allergan PLC, Defendants. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.aboutlawsuits.com/wp-content/uploads/2022-01-24-Complaint.pdf>

13. IN RE Allergan Biocell Textured Breast Implant Products Liability Litigation [Электронный ресурс] // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCOURTS-njd-2_19-md-02921/pdf/USCOURTS-njd-2_19-md-02921-2.pdf

Кроливец Вита Александровна
Донбасский государственный университет юстиции
Межрегиональный юридический институт
Россия, Донецк
vita.alexandrovna@yandex.ru
Krolivetz Vita
Donbass State University of Justice
Interregional Law Institute
Russia, Donetsk

СЮЖЕТ КАК ОХРАНЯЕМЫЙ ОБЪЕКТ В СОСТАВЕ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация: в данной работе проводится анализ сюжета как охраняемого объекта в составе аудиовизуального произведения. В результате анализа отечественного законодательства и судебной практики выявлены основные проблемы, пути их решения в современном гражданском праве, которые направлены на совершенствование законодательной базы.

Ключевые слова: аудиовизуальное произведение, авторское право, произведение, творческий характер, сюжет.

THE PLOT AS A PROTECTED OBJECT AS PART OF AN AUDIOVISUAL WORK

Annotation: this paper analyzes the plot as a protected object as part of an audiovisual work. As a result of the analysis of domestic legislation and judicial practice, the main problems and ways to solve them in modern civil law have been identified, which are aimed at improving the legislative framework.

Key words: audiovisual work, copyright, works, creative character, plot.

Сегодня в мире развивающихся технологий среди объектов права интеллектуальной собственности самым популярным является авторское право, а в общей массе выделяются аудиовизуальные произведения, как приносящие достаточно неплохую экономическую выгоду, что и стало поводом включения их национальными и международными законодательствами в список охраняемых объектов интеллектуальной собственности. Поэтому можно сказать, что один из важнейших объектов авторского права – аудиовизуальное произведение.

Аудиовизуальные произведения, как объекты интеллектуальной собственности, пользуются большой популярностью благодаря своей экономической ценности. Аудиовизуальное произведение является сложным объектом авторского права, состоящим из нескольких составных частей, которые также могут выступать в роли самостоятельных произведений.

Сюжет – это основной элемент аудиовизуального произведения, который несет в себе смысл и смысловую нагрузку. Как важный компонент целостного искусства, сюжет выполняет функцию связывающего звук, изображение и музыку, создавая у зрителя/слушателя определенный опыт. В связи с этим, проблема защиты сюжета как объекта авторских прав приобретает важное значение в контексте создания и распространения аудиовизуальных произведений.

Являясь ключевым аспектом авторских прав в контексте аудиовизуальных произведений, сюжет служит неотъемлемой частью их самобытности и уникальности. Хотя в существующем законодательстве недостаточно проработан вопрос юридической защиты сюжета, прежде всего важно четко определить этот элемент, прежде чем обсуждать проблемы, связанные с его обеспечением и признанием.

Согласно Д.Н. Ушакову, сюжет – это совокупность действий, событий, в которых раскрывается основное содержание художественного произведения [1, с. 374]. В.Я. Ионас же определял сюжет как схему произведения, то есть как связь и последовательность действий и событий, о которых говорится в художественном произведении (а в живописи - отдельное событие, действие, сцена) [2, с. 88].

Отсутствие теоретического и правового определения сюжета произведения вызывает неоднозначность правового подхода к его толкованию. Литературоведы лишь предлагают абстрактные характеристики этого понятия, но не дают четкого определения. Однако, невозможно начать правовое исследование сюжета без понимания его признаков и специфики.

Обратившись к юридической доктрине, отметим, что по мнению таких правоведов как А. Ваксберг и И. Грингольц, сюжет или фабула и замысел, выраженные в материальной форме, защищаются авторским правом и составляют объект авторского права [3, с. 33]. Рассматривая правовую самостоятельность сюжета, противоположное мнение высказывали исследователи Б.С. Антимонов и Е.А. Флейшиц, утверждая, что правом охраняется само произведение в целом, а сюжет не является самостоятельным произведением [4, с. 85]. М. В. Гордон придерживается схожей точкой зрения, настаивая, что сюжет не является произведением и сам по себе авторским правом не охраняется, а объектом авторского права является все произведение в целом [5, с. 133].

Известный академик В. В. Виноградов характеризует сюжет как открытую структуру связей и соотношений образов и мотивов, представляющих общую конструкцию словесно-художественного произведения, как таковой каркас. Он отмечает, что внутреннее ядро обладает устойчивостью в соотношении и взаимодействии основных звеньев сюжета, а также направление общих тенденций их развитие при всех его вариациях при

всех наслоениях остается прежним. При этом изменения основных элементов сюжета, подчинены строгим историческим закономерностям. В этой связи сюжет в жизни литературы не может подвергаться механическому дроблению и рассечению.

Автор выделяет в содержании сюжета три различных элемента, каждому из которых соответствует свой вид соотношения. Первая категория сюжета, по определению Виноградова В.В., представляет собой жизненную ситуацию, которая может послужить основой для создания произведения. Вторая категория сюжета состоит из внутренних, органически связанных со структурным ядром сюжета элементов. Третья категория сюжета состоит из ассоциативно-приближенных или свободных и присоединительных элементов.

Этот подход интересен тем, что с его помощью ученый предлагает определять наличие плагиата в произведении. Если в нескольких произведениях обнаруживается сходство сюжета, проводится судебная проверка на совпадение структурных элементов в специальных таблицах. По терминологии В. В. Виноградова, когда центральное ядро сюжетной линии совпадает, это не свидетельствует о неправомерности заимствования, так как оно творится жизнью, а не создается. Однако, если совпадают присоединительные и свободные элементы сюжета, можно говорить о неправомерности заимствования. К таким элементам, например, относятся художественные образы и характеристики персонажей [6, с. 13]. Как пишет В. Ионас, система образов является существенным элементом произведения и в этой связи заимствование оригинального сюжета приводит к заимствованию образов, что требует согласия автора оригинала [2, с. 88].

Что касается аудиовизуального произведения, то оригинальная сюжетная линия составляет его творческую основу и является неотделимым элементом образной системы. В связи с этим, становится понятно, что с развитием

кинематографа восприятие сюжета как неохораняемого элемента произведения уже не является верным и нуждается в переосмыслении.

Согласно пункту 7 статьи 1259 ГК РФ, авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонаж произведения, если они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают установленным законом требованиям.

Из этого следует, что для получения охраны авторским правом сюжет произведения должен соответствовать определенным критериям, таким как: оригинальность или уникальность, объективная форма и возможность самостоятельного использования, возможность воспроизведения.

В п.1 ст.1258 ГК РФ законодатель в контексте понятия соавторства дает следующее определение, важное для обсуждения возможности об авторско-правовой охране части произведения. В п.2 ст. 1258 ГК РФ указано, что «часть произведения, использование которой возможно независимо от других частей, то есть часть, имеющая самостоятельное значение, может быть использована ее автором по своему усмотрению, если соглашением между соавторами не предусмотрено иное» [7].

Следовательно, можно считать, что каждая часть произведения может подлежать защите авторским правом, в случае, если эта часть соответствует всем требованиям, предъявляемым к произведению. Соответственно, эта часть произведения должна быть оригинальным результатом творческой деятельности и выражаться в объективной форме.

Сюжет произведения, как и любое произведение на стадии его создания, формируется в сознании автора. Чтобы соответствовать критерию оригинальности, он должен обладать творческим характером, содержать оригинальное развитие событий, в которых участвуют персонажи, а также включать в себя множество художественных элементов. Кроме того, будучи результатом интеллектуальной деятельности, сюжет произведения должен быть

воспроизводимым. Большинство исследователей в области авторского права считают, что воспроизводимость и объективная форма являются единым признаком произведения, охраняемого авторским правом, то есть само по себе произведение, выраженное в объективной форме, подразумевает возможность его воспроизведения. Э.П. Гаврилов отметил, что в настоящее время для признания произведения объектом авторского права не требуется наличия возможности его воспроизведения [8, с. 121]. Исходя из этого, можно предположить, что объективной формой сюжета аудиовизуального произведения может быть сценарий, хотя вопрос его статуса как объекта авторского права остается предметом спора. Многие современные юристы придерживаются мнения, что сценарий является лишь техническим вспомогательным документом.

Касательно судебной практики, то ее недостаточно много, в отношении сюжета как составной части аудиовизуального произведения. К примеру, гражданин М. опубликовал в газете фельетон, по сюжету которого впоследствии театр музыкальной комедии поставил оперетту. Автор в суде потребовал от театра прекратить постановку оперетты, считая, что действия театра нарушают его права на использование фельетона – лишают возможности самостоятельно разрабатывать поднятую тему для создания произведения в другом жанре. В исковом заявлении судом было отказано. Суд аргументировал решение тем, что использование сообщения в прессе для написания либретто к оперетте не является нарушением прав автора сообщения. Нетрудно сделать вывод, что суд ушел от дискуссии по поводу правомерности использования сюжета, а обосновал свой отказ совершенно другим основанием: сообщения информационного характера в прессе не охраняются авторским правом.

Согласно п.1 ст.1259 ГК РФ, объект авторского права – это произведение, и сюжет произведения не является охраняемым с точки зрения авторского права. В связи с вышеизложенным, данная норм логически несостоятельна, так

как придавая авторско-правовую защиту произведению как самостоятельному объекту права, закон охраняет и элементы произведения.

Как уже отмечалось ранее, сюжет аудиовизуального произведения может являться охраняемым объектом в составе аудиовизуального произведения, если он по своему характеру является самостоятельным результатом творческого труда автора и соответствует признакам части произведения, то есть, выражен в объективной форме, содержит оригинальное развитие событий, в которых задействованы самостоятельные персонажи аудиовизуального произведения, через которые передаются взаимоотношения и их характер.

В связи с тем, что сюжет имеет самостоятельное значение и ему должна быть предоставлена правовая охрана в качестве части произведения, предлагается дополнить п.7 ст.1259 ГК РФ указанием на то, что авторские права распространяются, в том числе на сюжет произведения.

Данное изменение позволит предоставить правовую охрану сюжету, что поможет защитить права и законные интересы создателей аудиовизуального произведения.

Список литературы:

1. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935. – 912 с.
2. Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. – М.: Юридическая литература, 1972. – 137 с.
3. Ваксберг А., Грингольц И. Автор в кино, изд-во «Искусство». Москва, 1961. – 285 с.
4. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. – М.: Юридическая литература. – 1957. – 280 с.
5. Гордон М.В. Советское авторское право. Государственное изд-во юридической литературы. – М., 1955. – 360 с.

6. Виноградов В.В. Сюжет и стиль, изд-во АН СССР, 1963. – 192 с.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая):
Федеральный закон от 18.12.2006 №230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание
законодательства Российской Федерации. – 25.12.2006. – №52 (ч. 1). – Ст. 5496.

8. Гаврилов Э.П. Авторское право на персонаж // Право
интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. – М.
Юрсервитум, 2016. – 325 с.

Лященко Александр Юрьевич

Российский государственный университет правосудия
Факультет подготовки специалистов для судебной системы
очной формы обучения (очный юридический факультет)

Россия, Москва

lyashchenko.alexander.27032004@yandex.ru

Lyashchenko Alexander

Russian State University of Justice

Faculty of Training specialists for the full-time judicial system
(full-time Faculty of Law)

Russia, Moscow

ПРАВО МУЖА НА РАЗВОД С СУПРУГОЙ, БЕРЕМЕННОЙ ЧУЖИМ РЕБЁНКОМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЙ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: в представленной работе рассматривается актуальность и перспектива внесения изменения в ст. 17 Семейного кодекса РФ в части ограничения права на развод супругов при условии беременности жены только общим ребёнком. Автором предпринята попытка обоснования о перспективе внесения изменения в действующий Семейный кодекс РФ с точки зрения исторического и формально-догматического подходов.

Ключевые слова: семья, брак, семейные ценности, нравственные основы, прекращение брака, развод.

THE RIGHT OF A HUSBAND TO DIVORCE HIS WIFE WHO IS PREGNANT WITH SOMEONE ELSE'S CHILD: PROSPECTS FOR CHANGES IN FAMILY LAW

Annotation: the presented work examines the relevance and prospect of amending Article 17 of the Family Code of the Russian Federation in terms of restricting the right to divorce spouses if the wife is pregnant with only a common child. The author attempts to substantiate the prospect of amending the current Family Code of the Russian Federation from the point of view of historical and formal dogmatic approaches.

Key words: family, marriage, family values, moral foundations, termination of marriage, divorce.

Семейные правоотношения являются особой разновидностью юридической связи субъектов, которая основывается на специфических юридических фактах (вступление в брак, рождение детей и др.). Как указывал проф. А. И. Загорский, «Семья есть группа лиц, связанных браком или родством, живущих совместно друг с другом» [1, с. 1]. Как видим, основанием возникновения семейного союза является брак.

Брак есть совокупность отношений между людьми, прежде всего таких, которые основаны на любви и взаимопонимании, отношения, которые имеют конечной целью создание и развитие семьи. К сожалению, люди способны совершать различные действия, вследствие которых брак может прекратиться либо его существование утрачивает исходное значение.

Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) детально регламентирует основания и порядок прекращения брака. Однако в ст. 17 СК РФ содержится ограничение права предъявления мужем требования о расторжении брака: «Муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребёнка» [2]. Цель подобного правового регулирования достаточно ясна: законодатель стремится защитить жену, которая находится в особом психофизиологическом состоянии (отметим, что Конституционный Суд РФ также использует подобные

формулировки при толковании норм, обосновывающих особое положение и состояние женщины, указывая, например, по делу об административном правонарушении касательно различия наказаний для мужчин и женщин следующее: «...охрана государством здоровья и социального благополучия именно женщины-матери (по совокупности физиологических и нравственно-психологических факторов), не может рассматриваться как нарушающее какие-либо конституционные права и свободы иных категорий граждан...» [3], здесь также преследуется цель защитить мать ребёнка и в конечном счёте - самого ребёнка). Соответственно, муж, который требует развода, должен сначала обеспечить благополучие жены в указанный период (с оговоркой лишь на то, что возможно согласие самой жены на развод).

Однако на практике возможны ситуации, когда муж требует развода вследствие нарушения женой собственно их брачного союза, её беременности от иного человека. Согласно данной норме закона муж в подобных ситуациях также вынужден пребывать с неверной женой. Г. Ф. Шершеневич в общих положениях о расторжении брака пишет о том, что «Нравственный союз, потерявший свою нравственную основу, должен быть расторгнут, иначе он может принять форму безнравственного общения» [4, с. 646], что отчётливо согласуется с характеристиками семейных отношений и в современном семейном праве России.

В современном российском правовом регулировании отсутствует возможность мужа требовать расторжения брака даже при подобных казусах. Однако 8 июля 2024 г. в Государственную Думу РФ был внесён законопроект № 666316-8 «О внесении изменений в статью 17 Семейного кодекса Российской Федерации», которым предлагается изменить указанную норму СК РФ следующим образом: «Муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения **общего** ребенка» [5]. В пояснительной записке к проекту закона

достаточно подробно, на наш взгляд, обосновано настоящее изменение. Главной причиной следует обозначить, что «В ситуациях, когда ребенок не является общим для супругов, возникает несправедливое ограничение прав мужа на расторжение брака. Это может приводить к злоупотреблениям со стороны недобросовестных супругов и нарушению принципа равенства прав в семейных отношениях» [5]. Более того, к причинам внесения изменений относятся: 1) проблема продолжения режима общей совместной собственности супругов, что приводит к «...несправедливому разделу имущества при последующем расторжении брака» [5]; 2) проблема финансовых расходов на жену и не являющегося общим ребёнком, что также «...противоречит принципам справедливости и равенства прав супругов» [5]; 3) проблема возникновения опасений у граждан, приводящая к «...увеличению числа незарегистрированных союзов и, как следствие, к снижению правовой защищенности семей и детей» [5]; 4) препятствие для «...реализации права ребенка на воспитание биологическим отцом, что не соответствует принципам защиты интересов детей, закрепленным в международном праве и российском законодательстве» [5]; 5) «...дополнительные сложности в правоприменительной практике...» [5]. Необходимо помнить при решении данной проблемы о публичности институтов семьи и брака, в связи с чем проф. О. Ю. Ильина достаточно верно отмечает: «...в СК РФ прослеживается публичный интерес в признании ценности семьи как социально-правового института, в связи с чем различные попытки дискредитировать семью как особый союз могут повлечь аннулирование соответствующих состояний...» [6, с. 120]. При подобных ситуациях действия супруги выглядят именно дискредитирующими семейные ценности, поскольку она нарушает нравственные основы брака и семьи, следовательно, полагает это допустимым. Касательно подобных проблем, на наш взгляд, не представляется говорить как о случайностях и допустимых отклонениях, а также о праве на ошибку. Семья и

брак не являются уже теми состояниями, где люди могут исполнять свои обязанности и осуществлять права как им будет угодно. Семья и брак – это, в первую очередь, ответственность. Мы можем говорить о подрыве в сложившихся ситуациях как правового регулирования, так и публичных интересов общества и государства в целом, поскольку институт семьи обеспечивает воспроизводство новых поколений людей и именно в нём закладываются первоначальные нравственные начала поведения будущих поколений людей.

Однако на данный момент существуют и другие мнения, в частности такое, что «...обстоятельства могут быть разными, а защищать нужно прежде всего женщину с ребенком, которые в этот период находятся в уязвимом положении. Ведь бывает, что мужчина осознанно женится на женщине, которая беременна от другого, а потом вдруг передумывает, оставив ее без заботы и поддержки» [7]. Действительно, в подобных конфликтах уязвимым субъектом является именно женщина-мать, однако это обстоятельство не меняет факта нарушения супругой нравственных обязанностей, если мы говорим о продолжительном браке, данное отступление от семейных ценностей объективно приводит к фактическому (ещё не юридическому) прекращению брачных правоотношений. В противном случае, если законодательное регулирование в контексте данных проблем будет опираться исключительно на защиту состояния женщины, то это может также повлечь нарушение абз. 2 п. 1 ст. 1 СК РФ, в котором закреплено, что «Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов...» [2]. Представив подобное состояние, в котором может оказаться семья, вряд ли мы можем говорить о вышеперечисленных категориях. Если рассматривать отсутствие подобного правового регулирования как попытку законодателя укрепить семью и препятствовать её

распаду, то это обстоятельство также наносит ущерб семье, которая уже лишилась своего морально-нравственного содержания и сохраняется лишь юридически (формально). Рождение и становление детей в таких семьях может оказаться куда более пагубным для развития личности ребёнка, чем его жизнь либо с одним из родителей, либо впоследствии жизнь в полной семье, один из родителей в которой является приёмным, однако в такой семье будут господствовать уже истинные семейные ценности. Таким образом, рассматриваемый конфликт не должен ни в коем случае разрешаться путём «сдерживания» и тем более нарушением прав добросовестного супруга.

В контексте поставленного вопроса представляется обоснованным рассмотреть также правовое регулирование в дореволюционной России и в советский период в призме сравнительного правоведения.

В Своде законов Российской империи существовала ст. 45 отделения «О расторжении и прекращении браков» (т. X), в п. 1 которой предусматривалось, что «Брак может быть расторгнут только формальнымъ духовнымъ судомъ, по просьбѣ одного изъ супруговъ: 1) въ случаѣ доказаннаго прелюбодѣянiя другого супруга, или неспособности его къ брачному сожитiю...» [8]. Интересным выглядит правовое положение рождённых таким образом детей: «132. ... Внѣбрачныя дѣти суть: ... 2) происшедшія отъ прелюбодѣянiя...» [8], однако «135. ... Дѣти, рожденныя отъ брака, расторгнутаго по причинѣ прелюбодѣянiя матери, признаются однако же законными, если рожденіе ихъ прежде расторженiя сего брака не было сокрыто отъ мужа и если нѣтъ другихъ доказательствъ ихъ внѣбрачности» [8].

Таким образом, мы видим, что в дореволюционной России существовало довольно разработанное правовое регулирование данной проблемы, причём его можно охарактеризовать как достаточно гибкое. Законодательство тех лет предусматривало, во-первых, прекращение брака при измене любого супруга (отметим также, что в ст. 16 среди оснований прекращения брака в

современном СК РФ прямо данные обстоятельства не нашли отражения [2]), но также регулировало и положение рождённых при данных обстоятельствах детей: по общему правилу они признавались внебрачными (что во времена Российской империи имело важные правовые и социальные последствия), но также и возможность признания их законными при определённых условиях (муж знает о самом факте и дети рождаются в существующем браке). Возможно также говорить о менталитете людей той эпохи и их, в определённой степени, набожности как причинах более подробного регулирования указанных ситуаций, ведь семейные ценности тогда во многом проводились в жизнь благодаря религии и Церкви, что в целом требовало повышенного внимания к институту семьи и брака.

В советской России нормы семейного права были несколько раз кодифицированы. В самом первом Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г. относительно вопроса о правовом регулировании развода с неверной беременной супругой, прямых указаний мы не найдём. Однако в ст. 140 указывается (обращаем внимание на примечание к ст.): «Забеременевшая и не состоящая в браке женщина не позднее как за 3 месяца до разрешения от бремени подает заявление в местный Отдел записи актов гражданского состояния по своему месту жительства, указывая время зачатия, имя и место жительства отца. **Примечание. Такое же заявление может быть подано и состоящей в браке женщиной, если зачатый ею ребенок происходит не от зарегистрированного ее мужа**» [9, с. 50]. Согласно закону, такому лицу давался двухнедельный срок для возбуждения дела против указанной матери, в противном случае он признавался отцом, а также, если судом будет установлено, что лицо является отцом ребенка по «...естественному ходу вещей...» [9, с. 50]. Как видим, в законе ничего не говорится о прелюбодеянии супругов (как в законах Российской империи), о рождении в результате

подобных действий внебрачных детей. Объяснение такому положению можно найти в идеологии того времени, достаточно процитировать строки из работы В. И. Ленина «Советская власть и положение женщины»: «Просвещение, культура, цивилизация, свобода, - все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических буржуазных республиках мира с неслыханно подлыми, отвратительно грязными, зверски грубыми законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчин, об унижении и оскорблении для женщины» [10, с. 204]. Таким образом, в подобных рассматриваемому вопросу ситуациях решающую роль играла революционная идеология, которая базировалась на непринятии буржуазных порядков (видим противопоставление нормам о внебрачных детях в имперских законах).

В Кодексе законов о браке, семье и опеке, утверждённом Постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г. норма, которая регулировала рождение ребёнка женщиной не от своего мужа, отсутствует. В данном акте внимание уделено по большей части рождению детей женщинами, которые вообще в зарегистрированных браках не состоят (акцент делается на правовом положении детей, родившихся в фактических брачных отношениях) [9, с. 89-91].

Правовое регулирование в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье от 27 июня 1968 г. является максимально приближенным к современному. Именно в этом акте, в ст. 14, и закреплена впервые в истории российского семейного права формулировка: «Муж не вправе без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка» [9, с. 143]. Заметно лишь то, что данная нормы вынесена не в отдельную статью, а содержится среди общих положений о прекращении брака. Однако в этой связи стоит также отметить наличие в данном правовом акте закрепления общих

семейных ценностей, в частности, в ст. 1 среди задач советского законодательства о браке и семье указывается на «...построение семейных отношений на добровольном брачном союзе женщины и мужчины, на свободных от материальных расчётов чувствах взаимной любви, дружбы и уважения всех членов семьи...» [9, с. 133]. На наш взгляд, такое развитие законодательства обусловлено тем, что в Советском Союзе провозглашались идеи коммунистической семьи, которые не могли просто объективно сочетаться с нормами о возможном рождении ребёнка не от законного супруга. Вследствие этого норма в ст. 14 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье от 27 июня 1968 г. была составлена в обобщённом виде. Однако попытка «не замечать» на уровне идеологии и государства рассматриваемые проблемы не изменяет фактов реальной жизни людей. Данное правило перетекло впоследствии в действующий Семейный кодекс РФ, что в современном обществе создаёт правовые и социальные тупики (ни в коем случае нельзя говорить о допустимости подобного поведения в семье, однако необходимо иметь действенные правовые средства разрешения таких конфликтов, ведь избегание конфликта не есть способ его адекватного разрешения).

В результате представляется возможным законодательное регулирование в следующем порядке: во-первых, необходимо создать собственно норму, правило, которое станет регулировать отношения супругов при условии их желания прекратить брак и беременности супруги ребёнком; во-вторых, разработать практически реализуемый механизм развода при установлении беременности жены не от своего супруга и саму процедуру доказывания в гражданском процессе, для чего также необходим определённый временный период, чтобы подготовить общество и создать все условия для работы такого механизма.

Таким образом, принимая во внимание всё вышеизложенное, необходимо сделать несколько выводов: 1) семейные правоотношения специфичны тем, что преобладающую долю в их регулировании занимают морально-нравственные начала, которые не могут диктоваться лишь позитивным правом, но должны согласовываться с объективными фактами реальности, а также менталитетом и традициями общества; 2) правовое регулирование конфликта мужа и беременной чужим ребёнком жены в браке в России на протяжении истории имело отпечаток идеологии и религии, что нашло отражение в явном порицании таких фактов и возможности расторжения брака в дореволюционной России, а также отход от традиционных семейных ценностей в ранний советский период на фоне ухода от буржуазных мотивов в частной жизни лиц; 3) представляется актуальным и возможным принятие закона о внесении изменения в ст. 17 действующего Семейного кодекса РФ в целях как защиты интересов и доброго имени добросовестного супруга-мужа, так и укрепления авторитета традиционных институтов семьи и брака в Российской Федерации; 4) видится перспективным дальнейшее изучение данных проблем и их правовое регулирование не только в России, но и за рубежом с целью нахождения «золотой середины» в соотношении частных и публичных интересов в семье и браке.

Список литературы:

1. Загоровский А. И. Курс семейного права / Загоровский А. И. - 2-е изд., с изм. и доп. - Одесса : «Экономическая» типография, 1902. 460 с. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003704550/?ysclid=lyx7owa2h882323177 (дата обращения: 22.07.2024).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 15.10.2020 № 2375-О «По жалобе гражданина Милова Владимира Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.

4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914- 1915 гг.) : в 2 томах. Том 1 : учебник / Г. Ф. Шершеневич. - Москва : Статут, 2021. 838 с. // URL: <https://znanium.com/catalog/product/1859669> (дата обращения: 22.07.2024).

5. Законопроект № 666316-8 «О внесении изменения в статью 17 Семейного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/666316-8> (дата обращения: 22.07.2024).

6. Ильина О. Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей / О. Ю. Ильина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2(78). С. 116-125.

7. Отец за чужого сына не отвечает. В Госдуме спорят о праве мужа разводиться с неверной женой // URL: <https://www.pnp.ru/politics/otec-za-chuzhogo-syna-ne-otvechaet.html?ysclid=lyx2mxcdxk672529450> (дата обращения: 22.07.2024).

8. Свод законов Российской империи. Издание в 16 томах. Т. X. «Свод законов гражданских. Свод законов межевых» // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire_iframe&bpas=303&ysclid=lyx2um8x569914051 (дата обращения: 22.07.2024).

9. Крашенинников П. В. Кодификация отечественного семейного права (1918-1969) : сборник документов / П. В. Крашенинников, О. А. Рузакова. Москва : Статут, 2019. 256 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1079392> (дата обращения: 22.07.2024).

10. Документы по истории советской Конституции. - Москва : Юридическое Издательство НКЮ СССР, 1938. 463 с. // URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003082874?page=491&rotate=0&theme=white (дата обращения: 22.07.2024).

УДК 347.6

Миронова Надежда Викторовна

Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина
(МГЮА)

Институт публичного права и управления

Россия, Москва

nadamironova02@mail.ru

Mironova Nadezhda

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Public Law and Administration

Russia, Moscow

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ О РОДИТЕЛЬСКОМ КИДНЕПИНГЕ

Аннотация: в статье обсуждается возможность использования медиации для решения вопросов, связанных с родительским киднеппингом. Рассматриваются эффективность и применимость медиации в случаях незаконного перемещения ребенка одним из родителей. Приводятся примеры правоприменительной практики как в России, так и за границей, а также исследуется положительный опыт установления совместной опеки, закрепленной в нормах зарубежных правовых систем. Автор приходит к выводу о перспективах применения медиации для достижения согласия между родителями и восстановления их отношений.

Ключевые слова: родительский киднеппинг, медиация, место жительства ребенка, порядок общения с ребенком, наилучшие интересы ребенка.

POSSIBILITY OF USING THE MEDIATION PROCEDURE WHEN RESOLVING QUESTIONS ABOUT PARENTAL KIDNAPPING

Annotation: the article discusses the possibility of using mediation to resolve issues related to parental kidnapping. The effectiveness and applicability of mediation in cases of illegal removal of a child by one of the parents are considered. Examples of law enforcement practice both in Russia and abroad are given, and the positive experience of establishing joint custody, enshrined in the norms of foreign legal systems, is also explored. The author comes to the conclusion about the prospects of using mediation to achieve agreement between parents and restore their relationship.

Key words: parental kidnapping, mediation, place of residence of the child, order of communication with the child, best interests of the child.

В результате конституционной реформы 2020 года текст Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) был дополнен статьей 67.1, которая в части 4 закрепляет положение о том, что дети представляют собой приоритет государственной политики России [1]. Именно поэтому вопрос, связанный с похищением детей, требует особого внимания, в том числе внимания со стороны государства. Проблема семейного киднеппинга, который, в частности, включает в себя и родительский, в современном мире является нерешенной и требует осуществления императивных действий со стороны законодателя для её разрешения.

В Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей семейный киднеппинг определяется через «незаконные действия, такие как перемещение или удержание ребенка, которые осуществляются с нарушением прав опеки, а также являются актом невозвращения ребенка после его законного перемещения» [2]. В связи с отсутствием в законодательстве Российской Федерации определения понятий «семейный киднеппинг», «родительский киднеппинг», «похищение ребенка законным представителем», считаем необходимым обратиться к доктринальным источникам. М.В. Карманов отмечает, что термин

«киднеппинг» не имеет однозначного толкования, в широком смысле он обозначает похищение людей, а в узком похищение детей [3, с. 68]. В.А. Дергунова и А.Д. Прокопова в совместной монографии определяют семейный киднеппинг через «злоупотребление родительскими правами в форме чинения препятствий одним родителем другому в общении с ребенком и (или) сокрытии его места нахождения» [4, с. 263]. Учитывая вышеизложенное и обобщая доктринальные и международные подходы к определению родительского киднеппинга, можно предложить следующую формулировку данного понятия: «похищение ребенка в нарушение принципа равенства прав родителей, дальнейшее воспрепятствование общению с ребенком второму родителю, в том числе при наличии соглашения/решения суда, ущемление в правах ребенка на общение и воспитание каждым из родителей» [5, с. 91].

Чаще всего киднеппинг вызван конфликтом между супругами или бывшими супругами, который вызван невозможностью прийти к компромиссу при решении вопросов об определении порядка общения с ребенком и определении места его жительства, хотя процедура определения места жительства ребенка при раздельном проживании родителей закреплена в ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), именно в третьем пункте содержатся два пути разрешения данного вопроса [6]. Первый – внесудебный порядок, который предполагает заключение соглашения между родителями. В данном соглашении определяется место жительства ребенка, порядок общения с родителем, который проживает отдельно, а также другие вопросы, касающиеся воспитания ребенка. Законодательство не обязывает оформлять соглашение в письменной и нотариальной форме. Тем не менее, родители должны учитывать мнение своих детей, достигших десяти лет, при условии, что это мнение соответствует интересам детей. Вторым вариантом является судебный порядок, в рамках которого суд, исходя из учета наилучших интересов детей, принимает решение о месте их жительства.

В настоящее время оба этих порядка не способны эффективно справиться с проблемой родительского киднеппинга, поскольку родитель, с которым ребенок не живет, часто игнорирует решение суда. На первый взгляд, в таких случаях предусмотрена административная ответственность для недобросовестного родителя [7]. Однако и штраф не пугает такого родителя [8], в связи с чем законодателю необходимо предусмотреть иные способы защиты прав ребенка и добросовестного родителя, например, по мнению автора, возможно введение института совместной опеки, в рамках которого оба родителя проводят одинаковое количество времени с ребенком. В праве ряда зарубежных стран законодательно закреплён институт совместной опеки, который позволяет родителям выбрать одну из форм опеки. Например, в США существует два вида опеки: «**Legal custody**» (юридическая опека) и «**Physical custody**» (физическая опека) [9]. В свою очередь, в законодательстве Швеции ребенок остаётся под совместной опекой, изменение на единоличную опеку возможно лишь в случае наличия действий со стороны одного родителя, противоречащих интересам ребенка [10]. Во Франции, по ходатайству, родители «могут установить недельный порядок общения с ребенком, учитывая возраст, пол ребенка, местожительства» [11].

Создание института совместной опеки может существенно снизить проблему родительского киднеппинга. Чтобы защитить добросовестного родителя от незаконного похищения ребенка, необходимо разработать порядок принудительного исполнения соглашений в рамках этого института. На наш взгляд, данный вопрос можно решить путем внесения дополнения в статью 12 Федерального закона от 02.10.2007 года №229 «Об исполнительном производстве», добавив новый вид исполнительных документов – соглашение о совместной опеке. Это позволит родителям урегулировать вопросы, касающиеся совместной опеки над ребенком, через медиативное соглашение, которое при нотариальном удостоверении будет иметь силу исполнительного

документа. Однако введение института совместной опеки и наделение соглашения статусом исполнительного документа не соответствует текущей судебной практике и позиции судов в России.

Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в определении от 29.01.2019 года №18-КГ18-223 оценив решения, судов первой инстанции, пришел к выводу о несогласии с ними [12]. О.Н. Новожилова подала исковое заявление об определении места жительства ребенка, взыскании алиментов на содержание ребенка, определении порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя, в свою очередь М.С. Веретельников подал встречное исковое заявление об определении места жительства ребенка с отцом и определении порядка общения матери с ребенком. Суд принял решение удовлетворить требования каждого из родителя частично: место жительства было определено с матерью, а порядок общения с отцом был установлен так, что ребенок фактически проживает и с матерью, и с отцом равное количество времени. Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ направила данное дело на новое рассмотрение, объяснив свою позицию тем, что совместный формат опеки приводит к формированию у ребенка двойственного восприятия реальности и лишает его чувства «настоящего дома». При «опеке 50/50» ребенок вынужден делить свое время между двумя домами, что может оказывать негативное влияние на его психическое состояние.

Анализ судебной практики позволяет выдвинуть предположение о том, что российский законодатель «настроен» отрицательно в отношении создания института совместной опеки. Невозможность внесения изменений в ФЗ «Об исполнительном производстве» связано в первую очередь с тем, что нотариус не удостоверит соглашение, которое не соответствует принципу законности, о чем также говорилось в приведённом ранее Определении ВС РФ.

Для того чтобы оценить, насколько позиция ВС РФ является верной и обоснованной, стоит определить объект защиты, из-за которого предлагаемые

автором изменения нерелеванты для отечественного законодателя. ВС РФ указал на то, что совместная опека не соответствует наилучшим интересам ребенка, поскольку она может создавать психотравмирующие условия. При решении вопроса о месте жительства ребенка, объектом защиты выступают его интересы, которые являются приоритетными при разрешении семейных споров.

Законодательно до сих пор не определен перечень интересов ребенка, неясно, что под ними понимает ВС РФ. У отечественной научной школы отмечается единый подход к содержательной части определения «интересы ребенка». Профессор Ю.Ф. Беспалов в своей работе «Некоторые вопросы реализации семейных прав ребенка (теория и практика)» определял интересы ребенка через «потребность в создании условий, которые необходимы для содержания и благополучного развития и подготовки его к самостоятельной жизни» [13, с. 53]. Само по себе определение «наилучшие интересы ребенка» является межотраслевым, об этом говорит О.Ю. Ильина в своей работе, посвящённой анализу иерархии интересов в семье [14]. О.Г. Миролюбова определяет «интересы ребенка», также как и профессор Ю.Ф. Беспалов через «потребность ребенка, которая в свою очередь охраняется государством и обеспечивает его наилучшее личностное развитие» [15, с. 58]. Обобщая доктринальные подходы к определению интересов ребенка, можно сформулировать следующее понятие: это все, что способствует благополучию, безопасности и удовлетворению изменчивых, в силу объективных и субъективных факторов, потребностей ребенка, удовлетворение которых обеспечивает ребенку наилучшие условия для полноценного развития и защиты его прав.

Также следует отметить, что в перечень прав ребенка, закрепленных в СК РФ, входят право жить и воспитываться в семье, а также право на общение с родителями и другими родственниками. Если суд устанавливает порядок общения с родителем, который проживает отдельно, и определяет место

жительства ребенка с другим родителем, а недобросовестный родитель похищает ребенка, то все эти действия нарушают права ребенка, о которых говорилось ранее. Позиция ВС РФ будет являться не совсем верной, ведь если ребенок находится в эпицентре семейного спора, который включает в себя родительский киднеппинг, то как раз именно данная обстановка будет являться психотравмирующей для ребенка.

«Жизнь ребенка на два дома», где оба родителя стараются создать комфортные условия для жизни своему ребенку, где родители пришли к компромиссу в вопросе о месте жительства и порядке общения или же жизнь в конфликтной ситуации, где местонахождение ребенка скрывают, где он вынужден постоянно переезжать, где у него отсутствует возможность общения с добросовестным родителем и иными родственниками? Наиболее показательным является пример Юлии Шик, матери двух сыновей, которая на протяжении нескольких лет искала своих детей после их похищения бывшим супругом и отцом мальчиков. Ей понадобился почти год ежедневного общения с детьми и множество визитов к психологу, чтобы помочь детям адаптироваться к новой жизни, из которой они были вырваны [16].

Автор не умаляет значимость позиции ВС РФ, отчасти с ней согласен, однако в вопросе родительского киднеппинга создание института совместной опеки и возможность урегулирования спора посредством процедуры медиации, наоборот, позволит уберечь ребенка от психотравмирующих ситуаций.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.

2. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902309>.
3. Карманов Михаил Владимирович Киднеппинг как объект прикладного исследования // Статистика и экономика. 2016. №2.
4. Дергунова В.А. Анализ правового регулирования и судебной практики разрешения споров родителей о детях // В.А. Дергунова, А.Д. Прокопова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2021 – 365 С.
5. Миронова Н.В. Родительский киднеппинг: правовое регулирование // Н.В. Миронова // Право и управление. – 2024. – № 2. – С. 91.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 01.01.1996. - № 1. – ч. 1, ст. 61.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – п. 2 ст. 5.35.
8. См., например, дело Юлии Юдинцевой о похищении Алексеем Паниным собственного ребенка // Обзор СМИ // [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/news/view/35783/> (дата обращения: 12.07.2024 года).
9. «What’s the Difference Between Custody and Visitation?» // [Электронный ресурс] // URL: <https://kinglawoffices.com/blog/family-law/whats-the-difference-between-custody-and-visitation/> (дата обращения: 10.07.2024 года).
10. Information material from Ministry of Justice, Sweden. Family law. // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.government.se/information-material/2013/08/family-law/> (дата обращения: 10.07.2024 года).
11. Дюка А.В., Сюкияйнен Э.Л. Право ребенка на общение с обоими родителями: законодательное закрепление и судебная практика во Франции и

Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 54.

12. Определение Верховного суда Российской Федерации от 29.01.2019 года №18-КГ18-223 // [Электронный ресурс] // URL: <https://ur29.ru/resheniya-sudov/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-18-kg18-223-ot-29-yanvarya-2019-goda/>.

13. Беспалов Ю.Ф. Несовершенство Российского законодательства о семье, семейных ценностях и пути его преодоления // Ю.Ф. Беспалов. – Москва: Проспект, 2021. – 191 с.

14. Ильина О.Ю. Понятие и иерархия интересов в семье и семейных правоотношениях // М. 2015 С. 53.

15. Миролубова О.Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка // Вестник ЯрГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 4/1. С. 57—58.

16. Обзор материалов СМИ // [Электронный ресурс] // URL: <https://spbformat.ru/news/yuliya-shik-vozvrashhaetsya-domoy-iz-portugalii-s-detmi/> (дата обращения: 14.07.2024 года).

Морозов Андрей Александрович

Северо-Западный филиал

Российского государственного университета правосудия

Кафедра гражданского права

Россия, Санкт-Петербург

9126543@mail.ru

Morozov Andrey

North-Western branch

of the Russian State University of Justice

Department of Civil Law

Russia, Saint-Petersburg

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО СПОСОБА РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВАХ

Аннотация: в статье рассматривается применение процедуры медиации как альтернативного способа разрешения споров между участниками правоотношений с целью достижения примирения и взаимоприемлемого результата. Анализ законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод, что медиация является процедурой конструктивного разрешения споров на основе сотрудничества сторон как в судебном, так и внесудебном порядке. Отдельные процедурные аспекты медиации, вызывающие неоднозначное решение, нуждаются в законодательном регулировании, что будет способствовать совершенствованию процедуры заключения мирового соглашения при разрешении конфликта на основе принципов добровольности и добросовестности сторон.

Ключевые слова: примирительные процедуры, добросовестность сторон, медиация, мировое соглашение, защита прав и интересов сторон, судебный и внесудебный порядок разрешения споров.

FEATURES OF USING MEDIATION AS AN ALTERNATIVE METHOD FOR RESOLVING DISPUTES IN COURT PROCEEDINGS

Annotation: the article discusses the use of the mediation procedure as an alternative method of resolving disputes between participants in legal relations in order to achieve reconciliation and a mutually acceptable result. An analysis of legislation and judicial practice allows us to conclude that mediation is a procedure for constructive resolution of disputes based on cooperation of the parties, both in court and out of court. Certain procedural aspects of mediation that cause ambiguous decisions require legislative regulation, which will help improve the procedure for concluding a settlement agreement when resolving a conflict based on the principles of voluntariness and good faith of the parties.

Key words: conciliation procedures, good faith of the parties, mediation, settlement agreement, protection of the rights and interests of the parties, judicial and extrajudicial procedures for resolving disputes.

В современном обществе все чаще возникают разногласия и конфликты, требующие разрешения как в судебном, так и внесудебном порядке. В связи с этим актуальным является поиск новых методов разрешения споров и урегулирования конфликтов, обеспечивающих доступность правосудия и защиту интересов сторон в соответствии с установленными требованиями [4, с. 42]. Процесс медиативного урегулирования споров – это актуальный механизм осуществления примирения между сторонами в гражданском судопроизводстве, помогает эффективно и оперативно добиться мирового соглашения, не затягивая разбирательство на длительные сроки.

Как утверждает М. А. Андреева, «проведение процедуры медиации способствует укреплению конституционных положений, качественному осуществлению участниками деловых правоотношений, а также обеспечивает оперативное и менее затратное урегулирование споров» [2, с. 35].

А. А. Брыжинский определяет медиацию «как бесконфликтный, мирный способ рассмотрения любого спора и урегулирование его между участниками на взаимной основе» [3, с. 109].

С каждым годом количество дел, рассматриваемых в судебном порядке, стремительно возрастает, что естественным образом влияет на загруженность аппарата суда. Например, за 2023 год в Арбитражном суде было рассмотрено 1 089 475 экономических споров и других дел, возникающих из гражданских правоотношений, из них 30 962 дел завершились путем заключения мирового соглашения [12]. Показатели применения медиации в судах общей юрисдикции также высоки: за 2022 год было заключено около 367 мировых соглашений после проведения процедуры медиации, что на 111 соглашений больше, чем в 2021 году [11]. Представленные статистические данные безусловно демонстрируют актуальность и значимость применения института медиации при разрешении конфликтных ситуаций.

В соответствии с положением Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», стороны с участием независимого посредника добровольно, с учетом взаимного волеизъявления осуществляют медиативные переговоры с целью разрешения возникшего спора мирным путем [1]. Участники системно, полно и окончательно разрешают все существующие между ними вопросы и разногласия [9]. В результате достигнутого соглашения, дальнейшего разбирательства в судебном порядке не требуется. Медиатор, выступающий независимым посредником участников спора, обладает специальными знаниями и навыками разрешения конфликтных ситуаций на основе

сотрудничества сторон [6, с. 135]. И справляется с подобной задачей далеко не каждый специалист, поскольку примирительная процедура имеет специфические особенности как с процессуальной точки зрения, так и с психологической при проведении переговоров между сторонами [7, с. 110]. Так как медиатор беспристрастный и незаинтересованный участник примирительной процедуры, следовательно, решение по возникшему спору принимают стороны самостоятельно.

Однако, процедура заключения мирового соглашения может проводиться с нарушением требований законодательства. Стороны в рамках судебного разбирательства заключили мировое соглашение, по которому ответчик обязуется передать в собственность истца автомобиль в счёт погашения задолженности по договору займа [10]. Данное мировое соглашение противоречило закону, поскольку у ответчиков не было действительного желания прекратить денежное обязательство, следовательно, подобные договорные условия не могут быть утверждены судом.

В связи с этим, возникают проблемные аспекты заключения медиативных соглашений и их исполнимости в процессе судебного разбирательства [8, с. 117]. Зачастую, именно нарушение принципов добросовестности и добровольности приводят к тому, что заключенное мировое соглашение признается недействительным. В судебной практике для того, чтобы условия мирового соглашения соответствовали требованиям законодательства, проводится анализ его условий на предмет очевидных нарушений со стороны субъектов правоотношений.

С целью совершенствования процедуры медиации как альтернативного инструмента решения конфликтных ситуаций и защиты нарушенных интересов участников правоотношений, представляется возможным на законодательном уровне упорядочить заключение медиативных соглашений, что способствует

более эффективному и качественному применению примирительного механизма.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // «Собрание законодательства РФ», № 31, август 2010, ст. 4162.
2. Андреева М.А. Пути совершенствования института медиации в России // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal, 2018. № 2. 35 с.
3. Брыжинский А.А. Проблемы и перспективы развития медиации / А. А. Брыжинский, Т. В. Худойкина // Правовая политика и правовая жизнь, 2011. № 3. 109 с.
4. Измestьева Е.М., Вирченко Ю.А. Судебная медиация в России на современном этапе: анализ проблемных аспектов и возможные направления совершенствования // Актуальные проблемы современности: наука и общество, 2018. №3. 42 с.
5. Левушкин А.Н., Воробьев В.В. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права, 2020. Т. 15. № 5. 136 с.
6. Морозов А.А. Медиация при урегулировании споров в сфере строительства // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве / Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Том Часть 2. Под общей редакцией В.П. Очерedyкo, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катукoвой, 2019. 135 с.
7. Сенен Ф.К. Судебное примирение и медиация как механизмы мирного урегулирования споров в современном гражданском процессе: общие и отличительные черты // Вестник ВГУ. Серия: Право, 2017. №2. 109 с.

8. Степанова И.А. Соглашения, заключаемые в рамках процедуры медиации: вопросы эффективности // Legal Concept = Правовая парадигма, 2018. Т. 17. № 4. 117 с.

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2023 № 32-КГ23-1-К1 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11042023-n-32-kg23-1-k1/>.

10. Решение Железнодорожного районного суда г. Читы Забайкальского края от 4 октября 2023 г. по делу № 2-720/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4N1TriiTSdZW/>.

11. В 2022 г. в суды поступило заметно больше гражданских и административных дел // Адвокатская газета [Электронный ресурс] // URL: <https://www.advgazeta.ru/>.

12. Показатели по отдельным категориям дел – Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/arb/t/41/s/1>.

УДК 347.736

Осокин Александр Владиславович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Юридический факультет
Россия, Москва
osokin2001@yandex.ru
Osokin Alexander
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Law
Russia, Moscow

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ БАНКРОТСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО БАНКРОТСТВА)

Аннотация: настоящая статья нацелена на рассмотрение основных направлений концепции банкротства в РФ как средства обеспечения устойчивого развития человека, общества и государства. Автор обращается к сфере потребительского банкротства и рассматривает курсы финансовой грамотности при банкротстве неслучайно, поскольку они позволяют достичь целей оздоровления платежеспособности гражданина, а также дать возможность эффективно осуществлять собственное экономическое поведение после признания его банкротом. Производится анализ развитых правовых порядков, где курсы финансовой грамотности являются обязательными и выступают неотъемлемой частью процедуры банкротства (США и Канада).

Ключевые слова: банкротство, банкротство граждан, финансовая грамотность, освобождение гражданина от обязательств, свежий старт.

**NATIONAL CONCEPT OF BANKRUPTCY IN THE RUSSIAN
FEDERATION AS A MEANS OF ENSURING SUSTAINABLE
DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF CONSUMER BANKRUPTCY)**

Annotation: this article is aimed at considering the main directions of the concept of bankruptcy in Russia as a means of ensuring sustainable development of a person, society and the state. The author addresses the sphere of consumer bankruptcy and considers financial literacy courses in bankruptcy not accidentally, as they allow to achieve the goals of improving the solvency of the citizen, as well as to give the opportunity to effectively carry out their own economic behavior after the recognition of bankruptcy. It analyzes developed legal orders where financial literacy courses are mandatory and are an integral part of bankruptcy proceedings (USA and Canada).

Key words: bankruptcy, consumer bankruptcy, financial literacy, citizen discharge, fresh start.

В условиях перманентной нестабильности мировой и отечественной экономик существенным инструментом по поддержанию макроэкономической стабильности является институт банкротства, представляющий собой рыночный механизм определения рентабельности того или иного хозяйствующего субъекта. При этом, как отмечает Б. Вессельс, многие страны пришли к пониманию того, что существующая правовая база не отвечает в полной мере конкретным задачам по достижению экономических результатов, которые потенциально лучше, чем те, которые могут быть достигнуты при ликвидации, путем сохранения и улучшения бизнеса компании за счет рационализации [1, с. 13]. Подобное положение может быть экстраполировано на правовое регулирование несостоятельности (банкротства) граждан, или потребительское банкротство, которое мыслилось и мыслится в качестве реабилитационной процедуры, способа освобождения наименее защищенных граждан от долговых обязательств.

Применительно к потребительскому банкротству проф. С.А. Карелина отмечала, что относительно цели потребительского банкротства было сформировано следующее представление – вводимые правила банкротства граждан предназначены для бедных и обездоленных слоев населения [2, с. 86]. При этом практика применения положений Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) в части потребительского банкротства показала обратную сторону медали: вместо наиболее бедных и социально незащищенных граждан новейшим правовым средством начали пользоваться состоятельные граждане, заинтересованные в списании накопившейся задолженности и реструктуризации своих обязательств. Следовательно, изначально заложенная концепция потребительского банкротства как помощи бедным оказалась нивелированной практикой применения данного института.

Естественным следствием активного использования потребительского банкротства состоятельными гражданами стало появление определенных правовых проблем, которые вряд ли бы актуализировались в условиях, когда банкротством пользовались бы бедные граждане. В частности, наиболее ярким примером подобной проблемы является проблема «роскошного» единственного жилья гражданина. Конституционный Суд РФ в этой связи отмечал, что запрет обращения взыскания на единственное пригодное для проживания должника и членов его семьи жилое помещение конституционно оправдан, когда такой запрет обеспечивает сохранение приемлемых в конкретной социально-экономической обстановке условий, достаточных для удовлетворения разумной потребности человека в жилище [3]. Следовательно, нецелевое использование института потребительского банкротства на практике привело к формированию новейших механизмов, изначально не мыслившихся в качестве составной части банкротного законодательства.

В контексте развития социально-направленного потребительского банкротства следует отметить, что существование подобного макроэкономического механизма по регулированию потребительской задолженности и потребителей финансовых услуг отвечает наметившимся целям устойчивого развития, сформулированным в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 г. [4]. Цель № 8, касающаяся содействию поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, напрямую касается института потребительского банкротства как весьма существенного элемента по обеспечению экономического роста отдельного человека и обеспечения его рационального экономического поведения.

В условиях общества потребления современный кредит оказывается сверхдоступным, вследствие чего рациональность потребители является чрезмерно ограниченной и строится на допущении наличия постоянного дохода. При этом подобная уверенность зачастую опровергается суровой действительностью, когда провалы рынка приводят к необходимости появления акселерации долгов. В таком случае безграничные потребности человека, привыкшего к постоянному доходу и соответствующему удовлетворению потребностей за счет кредитных средств, надлежит ограничивать, чего на практике не происходит. В этой связи гражданин обращается к инструментам банкротства, которые предоставляют возможность освобождения от обязательств, возникших в силу нерационального финансового поведения, посредством процедуры банкротства.

При этом чрезмерное обращение граждан к процедуре банкротства рискует создать ситуацию кризиса неплатежей, когда у экономических агентов будут отсутствовать достаточные средства платежа, необходимые для исполнения своих обязательств. При этом подобный кризис будет действовать по «модели домино», когда неплатежи малых субъектов будут влечь возникновение крупных финансовых трудностей у крупных экономических

агентов (кредитные и финансовые организации). В этой связи надлежит определить механизм, способный без обращения к процедуре банкротства минимизировать или полностью исключить необходимость обращения человека к инструментарию банкротства.

По мнению канадских правоведов, введение обязательных курсов финансовой грамотности для неплатежеспособных граждан при их банкротстве сыграло огромную роль в обеспечении финансовой стабильности канадской экономики, а также позволило раскрыть реабилитационный потенциал процедуры потребительского банкротства [5, с. 373-374]. Кроме того, отмечается, что позитивным долгосрочным последствием введения курсов финансовой грамотности является предотвращение повторное обращение лица с заявлением о признании его банкротом. С учетом правовых возможностей, существующих в РФ для повторного банкротства, отметим, что внедрение курсов финансовой грамотности может предотвратить должников от злоупотребления правом на банкротство.

При этом ряд канадских исследователей предупреждает о том, что за годы своего существования система оказания финансовых услуг при банкротстве граждан стала орудием банков и иных кредитных организаций, способствующим эффективному взысканию задолженности через план реструктуризации долга [6, с. 2]. Кроме того, отмечается, что институт банкротства – в силу обязательности кредитного консультирования – стал недоступным для бедных слоев населения [6, с. 5-6]; наличие налоговых льгот дестимулировало кредитные агентства при оказании финансовых услуг, поскольку, как отмечают авторы, данные агентства «занимаются ничем, мало разбираясь в бюджетном планировании» [6, с. 2, 5-6]. Основные пожелания исследователей в части реформирования системы кредитного консультирования сводятся к тому, чтобы сделать данную систему более

прозрачной и доступной более широким слоям населения, преимущественно бедным [6, с. 19-20].

В частности, для целей снижения долгового бремени гражданам следует помнить о возможности реструктуризации кредитного обязательства, возможности получения кредитных каникул и отсрочки по платежам, а также о наличии кредитного рейтинга, из которого вычисляется кредитный риск для кредитной организации. Таким образом, национальная концепция потребительского банкротства должна исходить из возможности введения обязательных курсов финансовой грамотности, которые должны снизить необоснованное использование института банкротства посредством планирования своей финансовой активности.

Развитые правовые порядки (Соединенные Штаты Америки и Канада) нашли механизм предотвращения чрезмерного использования института банкротства и самостоятельного решения гражданами собственных финансовых проблем в курсах финансовой грамотности, которые помогают гражданам реструктуризировать свою задолженность без обращения к достаточно дорогой процедуре банкротства. По мнению ряда американских СМИ, в условиях долговой запутанности почти всего населения государства центры кредитного консультирования *de facto* выполняют роль социальных учреждений, способных легальным образом произвести реструктуризацию или способствовать проведению самостоятельной реструктуризации долгов граждан [7].

Применительно к долгосрочным последствиям прохождения курсов финансовой грамотности неплатежеспособными гражданами американские исследователи отмечают, что после прохождения курсов финансовой грамотности долговые обязательства граждан по кредитным картам существенно снижаются, либо вовсе исчезают [8]. За годы существования (с 1951 года) такой системы множество граждан получили возможность

оптимизировать свои долговые обязательства [8]. Аналогичным образом следует подойти к регулированию данной проблемы в России, поскольку бесконтрольное применение инструментария банкротства в условиях нестабильности финансовой системы рискует создать дополнительные риски как для экономики, так и для государства. Кроме того, как отмечает И.В. Фролов, социально-экономический контекст потребительского банкротства характеризуется отсутствием минимальной финансовой грамотности и навыков экономической деятельности гражданина [9, с. 428].

В законодательстве США прохождение курсов финансовой грамотности для неплатежеспособных должников предусмотрено как до подачи в суд заявления о личном банкротстве гражданина, так и в течение процедуры банкротства гражданина (до освобождения гражданина от долгов). Механизм прохождения обязательных курсов финансовой грамотности для неплатежеспособных должников был комплексно введен в Кодекс США о банкротстве в 2005 году (в часть, посвященную общим положениям о банкротстве, была введена статья 111, касающаяся вопросов деятельности организаций, предоставляющих услуги по проведению курсов финансовой грамотности, а также внесены соответствующие поправки в статью 1328 Кодекса, посвященную процедуре освобождения от долгов в процедуре личного банкротства).

Основанием для прохождения курсов финансовой грамотности является либо подача заявления о признании гражданина банкротом [10], либо необходимость завершения процедуры банкротства гражданина и освобождения его от исполнения обязательств [10]. До принятия судом заявления о личном банкротстве гражданин обязан пройти курс кредитного консультирования (Credit Counselling), в ходе процедуры банкротства до завершения данной процедуры обязан пройти курс управления долговыми обязательствами (Debt Education). Гражданин обязан пройти соответствующие

курсы, поскольку в отсутствие сертификата об их прохождении суд либо возвратит заявление о признании должника банкротом, если в отношении должника еще не возбуждено дело о банкротстве, либо не примет решение о завершении процедуры банкротства и освобождении гражданина от долгов [10].

Составлением и проведением курсов занимаются специальные некоммерческие организации, которые имеют аккредитацию Министерства юстиции США и информация о которых содержится в реестре организаций, уполномоченных проводить обучение и тестирование финансовой грамотности населения. Обучение финансовой грамотности осуществляется на возмездной основе. Так, устанавливается минимальная плата, равная пятидесяти долларам, за прохождение одного курса финансовой грамотности. Для некоторых категорий населения предусмотрено бесплатное обучение финансовой грамотности в случае, если их доход составляет менее 150% величины прожиточного минимума. Оплата курсов также может быть совершена третьим лицом в пользу должника, если подобная оплата является допустимой в силу закона или положений этических стандартов [11].

Целями курсов финансовой грамотности являются, в том числе уменьшение числа процедур банкротства граждан, снижение нагрузки на судебную систему, повышение числа процедур реструктуризации долгов гражданина. В частности, гражданину в рамках прохождения курсов финансовой грамотности предоставляется план кредитного консультирования (*credit counselling plan*), в котором описываются результаты анализа имущественного положения должника и предоставляются предложения по реструктуризации задолженности [10].

В законодательстве Канады прохождение курсов финансовой грамотности для неплатежеспособных должников также предусмотрено как при подаче заявления о принятии плана реструктуризации (*consumer proposal*), так и

для списания долговых обязательств гражданина. Данный механизм был введен Законом о банкротстве 1992 года [5, с. 370-371], а уже в 1993 году была принята первая Директива, регулирующая вопросы оказания услуг по финансовой консультации для граждан в рамках производства по делу о банкротстве [12]. Конечной целью таких курсов должно стать обеспечение условий для достижения лицами значительных индивидуальных финансовых целей как в настоящем, так и в будущем [5, с. 375-376]. Модель регулирования соответствующих курсов в Канаде во многом схожа с моделью США, однако имеет ряд отличий.

В частности, в Канаде прохождение курсов финансовой грамотности состоит из 2 модулей, прохождение которых определяется необходимостью прохождения той или иной процедуры – процедуры принятия плана реструктуризации (consumer proposal) и процедуры банкротства. В каждом из случаев необходимо пройти отдельный модуль: в случае с принятием плана реструктуризации первый модуль необходимо пройти после возбуждения производства, а в случае с освобождением гражданина от долгов – перед соответствующим списанием [13].

Основанием для прохождения курсов финансовой грамотности является либо открытие производства по делу о банкротстве [14], либо освобождение гражданина от долгов и завершением процедуры банкротства [14]. Кроме того, должник не освобождается от долгов в автоматическом порядке в случае, если он отказался или пренебрег прохождением курсов финансовой грамотности [14]. Наличие у должника сертификата о прохождении курсов финансовой грамотности предоставляет суду возможность освободить гражданина-банкрота от долгов в полном объеме [14].

Порядок оплаты курсов финансовой грамотности урегулирован Правилами несостоятельности и банкротства. Обучение финансовой грамотности неплатежеспособных должников осуществляется на возмездной

основе. Плата за прохождение одного модуля курсов финансовой грамотности составляет 85 и 25 канадских долларов за индивидуальное или групповое занятие в рамках одного модуля соответственно [14].

При этом оплата второго модуля курсов финансовой грамотности осуществляется за счет конкурсной массы, поскольку соответствующие расходы рассматриваются как текущие платежи (*costs of administration of the estate*) [14]. В случае с оплатой первого модуля подобной ситуации не возникает, поскольку обязанность по прохождению такого модуля возникает в срок от 10 до 90 дней с момента принятия плана реструктуризации и ложится на самого гражданина, поскольку конкурсная масса не образуется.

Целью прохождения курсов финансовой грамотности для неплатежеспособных лиц являются предоставление лицам надлежащих знаний в сфере банкротных процедур, которые впоследствии помогут гражданам самостоятельно контролировать, а также планировать распределение собственных финансовых потоков. Более того, прохождение данных курсов является одним из элементов реализацией доктрины нового старта («*fresh start*») для неплатежеспособного гражданина [15].

Реализация подобной инициативы может столкнуться с рядом правовых и внеправовых проблем, которым следует дать некоторое рассмотрение. Прежде всего, основной причиной неэффективности мер по внедрению обязательных курсов финансовой грамотности может явиться формальное отношение к данной мере, лишь как допуска с благами потребительского банкротства. В таком случае эффективность данной меры будет минимальной, а курсы финансовой грамотности будут «прослушиваться» без возможных последствий для финансовой грамотности лица. В этой связи необходимо предусмотреть возможность контроля знаний граждан, проходящих обязательные курсы финансовой грамотности

Применительно к правовым проблемам внедрения подобных курсов следует, во-первых, отметить пределы их действия в российском потребительском банкротстве. Очевидно, что субъектами подобных курсов будут граждане, не осуществляющие предпринимательскую деятельность (поскольку индивидуальные предприниматели мыслятся в качестве лиц, обладающих достаточными знаниями в финансовой сфере и иных сферах экономической деятельности). При этом реализация данных инициатив может входить в коллизию с положениями ст. 223.7 Закона о банкротстве [16], гарантирующими бесплатность процедуры (рассмотрения заявления о признании гражданина банкротом во внесудебном порядке и включение сведений в ЕФРСБ) внесудебного банкротства. С нашей точки зрения, следует распространить обязательность данных курсов и на случаи внесудебного банкротства, поскольку Закон о банкротстве не гарантирует бесплатность всей процедуры, а лишь отдельных ее элементов.

Во-вторых, необходимо определить лиц, несущих расходы на прохождение курсов финансовой грамотности. Ключевое отличие американского и канадского подходов состоит в том, что при возбуждении процедуры банкротства расходы на прохождение курсов финансовой грамотности несет конкурсная масса, а не сам гражданин (Канада), в отличие от США, где сам должник несет расходы на прохождение подобных курсов. Применительно к отечественной действительности может актуализироваться вопрос правовой квалификации расходов на прохождение курсов финансовой грамотности: станет ли он личным расходом должника или расходом конкурсной массы (в качестве текущих платежей)? На наш взгляд, целесообразно возложить данные расходы на конкурсную массу, поскольку – с учетом двуступенчатой модели – должник осуществил расходы на прохождение первого модуля курсов финансовой грамотности. Повторное

возложение на должника подобной обязанности следует рассматривать в качестве чрезмерного возложения обязанности.

По итогам рассмотрения концептуально нового для отечественного потребительского банкротства решения – введения обязательных курсов финансовой грамотности для должников и потенциальных должников – следует сказать, что данная мера исходит из цели устойчивого развития, направленной на поддержание экономической стабильности как всего общества, так и отдельных ее членов. Представляется, что иностранный опыт – так или иначе учитывающий данную цель устойчивого развития – позволит достичь поставленной цели. Кроме того, подобные меры могут в долгосрочной перспективе ограничить злоупотребление инструментами банкротства некоторыми лицами, заинтересованных в реализации т.н. «эффекта безбилетника».

Список литературы:

1. Вессельс Б. Предисловие к русскому изданию // Спасение бизнеса в банкротном праве: отчет Института европейского права [пер. с англ.]. – М.: Статут, 2021. – 604 с.

2. Карелина С.А. Институт несостоятельности (банкротства) граждан как средство защиты прав в условиях рыночной экономики // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 6.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 г. № 15-П по делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова // «Собрание законодательства РФ», 2021, № 19, ст. 3290.

4. Резолюция, принятую Генеральной Ассамблеей [Организации объединенных наций] 25 сентября 2015 года. 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный документ] // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf.
5. Berry R.E., McGregor L.T. Counselling Consumer Debtors under Canada's Bankruptcy and Insolvency Act // Osgoode Hall Law Journal. Vol. 37. № 1&2.
6. Ben-Ishai S., Schwartz S. Credit Counselling in Canada: An Empirical Analyses // Canadian Journal of Law and Society. 2014. 29 (1).
7. There Are Now 200 Credit-Counselling Centers for Millions of Americans [Электронный документ] // URL: <https://www.nytimes.com/1977/11/20/archives/there-are-now-200-creditcounseling-centers-for-millions-of.html>.
8. DiTommaso, Adrienne and Moulton, Stephanie, Credit Counseling and Long-Term Credit Outcomes: Evidence from the National Foundation for Credit Counseling's Sharpen Your Financial Focus Program (September 11, 2022) [Электронный документ] // URL: <https://ssrn.com/abstract=4205681>.
9. Фролов И.В. Институциональная теория правового регулирования несостоятельности и банкротства граждан: монография / под ред. С.А. Карелиной. – М.: Юстицинформ, 2022. – 844 с.
10. U.S. Bankruptcy Code [Электронный документ] // URL: <https://usbankruptcycode.org/chapter-7-liquidation/subchapter-ii-collection-liquidation-and-distribution-of-the-estate/section-727-discharge/>.
11. Code of Federal Regulations [Электронный документ] // URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-28/chapter-I/part-58>.
12. Directive № 1R Counselling in Insolvency Matters, 1 June 1993 [Электронный документ] // URL: <https://ised-isde.canada.ca/site/office->

superintendent-bankruptcy/en/licensed-insolvency-trustees/directives-and-circulars/directive-no-1r2.

13. Directive № 1R7 Counselling in Insolvency Matters, 10 December 2021 [Электронный ресурс] // URL: https://ised-isde.canada.ca/site/office-superintendent-bankruptcy/sites/default/files/attachments/2022/Directive_1R7.pdf.

14. Bankruptcy and Insolvency Act of 1985 [Электронный ресурс] // URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/b-3/fulltext.html>.

15. Insolvency Counselling Program Introduction [Электронный документ] // URL: <https://ised-isde.canada.ca/site/office-superintendent-bankruptcy/en/licensed-insolvency-trustees/insolvency-counselling-program/insolvency-counselling-program-introduction>.

16. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 2002, № 43, ст. 4190.

Ревкова Валентина Сергеевна
Российский университет правосудия
Юридический факультет
Россия, Челябинск
valentina_rsv@mail.ru
Revkova Valentina
Russian University of Justice
Faculty of Law
Russia, Chelyabinsk

НОТАРИАЛЬНАЯ ФОРМА СДЕЛКИ: УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с нотариальной процедурой удостоверения сделок – действий юридических и физических лиц, направленные на изменение, установление и прекращение гражданских обязанностей и прав. Автором акцентируется внимание на актуальности нотариальной формы сделок в современный период жизни общества, на условия совершения таких сделок, а так же на последствия несоблюдение нотариальной формы сделки и коллизию норм права.

Ключевые слова: нотариальная форма, сделка, нотариус, недействительность, незаключенность, последствия.

NOTARIAL FORM OF THE TRANSACTION: CONDITIONS OF COMMISSION AND CONSEQUENCES OF ITS INVALIDITY

Annotation: the article deals with issues related to the notarial procedure for certifying transactions – actions of legal entities and individuals aimed at changing, establishing and terminating civil duties and rights. The author focuses on the

relevance of the notarial form of transactions in the modern period of society, on the conditions for making such transactions, as well as on the consequences of non-compliance with the notarial form of the transaction and the conflict of law.

Key words: notarial form, transactions, notary, invalidity, non-conclusion, consequences.

С изменением общества, произошедшим в связи с трансформацией политической системы государства и переходом к рыночной экономике, с усилением значения и роли коммуникативных средств в гражданском обороте, возрастающее значение сделок в современный период делает востребованными абсолютно все нормы гражданского права о них. То есть, сделки являются важнейшим инструментом индивидуального регулирования общественных отношений, пронизывающих весь гражданский оборот. Так, каждый день исполняется множество простых (оплата проезда в трамвае, покупка товаров в магазине) и сложных (нотариальное удостоверение доверенностей, согласий) сделок.

Согласно сведениям Федеральной нотариальной палаты, нотариусы за 2021 год совершили более 40 миллионов различных нотариальных действий, среди которых «33%» были исполнены с использованием цифровых технологий [7]. В свою очередь, данные Министерства юстиции их конкретизируют. Так, например, нотариусами за 2021 год было удостоверено 5941013 доверенностей, «577010 завещаний», 916269 договоров с недвижимым имуществом граждан и юридических лиц [8].

Стоит отметить, что сделка представляет собой волевой акт субъекта гражданского оборота. «При чем, воля лица может приобрести юридическое значение, только если она будет выражена вовне в определенной форме, то есть если она будет объективирована. Без внешнего воплощения воля не может быть воспринята окружающими, получить правовую оценку, а значит, и вызвать

связываемые с нею законом и желаемые сторонами правовые последствия, поэтому существенным для сделки является ее форма» [1].

Согласно статье 163 ГК РФ, сделка может быть совершена в нотариальной форме если:

1. стороны пришли к соглашению о необходимости нотариального удостоверения сделки, даже если законом для данного типа сделки употребление такой формы не требовалось (то есть достаточно было бы использования простой письменной формы сделки);

2. нотариальное удостоверение прямо предусмотрено законом (например, при составлении завещания).

Исходя из пункта 1 статьи 163 ГК РФ, «нотариальное удостоверение сделки означает наличие у сторон права на ее совершение, а также проверку законности» [1]. Это удостоверение осуществляется непосредственно нотариусом, занимающимся как частной практикой, так и «работающим в государственных нотариальных конторах, или имеющим на это право должностным лицом» [2]. Например, если в населенном пункте отсутствует нотариус, то данную сделку может удостоверить должностное лицо местного самоуправления, а если сделка заключается за пределами РФ - уполномоченными лицами консульств РФ. Стоит отметить, что данные лица не имеют права отказать в удостоверении любой письменной сделки, соответствующей требованиям закона.

Согласно статье 42 закона «Основы законодательства РФ о нотариате», при совершении действий нотариусу необходимо установить личность гражданина, обратившегося к нему, удостовериться в его дееспособности (для юридических лиц – удостовериться в их правоспособности), проверить все необходимые данные лиц в различных реестрах, а также удостовериться в правильности составления и соответствия закону предоставляемых для нотариального удостоверения документов, в наличии действительности

волеизъявления сторон, разъяснить суть нотариального действия и его последствия. Статья 48 данного закона «определяет перечень оснований для отказа в совершении нотариальных действий со стороны уполномоченного лица» [3, с. 145-150].

Кроме этого, в соответствии с подпунктом 1 пункта 2 статьи 163 ГК РФ, законом предусмотрены сделки, для которых обязательно нотариальное удостоверение. При этом, стоит отметить, что данная статья не содержит конкретный перечень таких сделок, нормы разбросаны по разным нормативно – правовым актам. Например, безотзывная доверенность (пункт 2 статьи 185.1 ГК РФ), брачный договор (пункт 2 статьи 41 СК РФ), сделки по распоряжению имущества одним из супругов, для совершения которых необходимо нотариальное заверенье (пункт 3 статьи 35 СК РФ) и т.д.

Несоблюдение нотариальной формы сделки - это правовое последствие, наступающее в результате нарушения требований, предъявляемых к ней. В законодательных актах Российской Федерации установлены жесткие последствия несоблюдения нотариального удостоверения сделки. Данное положение отображено в пункте 1 статьи 163 ГК РФ. Сами же последствия изложены в статье 165 ГК РФ. Собственно, только отсутствие удостоверительной надписи нотариуса или иного уполномоченного на это лица приводит к ничтожности данной сделки, так как это удостоверение является специальным элементом данного вида сделки. В свою очередь, нарушения требований к составлению документа, оттиску печати или подписи, то есть «простых элементов нотариальной формы сделки, приводит к незаключенности этой сделки. Например, отсутствие документа исключает возможность заключения сделки, так как это не позволяет установить наличие воли лица на ее совершение. В том случае, если сделка оформлена на документе, подлежащему нотариальному удостоверению, а также подписанном всеми ее сторонами, с постановлением оттисков печати в установленных законом

случаях, но без удостоверения нотариуса или иного уполномоченного на это лица, то данная сделка будет считаться ничтожной, но все равно заключенной. Если же будет отсутствовать документ с оттиском печати или подпись сторон сделки, в случаях предусмотренных законом, то сделка будет признана несовершенной, то есть незаключенной, но не ничтожной» [4, с. 56-64]. Это объясняет тем, что сделка одновременно не может быть ничтожной и несовершенной. «При этом для установления действительности или недействительности сделки необходимо, чтобы сделка была заключенной» [5, с. 123-134]. Согласно пункту 1 статьи 165 ГК РФ, суд может признать действительной сделку, по требованию добросовестной стороны при недобросовестном поведении другой стороны, уклоняющейся от ее нотариального удостоверения, с учетом соблюдения всех законных требований. В данном случае, после решения суда нотариальное удостоверение сделки не требуется. Кроме этого, недобросовестная сторона должна возместить убытки, вызванные задержкой в совершении сделки или ее регистрации, добросовестной стороне (пункт 3 статьи 165 ГК РФ). Согласно пункту 4 этой же статьи, лицо может обратиться в суд для защиты своих прав и интересов в течение одного года, то есть срок исковой давности составляет один год.

Стоит отметить, что в законодательстве РФ наблюдается коллизия норм права, то есть противоречия между нормами права, регулирующие одно и тоже правоотношение по-разному. «Так, пункт 3 статьи 163 ГК РФ обуславливает ничтожность сделки в случае не соблюдения ее нотариальной формы, а положение пункта 1 статьи 432 ГК РФ трактует о незаключенности договора, то есть несовершенности сделки, при несоблюдении надлежащей формы. Так как, согласно статье 156 ГК РФ, к односторонним сделкам применяются те же общие положения, что и к договорам» [4, с. 56-64]. Такое разногласие может привести к неправильному толкованию и применению норм права, в том числе и судами. Например, определение Липецкого областного суда от 30 ноября

2021 года по делу № 33-344/2021. В данном определении суд, установив нарушение пункта 1 статьи 167 ГК РФ (Общие положения о последствиях недействительности сделки), признал подписанный договор купли-продажи доли в уставном капитале общества между Д.Ю. Ртищевым и Ю.В. Хоперских не ничтожным, а незаключенным ввиду несоблюдения требования пункта 1 статьи 432 ГК РФ (Основные положения о заключении договора). Но между тем заключенность данного договора подтверждает как само его наличие, так и подписи сторон. Поэтому на наш взгляд следовало бы признать данный договор ничтожным, в силу его не удостоверения нотариусом (пункт 1 статьи 163 ГК РФ и пункт 11 статьи 21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») [9].

Таким образом, исходя из всего вышеописанного, делается вывод о том, что нотариальная сделка требует своего обязательного нотариального удостоверения, в порядке, установленном законом «Основы законодательства РФ о нотариате» от 11.02.1993 № 4462-1. В основном к таким сделкам относятся сделки, касающиеся недвижимости, например, договор аренды (пункт 1 статьи 609 ГК РФ). Но, в принципе, любая сделка может быть нотариально заверена по соглашению сторон (подпункт 2 пункта 2 статьи 163 ГК РФ). Кроме этого, «в законодательных актах Российской Федерации установлены жесткие последствия несоблюдения нотариального удостоверения сделки» [5, с. 123-134]. Данное положение отображено в пункте 1 статьи 163 ГК РФ. Сами же последствия изложены в статье 165 ГК РФ. А «правовая позиция разграничивает последствия нарушения нотариальной формы сделки в виде ее ничтожности и незаключенности» [6, с. 231-237].

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 г. (в ред. от 01.09.2022 г.) № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 01.07.2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 49, 2001, ст. 4552.
3. Абраменко М.С. Наследственное право: учебник для среднего профессионального образования / 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2021. 376 с.
4. Альбов А.П. Наследственное право: учебник и практикум для вузов / 2-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2021. 197 с.
5. Багаутдинов И.И. Ничтожность сделки как абсолютное последствие ее нотариальной формы // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2021. 569 с.
6. Иванова И.Г. Правовая природа нотариальной формы // Образование и право. 2021. 356 с.
7. Нотариат.рф // URL: <https://www.нотариат.рф/ru-ru/news/den-notariata-sovremennyj-notariat-v-cifrah-i-faktah>.
8. Govoritnotariat.com // URL: <https://www.govoritnotariat.com/news/minust-otchitalsya-o-deyatelnosti-notariusov-za-2021-god/>.
9. Sudact.ru // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/R5№a6uAB2TJt>

УДК 347.728.2

Суховская Анастасия Александровна
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Институт права и национальной безопасности
Россия, Москва
aasukhovskaya@mail.ru
Sukhovskaya Anastasia
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Institute of Law and National Security
Russia, Moscow

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ОБЫКНОВЕННЫХ АКЦИЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: в данной статье анализируется становление института диверсификации обыкновенных акций в рамках основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года. Рассматриваются такие ранее принятые законодательные изменения, как введение «золотой акции» и диспозитивность в типизации обыкновенных акций международными акционерными обществами. Приводятся механизмы установления двойной капитализации в зарубежной практике и возможные последствия их применимости в национальном контексте. Предусматриваются основные проблемы разрешения двойной капитализации обыкновенных акций в России.

Ключевые слова: диверсификация обыкновенных акций, двойная капитализация, основные направления деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года, «золотые акции», акционерные общества.

DIVERSIFICATION OF ORDINARY SHARES IN RUSSIAN LAW: THE CURRENT STAGE AND PROSPECTS

Annotation: this article analyzes the formation of the institute of diversification of ordinary shares within the framework of the main activities of the Government of the Russian Federation until 2024. Previously adopted legislative changes as the introduction of the «golden share» and the dispositivity in the typification of ordinary shares by international joint-stock companies are considered. The mechanisms of establishing double capitalization in foreign practice and the possible consequences of their applicability in the national context are given. The main problems of resolving the double capitalization of ordinary shares in Russia are envisaged.

Key words: diversification of ordinary shares, double capitalization, main activities of the Government of the Russian Federation until 2024, «golden shares», joint-stock companies.

Планомерное развитие бизнеса в настоящее время трудно представить без инвестирования. Интерес участников рынка к акциям как к самым доступным и популярным ценными бумагам возрастает, поэтому возникает необходимость в оперативных обновлениях современного корпоративного законодательства.

Так, в числе основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года [3] было определено, что до конца 2023 года должен быть создан механизм, позволяющий российским акционерным обществам осуществлять эмиссию нескольких типов обыкновенных акций. Данное решение обусловлено соответствующим запросом со стороны бизнес-сообщества, в котором дискуссии о предоставлении более широкого инвестиционного инструментария для участников рынка ведутся не один год.

Акции как именные ценные бумаги делятся законодателем на два вида: привилегированные и обыкновенные. Обыкновенные акции отличаются от привилегированных тем, что предоставляют владельцу не только право на

получение дохода, на информацию и ликвидационную квоту, но и возможность определять вектор развития компании (право на управление). Тем не менее, привилегированные акции в лучшей степени отвечают на индивидуальные потребности субъектов рынка: их тираж императивно сокращен (не более 25% от общего уставного капитала компании – п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об акционерных обществах» [1]), но законом не ограничивается их типизация: не только определенный способ приобретения, но и особые права, возникающие в результате владения такими акциями в зависимости от выпуска, закрепляются уставом корпорации в индивидуальном порядке. Это значит, что владельцы привилегированных акций, в отличие от обыкновенных, становятся таковыми на особых условиях.

Диверсификация обыкновенных акций также необходима. С нормативными нововведениями возрастет число желающих вложить собственные средства в капитал другой компании благодаря персональным настройкам данного финансового инструмента. Инвестирование – деятельность, которая в значительной степени влияет на макроэкономику, но отличается рискованностью. Стандартизация предложения обыкновенных акций на фондовых биржах и в то же время отсутствие гарантии на получение прибыли от коммерческой деятельности общества сокращают мотивацию инвесторов. Напротив: диспозитивность в вопросах эмиссии обыкновенных акций разных типов позволит и продавцам, и покупателям таких ценных бумаг произвести максимально эффективный процесс по отчуждению и приобретению акций, так как особое предложение будет наиболее точно отвечать интересам приобретателей ценных бумаг и сподвигнет их к совершению финансовых вложений.

Еще в последнем десятилетии 20 века в российском праве впервые появился термин «золотая акция», который впоследствии закрепился в п. 1 ст. 38 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального

имущества» [2]. Так, обладатель «золотой акции», публично-правовое образование, может иметь решающий голос при приватизации имущественных комплексов унитарных предприятий, при исключении из перечня стратегических акционерных обществ предприятия (размер доли не имеет значения) или при отчуждении акций в обществах, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны страны (доля в собственности Российской Федерации должна составлять не менее 25 процентов плюс одна акция, если после отчуждения доля составит 25 процентов и меньше). Внешне напоминающая выделение определенного типа обыкновенных акций из общего числа для конкретного субъекта, «золотая акция» является не ценной бумагой, а специальным правом, дающим привилегии лишь в вопросах управления в целях обеспечения обороноспособности государства и защиты государственных ценностей. Следовательно, существование такого правового института лишь подтверждает необходимость создания новых и более доступных инвестиционных механизмов.

Построение нового механизма правового регулирования вопроса диверсификации акций, согласно основным итогам реализации плана «Трансформация делового климата» за 2022 год [12], завершено. Законодательно изменения коснулись деятельности исключительно международных компаний и фондов [4]. Международная компания, созданная в порядке инкорпорации, с августа 2023 года наделяется правом эмитировать обыкновенные акции с разным количеством голосов. Права обладателей таких акций регламентируются в уставе организации, при этом акции в рамках одного выпуска должны порождать идентичные права и иметь одинаковую номинальную стоимость.

Упомянутые выше новеллы корпоративного права не влекут значительных изменений в экономической сфере ввиду ограниченного предмета их влияния. Так, согласно данным Ассоциации менеджеров [13], доля

зарубежных компаний стремительно сокращается с каждым годом: иностранные предприниматели покидают российский рынок или передают права управления российским юридическим лицам, меняя статус международной компании. Большинство акционерных обществ действуют в соответствии с национальным законодательством (в частности, с Федеральным законом «Об акционерных обществах»), которым типизация обыкновенных акций пока не предусмотрена.

Выстраивание быстрого и эффективного процесса по предоставлению акционерам возможности выбирать обыкновенные акции с различными объемами прав возможно благодаря успешному, согласно исследованию Сахаровой Ю. В., зарубежному опыту, в частности, США и Голландии [8].

Арнаутов Д. В. отмечает, что к размещению непропорциональных по объему прав обыкновенных акций в Соединенных Штатах Америки прибегают менеджеры компаний, чтобы контролировать доступ акционеров к аппарату управления компании. «Суперголосующие» акции (super-voting shares) имеют меньшую доходность взамен на увеличенное число голосов, акции с ограниченным правом голоса (low-voting shares) предоставляют повышенные выплаты дивидендов бенефициарам с меньшими голосами, а политику действия акций с поэтапно изменяющимся правом голоса (time-phased voting shares) менеджмент может контролировать исходя из уровня стабильности на рынке и внутри компании. Акции с правом голоса по определенным вопросам, которые также распространены в Штатах, ограничивают владельца-бенефициара во влиянии на компанию, но сохраняют его право на выплаты [5, с. 186].

В Нидерландах различные категории обыкновенных акций могут устанавливаться по классам. Владельцы получают пропорционально номинальной стоимости акций права голоса. В отличие от практики американского права, такие правила применяются на всех собраниях

акционеров относительно всех управленческих решений. Также единогласно акционеры могут лишиться какой-то из видов эмитируемых обыкновенных акций права голоса [9, с. 21].

Обратившись к методам экономического анализа права, можно сделать вывод о потенциальной эффективности дифференциации обыкновенных акций в России. Данная инициатива, в первую очередь, будет отмечена иностранными инвесторами, для которых индивидуальный подход в выборе ценных бумаг привычен. Однако как для отечественных «продавца» и «покупателя», так и для национальной бизнес-сферы в целом двойная капитализация послужит надежным инструментом расширения экономической сферы. Ввиду внешнеполитических изменений финансовая поддержка предпринимателей внутреннего рынка невероятно востребована, и условия для инвестирования должны быть привлекательны для бенефициаров в первую очередь. Сокращение же числа инвестиционных вложений внутри страны обусловлено, в частности, строгостью отечественного закона, который, в отличие от зарубежных норм, не предоставляет множественности выбора всем желающим вне зависимости от времени пребывания их на фондовых биржах.

Однако у вышеупомянутых зарубежных практик есть существенные недостатки, которые могут проявиться в условиях российской действительности. Ввиду слабой законодательной подготовки и нехватки инструментов для противодействия возможным негативным последствиям нововведений двойная капитализация может привести к умалению прав миноритариев, которые и без того сталкиваются с давлением со стороны обладателей большего числа акций на общих собраниях. Кроме того, не исключена возможность появления конфликтов между участниками акционерного общества и менеджерами, по инициативе которых зачастую компания переходит на двойную капитализацию. Зачастую органы управления стремятся к уменьшению финансовых расходов компании и оптимизации ее

становления, в то время как бенефициары не так тревожатся будущим компании, как собственной выгодой от инвестирования. Такая диверсификация активов может усилить «информационную асимметрию» [7] между собственниками и директорией. Еще в конце 20 века некоторыми учеными высказывалось мнение, что вместе с ростом акционерного капитала компании при видоизменении действующего сейчас корпоративного принципа пропорциональности «одна акция – один голос» возникнет эффект «перетягивания», как каната, контроля внутри организации, который может привести к ее разрушению [6].

Ориентироваться на иностранное право при достижении поставленных Правительством Российской Федерации целей, несмотря на выработанный и давно функционирующий механизм типизации, в российском контексте не представляется справедливым. Несмотря на то, что законодательство США исторически является основополагающим примером в вопросах об акциях [11], а подход Нидерландов проще реализовать, ввиду значимых мировых изменений возрастает потребность в определении оригинальных, с учетом национальных особенностей, векторов правового развития. Е. А. Суханов неоднократно подчеркивает противоположность подходов континентального и англо-американского права в своих работах: «...Путь фрагментарного и во многом случайного заимствования отдельных законодательных решений и институтов, содержащихся в англо-американском корпоративном праве, представляется чрезвычайно опасным с точки зрения развития отечественного корпоративного законодательства» [10, с. 12].

Таким образом, развитие бизнес-сектора невозможно без лабильности правовых норм. К сожалению, законодательство не способно оперативно отвечать требованиям постоянно изменяющегося общества и, как следствие, не всегда «поспевает» за факторами спроса, полностью меняющими экономику. Институт дифференциации обыкновенных акций в России только зарождается,

а нововведенные положения затрагивают далеко не всех участников экономических отношений. Тем не менее, от видоизменений корпоративного законодательства зависит будущее экономики. Поэтому разрабатываемые новые положения должны упрощать формат ведения предпринимательской деятельности участникам экономических отношений и при этом предоставлять им должную правовую защиту.

Список литературы:

1. Об акционерных обществах: Федеральный закон № 208-ФЗ от 28 дек. 1995 г.: принят Государственной Думой 24 нояб. 1995 г. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/

2. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федеральный закон № 178-ФЗ от 21 дек. 2001 г.: принят Государственной Думой 30 нояб. 2001 г. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/

3. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года № 8028п-П13: утверждены Правительством РФ 29 сент. 2018 г. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/

4. Об утверждении плана мероприятий («дорожную карту») реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата» «Корпоративное управление, специальные административные районы, процедура банкротства, оценочная деятельность»: Распоряжение Правительства РФ № 1723-р от 2 июл. 2020 г. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356946/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/

5. Арнаутов Д. Р. Акции с разным объемом прав в США и России // Журнал Закон. — 2020 г. — №1 (204) — С. 186—198 — URL: <https://igzakon.ru/magazine542>
6. Козлов Д. А., Чиркова Е. В. Сохранение контроля над публичной компанией через выпуск акций с разными правами голоса. «За» и «Против» избыточных прав на контроль // Корпоративные финансы. — 2009. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-kontrolya-nad-publichnoy-kompaniey-cherez-vypusk-aktsiy-s-raznymi-pravami-golosa-za-i-protiv-izbytochnyh-prav-na-kontrol>
7. Луценко С. И. Дилемма выбора модели управления компанией // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dilemma-vybora-modeli-upravleniya-kompaniey>
8. Сахарова Ю. В. Виды акций и их правовой режим в зарубежном законодательстве // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2023. — №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-aktsiy-i-ih-pravovoy-rezhim-v-zarubezhnom-zakonodatelstve>
9. Сеницын С.А. Корпоративный контроль в российском и зарубежном праве: взаимосвязь права и экономики // Право: Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 1. — С. 21.
10. Суханов Е. А. Предпринимательские корпорации в новой редакции гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал российского права. — 2015. — №1 (217). — С. 12 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskie-korporatsii-v-novoy-redaktsii-grazhdanskogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii>
11. Нопт К. J. Comparative Company Law // The Oxford Handbook of Comparative Law / ed. by M. Reimann, R. Zimmermann. — Oxford, 2006. — P. 1179.

12. Основные итоги реализации плана трансформация делового климата за 2 квартал 2022 года: [Электронный ресурс]: Официальный сайт Минэкономразвития России — 2022 г. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/investklimat/tdk/itogi_realizacii_plana_tdk_za_2022_god/

13. Доля иностранных компаний в России за три года сократилась в 5,5 раз: [Электронный ресурс]: Ассоциация менеджеров. — 2023. — URL: <https://amr.ru/press/news/gr/dolya-inostrannykh-kompaniy-v-rossii-za-tri-goda-sokratilas-v-5-5-raz/>

УДК 346.9

Толстикова Александра Юрьевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

asya.tolstikova@inbox.ru

Tolstikova Alexandra

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Yekaterinburg

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассмотрены виды ответственности за нарушение антимонопольного законодательства Российской Федерации. Дан сравнительный анализ гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности, применяемой к виновным. Особое внимание автор уделил уголовному наказанию. Поскольку оно применяется крайне редко, то возникла необходимость провести анализ статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а так же систематический обзор других норм уголовного права, которые могут быть применимы к нарушителям в данной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, правонарушения, гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность.

LIABILITY FOR VIOLATIONS OF ANTIMONOPOLY LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the article considers types of liability for violation of antimonopoly legislation of the Russian Federation. The comparative analysis of civil, administrative and criminal liability applied to guilty persons is given. The author paid special attention to criminal punishment. Since it is applied very rarely, it became necessary to analyze Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as a systematic review of other norms of criminal law, which may be applicable to violators in this area of public relations.

Key words: antimonopoly legislation, offenses, civil liability, administrative liability, criminal liability.

Российская Федерация – это зона свободного экономического пространства. Двигателем экономического развития, как отдельных субъектов, так и всей рыночной системы в целом является конкуренция, под которой следует понимать состязательность товаропроизводителей за сферы приложения капитала, рынок сбыта продукции и источники сырья [7, с. 214]. Соперничество приводит участников рынка к вынужденной оптимизации своей деятельности: снижению цены товара или предоставляемой услуги, улучшению их качества. Тем самым хозяйствующие субъекты пытаются удовлетворить потребности клиентов по минимально низким ценам, а потребители имеют право выбора поставщика. Именно решения отдельных потребителей о приобретении того или иного товара формируют, в конечном счете, рыночный спрос, предопределяют в совокупности с рыночным предложением уровень равновесных цен и объем реальных продаж [5, с. 93]. Согласно ст. 8 Конституции РФ государство гарантирует поддержку конкуренции всем участникам экономической деятельности [1].

Однако в реальной экономике все не так просто. Отдельные звенья экономической системы способны вносить весомый вклад в политику ценообразования, что, в свою очередь, приводит к монополизации рынка.

Монополия – это крайняя форма несовершенной конкуренции, где степень монопольной власти максимальна [5, с. 167]. Говоря о данном аспекте экономики необходимо понимать, что его наличие не всегда отрицательно сказывается на общественных отношениях. Существуют примеры естественных монополий, доля которых на рынке товаров или услуг превышает 50 %. В данном случае одно или несколько предприятий способно покрыть все потребности рынка, а создание глобальной сети поставщиков приведет к удорожанию конечного продукта. Данный вид монополии, как правило, поддерживается государством. В Российской Федерации одним из естественных монополистов является ОАО «Российские железные дороги». Более мелкие монополисты занимают определенную нишу в той или иной сфере экономики. Они включены в реестр субъектов естественных монополий (реестр СЭМ) [9]. Таковыми считаются, например, ОАО «Сода», ОАО «Соликамский магниевый завод», ЗАО «Пермрыба» и многие другие. При этом в России существует ряд закрытых монополий, действующих по лицензии правительства и выполняющих определенные виды работ или оказание услуг. Они являются монополистами в данной отрасли производства, других участников не может быть, пока компетентные органы управляющие государством не примут соответствующее решение. Например, Центробанку РФ выдана лицензия на выпуск денежной массы в рублевом эквиваленте.

Во всех остальных случаях монополистическая деятельность в Российской Федерации запрещена, поскольку наносит значительный ущерб обществу и экономике государства в целом. Зачастую действия монополистов приводят к принудительному росту цен, нежеланию создавать и производить другие товары в данном сегменте, устранению иных участников рынка. По мнению Гальперина В.М. монополизация совершенно конкурентной отрасли сопровождается не только уменьшением, но и перераспределением части излишка потребителей в пользу монополии [6, с. 99]. Тем самым, происходит

интенсивное обогащение определенного круга участников рынка и банкротство других.

Для защиты экономических интересов государства, в России создана Федеральная антимонопольная служба (ФАС), которая является федеральным органом исполнительной власти. Цель ее деятельности - контроль за исполнением хозяйствующими субъектами антимонопольного законодательства Российской Федерации, которое призвано защищать добросовестную конкуренцию и пресекать монополистическую деятельность.

Основные нормы, регулирующие отношения в данной области общественных отношений, изложены в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2]. Статьей 37 данного закона определен список лиц, которые несут ответственность за правонарушения в области антимонопольного законодательства. В частности к ним относятся: физические лица; индивидуальные предприниматели; коммерческие и некоммерческие организации, а так же их должностные лица; должностные лица государственных органов всех уровней, должностные лица государственных внебюджетных фондов.

За несоблюдение антимонопольной политики предусмотрена гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность.

Гражданско-правовая ответственность выражается в обязанности нарушителя выплатить пострадавшей стороне ущерб, который она понесла в результате противоправных действий виновного. Данная норма отражена в ст. 15 Гражданского кодекса РФ. К ней могут быть привлечены как должностные лица государственных органов, так и предприниматели, физические лица. Помимо этого к должностным лицам может быть применен запрет на осуществление деятельности в государственных структурах на определенный срок.

Административная ответственность за нарушения в сфере антимонопольного законодательства, повлекшие ограничения конкуренции, предусмотрена статьями 14.9, 14.9.1, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ.

Согласно статье 14.9 КоАП РФ должностные лица органов исполнительной власти всех уровней и иных организаций, предоставляющих государственные услуги, несут ответственность за свои действия или бездействие, повлекшие нарушения антимонопольного законодательства.

Статьей 14.9.1 КоАП РФ предусмотрено наказание за нарушения антимонопольной политики должностными лицами исполнительной власти в сфере строительства.

По остальным статьям, как правило, привлекаются участники рыночных отношений. При этом возбуждение дел по статьям 14.9, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ возможно только после вступления в силу решения комиссии органа ФАС, который установил факт нарушения антимонопольного законодательства. Для возбуждения дела об административном правонарушении по статье 14.9.1 КоАП РФ комиссия должна установить факт нарушения должностными лицами государственных органов порядка предоставления услуг на основании ст. 28.1 КоАП РФ.

Статьей 14.31 КоАП РФ предусмотрена ответственность хозяйствующих субъектов за злоупотребление доминирующим положением на рынке. Таковыми являются естественные монополии. Поскольку их доля участия в экономической сфере составляет более 50%, то они способны существенно влиять на состояние рынка. Злоупотребление может быть выражено в различных формах. Наиболее опасными, на наш взгляд, являются установление неконкурентных цен, а так же навязывание потребителю условий контракта выгодных монополисту.

Антимонопольным законодательством РФ запрещено заключение соглашений ограничивающих конкуренцию. Административная

ответственность за данный вид деяния предусмотрена ст. 14.32 КоАП РФ. Субъекты правоотношений могут договариваться об установлении цен, тарифов, не заключении договоров с определенным потребителем, уменьшении производства определенного товара и т. д. Необходимо заметить, что соглашения могут быть вертикальными, т.е. между поставщиком и потребителем и горизонтальными между поставщиками одного уровня. На сегодняшний момент антимонопольной службой выявлены соглашения между потребителями одного уровня. Договоренность участников заключается в отказе совершать сделки с определенным поставщиком товара или услуги.

Статьей 14.33 КоАП РФ законодательно закреплена ответственность за проявления недобросовестной конкуренции. К таковым относятся: распространение ложной информации или слухов о контрагенте, а также ином поставщике или потребителе, распространение коммерческой тайны, предоставление фактов порочащих других участников рынка и прочее.

Привлечение виновных по ст. 14.40 КоАП РФ осуществляется при проведении торговой деятельности с нарушениями антимонопольного законодательства. Одним из распространенных деяний в данной сфере является создание торговой сети и недопущение других продавцов на рынок путем создания дискриминационных условий для них.

Поскольку физические лица являются сотрудниками юридических лиц, то согласно ст. 2.1 КоАП РФ, назначение административного наказания физическому лицу (руководителю компании) не исключает привлечение к ответственности юридическое лицо и наоборот. В случае освобождения компании от административной ответственности виновное физическое лицо так же должно быть освобождено.

Для участников рынка статьями 19.5, 19.8 КоАП РФ определены штрафные санкции за несвоевременное предоставление необходимой документации в антимонопольный орган и неисполнение его предписаний.

Необходимо заметить, что несвоевременным предоставлением считается срок свыше 15 дней. Если задержка составляет менее указанного срока, то такое нарушение может быть признано малозначимым нарушением. В таком случае виновное лицо на основании ст. 2.9 КоАП РФ освобождается от административной ответственности. В свою очередь предоставление недостоверных сведений или непредставление сведений в антимонопольный орган не может быть признано малозначительным нарушением, виновный не может быть освобожден от ответственности. Привлечение к административной ответственности виновных согласно ст. 4.5 КоАП РФ производится в течение года со дня обнаружения правонарушения. Учитывая длительность процедуры доказывания виновности, а так же, как правило, множество фигурантов и множество эпизодов дел, автор считает, что данный срок необходимо увеличить.

Необходимо заметить, что антимонопольное законодательство представляется неким гибридом, требующим глубоких познаний в сфере экономики и права. Зачастую правоприменителям трудно квалифицировать деяние по какой-либо статье КоАП РФ и вменить справедливое наказание. В связи с этим было выпущено Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» [4]. Тем самым законодатель пытается обеспечить единообразие подходов к рассмотрению дел об административных нарушениях в указанной сфере и достичь максимальной эффективности по искоренению различных коллизий.

За наиболее тяжкие преступления, наносящие существенный ущерб экономике государства и отдельным хозяйствующим субъектам предусмотрена уголовная ответственность. Одним из таких деяний является создание картелей, которые запрещены статьей 11 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Положениями статьи 178 УК РФ определено наказание за ограничение

конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля). Данная статья носит бланкетный характер. Для понимания признаков преступления следует обратиться к положениям Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», в котором разъяснены понятия: конкуренция, хозяйствующие субъекты, недобросовестная конкуренция, монополистическая деятельность, товарный рынок установление монопольно высоких или монопольно низких цен и т.д. Однако четкого определения «картель» в законе нет. Гальперин В.М. считает, что картель – это группа олигополистов, договорившихся об определенных принципах установления цен и/или распределения долей рынка, исходя из его географических или каких-либо иных характеристик [6, с. 212]. В широком смысле картель — это форма монополистического объединения предприятий, вид формального и неформального соглашения между договаривающимися сторонами. Иногда в литературе можно встретить такое выражение как «картельный сговор». Ограничение конкуренции в законодательстве РФ рассматривается как договорённости, из-за которых прочие рыночные субъекты не имеют доступа к российскому рынку или доступ появляется только при исполнении невыгодных или неприемлемых требований.

Необходимо заметить, что ст. 178 УК РФ редко применима на практике. За 6 месяцев 2023 года ФАС выявило 15 815 нарушений при проведении госзакупок, при этом вынесено 18 решений по делам о нарушении антимонопольного законодательства в ходе проведения торговых процедур, однако возбуждено всего 9 дел [10, 11]. Затруднения связаны прежде всего с бланкетностью нормы, а также со сложностью отграничить уголовное деяние от административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.32 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за заключение ограничивающего

конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координацию экономической деятельности.

В этой связи необходимо более подробно рассмотреть состав преступления по ст. 178 УК РФ. Объектом преступления в данной статье является установленный порядок осуществления добросовестной конкуренции на товарных рынках, материальные интересы всех участников рынка: государства, граждан, юридических лиц. Состав преступления представлен тремя самостоятельными формами: недопущение конкуренции; ограничение конкуренции; устранение конкуренции.

Способы совершения преступления различны ими могут быть:

1) установление или поддержание монопольно высоких или монопольно низких цен, за исключением цен, установленных субъектом естественной монополии в пределах тарифа на такой товар, которые определены органом регулирования естественной монополии;

2) раздел рынка, т.е. достижение соглашений между субъектами, действующими на рынке одного товара; соглашений о разграничении сфер влияния на рынке, деление его на части по территориальному принципу, по объему продаж или закупок, по ассортименту реализуемых товаров, по кругу продавцов или покупателей;

3) недопущение на рынок путем уничтожения или повреждение товара, блокирования транспортных коммуникаций, скупки всех возможных торговых мест, закрытия (незаконного) предприятий торговли конкурентов, незаконного отказа в выдаче лицензии на занятие предпринимательской деятельностью в сфере производства или реализации товаров, причинения вреда материально-технической базе производственных предприятий.

4) устранение с рынка других участников экономической деятельности;

5) установление или поддержанием единых цен, которое достигается в результате временного изъятия товаров из обращения, сдерживания их от

реализации, сокращения или прекращения производства товаров, на которые имеется спрос или заказ потребителей;

б) заключение ограничивающих конкуренцию соглашений;

7) осуществление координированных действий, устраняющих конкуренцию;

8) злоупотребление доминирующим положением.

Обязательными признаками состава преступления являются общественно опасное деяние, способ совершения преступления, последствия в виде крупного ущерба и причинная связь между действиями и наступившими последствиями в виде крупного ущерба, причинной связи.

Субъектами преступного посягательства, в зависимости от примененных виновными способов деяния, могут быть:

- главы некоммерческих и коммерческих структур, осуществляющие предпринимательство (руководители юридических лиц);
- индивидуальные предприниматели;
- должностные лица властных органов различных уровней, которые действуют согласованно с субъектами или независимо.

Субъективная сторона преступления выражена в форме прямого или косвенного умысла. Последнее означает, что виновное лицо о некоторых пострадавших может даже не знать. О том, что субъект допускает причинение своими действиями крупного ущерба другим субъектам можно судить лишь по характеру его незаконных действий. Следовательно, его вина очевидна.

Состав преступления по ст. 178 УК РФ сформулирован как материальный. Преступление окончено, если результатом явилось причинение крупного ущерба или получение дохода в крупном размере. Доходом в крупном размере признается доход, сумма которого превышает 50 миллионов рублей, а доходом в особо крупном размере - 250 миллионов рублей. Крупным ущербом

считается ущерб, сумма которого превышает 10 миллионов рублей, а особо крупным ущербом - 30 миллионов рублей.

Местом совершения преступления выступает товарный рынок, т.е. сфера обращения товаров (включая работы и услуги). Они могут быть предназначены для продажи, обмена или иного введения в оборот, и не иметь заменителей, либо взаимозаменяемых товаров на территории РФ или ее части.

Деяния, предусмотренные ч. 1 статьи 178, отнесены к категории преступлений небольшой тяжести; ч. 2 - к категории преступлений средней тяжести; ч. 3 - к тяжким преступлениям. Частью 3 предусмотрено нанесение потерпевшему побоев или совершение других насильственных действий, повлекших физическую боль, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью.

Высокие размеры крупного и особо крупного дохода, крупного и особо крупного ущерба, обозначенных в данной статье, являются причиной редкого применения ее на практике. Так по данным судебной практики за 2022 год по части 1 ст. 178 УК РФ осужден 1 человек, по части 2 – 7 человек, по части 3 осужденных нет. Из них оправдано 2 человека, 8 человек получили условные сроки наказания. [12].

Одной из причин редкого применения ст. 178 УК РФ в российском судопроизводстве является необходимость доказать фактическое наступление общественно опасных последствий в виде ограничения конкуренции. Для этого необходимо получить экспертное заключение, аналитический отчет Федеральной антимонопольной службы, пояснения экономистов и иных специалистов, свидетелей. Решение о наказании виновных лиц выносится по результатам экономической экспертизы, в случае выявления негативной ситуации на рынке. При этом необходимо выявить дополнительные доказательства факта нарушения закона. Зачастую находить прямые доказательства очень сложно, поскольку во многих случаях схемы

преступлений становятся все изощренней, а участники картелей используют псевдонимы. Контролирующим органам приходится заниматься сбором косвенных улик, указывающих на факты, связанные с нарушением антимонопольного законодательства. В этой связи специалисты систематически анализируют поведение хозяйствующих субъектов, структуру рынка, выполняют математические расчеты и экспертизы, а так же исследуют переписку, поведение, факт встреч конкурентов [8, с. 45].

Еще одной из причин незначительной применимости судами ст. 178 УК РФ является наличие конкурирующих статей. Например, ст. 159 УК РФ подразумевает наказание за совершение мошеннических действий. Статьей 204 УК РФ определена ответственность за коммерческий подкуп. Получение взятки и дача взятки квалифицируются по ст. 290 и ст. 291 УК РФ. Должностные преступления наказуемы по ст. 285 и ст. 286 УК РФ - злоупотребление и превышение должностных полномочий. Организация преступного сообщества или участие в нем запрещено ст. 210 УК РФ. Судам, как правило, легче определить состав преступления по данным статьям, нежели по ст. 178 УК РФ, поскольку по ним наработана обширная практика, составы преступлений более конкретизированы. Антимонопольное законодательство в Российской Федерации, как отдельная отрасль права, существует сравнительно недавно. Федеральный закон «О защите конкуренции» введен в действие только в 2006 году, вместе с тем была введена в Уголовный кодекс РФ статья 178. Факты говорят сами за себя. По статистическим данным за 2022 год по ст. 178 УК РФ было осуждено 8 человек, по ст. 159 УК РФ – 17 089 человек, по ст. 204 УК РФ – 292 человека, по ст. 290 УК РФ – 1 367 человек, по ст. 291 УК РФ – 2 234 человека и т. д. [12].

Для осуществления единообразного подхода к рассмотрению правонарушений в области антимонопольного законодательства, ФАС России издал Приказ от 08.08.2019 № 1073/19 «Об утверждении методических

рекомендаций» [3]. В нем даны разъяснения по вопросам применения статьи 178 УК РФ; определен порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке; дано понятие географических границ товарного рынка, федерального, межрегионального рынков; установлен порядок и условия отграничения состава преступления смежных статей Уголовного кодекса РФ от состава преступления данной статьи и т.д. Несмотря на подробное описание и рекомендации, низко эффективность нормы неоспорима. Отчасти этому способствует п. 3 примечания к комментируемой статье, в котором предусмотрены основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 2 ст. 75 УК). Тем самым, лицо, даже совершившее прочие преступления, за которые оно будет несомненно отвечать, освобождается от ответственности по данной статье, если выполнит ряд условий. А именно: первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред. Тем самым статья 178 УК РФ одна из немногих статей уголовного законодательства, по которой можно избежать наказания. Эффективна ли данная норма? Вопрос спорный. Вводя ее законодатель, по всей видимости, пытался стимулировать подозреваемых к даче незамедлительных добровольных показаний и тем самым сократить ущерб экономике государства. Однако, на сделку со следствием, как правило, идут лица, совершившие преступление впервые и по неосторожности. Но не следует забывать, что раскаявшись однажды, можно преступить закон еще раз, только способ будет более изощренный.

Видится, что причиной, побудившей законодателей ввести основания для освобождения от ответственности по указанной статье, является политика государства в области наказания виновных. В последние годы Россия идет курсом гуманного отношения к преступившим закон по экономическим

статьям Уголовного кодекса РФ. Введение данной нормы является одним из таких шагов.

Тем самым, проведя анализ различных видов ответственности за нарушение антимонопольного законодательства РФ, автор пришел к выводу, что данная сфера общественных отношений крайне специфична, требует глубоких знаний в области экономики и юриспруденции. Особое внимание следует уделять подготовке квалифицированных специалистов, необходимых не только в контролирующих антимонопольных органах, но и на всех этапах уголовного судопроизводства. Государственная политика Российской Федерации всячески способствует развитию антимонопольного направления, однако, это долгосрочные перспективы, требующие значительных материальных и временных затрат.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.

3. Приказ ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19 «Об утверждении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации)») - URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=335124#js0w55UYV1ObEA7k>.

4. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 (ред. от 04.03.2021) «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=378797&dst=100001#z5yYB5U1jXB8uZ7>.

5. Аникина Е.А. Экономическая теория: учебник / Е.А. Аникина, Л.И. Гавриленко. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2014. – 413 с.

6. Гальперин В.М. Микроэкономика: В 3-х т. / Т.3 / В.М. Гальперин С.М.Игнатъев, В.И.Моргунов, П.А.Ватник, А.П.Заостровцев. - СПб: Экономическая школа ГУ ВШЭ, 2008- 482 с.

7. Сидоров В.А. Общая экономическая теория: учебник для студентов высших учебных заведений / В.А. Сидоров, Е.Л. Кузнецова, А.В. Болик - Майкоп: ООО «ЭЛИТ», 2017. – 603 с.

8. Шаститко А.Е. Картель: организация, стимулы, политика противодействия// Российский журнал менеджмента - 2013. - 31 Том 11, № 4, С. 31–56.

9. Реестр субъектов естественных монополий на 01.06.2023 // URL: <http://fas.gov.ru/documents/689043>.

10. Статистические данные ФАС - URL: <https://fas.gov.ru/documents/689109>.

11. Официальный сайт ФАС - URL: <https://fas.gov.ru/news/32695>.

12. Судебная статистика РФ - URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>.

УДК 347.218.3

Торицина Анастасия Сергеевна

Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС при Президенте РФ

Юридический факультет

Россия, Волгоград

lovein1300@gmail.com

Toritsina Anastasia

Volgograd Institute of Management - branch of RANEPА under the President of the

Russian Federation

Faculty of Law

Russia, Volgograd

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: в статье проанализированы основные подходы к экономическому и юридическому содержанию категории «собственность», положению права собственности в системе конституционно-правового статуса личности, а также содержание и основания, пределы ограничений правомочий собственника. Сделан вывод об особом положении государства, не только как субъекта права собственности на многие виды объектов, но и как суверена, устанавливающего, прежде всего, в публичных интересах особый режим частной собственности, условия и порядок ограничения и лишения прав собственника.

Ключевые слова: собственность, право собственности, публичная собственность, владение, пользование, распоряжение, ограничение и лишение права собственности.

CONTENT OF PRIVATE PROPERTY RIGHTS: THEORY AND LEGISLATIVE REGULATION ISSUES

Annotation: the article analyzes the main approaches to the economic and legal content of the category «property», the position of property rights in the system of constitutional and legal status of an individual, as well as the content and grounds, limits of restrictions on the powers of the owner. A conclusion is made about the special position of the state, not only as a subject of property rights to many types of objects, but also as a sovereign, establishing, first of all, in the public interest, a special regime of private property, the conditions and procedure for limiting and depriving the owner of rights.

Key words: property, property rights, public property, possession, use, disposal, limitation and deprivation of property rights.

Защита права собственности рассматривается в современной теории права как один из важнейших элементов всего правозащитного механизма, позволяющий субъекту законно владеть, пользоваться и распоряжаться имеющимся у него объектом имущества, связанными с этим объектом имущественными правами в целях удовлетворения своих базовых потребностей, получения прибыли при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, а также свободно отчуждать объекты имущества в интересах других лиц.

При определении места права собственности, как важнейшего элемента правового статуса личности в условиях рыночной экономики, необходимо обозначить положение данного права в общей системе прав и свобод человека и гражданина.

Впервые положения о праве собственности и её неприкосновенности начинают закрепляться в национальных конституциях после Великой французской революции. Неприкосновенность частной собственности была провозглашена не только в Конституции Франции, но и актах иных европейских государств, а также в Билле о правах США. Так, Пятая поправка к

Конституции США провозглашает, что «частная собственность не может отниматься для общественного пользования без справедливого вознаграждения» [1, с. 51].

Для российского конституционализма провозглашение права частной собственности связано со значительными экономико-политическими изменениями, произошедшими в нашей стране в начале 1990-ых годов двадцатого века. Закрепление основ рыночной экономики, а также связанное с этим гарантирование предпринимательской и иной частной экономической деятельности, осуществляемой непосредственно гражданами, обусловили не только само провозглашение права частной собственности на уровне Конституции, но и установление в тексте Основного закона гарантий его реализации, а также иных прав, связанных с использованием и распоряжением собственностью (право наследования, право использования имущества в целях предпринимательской и иной экономической деятельности).

Что касается определения места и роли права собственности в системе прав личности, то не совсем корректной представляется позиция авторов, которые относят право частной собственности к категории личных, поскольку основные потребности человек удовлетворяет именно за счёт денег и иного имущества, которым он располагает на праве собственности [2, с. 4]. С точки зрения расположения права собственности в статье 35 Конституции, более верным является отнесение данного права к числу экономических.

Можно вывести целый ряд отличий между экономическим пониманием категории «собственность» и её юридическим обоснованием. Так, если собственность в экономическом смысле – это, прежде всего, социально обусловленный процесс, существующий в обществе, то собственность в своей правовой трактовке рассматривается в объективном и субъективном смысле. В субъективном смысле это право собственности конкретного лица (гражданина, организации, публично-правового субъекта), заключающееся в совокупности

правомочий владения, пользования и распоряжения объектом имущества. В объективном смысле собственность – это совокупность норм гражданского и иного законодательства, регулирующего возникновение, распоряжение и прекращение отношений собственности, а также ее защиту.

Различаются моменты возникновения собственности в экономическом и юридическом смыслах. После процесса реального присвоения имущественного блага требуется его правовое обоснование, закрепление и охрана. Правовыми нормами регламентируются и сами процессы присвоения (институты сделок, первоначальных способов возникновения объектов собственности и т.д.) как юридические факты, влекущие появление права собственности [3, с. 179].

Различие экономической и юридической категорий собственности отражает динамику социальных отношений. Если в экономическом смысле собственность статична, обозначая субъекта данных правомочий, объект посягательства, пределы правомочий над вещью, то в юридическом смысле собственность реализуется в использовании собственником своих правомочий, подтверждающих, прежде всего, «сохраняемость и неприкосновенность объекта собственности, отсутствие неправомерных посягательств на объект» [4, с. 32].

Главенствующее значение при регулировании собственности в экономике имеет способ возникновения блага, (производство, обмен, распределение и т.д.), тогда как в гражданском обороте для законодателя наиболее важно основание приобретения права на уже существующее благо (сделка, государственная регистрация права на созданную вещь, решение правоприменительного органа и т.д. Последний пример можно рассмотреть в законодательстве об отдельных объектах собственности: к примеру, ст. 25 Земельного кодекса Российской Федерации установлены способы возникновения прав на землю, как важнейший имущественный объект). Специфика способа возникновения объекта собственности у конкретного лица

может обуславливать возложение на собственника дополнительных обязанностей – например, необходимость государственной регистрации права на отдельные группы вещей. Такая регистрация имеет экономическое значение для государства – позволяя производить статистический учёт основных показателей, а также обеспечивая налогообложение. Кроме того, в силу своих свойств многие объекты являются особо (или потенциально) опасными, что предопределяет не только учёт, но и контроль их использования собственником, для сохранения общественной, экологической безопасности, обеспечения законных интересов иных лиц.

Собственность в юридическом и фактическом смыслах имеют разную социальную направленность, отличающиеся цели их существования для интересов конкретного лица и общества в целом. Для экономической категории «собственность» наиболее важно обеспечить непрерывность производственных циклов, способность выпущенной продукции и оказанных услуг, работ удовлетворить потребности населения страны (например, состояние продовольственной безопасности рассматривается как способность обеспечить внутренний рынок нужным количеством продуктов питания и сельскохозяйственного сырья). В свою очередь, собственность в юридическом смысле направлена на защиту неприкосновенности прав на объект собственности отдельных лиц, обеспечение беспрепятственного использования коллективной, государственной и муниципальной собственности. В этой связи верным представляется определение А. В. Венедиктова, который отмечает: «Собственность – это правовое отношение к вещи как с своей» [5, с. 25]; соответственно, такое отношение должно иметь адекватную посягательству юридическую защиту.

«Классическим», существующим ещё со времён римского частного права, является рассмотрение права собственности как совокупного комплекса трёх

основных правомочий, который субъект имеет право осуществлять в отношении определённой вещи [6, с. 101]. К таким правомочиям относятся:

1. Владение, которое являет собой «начальную» форму собственности и заключается в юридически оформленном закреплении за субъектом возможности фактически обладать благом. В отношении небольших материальных объектов (бытовая техника, наличные денежные средства) такое обладание имеет характер буквального господства (т.е., реальной возможности держать благо в руках, находиться в зрительной доступности и т.д.), тогда как обладание неимущественными объектами (безналичные деньги, электронные финансовые инструменты), а также крупными объектами собственности (большими земельными участками, морскими судами, находящимися в рейсе, и т.д.) подтверждается наличием правоустановительных документов, верифицируемых и подтверждаемых со стороны государства;

2. Пользование, связанное с применением объекта собственности сообразно потребностям собственника, а также целевому назначению вещи, устанавливаемому законом. Целевое назначение определяется гражданским, а также соответствующим публичным законодательством согласно социальному назначению конкретной разновидности вещей, «стратегическому» положению того или иного объекта собственности в народном хозяйстве и государственной экономике. Так, например, земельные участки в Российской Федерации должны использоваться в соответствии с их целевым назначением, согласно которому земли подразделяются на семь категорий; при этом некоторые из категорий могут находиться только в отдельных формах собственности (например, участки лесного фонда, которые могут быть только в государственной собственности). В свою очередь, категории земель делятся на субкатегории (для сельскохозяйственных земель), виды разрешённого использования (в пределах населённых пунктов), для каждой разновидности земель установлен свой правовой режим, во многом сводящийся именно к

особенностям использования участков. Несоблюдение нормативных требований влечёт за собой различные меры юридической ответственности, вплоть до лишения права собственности на участок.

В отличие от владения, «базового» элемента права собственности, пользование не привязано лично к собственнику. Реализуя своё субъективное право, собственник может посредством найма работников, создания дополнительных представительств (для юридических лиц), непосредственно пользование объектом собственности не осуществлять. Примером одновременного владения и пользования является деятельность фермера, обрабатывающего собственный земельный участок. Необходимо также отметить и позицию Конституционного Суда, указывающего на необходимость учёта интересов и прав других лиц при пользовании собственником своим имуществом – должен соблюдаться принцип экономической солидарности, явствующий из трактовки статей 17 и 75.1 Основного Закона [7];

3. Распоряжение, связанное с принятием собственником окончательного решения о юридической судьбе объекта. Тем самым, распоряжение объектом собственности включает в себя не только контроль над благами, но и возможность любым способом изменять конфигурацию объекта, разделять его, в пределах, установленных законом, менять его юридические свойства (например, в предусмотренном специальном федеральным законом порядке переводить собственный земельный участок из одной категории в другую), вплоть до отчуждения вещи, передачи её другому лицу на ограниченном вещном праве, отказе от вещи или её уничтожению. При этом нужно иметь в виду, что распоряжение отдельными видами собственности регулируется специальными нормативными актами, что может ограничивать распоряжение собственника (например, за уничтожение особо ценных природных объектов собственник может быть привлечён к административной ответственности; в отношении распоряжения отдельными видами недвижимости установлен

запрет на их отчуждение иностранным гражданам и лицам без гражданства, иностранным юридическим лицам. Например, земельные участки, расположенные на приграничных территориях, в пределах закрытых административно-территориальных образований [8, с. 8].

Наряду с выделенными тремя основными правомочиями собственника в теории права, а также в отраслевых исследованиях предлагают выделять иные группы правомочий, приобретающих актуальность в современных условиях коммерческого оборота. В целом, все выделяемые правомочия можно свести к отдельным проявлениям владения, пользования и распоряжения, однако они имеют большое значение в сегодняшнем правовом регулировании, обособляя отдельные группы общественных и экономических отношений.

Наиболее полно «теория прав собственности» рассматривается в работах американского экономиста, Нобелевского лауреата, Р. Коуза. По мнению Коуза, к триаде «владение-пользование-распоряжение вещью» следует добавить следующий ряд отдельных правомочий:

- применение полезных свойств объекта собственности для себя;
- возможность осуществлять управленческие действия в отношении блага собственности без его отчуждения или передачи в аренду, на иное вещное право (под это правомочие подпадают отношения, связанные с помещением денег по договору банковского счёта, размещению средств в ценные бумаги, биржевую игру посредством участия специального агента-брокера [9, с. 204]);
- возможность собственника обладать результатами от использования своего блага;
- «суверенное» право собственника, связанное не только с отчуждением объекта собственности, но и с изменением или уничтожением существующей у него вещи;
- право на передачу благ в наследственную массу с дальнейшей передачей их тому лицу (лицам), на которое (которые) он укажет в завещании;

- право на постоянное обладание благом, без установления каких-либо ограничений по срокам (что представляется важным, например, при решении вопроса о приобретательной давности других лиц на имущество собственника);

- право использовать имущественное благо только тем способом, которое не наносит вреда интересам других собственников, публичным интересам (исходя из этого, законодателем устанавливаются, например, особые правила в обращении с источниками повышенной опасности (ядохимикатами, транспортными средствами и т.д.);

- право использовать своё имущество в целях исполнения обязательств (к примеру, в счёт договора займа);

- право собственника требовать защиты своих существующих правомочий в административном или судебном порядке, а также посредством разрешённых законом способов самозащиты [10, с. 255].

Данные правомочия, по сути относясь к различным проявлениям владения, пользования или распоряжения, тем не менее, позволяют сосредоточить внимание законодателя на регулировании отдельных моментов возникновения и реализации права собственности, защитить права и законные интересы участников соответствующих правоотношений.

Говоря о юридической природе права собственности в современном гражданском обороте, необходимо отметить три основных момента, которые обособляют «собственность» и «право собственности» как базовые категории частного права, предпосылки для возникновения ограниченных вещных прав:

1. Прежде всего, право собственности носит абсолютный характер, что означает невозможность неправомерного посягательства на объект, находящийся в собственности конкретного гражданина (юридического лица, публично-правового образования). Право собственника на защиту от таких посягательств подкрепляется как установлением мер различных видов юридической ответственности (административной, уголовной,

дисциплинарной), так и наличием специальных гражданско-правовых (исковых) механизмов защиты – виндикационный и негаторный иски, возможность взыскания компенсации вреда, причинённого необоснованным вмешательством в реализацию собственником своих правомочий.

2. «Правомерные посягательства» на право собственности должны быть обусловлены только общими интересами, выражаемыми через государственно-властный акт (к примеру, установление особо охраняемой зоны, проведение инженерных коммуникаций через участок собственника, временное или постоянное изъятие объекта собственности для публичных нужд). Лишение права собственности в Российской Федерации может быть осуществлено исключительно по решению суда; обязательным условием для лишения имущества в публичных целях является полное и соразмерное возмещение стоимости объекта собственности (ч. 3 ст. 35 Конституции). В этой связи особый интерес представляет положения пп.2 и 3 ст. 14 Конституции Федеративной Республики Германия, устанавливающие, что «собственность должна служить общему благу», а «отчуждение собственности может быть допущено исключительно для общего блага» [11, с. 92]. Законодательством допускается не только «полное» лишение права собственности, но и временные ограничения на беспрепятственное использование лицом своей вещи – через установление реквизиции на определённый промежуток времени. Примером реквизиции может выступать издание акта органа исполнительной власти о размещении на земельном участке, принадлежащем фермеру, мобильного спасательного лагеря для ликвидации степного пожара на территории, прилегающей к участку; актом определяется срок использования участка должностными лицами подразделениями Противопожарной службы МЧС России, стоимость и порядок уплаты временного пользования участка в общественных целях. Если после прекращения использования вещь будет возвращена в непригодном для дальнейшего применения по целевому

назначению состояния (к примеру, если участок будет распахан или потравлен, что не будет позволять фермеру его возделывать в пределах сельскохозяйственного года), она должна быть выкуплена, либо собственнику должны предоставить вещь равнозначной стоимости.

3. Особое положение в отношениях собственности имеет участие органов и (или) должностных лиц публичной власти, в том числе, когда речь идёт о собственности гражданина. Государство может быть либо непосредственным собственником каких-либо объектов, либо осуществлять функцию «легализации» права собственности других участников (путём государственной регистрации прав и сделок, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей как специальных субъектов права собственности), либо выступать в качестве субъекта охраны и защиты прав других собственников (через отправление правосудия, деятельность Росреестра и прокуратуры). Охране право подлежит постоянно (с момента своего закрепления в тексте Конституции и впоследствии в отраслевом законе), тогда как меры защиты применяются в случае нарушения или угрозы нарушения.

Нужно отметить, что охрана права связывается не только с собственно нормативным регулированием. В рамках охраны государство устанавливает целый ряд мер экономического, политического и организационного характера, которые в комплексе создают условия для реализации субъектом предоставленных ему Конституцией и иным отраслевым законодательством прав и свобод, обеспечивают исполнение обязанностей, связанных с необходимостью охранять права и свободы других лиц, обеспечивать общественные и публичные интересы. Применительно к праву собственности к таким правовым мерам в рамках его охраны будет относиться закрепление положения собственников (их гражданская право- и дееспособность, установление ограничений для отдельных лиц по поводу нахождения у них в собственности конкретных вещей), а также иные меры, которые связаны с

реализацией правомочий собственника в нормальном, «ненарушенном» состоянии. При этом меры защиты наступают только при нарушении или оспаривании права собственности с целью восстановления нарушенных (оспоренных) прав и (или) законных интересов собственника.

Таким образом, право собственности может быть рассмотрено в объективном смысле (как совокупность законодательных предписаний, обособляющих и регулирующих права и обязанности собственников), а также в субъективном (как совокупность правомочий собственника – притязаний на конкретные объекты имущества, владение, пользование и распоряжение такими объектами). В контексте юридической природы права собственности выделен его абсолютный характер (запрет необоснованных посягательств на правомочия собственника, ограничение и лишение права собственности исключительно в целях защиты прав и свобод других лиц на основании судебного решения, а также особое участие государства в отношениях собственности). Право собственности является основным экономическим правом, гарантируемым Конституцией.

Список литературы:

1. Саудаханов М. В. Эволюция права частной собственности: сравнительное исследование // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 51–54.
2. Скворцова Т. А., Тания Н. С. К вопросу о сущности права частной собственности юридических лиц // Бизнес и общество. 2023. № 4. С. 1–4.
3. Рыженков А. Я. Особенности понимания юридических фактов в странах традиции «общего права» // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9. С. 178–181.

4. Чердакова Л. А. Теоретико-правовые основы права муниципальной собственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23. С. 32–35.
5. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 840 с.
6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права: монография. – М.: Статут, 2020. 351 с.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.04.2023 № 18-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 6 Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Ф. Короткова» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3388.
8. Абезин Д. А., Мохов А. Ю. Социальная функция современного аграрного права // Современное право. 2024. № 4. С. 5–11.
9. Козловская В. Ю. Правовое регулирование брокерской деятельности // В сб.: Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием. Казань, 2021. С. 201–204.
10. Репин С. С. Теорема Коуза-Стиглера (экономическая теория прав собственности) // Путеводитель предпринимателя. Выпуск XXXV. 2015. С. 271–251–257.
11. Рыжик А.В. Юридическая природа институциональных интересов права собственности // Пробелы в Российском законодательстве. 2014. № 5. С. 89–94.

УДК 347.736

Тошматова Адолат Неъматжоновна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Юридический факультет
Россия, Москва
tadolat@bk.ru
Toshmatova Adolat
Financial University under the Government of the Russian Federation
Faculty of Law
Russia, Moscow

ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ ИММУНИТЕТЕ «РОСКОШНОГО» ЖИЛЬЯ

Аннотация: научная работа посвящена анализу правовой природы исполнительского иммунитета, а именно установлению пределов его действия. Автором исследования проведён анализ норм и судебной практики для определения случаев, при которых возможно обращение взыскания на единственное жильё должника. Кроме этого, установлены основные проблемы, возникающие при реализации «роскошного» жилого помещения.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет, имущественный иммунитет, роскошное жилое помещение, реализация собственности, обращение взыскания.

ON THE EXECUTIVE IMMUNITY OF «LUXURY» HOUSING

Annotation: the scientific work is devoted to the analysis of the legal nature of executive immunity, namely, the establishment of the limits of its action. The author of the study analyzed the norms and judicial practice to determine the cases in which foreclosure on the debtor's only home is possible. In addition, the main problems arising in the implementation of "luxury" residential premises have been identified.

Key words: executive immunity, property immunity, luxury residential premises, sale of property, foreclosure.

Согласно статистическим данным «Федресурса» количество введённых судебных процедур реализации имущества должников в 2022 году составило 278 137 [26], что на 80 000 больше, чем в 2021 году. Данные доказывают, что граждане стали активнее пользоваться институтом банкротства физических лиц. В связи с тем, что данный институт является довольно новым и по сей день активно формируется, выявляются всё новые проблемы, которые необходимо решать с помощью разъяснений высших судебных инстанций, изменений федерального законодательства.

Количество судебных дел, в которых должники не сумели исполнить свои обязательства, составило 69 % от вышеуказанного количества, что свидетельствует о нарушении принципа соблюдения баланса интересов должника и кредитора. Одной из причин этого является чрезмерная защита прав и интересов должника как слабой (незащищённой) стороны правоотношений.

Примечательно, что помимо предоставленной законодательством защиты (например, функционирование исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья), должники нередко злоупотребляют субъективными правами и недобросовестно поступают. В частности, последнее непосредственно связано с сохранением «роскошного» жилого помещения путём проведения притворных сделок и цепочки операций с иной недвижимостью.

Суды стали обращать внимание на это и, наконец, интересы кредиторов стали защищаться: исполнительский иммунитет перестал быть абсолютной категорией. Однако, при нарушении иммунитета, а именно при реализации

«роскошного» объекта недвижимости, возникли сложности и проблемы, с которыми нам предстоит разобраться.

Право на жилище является одним из прав граждан, прямо закреплённых в Конституции Российской Федерации [1]. Ещё в 2012 году Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) указал в своём Постановлении, что право собственности на жилое помещение – это не просто право гражданина и его семьи, но и основное экономическое право [5], без которого не представляется возможным реализовать иные социальные права человека. Помимо отечественных норм, неотъемлемое право на жилище устанавливает Международный пакт о правах человека [2].

Именно поэтому законодатель конкретизирует норму и защищает указанное право в иных нормативных правовых актах. Согласно ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) единственное жилое помещение гражданина-должника, пригодное для постоянного проживания относится к имуществу, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам.

Указанное ограничение получило название «исполнительского иммунитета» (далее – иммунитет, имущественный иммунитет), являющегося одним из эффективных механизмов гарантии конституционного права на жильё. *Исполнительский иммунитет* – это защита имущества от ответственности по долгам перед кредиторами. Благодаря этому принципу единственное жильё освобождается от принудительного изъятия для удовлетворения требований по обязательствам, оно не может быть арестовано и продано. Исполнительский иммунитет является абсолютным, не считая недвижимость, находящуюся в ипотеке, но и в данном случае есть исключения, которые будут рассмотрены далее. В целом, существует проблема определения пределов имущественного иммунитета [24], что приводит к разному применению норм судами.

Такого же мнения придерживается большая часть научного сообщества. Например, М. Л. Гальперин в научном исследовании подчеркнул: «механизм обращения взыскания должен быть четко урегулирован на уровне федерального закона» [19].

Поэтому можно сделать вывод, что исполнительский иммунитет не может распространяться на любой объект недвижимости, используемый для проживания граждан. По мнению автора работы, при защите недвижимости, важно учитывать не только её количество, но и качество. Под «качеством» стоит воспринимать разумность параметров жилья, как для самого должника, так и для членов семьи, постоянно проживающих с ним.

В большинстве своём, такой механизм как имущественный иммунитет используется в процедуре банкротства (несостоятельности) граждан [22]. В период признания должника банкротом ему приходится претерпевать неприятные последствия данного процесса, поскольку при нём происходит передача имущества и имущественных прав должника в конкурсную массу. В дальнейшем после реализации собственности, за счёт полученных средств будут исполнены обязательства перед кредиторами [21].

Граждане зачастую знают о том, что им придётся в ближайшее время обанкротиться. Поэтому недобросовестные должники могут проводить сделки и совершать иные действия, чтобы легально сохранить какую-то часть своего имущества. Например, лицо может заранее зарегистрироваться в наиболее дорогостоящей квартире, совершить ряд притворных сделок для того, чтобы искусственно обладать только одним жилым помещением. Данный механизм злоупотребления правом уже несколько лет исследуется судами, правоприменители пытаются решить эту проблему, однако это привело к новым проблемам и разнообразной судебной практике.

Таким образом, законодатель защитил право граждан на жилище, в том числе с помощью установления исполнительского иммунитета, однако он перестаёт быть абсолютным.

Исходя из ст. 446 ГПК РФ на заложенное имущество, в том числе по кредитному договору, может быть обращено взыскание, даже если недвижимость единственная. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее – ФЗ «Об ипотеке») в ст. 50 устанавливает, что залогодержатель вправе обратиться с взысканием на имущество, заложенное по договору об ипотеке для удовлетворения требований по обязательствам, обеспеченных залогом [3].

В данных правоотношениях залогодатель отказывается от имущественного иммунитета единственного жилья, передавая право реализации имущества, залогодержателю. Так, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения, обязательство исполняется за счёт заложенного имущества. В данном направлении сложилась довольно единообразная судебная практика по защите имущественных прав кредиторов, но стоит отметить некоторые особенности, сформированные в разъяснениях Верховного Суда.

Первая особенность касается обязательств, которые могут быть удовлетворены за счёт заложенного имущества. Исходя из разъяснений Верховного Суда [6], можно сделать вывод, что правила об имущественном иммунитете не распространяются на другие обязательства (не обеспеченные залогом), а только на требования залогового кредитора. В своих доводах ВС ссылался на следующее:

1. Претендовать на выплату обязательств из стоимости единственного заложенного жилья должника вправе только залоговый кредитор. Таким образом, в первую очередь должны быть удовлетворены все требования залогового кредитора, в том числе неустойка. Так, на остаток денежных средств

от реализации заложенного имущества должен распространяться исполнительский иммунитет.

2. Жилое помещение является единственным пригодным для постоянного проживания. Следовательно, остальные кредиторы, требования которых не обеспечены залогом, не могут претендовать на погашение своих требований из денежной массы, сформировавшейся от реализации данного имущества. Выходит, что в отношении остальных кредиторов жилье имеет исполнительский иммунитет.

Данный вывод сделан из анализа правовой природы договора залога. Изначально, соглашение о залоге должно защищать права конкретного (заложенного) кредитора в случае неисполнения обязательств должником. Зачастую при реализации предмета залога остальные взыскатели требуют исполнения и других обязательств.

Однако, важно помнить, что для остальных кредиторов данный объект – жилое помещение остаётся единственным жильём должника, на которое не может быть обращено взыскание.

Вторая особенность, которая будет проанализирована в данной научной работе связана с пределами действия ст. 50 ФЗ «Об ипотеке». А точнее, что именно (какие действия или бездействия должника) является неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств? Верховный Суд [27] установил в каких случаях банки не смогут забрать ипотечную квартиру. *Установленные случаи, которые должны иметь место одновременно:*

1. если просрочка не превышает трех месяцев;
2. если сумма задолженности меньше 5 % от стоимости имущества.

По мнению ВС РФ нет необходимости в реализации квартиры и погашении требований, если должник допустил совсем незначительное нарушение, а размер требований залогодержателя явно несоразмерен стоимости заложенного актива. Казалось бы, это похоже на банальный принцип

разумности, но некоторые кредиторы злоупотребляют своими правами при каких-либо недочётах со стороны должника.

Раскрывая данную тему, отметим, что в Государственной Думе рассматривается законопроект [18], предлагающий защитить ипотечную (при условии, что она единственная) недвижимость при банкротстве лиц. Согласно пояснительной записке, у должников будет *право заключить мировое соглашение* с кредиторами и утвердить в суде составленный план реструктуризации.

По нашему мнению, это поможет сохранить многим гражданам, особенно проживающим с семьёй, объект недвижимости и не остаться на улице. Законопроект, в первую очередь, защищает конституционное право ряда лиц на жильё. Минусом проекта является только то, что кредитором придётся претерпевать некоторые неудобства: долгое время ждать исполнения обязательств, но, отметим, что кредитор вправе, а не обязан заключить мировое соглашение.

Таким образом можно сделать вывод, что даже залоговое имущество в какой-то части, при действии совокупности обстоятельств, обладает имущественным иммунитетом.

После принятия Постановления Конституционного Суда [4] суды и кредиторы стали задаваться вопросом об установлении критериев жилья, которое можно не исключать из конкурсной массы даже если оно является единственным. КС РФ несколько раз отмечал, что лишить должника исполнительского иммунитета возможно только в строго определённых случаях, при этом требовал законодательно закрепить эти ситуации. Подобное явление непосредственно связано с соблюдением баланса прав кредиторов и должника, поскольку и те, и другие зачастую злоупотребляют своими правами.

Для исследования темы необходимо установить признаки единственного жилья, на которое можно обратить взыскание. «Роскошным» (излишним)

жильём считается особый тип недвижимости, отличающийся большой площадью [13], элитной отделкой, престижным местоположением и дорогими предметами быта. Именно такое жильё является собственностью, в отношении которой исполнительский иммунитет перестаёт быть абсолютным [4].

КС РФ отметил следующее: имущественный иммунитет должен распространяться на жильё, которого достаточно для соблюдения конституционного права на жильё и для удовлетворения разумных потребностей жителей. Поэтому суды начали вставать на сторону кредиторов, защищать их права и способствовать соблюдению баланса интересов [23].

Законодательство и правоприменительная практика не устанавливают критерии роскошного жилья, поэтому далее необходимо определить признаки излишнего жилья. КС РФ в Постановлении отметил особенность: избыточная жилая площадь, таковой считается недвижимость, в разы превышающая установленные в той или иной местности нормы (предоставляемая площадь по договору социального найма). Однако для того, чтобы включить объект в конкурсную массу, недостаточно установить превышение размера жилья [8], кредитором следует доказать и иные параметры.

А. В. Егоров считает, что судьи знают какое жильё является достаточным для соблюдения конституционного права банкрота, поэтому они и должны проводить оценку «роскошности» объекта недвижимости [28]. И поскольку суды оценивают критерии «излишества» довольно субъективно, можно выделить те, что наиболее часто указываются в решениях:

-Площадь недвижимости. Согласно судебной практике, имущественный иммунитет распространяется на жилые помещения площадью менее 100 кв. метров [14]. Также некоторые органы отмечают: если жильё значительно не превышает разумные размеры (уровень конституционной потребности), то оно не считается излишним [9].

-*Район, в котором находится дом или квартира.* Жилой комплекс или элитный район могут иногда влиять на «роскошность» жилого помещения в большей степени, чем её площадь. Например, при процедуре банкротства [15] была реализована единственная квартира должника площадью 300 кв. метров, в которой она проживала с дочерью. Ключевую роль в данном деле сыграло то, что недвижимость находилась в элитном Московском районе Раменки и её рыночная стоимость составляла 100 миллионов рублей. Кассация установила, что после покупки нового жилья для должника возможно погасить около 85% требований кредиторов.

-также «роскошность» жилья может определить *оценка рыночной стоимости недвижимости*: заключение специалиста [10].

Таким образом автор данного исследования, как и другие авторы [20], считает, что основной проблемой при обращении взыскания на «роскошную» недвижимость является: установление критериев «излишества» и определение порядка реализации «роскошной» собственности.

Обращение взыскания на роскошное жилье и включение его в конкурсную массу возможно только при покупке банкроту менее роскошного объекта недвижимости. Верховный Суд РФ конкретизировал [16] ранее опубликованное постановление КС РФ, отметил, что новый объект недвижимости должен быть не менее установленной площади, которую предоставляют по договору соцнайма; также помещение необходимо предоставлять в пределах того же населенного пункта, что и роскошное (если есть согласие банкрота, то возможно выйти за установленные рамки).

Однако, возникает вопрос: что делать должнику и его семье в период продажи жилья и покупки нового? Несомненно, есть возможность договориться с покупателем «роскошного» жилого помещения о том, чтобы должник проживал в нём до покупки новой недвижимости. Скорее всего, большая часть покупателей пойдёт на встречу, так как цена объекта

недвижимости будет составлять максимум 80% от её рыночной стоимости и на определённые уступки пойти можно. Но ничто не гарантирует, что может быть обратное, поэтому данный вопрос также нуждается в дополнительных разъяснениях от Верховного Суда.

С помощью анализа правоприменительной практики и научных работ, нами были выделены критерии, при наличии которых на единственное «роскошное» жильё должника может быть обращено взыскание. Далее разберём в каком порядке реализуется «излишнее» жилое помещение.

При заведомо недобросовестном поведении должника. Необходимо установить используется ли роскошное жилое помещение по назначению, проверить жили ли те же лица задолго до процедуры несостоятельности. Судебная практика полна дел, где должник совершает совокупность [12] сделок (приобретение недвижимости, попытка её продажи в период процедуры банкротства, изменение адреса регистрации) для наделения исполнительским иммунитетом недвижимость.

Доказать, что параметры собственности явно превышают разумные потребности граждан. Для этого помогут критерии, которые установлены нами выше. Но конечно же, этого недостаточно, т. к. возникает проблема установления разумности необходимого жилья, что ещё раз доказывает необходимость определения признаков «роскошного» жилья на законодательном уровне.

Наличие экономического смысла в реализации объекта недвижимости. Изъятие и продажа собственности должна погасить большую часть долгов, так как не допустима продажа жилого помещения с целью наказать должника [11].

Для этого следует сопоставить общую сумму долга и предполагаемую стоимость единственного жилья, также нужно учесть, что за счет реализации роскошной недвижимости, необходимо приобрести должнику и его семье жилое помещение, соответствующее социальным нормам [7]. В случае, если

после покупки жилья большая часть требований кредиторов будет погашена, то рациональность присутствует и суд может согласиться с продажей.

Недобросовестное поведение должника. В большинстве своём именно оно становится решающим критерием даже при наличии двух вышеназванных. Например, ВС РФ в деле № А41-57108/2019 [17] решил отказать в продаже единственного жилья, площадь которого составляла более 320 кв. метров, т. к. кредиторы не доказали злоупотребление прав банкрота.

После анализа правоприменительной практики нельзя не согласиться с мнением В.В. Яркова [25], что к соблюдению баланса интересов должника и кредитора можно прийти с помощью двух составляющих: удовлетворения законных требований взыскателя, обеспечения должника минимальным уровнем существования. Мы считаем, что это та формула, благодаря которой наилучшим способом будут защищены права должника и кредитора.

Таким образом, как и требовал Конституционный суд, необходимы дополнения в федеральное законодательство, поскольку проблема становится всё более актуальной. Недобросовестные должники выполняют ряд операций и сделок, с помощью которых придают самой дорогой собственности вид единственного жилья и незаконно приобретают исполнительский иммунитет. Из-за этого нарушаются права взыскателей, что делает бесполезным весь институт несостоятельности.

После проведённого исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, законодательством установлено право граждан на жилище, которое ни при каких обстоятельствах не может быть нарушено, что и приостанавливает развитие процесса обращения взыскания на жилое помещение должника.

Во-вторых, исполнительский иммунитет со временем перестал быть абсолютным, причиной чего стало недобросовестное поведение граждан.

В-третьих, при анализе судебной практики было выявлено, что основной проблемой при обращении взыскания на «роскошную» недвижимость является:

установление критериев «излишества» и определение порядка реализации «роскошной» собственности.

На основании вышеизложенного, необходимо внесение изменений в федеральное законодательство, поскольку проблема становится всё более актуальной, следовательно нарушает права большего количества кредиторов и делает неэффективным процесс банкротства.

На данный момент суды субъективно устанавливают и применяют критерии «роскошного» объекта недвижимости, что зачастую приводит к несправедливым решениям, т. к. права некоторых должников чрезмерно защищаются, а интересы многих кредиторов совсем не учитываются.

Таким образом процедура обращения взыскания на «роскошное» жильё должника может стать эффективной защитой прав кредиторов и элементом, способствующим соблюдению баланса прав должника и кредиторов.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.

2. «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/?ysclid=lrghv6151v60589687 (дата обращения: 16.01.2024).

3. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» № 102 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 16.07.1998 г. - с изм. и допол. в ред. от 20.10.2022.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 № 15-П // СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/400698503/> (дата обращения: 16.01.2024).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 N 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129823/ (дата обращения: 16.01.2024).

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2023 N 307-ЭС22-27054 по делу №А5651728/2020 // Верховный Суд URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_es.php?id=2258520&ysclid=lrkdy8gvkn583730212 (дата обращения: 18.01.2024).

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 октября 2022 г. N Ф05-21948/19 по делу N А40-291728/2018 // СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/69277547/> (дата обращения: 17.01.2024).

8. Постановление ААС № 09АП-3461/2023 г. Дело № А40-144774/21 // Картотека арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/513deecd-ade8-44b1-9c9f-094f25f74a0b> (дата обращения: 17.01.2024).

9. Постановление АС Кемеровской области по Делу № А27-12283/2021 // Картотека арбитражных дел URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6f5737e9-8c3a-4b71-9051-31b22132586d/ce7883a5-9537-4add-b506-c7e3187c03c6/A27-12283-2021_20230418_Postanovlenie_apelljacji.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.01.2024).

10. Постановление арбитражного суда кассационной инстанции Дело № А53-10698/2019 // Картотека арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0ef6fa5a-e836-48c8->

884714b86032c810/e4a60f61-baee-467e-a1bf-08ba2a412080/A53-10698-2019_20220414_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.01.2024).

11. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 9 сентября 2022 г. N Ф02-3840/22 по делу N А33-7711/2018 // СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/37738001/?ysclid=lrl12h5kp0632184303> (дата обращения: 17.01.2024).

12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 октября 2021 г. N Ф05-23563/21 по делу N А41-19099/2020 // СПС "Гарант" URL: <https://base.garant.ru/69183875/> (дата обращения: 17.01.2024).

13. Дело № А40-193794/2020 // Картотека арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b90a0492-38f1-48ff-a0e8-7072fb7dd685> (дата обращения: 18.01.2024).

14. Дело № А40-41714/2019 АС Московского округа о // Картотека арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e816c993-d8a6-49a7-bbbf-59ffd0a41c8c> (дата обращения: 18.01.2024).

15. Дело № А40-98653/2021 // Картотека арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3c8de4ce-b936-4ee3-a4c1-8081b703c0a5> (дата обращения: 19.01.2024).

16. Дело № А73-12816/2019 // Картотека арбитражных дел URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b90a0492-38f1-48ff-a0e8-7072fb7dd685/91649b10-45de-4803-b9a1-3bc7d0d1422f/A27-17129-2018_20211007_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.01.2024).

17. Дело № А41-57108/2019 // Картотека арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e170602f-0805-4432-a434-77bf58127cd9> (дата обращения: 19.01.2024).

18. Законопроект № 309801–8 О внесении изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» //

Система обеспечения законодательной власти URL:
https://sozd.duma.gov.ru/bill/309801-8#bh_histras (дата обращения: 18.01.2024).

19. Бондарь Н., Клишас А., Мифтахутдинов Р., Гальперин М., Чефранова Е., Кондрашов И., Наумова Л., Сычкова Е., Ерохова М., Литовцева Ю., Улезко А. Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов // Закон. – 2018. – N 12. – С. 27–45.

20. Гильфанов И. И. Проблемы и особенности замены роскошного единственного жилья на более скромное при банкротстве гражданина. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2023. – С. 80–84.

21. Исхакова Р. Д. Проблема исполнительского иммунитета единственного пригодного для проживания жилого помещения должника в процедуре несостоятельности (банкротства) // StudNet. – 2021. – Т. 4, № 5.

22. Карелина С. А., Фролов И. В. Механизм освобождения гражданина должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения // журнал "Право и экономика". – 2015. № 10.

23. Корсунова, А. С. Проблемы исполнительского иммунитета единственного жилья должника и условия его преодоления в правоприменительной практике по делам о несостоятельности (банкротстве) // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2(206). – С. 87–90.

24. Орлов, К. М. Ограничения исполнительского иммунитета единственного жилья при банкротстве // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5(221). – С. 244–247.

25. Ярков В. В. Значение Постановления Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П для исполнительного производства // Практика исполнительного производства. – 2007. – №5. – С. 3–9.

26. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2022 // Федресурс URL: <https://clck.ru/33m4QE> (дата обращения: 13.01.2024).

27. ВС назвал условия, при которых нельзя забрать ипотечное жилье за долги // Российская газета URL: <https://rg.ru/2019/08/12/vs-nazval-usloviia-pri-kotoryh-nelzia-zabrat-ipotechnoe-zhile-za-dolgi.html> (дата обращения: 18.01.2024).

28. Зайцев О. Р., Егоров А. В. Вебинар «Обращение взыскания на единственное жилье» // Lextorium URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CeD8yHrKFh4> (дата обращения: 19.01.2024).

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.3

Берадзе Елизавета Денисовна
Южный федеральный университет
Институт управления в экономических, экологических и социальных системах
Россия, Таганрог
lizaberadze@yandex.ru
Beradze Elizaveta
Southern Federal University
Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems
Russia, Taganrog

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГАРАНТИИ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РФ**

Аннотация: в представленной работе приводятся результаты исследования института социальной защиты сотрудников СК РФ. Основываясь на анализе федерального законодательства, нами были отмечены некоторые пробелы нормативного регулирования государственных гарантий данной группы граждан и предложены рекомендации для их устранения. Методологическая основа представлена общенаучными и частно-научными методами.

Ключевые слова: социальные гарантии, социальное обеспечение, сотрудники СК РФ, Следственный комитет РФ, специальный правовой статус.

**SOCIAL GUARANTEES FOR EMPLOYEES OF THE INVESTIGATIVE
COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation: this paper presents the results of a study of the social security system of employees of the RF IC. Based on the analysis of federal legislation, some problems of legal regulation of social guarantees for this category of citizens are noted and

recommendations for their elimination are proposed. The methodological basis is represented by general scientific and private scientific methods.

Key words: social guarantees, social security, employees of the RF IC, the Investigative Committee of the Russian Federation, special legal status.

Социальное обеспечение сотрудников СК РФ – меры, ориентированные на стабилизацию имущественного состояния сотрудников при наступлении социально значимых обстоятельств. Специфичность особого правового положения сотрудников СК РФ обусловлена тем, что, неся службу, сотрудники СК РФ изо дня в день рискуют своей жизнью. Учёные сходятся во мнении о том, что реализация особых социальных гарантий для сотрудников СК РФ крайне необходима. По мнению Волчанской А.Н. и Худякова А.В., упомянутый институт увеличит авторитет службы в СК РФ и замотивирует граждан соединить своё будущее с госслужбой [7, с. 209]. Пулкачева П.К. и Ушникова В.П. считают, что рассмотрение вопроса усовершенствования законодательства в сфере снабжения жильём сотрудников является важным аспектом развития этого социального института, который предоставит возможность для наиболее полной реализации своих прав сотрудниками [8].

Рассмотрим, чем представлено материальное обеспечение сотрудника СК РФ (см. Рисунок 1) [3].

Дополнительная плата за специальное звание начисляется каждый месяц в процентном отношении к окладу в представленных размерах (см. Рисунок 2).

Дополнительная плата за выслугу лет производится в границах от двадцати до семидесяти процентов оклада, за напряжённость и сложность, а также за высокие служебные достижения – до пятидесяти процентов оклада, за учёное звание и учёную степень (см. Рисунок 3).

Вместе с тем предусмотрены квартальные премии, премиальные выплаты в соответствии с итогами службы за год, выплата материальной поддержки [6],

а сотрудникам, замещающим специальные должности предоставляется ежемесячное вознаграждение (заместитель Председателя СК РФ, старший помощник Председателя СК РФ, руководитель ГСУ СК РФ, руководитель СО СК РФ, директор Судебно-экспертного учреждения СК РФ и др.) [3]. Сотруднику СК РФ, имеющему выслугу не менее двадцати лет и владеющему правом на получение пенсионных выплат, каждый месяц начисляется надбавка 50% пенсии, которая могла быть им назначена.

Помимо этого федеральное законодательство устанавливает право сотрудника СК РФ на получение жилого помещения. Представленная гарантия реализуется в виде однократной денежной выплаты в целях покупки или постройки жилья. Такой сотрудник должен иметь срок службы не менее 10 лет, а также отвечать требованиям, предусмотренным ч. 4 ст. 35.1 Федерального закона «О Следственном комитете РФ». Сотруднику, у которого отсутствует жильё в пределах места прохождения службы, выделяется служебное помещение или денежное компенсирование за наём жилья.

Ко всему прочему вышеупомянутый Закон фиксирует возможность получения медицинского обеспечения, реализуемого на средства государственного бюджета. С целью выявления наличия или отсутствия заболеваний, воспрепятствующих осуществлению служебных обязанностей раз в 5 лет сотрудники СК РФ проходят медицинское обследование. В дополнение к этому Закон устанавливает личное страхование сотрудника. Так, страховое возмещение компенсируется в следующих случаях (см. Рисунок 4).

Также в перечень принадлежащих сотрудникам СК РФ социальных гарантий входят: предоставление мест в гостиницах первоочередно во время нахождения в командировке, обеспечение детям сотрудников СК РФ мест в учебных заведениях, воспитательно-оздоровительных учреждениях в летнее время, право хранить и носить оружия на постоянной основе в целях

собственной защиты, осуществление погребения сотрудника, умершего вследствие несения службы.

Федеральное законодательство закрепляет множество социальных гарантий для сотрудника СК РФ, однако, невзирая на это, материальное состояние сотрудников остается недостаточным. Вследствие этого рассмотрим ряд предложений, направленных на улучшение материального положения сотрудников СК РФ. Во-первых, предлагается поднять градацию между специальными званиями, т.к. градация в 1-2% не в полной мере мотивирует сотрудника к получению нового звания. Во-вторых, необходимо нормативно закрепить конкретные случаи и размеры доплаты за высокие служебные достижения, сложность, напряженность работы для того, чтобы сотрудники четко понимали, какие задачи им следует выполнить для более эффективной работы. В-третьих, надлежит начислять ежемесячную надбавку размером 50% пенсии в качестве пенсионной выплаты, не подвергающаяся налогообложению, т.к. в настоящий момент такая надбавка является составной частью довольствия, а соответственно, подлежит налоговому вычету, что, в свою очередь, отягчает материальное положение сотрудников. В-четвертых, видится необходимость предоставления жилого помещения в первую очередь крайне нуждающимся сотрудникам, т.к. ограниченный бюджет не дает возможности предоставить жилье абсолютно всем нуждающимся. В-пятых, следует установить право мужчины – сотрудника СК РФ на отпуск по уходу за ребенком до 3-х лет в связи с тем, что на сегодняшний день такое право имеют исключительно сотрудницы-женщины, что в значительной мере нарушает конституционное законодательство.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что в настоящее время действует большое количество социальных гарантий для сотрудников СК РФ, однако текущее законодательство имеет ряд недочётов. Предложенные выше меры его совершенствования, с нашей точки зрения,

будут содействовать улучшению материального положения сотрудников СК РФ, что, в свою очередь, благоприятно скажется на уровне раскрываемости преступлений и повышении безопасности общества.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации - принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. В текст Конституции Российской Федерации вносились поправки Законами Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ. / Официальный сайт публикаций Российского законодательства. - URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 24.07.2024).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СПС КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.07.2024).

3. Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28.12.2010 N 403-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 24.07.2024).

4. Постановление Правительства РФ от 02.05.2012 N 411 (ред. от 13.04.2024) «О порядке исчисления выслуги лет для назначения пенсий сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации» // СПС

КонсультантПлюс. – URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129305/469c2597a507bad17504b4c561600172d7ff16e3/ (дата обращения: 24.07.2024).

5. Постановление Правительства РФ от 20.06.2011 N 481 (ред. от 21.08.2020) «Об установлении должностных окладов сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, в том числе военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, по штатным должностям которых предусмотрено присвоение специальных (воинских) званий» // СПС КонсультантПлюс. – URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115508/ (дата обращения: 24.07.2024).

6. Приказ СК России от 08.08.2016 N 71 «Об утверждении Положения о порядке выплаты премий по итогам службы за квартал и за год и оказания материальной помощи сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.09.2016 N 43531) // СПС КонсультантПлюс. – URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204260/a4ba8ba5b86356081c1833f21caff3a65cb555a6/ (дата обращения: 24.07.2024).

7. Волчанская, А.Н. Социальное обеспечение сотрудников Следственного комитета Российской Федерации как условие эффективного выполнения возложенных на них задач и функций (вопросы конституционно-правового регулирования) / А.Н. Волчанская, А.Н. Худяков // Актуальные проблемы российского права. – 2018 – № 12 (97). – С. 203-210.

8. Пулкачева, П. К. Предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития / П. К. Пулкачева, В. П. Ушникова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый.

— 2021. — № 47 (389). — С. 289-292. — URL:
<https://moluch.ru/archive/389/85680/> (дата обращения: 08.02.2024).

9. Шарин В.И. Основы социальной политики и социальной защиты : учебное пособие / В.И. Шарин. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 383 с. – (Среднее профессиональное образование). – DOI 10.12737 / 17945.

Приложения

Рисунок 1 – Материальное обеспечение сотрудника СК РФ

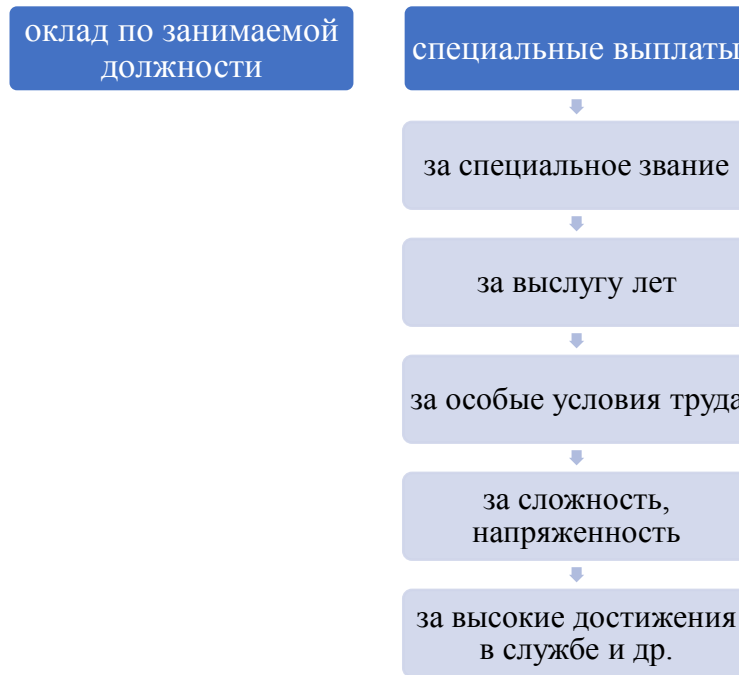

Рисунок 2 – Размер доплат за специальное звание сотрудников СК РФ

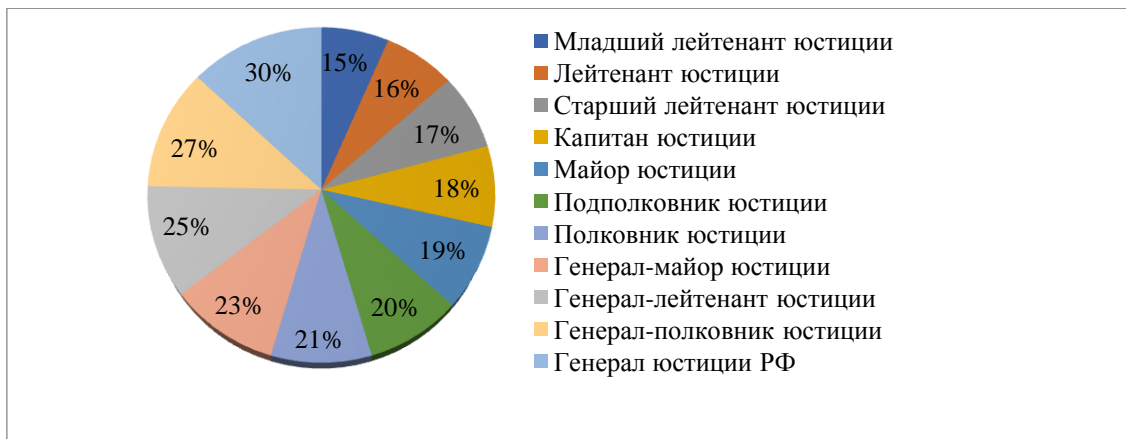

Рисунок 3 – Размер доплат за учёное звание и учёную степень

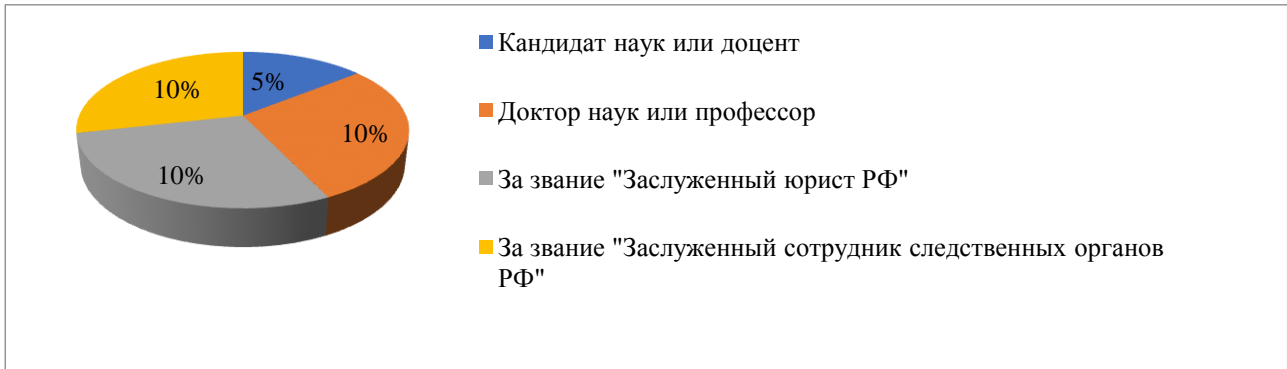

Рисунок 4 – Случаи страхового возмещения работнику СК РФ

гибель (смерть) сотрудника, если она наступила вследствие причинения ему телесных повреждений в связи с несением службы, - наследникам в размере, равном 180-кратному размеру его среднемесячного денежного содержания

причинение сотруднику телесных повреждений в связи с несением службы, исключающих возможность в дальнейшем заниматься профессиональной деятельностью, - в размере, равном 36-кратному размеру его среднемесячного денежного содержания

причинение сотруднику телесных повреждений в связи с несением службы, не повлиявших на способность заниматься профессиональной деятельностью, - в размере, равном 12-кратному размеру его среднемесячного денежного содержания

УДК 349.22

Веревкин Иван Евгеньевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Кафедра трудового права

Россия, Екатеринбург

verevivan0602@gmail.com

Verevkin Ivan

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Department of Labor Law

Russia, Ekaterinburg

ОТНОШЕНИЯ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ТРУДОВЫМ

Аннотация: статья посвящена правовому регулированию отношений, предшествующих трудовым правоотношениям. В статье рассматриваются виды правоотношений, которые предшествуют заключению трудового договора, рассматриваются особенности их регулирования, права и обязанности сторон. Особый акцент сделан на исследовании договоров, связанных с прохождением обучения для последующего трудоустройства у работодателя. Так, например, в статье анализируются особенности заключения и исполнения договора о целевом обучении.

Ключевые слова: трудовое право, трудовые правоотношения, предшествующие правоотношения, стороны трудовых правоотношений, трудовой договор.

PRE-EMPLOYMENT RELATIONSHIPS

Annotation: the article is devoted to the legal regulation of relations preceding labor relations. The article examines the types of legal relations that precede the conclusion of a difficult contract, examines the specifics of their regulation, the rights and

obligations of the parties. Special emphasis is placed on the study of contracts related to the passage of training for subsequent employment with an employer. For example, the article analyzes the specifics of concluding and executing a contract on targeted training.

Key words: labor law, labor relations, previous legal relations, parties to labor relations, employment contract.

Действующее трудовое законодательство достаточно подробно регламентирует отношения, связанные с трудом. Вместе с тем, зачастую, во время правоприменительной практики и разрешения ситуативных казусов ученые, изучающие трудовое право сталкиваются с проблемами применения законодательства и правовыми пробелами.

Согласно ст. 37 Конституции Российской Федерации, труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [1].

Трудовой кодекс Российской Федерации содержит законоположения, цель которых - создать благоприятные условия труда, обеспечить гарантированную государством защиту прав и законных интересов работников и работодателей [6]. В связи с указанным, законодатель вполне точно и грамотно сформулировал понятие «трудовых правоотношений», то есть «некой связи между работником и работодателем». В этой связи трудовые отношения являются основным звеном в сложившейся системе правоотношений в сфере труда.

Однако, в первую очередь обратимся к понятию правоотношений. Юридическая наука высказывает различные точки зрения на тот вопрос, что из себя представляют общественные правовые отношения, какая их цель и роль в механизме правового регулирования. Так, В.С. Бялт отмечал, что

правоотношения - это регулируемые нормами права общественные отношения, порождающие права и обязанности у их участников [7].

Трудовые отношения, как они определены в Трудовом кодексе Российской Федерации, представляют собой систему юридических связей между работником и работодателем, которые возникают на основании трудового договора [2]. Эти отношения основаны на взаимных правах и обязанностях сторон, что обеспечивает баланс интересов.

Вместе с тем, правоотношения в сфере труда намного обширнее понятия трудовые правоотношения. Отношения в сфере труда и трудовые правоотношения соотносятся как общее и частное.

В связи с указанным, некоторые ученые подразделяют по структуре предмета трудового права выделяют трудовые правоотношения и иные непосредственно связанные с ними отношения [11].

В теории трудового права правоотношения, непосредственно связанные с трудовыми отношениями, могут быть подразделены на следующие группы в зависимости от времени их возникновения:

- Предшествующие трудовым отношениям:

1) Отношения по подбору и отбору кадров - отношения, возникающие на этапе поиска и найма работников, включая собеседования, оценку квалификации и навыков, без заключения трудового договора, в том числе испытательного срока.

2) Отношения по заключению трудового договора - этап, на котором стороны согласовывают условия труда, включая обязанности, права, заработную плату и другие условия.

3) Отношения по обучению.

Вместе с тем, на практике, указанный вид правоотношений встречается достаточно редко, поскольку работнику чаще всего не спорит с условиями

трудового договора, так как они чаще всего типовые в организациях, а условия обговариваются на этапе подбора и отбора кадров.

- Сопутствующие трудовым отношениям - отношения по обучению и повышению квалификации у работодателя: включают в себя обязательства сторон по обучению работников, повышению их квалификации и профессиональному развитию.

- Вытекающие из трудовых отношений – это отношения, которые возникают и развиваются после прекращения трудовых отношений, включая вопросы надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и других нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Таким образом, все эти группы отношений играют важную роль в регулировании трудовой деятельности и обеспечивают правовую защиту как работников, так и работодателей.

В настоящем исследовании рассмотрим отношения, предшествующие трудовым отношениям.

Предшествующие правоотношения возникают и развиваются до трудовых и прекращаются обычно в связи с появлением последних.

Так, отношения по заключению трудового договора включают в себя несколько ключевых этапов:

1. Предложение работы, то есть работодатель предлагает кандидату вакансию, включая основные условия труда;

2. Согласование условий: Стороны обсуждают и согласовывают условия трудового договора, такие как обязанности работника, права и обязанности сторон, размер заработной платы и порядок её выплаты, условия рабочего времени и отдыха, социальные гарантии и льготы;

3. Подписание договора - обе стороны подписывают трудовой договор, что подтверждает их согласие с условиями.

4. Вступление в силу - договор начинает действовать с момента, указанного в нем, или с момента фактического начала работы.

Эти этапы важны для обеспечения прав и обязанностей как работника, так и работодателя, а также для минимизации возможных конфликтов в будущем.

Также, необходимо рассмотреть отношения по обучению. В данный вид отношений включаются договоры об обучении (договоры о целевом обучении).

Законодатель не дал определение данного понятия. Согласно ст. 56 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» гражданин, поступающий на обучение по образовательной программе среднего профессионального или высшего образования, либо обучающийся по соответствующей образовательной программе, вправе заключить договор о целевом обучении с федеральным государственным органом, органом государственной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем [3]. Беря за основу указанную норму, можно вывести определение «договора о целевом обучении». По нашему мнению, договор о целевом обучении – это особый вид договора об оказании образовательных услуг по программам высшего и среднего профессионального образования, сторонами которого являются гражданин и федеральный государственный орган, орган государственной власти субъекта РФ, орган местного самоуправления, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, который порождает взаимные права и обязанности по отработке не менее 3-х лет в организации (со стороны работника) и по трудоустройству гражданина, заключившего договор о целевом обучении (со стороны заказчика).

Правовое регулирование договора о целевом обучении и договора о целевом приеме в настоящее время осуществляется в основном двумя нормативно-правовыми актами – действующим законом об образовании и

Постановление Правительства РФ от 27.04.2024 № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» [4].

Договор о целевом обучении является предметом изучения у многих правоведов, так как правовая природа, особенности регулирования указанного договора не были определены до недавнего времени [10]. Для определения правовой природы договора о целевом обучении необходимо, прежде всего, определить, какого рода отношения складываются в процессе его заключения и исполнения.

Предметом регулирования данного договора являются образовательные отношения и вытекающие из них. Согласно п. 3 ст. 2 ФЗ «Об образовании» отношения в сфере образования – это совокупность общественных отношений по реализации права граждан на образование, целью которых является освоение обучающимися содержания образовательных программ (образовательные отношения), и общественных отношений, которые связаны с образовательными отношениями и целью которых является создание условий для реализации прав граждан на образование.

Договор о целевом обучении направлен на возникновение набора прав и обязанностей, предоставляющихся сторонам, отношения которых связаны с образованием.

Для определения правовой природы договора о целевом обучении необходимо рассмотреть права и обязанности сторон данного договора. К обязанностям заказчика следует отнести: обязательство по организации учебной, производственной и преддипломной практики обучающегося в соответствии с учебным планом; обязательства по трудоустройству гражданина в организацию, указанную в договоре о целевом обучении. Гражданин же обязан: освоить образовательную программу; проходить практику, организованную органом или организацией, в соответствии с учебным планом;

успешно пройти государственную итоговую аттестацию по указанной образовательной программе; заключить с органом или организацией трудовой договор не позднее чем через определенный в конкретном договоре срок со дня получения соответствующего документа об образовании и о квалификации;

Проанализировав права и обязанности можно прийти к тому выводу, что договор о целевом обучении содержит обязательства, относящиеся к области образовательного права; обязательства административно-правового характера; обязательства трудового характера, а также можно наблюдать наличие черты гражданско-правового характера. Помимо этого, указанием на то что договор о целевом обучении относится к административному праву является то, что стороной выступают государственные и муниципальные органы, а также то, что он регулируется законодательством об образовании. На гражданско-правовую природу указывает то, что используется понятийный аппарат гражданского права («заказчик», «существенные условия договора»).

В связи с неоднозначным толкованием правовой природы договор о целевом обучении, вопрос определения правовой природы договора о целевом обучении часто обсуждается в научных кругах. Так, например, многие ученые утверждают (такие как И.В. Занданов [9], Н.В. Новикова [10], Э.Н. Бондаренко [8]), что договор о целевом обучении имеет трудовую природу, так как критерием определения правовой природы договора о целевом обучении должен определяться исходя из сущности правоотношений, цели и содержания договора.

Договор о целевом обучении зачастую сравнивают с ученическим договором, который регулируется 32 главой Трудового кодекса РФ. Это связано с тем, что, например, цель договора о целевом обучении и ученического договора совпадает (удовлетворении потребностей работодателя в кадрах с определенным уровнем образования (квалификацией), с одной стороны, и в удовлетворении потребностей гражданина в гарантированном

трудоустройстве к конкретному работодателю в соответствии с полученной квалификацией - с другой) [10].

Исходя из существенных условий договора о целевом обучении, можно говорить о том, что условия этих двух договоров совпадают. В связи с тем, что цель и существенные условия совпадают, можно уверенно говорить о том, что ученический договор с лицом, ищущим работу, и договор целевого обучения - это одинаковые по своей правовой природе договоры, совмещающие элементы образования и труда. Данную позицию поддерживает ряд ученых [12].

Данную теорию подтверждают и судебные решения. В определении Судебной коллегии по гражданским делам от 02.03.2020 г. № 70-КГ19-3 [5] был сделан вывод, что договор о целевом обучении является ученическим договором, то есть данные отношения входят в предмет трудового права и, следовательно, срок обращения в суд составляет 1 год. Вместе с тем, судебная практика в настоящее время различна, поэтому исследования в данном направлении будут продолжены в будущем.

Таким образом, ученический договор и договор о целевом обучении имеют следующие сходства: идентичная цель; совпадают существенные условия договоров, а также одинаковый субъектный состав.

Различия проявляются в следующем: договор о целевом обучении имеет прописанный механизм привлечения к ответственности, в случае неисполнения заказчиком целевого обучения или гражданином предусмотренных договором о целевом обучении обязательств; ученический договор имеет более детальное и совершенное регулирование, которое закрепляется в 32 главе Трудового кодекса Российской Федерации (например, урегулировано время ученичества, оплата ученичества, организационные формы ученичества и т.д.).

На основе изложенного можно говорить о том, что договор о целевом обучении – это особый вид договора об образовании, который имеет трудовую природу. По нашему мнению, необходимо законодательно

закрепить данную позицию, для того, чтобы устранить вопросы о правовой природе договора о целевом обучении. Помимо этого, необходимо регулировать отношения, связанные с договором о целевом обучении трудовым законодательством. Поэтому, мы предлагаем внести в статью 56 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» пункт 1.1. «Договор о целевом обучении является разновидностью ученического договора и на него распространяется регулирование главы 32 Трудового кодекса Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // «Российская газета», N 303, 31.12.2012.

4. Постановление Правительства РФ от 27.04.2024 № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» // Собрание законодательства РФ, 06.05.2024, № 19, ст. 2524.

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.03.2020 N 70-КГ19-3 // [Электронный ресурс]:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=924970593047437282729410346&cacheid=87B5B4BC2BA89B4B2DB53DB14F9573FB&mode=splus&base>

=ARB&n=621944&rnd=0.8047076888711702#7za6sr9e8r (дата обращения: 27.07.2024).

6. Анисимов А.Л. Основания возникновения трудовых отношений и их юридическое толкование // Ленинградский юридический журнал. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-vozniknoveniya-trudovyh-otnosheniy-i-ih-yuridicheskoe-tolkovanie> (дата обращения: 28.07.2024).

7. Бялт В.С., Чимаров С.Ю. К вопросу о понятии и признаках правоотношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-priznakah-pravoотношений> (дата обращения: 28.07.2024).

8. Бондаренко Э.Н. Договоры и соглашения в сфере трудового права // Актуальные проблемы трудового права: учеб. для магистров / отв. ред. Н. Л. Лютов. М., 2017. С. 212.

9. Занданов И.В. Ученический договор и договор о повышении квалификации: общее и особенное // Журнал российского права. 2009. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenicheskiy-dogovor-i-dogovor-o-povyshenii-kvalifikatsii-obschee-i-osobennoe> (дата обращения: 28.07.2024).

10. Новикова Н.В. О трудовых признаках договора о целевом обучении // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-trudopravovyh-priznakah-dogovora-o-tselevom-obuchenii> (дата обращения: 19.07.2024).

11. Трудовое право. Общая часть: учебное пособие / под ред. А.Н. Приженниковой. – М.: Финансовый университет, 2014. С. 55.

12. Степанова Е.А. Спорные вопросы отраслевой принадлежности договора о целевом обучении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-otraslevoy-prinadlezhnosti-dogovora-o-tselevom-obuchenii> (дата обращения: 27.07.2024).

Кулагина Анна Владиславовна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

ankulagina5895@gmail.com

Kulagina Anna

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Faculty of Law

Russia, Moscow

ПРОЯВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНОГО ТРУДА

Аннотация: в статье анализируется, каким образом явления, вызванные повсеместной цифровизацией, влияют на институты трудового права. Приводятся многочисленные и разнообразные примеры из российского и зарубежного опыта и релевантная судебная практика по поводу использования новых технологий в трудовых отношениях. Автор приходит к выводу о том, что цифровизация стремительно проникает в сферу несамостоятельного труда, однако говорить надлежащем и всеобъемлющем правовом регулировании на данный момент невозможно.

Ключевые слова: цифровизация, алгоритм, трудовое отношение, нетипичная занятость, контроль.

MANIFESTATIONS OF DIGITALISATION IN THE SPHERE OF NON- SELF-EMPLOYED LABOUR

Annotation: the article analyses how the phenomena caused by widespread digitalisation affect labour law institutions. Numerous and diverse examples from

Russian and foreign experience and relevant case law on the use of new technologies in labour relations are given. The author concludes that digitalisation is rapidly penetrating into the sphere of non-self-employed labour, but it is impossible to speak of proper and comprehensive legal regulation at the moment.

Key words: digitalisation, algorithm, employment relations, atypical employment, control.

Цифровизация в сфере трудовых отношений влечет необратимую цепь изменений в виде расцвета нетипичных форм занятости, электронном документообороте и фиксации многообразных юридических фактов в цифровом виде, актуализации роли социального партнерства, роботизации, алгоритмизации, автоматизации производства и трансформации прав и обязанностей сторон трудового договора.

Для начала определим, что будет пониматься под несамостоятельным трудом. Так, в российской доктрине еще в дореволюционный период известный правовед Л.С. Таль вывел следующий признак такого труда: *«несамостоятельность труда заключается не в принадлежности к какому-либо классу, а в предоставлении своей рабочей силы на определенный промежуток времени»* [1, с. 8]. А сущность соответствующего трудового договора заключалась в том, что одно лицо обещает за вознаграждение свою рабочую силу на какой-либо срок предприятию или хозяйству в качестве несамостоятельного работника при условии подчинения [1, с. 84]. Кроме того, в качестве понятия «цифровизации» примем повсеместный и продолжающийся в настоящее время процесс использования и распространения новых технологий и цифровой информации в целях повышения уровня общественного развития, обеспечения повышения эффективности экономики и улучшения качества жизни.

Прежде всего стоит начать с такого нового феномена, появившегося во

многим благодаря цифровизации, как нетипичная занятость, существенно распространившаяся в последнее время. В силу того, что четвертая промышленная революция основывается на широкомасштабном внедрении информационных технологий в промышленность, автоматизации бизнес-процессов, что неизбежно меняет структуру рынка труда в целом. В связи с этим можно наблюдать *«постепенную эрозию стандартной модели трудовых отношений и экстернализацию занятости, когда все больший объем работ перемещается за формальные границы организации-работодателя»* [2, с. 109].

«Нетипичная занятость» определяется в отчете Международного Бюро Труда, в котором было выделено четыре группы нетипичных форм занятости: *«1) временная занятость (срочные трудовые договоры, сезонная работа, единичные работы, включая работы на один день); 2) занятость на условиях неполного рабочего времени (работа по запросу, а также договоры «с нулевым рабочим временем»); 3) временный заемный труд и многосторонние трудовые отношения (субконтракты и др.); 4) замаскированные трудовые отношения и зависима самостоятельная занятость (трудовые отношения, выдаваемые за гражданско-правовые, и др.)»* [3].

Наряду с термином «нетипичной занятости» также употребляется понятие «неустойчивой занятости». В зарубежных странах принято обозначение *quasi-dependent labor* и *precarious employment* (от англ. *precarious* и лат. *precarium* - сомнительный, опасный, рискованный). Иными словами, под этими терминами стоит понимать такие трудовые отношения, где работодатель в любое время может, существует дерегуляция трудовых отношений и неполноценная, ущемленная правовая и социальная гарантия занятости [4, с. 84].

Здесь показателен пример суда Калифорнии, где работник пытался добиться признания себя работником и сложившихся отношений трудовыми. Тем не менее суд отказал и ввел новое синтезированное понятие –

синтетический правовой статус работника — «независимый подрядчик», сильно напоминающий статус самозанятого. Этот статус предполагает социальные гарантии, к примеру, минимальный размер оплаты труда, оплачиваемый отпуск, оплата за сверхурочную работу. Но в то же время сохраняется свобода договора, то есть в остальном отношения не регулируются трудовым законодательством. Иными словами, такие лица были принудительно переведены в категорию «самозанятых» с меньшим количеством гарантий, чем в классическом трудовом отношении и в ближайшее время не могут рассчитывать на изменение статуса [5].

В контексте цифровизации можно говорить о таких нестандартных формах, как аутсорсинг (outsourcing) – задействование в работе специалистов со стороны для осуществления непрофильных функций работодателем внешних услуг, например, привлечение клининговой организации для уборки помещений в юридической фирме. Аутстаффинг (outstaffing) – выведение персонала за рамки штатного расписания, ситуация обратная от аутсорсинга. Компания предоставляет своих сотрудников, например, тех же клинеров для выполнения работы у других работодателей. Краудворкинг (crowdworking – выполнение несколькими исполнителями отдельных задач в большом проекте. Например, на платформе Mechanical Turk компании ищут исполнителей для простых заданий вроде добавления описаний к фотографиям, транскрибирования аудиозаписей или прохождения опросов [6]. Фриланс (freelance) – выполнение работы по запросу без привязки к конкретному работодателю) [7, с. 47].

Далее рассмотрим влияние новых технологий на процесс исполнения трудовых обязанностей. Так, работники обязаны подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка и исполнять указания работодателя в силу статьи 21 ТК РФ. А в соответствии со статьей 22 ТК РФ работодатель вправе контролировать работником осуществление трудовой функции и «*требовать*

от работников исполнения его трудовых обязанностей и соблюдения правил внутреннего трудового распорядка» [8]. В связи с этим стоит вспомнить об инструментах алгоритмического контроля за исполнением трудовой функции работником.

Алгоритмические системы оптимизируют процесс управления работниками путем анализа и использования рейтингов производительности работников, показатели и данные, собранные от клиентов и пользователей для принятия решений о распределении будущих задач и удержании работников [9, с. 61]. Искусственный интеллект может обеспечить более быстрый и более обширный анализ данных, чем люди, достигая замечательной точности и зарекомендовав себя как надежный инструмент [10, с. 5].

Для работников, занятых дистанционно, крайне актуален контроль за использованием сети Интернет и рабочим компьютером. Работодатель может устанавливать специальные программы для отслеживания рабочего времени (TimeTracko), для мониторинга использования различных приложений и URL – адресов, то есть на каких сайтах работник проводит больше всего времени и не тратит ли он рабочее время на личные дела. Еще одним из самых излюбленных способов наблюдения можно назвать «кейлоггер». Смысл, которого заключается в запоминании всех нажатий клавиш работником, что позволяет узнать, какие запросы и сообщения были напечатаны, даже если история браузера или письмо не сохранились.

Однако в данном случае велика опасность нарушения неприкосновенности частной жизни работников и превышения допустимых пределов контроля. Так, в 2007 году Европейский суд по правам человека по делу Копланд против Соединенного Королевства вынес постановление от 03.04.2007 г. № 62617/00 (Copland v. United Kingdom). В этом деле суд решил, что работодатель не вправе контролировать использование компьютера и сети Интернет работников без соблюдения ряда конкретных условий. Женщина в

данном деле работала в британском колледже ассистентом директора. Спустя время на ее компьютер установили программу, контролирующую электронную почту и запросы в интернете. По утверждению работодателя, данная мера была предпринята, чтобы убедиться, не использует ли Копланд оборудование колледжа в личных целях. При этом правила и регламентация подобного наблюдения урегулированы не были в локальных актах. В ходе рассмотрения дела ЕСПЧ сделал логичный вывод о том, что *«электронные сообщения, отправленные с работы, должны быть защищены аналогичным образом, как и информация, полученная в результате мониторинга личного использования интернета»* [11]. Таким образом, наблюдение за Копланд было признано незаконным.

Помимо этого, весьма примечательно проявление цифровизации в сфере дополнительного образования и повышения квалификации. В Рекомендации МОТ № 195 «О развитии людских ресурсов» закрепляется, что *«образование, подготовка кадров и непрерывное обучение имеют основополагающий характер и должны быть неотъемлемой частью социальной политики государств»* [12].

Совершенно очевидно, что без нужных навыков обращения с новыми технологиями работники будут заменены более квалифицированными лицами, а в некоторых случаях всю деятельность отдельных профессий заменят роботы и цифровые технологии. К примеру, согласно исследованию компании McKinsey, к 2030 году около 14% рабочей силы лишится своей работы, а их функции будут выполняться с помощью цифровых технологий, а примерно 50 % рабочих мест могут быть автоматизированы [13]. А эксперты из РАНХиГС пришли к выводу, что в России к 2030 году 20,1 млн россиян рискуют остаться без работы [14].

На международном уровне употребляется термин «человеческий капитал», то есть приобретенный в процессе обучения индивида запас знаний,

умений, мотиваций и способностей, расходы на которые в дальнейшем обращаются в прибыль, которую будет иметь не только сам человек, но и руководитель. Человеческий капитал включает врождённые способности и талант, а также образование и приобретённую квалификацию [15, с. 111].

В связи с этим особенную популярность приобретает концепция непрерывного обучения в течение всей жизни (lifelong learning). Идея заключается в том, что образование не заканчивается после университета и периодических курсов по повышению квалификации для того, чтобы стать достойным специалистом необходимо постоянно стремиться к знаниям, улучшать их независимо от профессии. К примеру, в азиатских странах (Сингапур, Южная Корея) применительно к педагогическим работникам руководство давно отказалось от периодического обучения и проверки знаний раз в 3-5 лет. На замену пришла концепция постоянного обучения, занимающая более 100 часов подготовки в год [16, с. 1615].

К сожалению, не все категории работников могут эффективно обучаться и повышать свою квалификацию, к примеру, пенсионеры, низкоквалифицированные рабочие, мигранты и лица, состоящие в нетипичных трудовых отношениях, сталкиваются с множеством препятствий, мешающих им активно участвовать в программах по повышению квалификации и переобучению. Недостаток времени, финансовые затруднения, а также недостаточная информированность о доступных возможностях обучения могут быть главными причинами такой ситуации. Важно создавать более инклюзивные и адаптированные под их потребности образовательные программы, чтобы обеспечить равный доступ к обучению для всех категорий работников [17].

Помимо этого, особенно актуально развитие цифровых навыков (digital skills), то есть умение пользоваться цифровыми устройствами и новыми технологиями в повседневных рабочих задачах. К таким навыкам можно

отнести: умение работать с базовыми программами Microsoft, коммуникация посредством электронной почты и мессенджеров. Более продвинутыми навыками можно назвать: анализ больших данных, знание языков программирования, знание инструментов кибербезопасности. Согласно недавним исследованиям, уровень цифровой грамотности в России находится на уровне 45% [18]. А согласно данным Центра занятости населения около 70 тысяч безработных прошли специальное обучение по получению необходимых цифровых навыков в 2020 году [19].

В юридической сфере чрезвычайно важен навык работы с новыми технологиями в силу того, что более 90% помощников юристов и секретарей находятся под угрозой потери работы в ближайшее время из-за неминуемой автоматизации и алгоритмизации юридических процессов [20, с. 19]. Кроме того, Портал для поиска работы и подбора персонала HeadHunter выложил рейтинг профессий будущего, лидирующие строчки которого занимают специалист по кибербезопасности, нейропилот, цифровой лингвист – то есть те профессии, чье существование которых немыслимо без надлежащих digital skills [21].

Любопытно, что в США прежде, чем перевести работника на дистанционный формат работы работодатель обязан обучить его, разработать специальный курс, в ходе которого персонал получить основные навыки дистанционной работы [22, с. 573]. А в ФРГ функционируют несколько специализированных образовательных учреждений, направленных на изучение проблем обучения специалистов технологиям, которые появились в последнее время [23, с. 31].

Как итог, позитивным примером представляется опыт американской компании Harvest Automation, которая презентовала робота, самостоятельно передвигающего горшки с растениями в соответствии с оптимальными условиями роста зелени. Ранее эту работу выполняли люди на фермах, однако

они не были уволены, а, наоборот, получили возможность повысить свою квалификацию и заняться более высокооплачиваемой работой на ферме. Глава стартапа Чарли Гриннел отмечает, что *«применение роботов для простой работы позволило освободить рабочие руки для более важных задач»* [24]. Тем самым, можно сделать вывод о том, что несмотря на скорое повсеместное распространение роботов и цифровых технологий, работники, которые приобрели необходимые цифровые навыки, смогут успешно адаптироваться к новому обществу.

Цифровизация также влияет на диалог и взаимодействие между работником и работодателем, что отражается в актах социального партнерства. Технологические инструменты предоставляют социальным партнерам возможность расширять консультации, взаимодействовать со своими членами посредством оцифрованных процессов, улучшать услуги и расширять сетевую активность, а также решать проблему сокращения числа членов.

Прежде всего следует обратить внимание на акты социального партнерства. В частности, странами Евросоюза было принято Рамочное соглашение по цифровизации на Трехстороннем социальном саммите 23.06.2020 г. В данном соглашении были предусмотрены следующие пункты, которые рекомендованы к обсуждению и имплементированию в различные предприятия. Например, профсоюзам и руководству следует разработать совместный план развития цифровых навыков, включающий особое обучение. Также подразумевается наличие гарантий в существующих и будущих коллективных договорах [25]. Кроме того, в соглашении упоминается контроль с помощью искусственного интеллекта, который должен быть ограничен и не направлен на унижение человеческого достоинства. Также целью соглашения является предоставление специальной платформы для поддержки социального диалога, призванная помочь профсоюзам договариваться с руководством при враждебном отношении.

Помимо этого, новые нетипичные формы занятости требуют от профсоюзных организаций инновационных направлений защиты прав. В рекомендациях МОТ отдельно отмечается выстраивание социального диалога, объединению работников неформальной экономики в профсоюзы в целях обеспечения их прав и защиты интересов. В пункте 34 Рекомендации МОТ №204 "О переходе от неформальной к формальной экономике" указано, что организациям работников и работодателей следует включать в свои ряды представителей работников и экономических субъектов неформальной экономики [26].

Так, в условиях нетипичной занятости многие профсоюзы помогали работникам, занятым на платформах, особенно в период коронавирусной инфекции. К примеру, Венгерский форум для Сотрудничества профсоюзов (SZEFG) разработал платформы электронного обучения, онлайн-курсы и серию подкастов, посвященных проблемам и вызовам на рабочем месте, с использованием инструментов виртуальной среды обучения.

Кроме того, помимо привычных форм протеста в виде забастовок и иных способов в условиях цифровизации появляются новые виды выражения мнения. Например, во Франции Коллектив парижских автономных доставщиков (CLAP) создал группы в социальных сетях для организации онлайн-петиций, протестов и демонстраций. А профсоюз работников общего профиля на Мальте и Конфедерация новых профсоюзов Словении Независимость (KNSS Independence). Во время пандемии COVID-19, UATUC организовал онлайн-протест в рамках Международного дня труда 2020 года [27, с. 22].

Также стоит упомянуть об информационных правах работников, поскольку в современном мире невозможно качественно выполнять свою работу, не обладая всем доступным объемом информации и данных. С 2009 году Хартия основных прав Европейского признает право работников на

информацию и консультации [28]. А одна из директив провозглашает необходимость поддержания прозрачных и предсказуемых условий работы. Устанавливаются новые права работников, к примеру заблаговременную информацию о графиках работы для всех работников, в том числе в нестандартных и новых формах работы, таких как работа на платформе [29].

Более того, в июне 2023 года закреплено использование информационных и консультационных директив для обеспечения прав представителей профсоюзов и рабочих на участие в разработке и осуществлении стратегий должной осмотрительности в своих компаниях в рамках социального диалога [30].

В российской практике в 2021 году был выпущен Приказ Минтруда №773н о способах информирования работников. В тексте документа предусмотрены такие формы, как рассылка по электронной почте, информирование в интернет-журнале, размещение информации на корпоративном портале или сайте. Тем самым, в условиях цифровизации работники получают новые возможности для реализации своих информационных прав [31].

Примечательны также изменения в области дисциплинарной ответственности. Возникновение новых форм занятости в условиях цифровизации существенно изменили структуру трудового отношения, что неизбежно отражается как на субъектах, так и на основаниях привлечения к дисциплинарной ответственности. Так, особенно остро данная проблема проявляется в сфере деятельности медицинских работников. В последнее время оказание медицинской помощи немислимо без применения новых технологий и искусственного интеллекта. Именно эти технологии иногда приводят к плачевным результатам и неудачному лечению. Иногда медицинские приборы показывают неправильные результаты, а в некоторых случаях третьи лица намеренно искажают результаты. На данный момент нет точного ответа на

вопрос, необходимо ли привлекать медицинского работника в случае ошибки, однако весьма обоснованной точкой зрения служит тезис о том, что медицинский работник, который корректно выполнил свою трудовую функцию, не должен быть привлечен к дисциплинарной ответственности в случае неудачного исхода медицинской манипуляции из-за скрытых и неочевидных недостатков применяемых новых технологий [32, с. 39].

Здесь крайне уместно вспомнить три закона робототехники, выведенных писателем-фантастом Айзеком Азимовым: «1) Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред. 2) Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону. 3) Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам» [33]. Однако на данный момент говорить о безоговорочном и безупречном следовании данной правилу затруднительно.

Также ярко изменение формы дисциплинарной ответственности прослеживается на примере дистанционных работников. Так в силу того, что работник находится не по месту нахождения работодателя, у последнего возможности работодателя контроля существенно ограничены. К примеру, если в трудовом договоре четко не указано время отдыха работника, работодатель не может привлечь его к ответственности за превышение времени обеденного перерыва, поскольку работник становится самостоятельным в регулировании и организации процесса своего труда, и в данном случае работодатель в состоянии контролировать лишь сроки и качество выполненных заданий [34, с. 50].

Кроме того, в условиях цифровизации возможна следующая проблема – ограничение права работника высказываться в социальных сетях. Многие компании дорожат своей репутацией и не позволяют работникам публично

делиться их мнением о работе. Помимо этого, некоторые высказывания работников о своих политических, религиозных и иных взглядов, по мнению, компании дискредитируют имидж и негативно отражаются на функционировании предприятия в целом. Поэтому нередки случаи применения дисциплинарных взысканий к работникам, имевшим неосторожность опубликовать спорные посты в социальных сетях.

Так, однажды сотрудница компании написала комментарий под постом официального сообщества фирмы во "ВКонтакте". Высказывание содержало ненормативную лексику в адрес коллеги, вследствие чего женщину лишили премии и объявили выговор. Суд поддержал работодателя и закрепил законность и правомерность взыскания, поскольку в трудовом и коллективном договоре содержалось правило о необходимости избегать совершения действий, способных нанести ущерб работодателю или вред репутации [35].

Другим примером является дело, когда работник сфотографировался на рабочем месте и выложил фото в социальную сеть. Однако на заднем плане оказались различными документы, содержание которых составляло служебную тайну (бланки служебных документов с указанием фамилии, имени, отчества, адресов и номеров телефонов). Работник был уволен за разглашение служебной тайны: бланки служебных документов с указанием фамилии, имени, отчества, адресов и номеров телефонов, суд поддержал работодателя [36].

Таким образом, нетрудно заметить, что сфера несамостоятельного труда претерпела существенные изменения в условиях цифровизации. Учитывая стремительный рост использования новых технологий, цифровизация неизбежно проявилась в правовом поле. Эти изменения вызывают важные вопросы о защите прав работников, социальной защите и регулировании рабочих отношений. Существующие нормативные правовые акты должны быть адаптированы к новым реалиям трудовых отношений, чтобы обеспечить справедливость и социальную защиту работников в условиях цифровой

экономики.

К примеру, очевидно, что все большее количество трудоспособного населения начинает работать в новых формах занятости. Так, в России за последний год число лиц, работающих через интернет-платформы, превысило 5 млн человек, о чем свидетельствуют данные Росстата [37]. Также большое внимание уделяется информационным правам работников, в частности обязанность поддерживать прозрачные и предсказуемые условия и предоставлять работникам всю необходимую информацию для успешного и эффективного выполнения работы. Практикуются и широко применяются новые способы информирования посредством электронных ресурсов.

Также заметно расширение влияния социального партнерства и возможность работников напрямую влиять на свою трудовую жизнь и деятельность компании. Показателен пример Дании, где сотрудники датской платформой клининговых услуг "Nilfr" и Объединенная Федерация датских работников 3F, заключили коллективные договоры, в которых осмысливаются и формулируются риски, связанные с цифровизацией и внедрением алгоритмов [38, с. 25]. Данные соглашения позволили работникам получать гарантированные единые выплаты и возможность заключить официальный трудовой договор или остаться самозанятым.

Тем не менее по мере развития цифровизации и все большего распространения новых технологий все более велик риск нарушения трудовых и конституционных прав работников, что может выражаться в необоснованном отказе в приеме на работу в силу дискриминационных алгоритмических механизмов. Кроме того, участились случаи вторжения в частную жизнь работников и нарушения ее неприкосновенности из-за передачи значительных контрольных полномочий за исполнением трудовой функции алгоритмам, что таит в себе угрозу предвзятости и несправедливости.

Однако на данный момент говорить о надлежащем и всеобъемлющем

правовом регулировании невозможно, поскольку действующее законодательство является в определенной степени «лоскутным», так как регулирование и создание правил начинается уже после того, как какое-либо цифровое явление приобретает массовый характер, что также взаимосвязано с несовершенством оценки и прогнозирования тех социальных и иных эффектов после распространения цифровых технологий, которые будут воздействовать на все сферы общества [39].

Список литературы:

1. Таль, Л. С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. [Часть 1]. Общие учения / Л. С. Таль. Ярославль: типография Губернского правления, 1913. XII. 422 с.
2. Черных Н. В. Трансформация труда как объекта общественных отношений и распространение нетипичных форм занятости // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 12. С. 104 – 113.
3. Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда – Женева: МБТ, 2017. [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_554952.pdf (дата обращения: 30.05.2024).
4. Бобков В.Н., Квачев В.Г., Локтюхина Н.В. Неустойчивая занятость: экономико-социологический генезис понятия // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2016. № 4. С. 81 – 86.
5. Dynamex Operations West, Inc. v. Superior Court [Электронный ресурс] // URL: <https://law.justia.com/cases/california/supreme-court/2018/s222732.html> (дата обращения: 30.05.2024).
6. Amazon Mechanical Turk [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mturk.com/> (дата обращения: 30.05.2024).

7. Пондо, Е. А. Цифровая трансформация рынка труда в современных условиях // Горизонты экономики. 2020. № 2 (55). С. 43 – 54.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СЗ РФ. 2002. №1. Ст. 3.
9. Wood, A., Graham, M., Lehdonvirta, V. & Hjorth, I. (2019) Good gig, bad gig: autonomy and algorithmic control in the global gig economy. *Work, Employment and Society*, 33(1), P. 57 – 75.
10. Chen, Z. Artificial Intelligence-Virtual Trainer: Innovative Didactics Aimed at Personalized Training Needs. *J Knowl Econ* 14, 2023. P. 1 – 19.
11. Постановление ЕСПЧ от 03.04.2007 г. "Дело "Копланд (Copland) против Соединенного Королевства" (жалоба № 62617/00) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=43155#gs1jJUТOqmtbujsf2> (дата обращения: 30.05.2024).
12. Рекомендация № 195 Международной организации труда "О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение" [Электронный ресурс] // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=40864&cacheid=AE4432E0EC520FAEF01D1EFE026867AA&mode=splus&rnd=7MuIYA#aVXqj8UEVitzv9Jj1> (дата обращения: 30.05.2024).
13. Jobs lost, jobs gained: workforce transitions in a time of automation // [Электронный ресурс] URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages> (дата обращения: 30.05.2024).
14. Эксперты увидели риск для 20 млн россиян лишиться работы из-за роботов [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/society/10/09/2019/5d76ec539a794770e0c2d282> (дата обращения: 30.05.2024).

15. Беккер, Г Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ. 1964. США: Экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 109 – 119.
16. Sotvoldiyev, N. J. Fundamentals of Economic Diagnostics and Modeling in Assessing Socioeconomic Development. J. Enjineering & Menegment. USA, 2019, Vol. 81, November-December, P. 1607 – 1618.
17. Weissbuch Arbeiten 4.0. BMAS. 2016. [Электронный ресурс] // URL: http://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/PDF-Publikationen/a883-weissbuch.pdf;jsessionid=CB0E490043955E5CD0F4FD4ADC2F0106?_blob=publicationFile&v=8S.108 (дата обращения: 30.05.2024).
18. Уровень цифровой грамотности россиян растет [Электронный ресурс] // URL: <https://nafi.ru/analytics/uroven-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-rastet-en-digital-literacy-of-russians-is-growing/> (дата обращения: 30.05.2024).
19. Мониторинг и оценка качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения (по итогам деятельности органов службы занятости в 2020 году). [Электронный ресурс] // URL: https://www.r21.spb.ru/files/portal_upload/analytics/2020.pdf (дата обращения: 30.05.2024).
20. Харитоновна Ю.С. Цифровые навыки юриста на современном этапе: опыт России и Китая // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. №2. С. 18 – 21.
21. Профессии будущего: рейтинг, сформированный нейросетью [Электронный ресурс] // URL: https://domodedovo.hh.ru/article/31767?hhtmFrom=article_applicants_list (дата обращения: 30.05.2024).
22. Кожевников, О. А., Чудиновских М. В. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 3. 2020. С. 563 – 583.
23. Семчук Н.Н., Гладких С.Н., Балун О.В. Особенности процесса

повышения квалификации в условиях цифровизации системы образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2023. №1 (54). С. 28 – 39.

24. Mobile robots for industrial productivity [Электронный ресурс] // URL: <https://www.public.harvestai.com/> (дата обращения: 30.05.2024).

25. European social partner framework agreement on digitalisation [Электронный ресурс] // URL: <https://www.uni-europa.org/news/european-social-partner-framework-agreement-on-digitalisation/> (дата обращения: 30.05.2024).

26. Рекомендация № 204 Международной организации труда "О переходе от неформальной к формальной экономике" [Электронный ресурс] // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=62321&dst=100128&date=31.03.2024#3TBnl8UeYTSVfqm5> (дата обращения: 30.05.2024).

27. Eurofound (2021), Social partners going digital: Using digital tools and adapting social dialogue processes, Publications Office of the European Union, Luxembourg. 54 p.

28. Implementation of Directive 2002/14/EC: informing and consulting employees in the European Community [Электронный ресурс] // URL: EUR-Lex - 52009IP0061 - EN - EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения: 30.05.2024).

29. Directive (EU) 2017/1132 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 relating to certain aspects of company law (codification) (Text with EEA relevance) [Электронный ресурс] // URL: European company law in the making - The 2017/1132 directive - Legalmondo (дата обращения: 30.05.2024).

30. European Parliament resolution of 1 June 2023 on strengthening social dialogue [Электронный ресурс] // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0218_EN.html (дата обращения: 30.05.2024).

31. Приказ Минтруда России от 29.10.2021 № 773н "Об утверждении форм (способов) информирования работников об их трудовых правах, включая

право на безопасные условия и охрану труда, и примерного перечня информационных материалов в целях информирования работников об их трудовых правах, включая право на безопасные условия и охрану труда" [Электронный ресурс] // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=403334&dst=1000000001&cacheid=BE91E2B205904377FD0449957EC2E9CD&mode=splus&rnd=JZwNHw#yJV2m8UoXaXxhJ4p> (дата обращения: 30.05.2024).

32. Шония Г. В. Привлечение к дисциплинарной ответственности медицинских работников: актуальные проблемы в свете внедрения цифровых технологий в медицинскую деятельность. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 36 – 44.

33. Азимов А. Хоровод [Электронный ресурс] // URL: <https://asimovonline.ru/short-stories/khorovod/read/> (дата обращения: 30.05.2024).

34. Забрамная Е.Ю. К вопросу об актуальных тенденциях развития правового института дисциплины труда работников // *Трудовое право в России и за рубежом*. 2020. №4. С. 49 – 52.

35. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 26.06.2017 г. по делу № 33-4597/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=104752#xQJ8m8UrWVjquda5> (дата обращения: 30.05.2024).

36. Апелляционное определение Мосгорсуда от 02.02.2016 № 33-3266/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=999795#AOn8m8UDWlscVr78> (дата обращения: 30.05.2024).

37. Число занятых на платформах типа «Яндекс.Такси» и «Авито» превысило 5 млн [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/07/2023/64abea219a7947e6398c0954> (дата обращения: 30.05.2024).

38. Harris, Seth D. and Alan B. Krueger. Modernizing labor laws for twenty-first-century work: the "independent worker". 2015. 40 p.

39. Имгрунт С.И. Правовое регулирование в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. №2. С. 129 – 134.

Незнамова Юлия Николаевна

Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

uneznamova2@gmail.com

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Neznamova Yuliya

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

НЕТИПИЧНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ «ТИПИЧНЫХ» ИСТОЧНИКОВ ТРУДОВОГО ПРАВА В ПЕРИОД COVID-19

Аннотация: в статье авторами рассматриваются виды источников трудового права, более подробно рассматриваются такие источники, как указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, а именно акты Роспотребнадзора, принятые в период COVID-19. Авторы отмечают нетипичность их применения в период COVID-19 с целью наиболее оперативно реагировать на быстроизменяющуюся эпидемиологическую ситуацию.

Ключевые слова: трудовое право, источники трудового права, COVID-19, постановления Правительства РФ, указы Президента РФ.

ATYPICAL APPLICATION OF "TYPICAL" SOURCES OF LABOR LAW IN THE PERIOD OF COVID-19

Annotation: in the article, the authors examine the types of sources of labor law, and consider in more detail such sources as decrees of the President of the Russian Federation, resolutions of the Government of the Russian Federation, regulatory legal acts of federal executive bodies, namely, acts of Rospotrebnadzor adopted during the COVID-19 period. The authors note the atypical nature of their application during the COVID-19 period in order to most quickly respond to the rapidly changing epidemiological situation.

Key words: labor law, sources of labor law, COVID-19, resolutions of the Government of the Russian Federation, decrees of the President of the Russian Federation.

Рассмотрение темы будет осуществляться исключительно в рамках 2020-2023 гг. Для начала обратимся к понятиям: источник трудового права – форма внешнего закрепления норм трудового права, регулирующая трудовые и непосредственно связанные с ними отношения.

К общепризнанным источникам относятся:

- трудовое законодательство (включая законодательство об охране труда), состоящее из ТК РФ, иных федеральных законов субъектов РФ, содержащих нормы трудового права (все остальные источники, указанные ниже не должны противоречить ТК РФ);

- иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права:

1) указы Президента РФ;

2) постановления Правительства РФ и нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти;

3) нормативные правовые акты органов исполнительной власти субъектов РФ;

4) нормативные правовые акты органов местного самоуправления.

- локальные нормативные акты [2, с. 19-22].

Существует также позиция о необходимости отнесения трудового договора к источникам трудового права [3, с. 52-57]. Однако в данной работе об этом речи идти не будет и хотелось бы обратиться немного к другой категории источников трудового права, так называемым «нетипичным». Особенность их состоит в том, что все данные акты можно отнести к актам исполнительной власти, рассматривая которые нельзя обойти стороной и место данных органов в системе органов государственной власти, а именно то, что во взаимоотношениях высших государственных органов замечена тенденция к усилению исполнительной власти, которая началась еще со 2 половины XX века в западных странах и постепенно достигла и РФ [1, с. 42].

В первую очередь рассматривая нетипичность источников, обратимся к актам Правительства. Сами по себе акты Правительства, носящие нормативный характер – постановления [4, с. 329], являются традиционными источниками, однако учитывая указанную выше тенденцию, замечено постепенное расширение полномочий Правительства в сфере регулирования трудового права. Ст. 17 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» раскрывает полномочия Правительства Российской Федерации в области трудовых отношений:

1) принимает меры по реализации трудовых прав граждан и обеспечению их защиты;

2) обеспечивает гарантии минимального размера оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации;

3) обеспечивает реализацию принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений;

4) разрабатывает программы сокращения и ликвидации безработицы, обеспечивает реализацию этих программ [5].

Вспоминая акты Правительства, принятые в целях борьбы с коронавирусной инфекцией и распространяемые на трудовые отношения, понимаем, что они не подходят ни под одно из указанных выше полномочий. Однако обратимся к ст. 10 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [6], в которую Федеральным законом от 01.04.2020 № 98-ФЗ [7] был внесен пп. а.2, согласно которому Правительство устанавливает обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Данные же правила содержат обязательные для применения организациями нормы, для защиты в условиях повышенной готовности (которая в свою очередь была введена в каждом субъекте РФ [8]). Подводя итоги, скажем, что в данном случае регулирование было осуществлено не на основании предоставленных полномочий в сфере регулирования трудовых отношений, а на основании полномочий при чрезвычайных ситуациях.

Хотя Президент РФ не относится ни к одной из ветвей власти, всё же он совмещает в себе признаки законодательной и исполнительной властей и, продолжая говорить о правовом регулировании в период пандемии COVID-19 [9], нельзя обойти стороной «президентские выходные» и Указ об установлении нерабочих дней в мае 2021 г. [10]. В самом документе указано, что он принят на основании ст. 80 Конституции РФ [11], однако не совсем понятно в силу которой из частей. Еще немало проблем было выявлено в связи с данным указом, к примеру о том, будут ли они учитываться в стаж, каким образом оплачиваться и т.п., но в данной работе они рассматриваться не будут.

Еще хотелось бы рассмотреть акты Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор) с точки зрения применимости к трудовому праву. В целях недопущения распространения коронавирусной инфекции Роспотребнадзором

были изданы методические рекомендации [12] для различных сфер. На основании этого возникает парадоксальная ситуация: акты имеют фактически обязательный характер, но в силу как минимум своего названия «рекомендации» - рекомендательный. Суды указывали также, что методические рекомендации не являются обязательными для исполнения, к примеру Верховный суд Удмуртской республики в мотивировочной части определения указал: «методические рекомендации Роспотребнадзора, на которые ссылается в протоколе должностное лицо административного органа, не являются санитарными правилами (нормами) и гигиеническими нормативами и их неисполнение не может являться объективной стороной ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ» [13].

В п. 6 Письма Роспотребнадзора от 21.10.2020 N 02/21694-2020-30 «О профилактике новой инфекции для работодателей» разъяснено, что подготовленные Роспотребнадзором методические рекомендации по профилактике новой коронавирусной инфекции COVID-19 для различных отраслей экономики не являются нормативными правовыми актами и носят исключительно рекомендательный характер. Данные разъяснения все равно оставляют некоторую неопределённость. Все же видится, что в данном случае Роспотребнадзор шел по пути наименьшего сопротивления, т.к. с его стороны возможно было издание иного вида актов, например в виде постановлений, чтобы избежать неопределенности.

На основании вышеизложенного можно сделать некоторые выводы, касающиеся расширения полномочий органов исполнительной власти. В регулировании трудовых отношений прослеживается постепенное расширение полномочий органов исполнительной власти, которое не лишено определенных проблемных вопросов:

1) Так, данные «нетипичные» источники не осуществляют непосредственного регулирования, а применимы только при определенных

ситуациях, как, например, было с Правительством РФ, в полномочиях которого не установлено издание правил в целях регулирования трудовых отношений, однако предусмотрено вмешательство в деятельность при наличии определенных обстоятельств.

2) Издание указов Президента РФ всё больше подтверждает существование в РФ суперпрезидентской республики.

3) Методические рекомендации Роспотребнадзора, по нашему мнению, издавались в форме рекомендаций в период COVID-19 для того, чтобы оперативно реагировать на изменение ситуаций.

Список литературы:

1. Конституционное (государственное право) зарубежных стран: К75 В 4 т. Тома 1–2. Часть общая: Учебник / Отв. ред. проф. Б.А. Страшун – 3-е изд., обновл. и дораб.– М.: Издательство БЕК, 2000. - 784 с.

2. Шувалова, И. А. Трудовое право России: Учебное пособие / Шувалова И.А. - 2-е изд. - Москва :ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2018. - 251 с.

3. Бугров Л.Ю. К дискуссии о трудовом договоре как источнике права // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. №2. С. 53-57.

4. Россинский, Б. В. Административное право: учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков, - 6-е изд., пересмотр. - Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. - 640 с.

5. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 N 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 09.11.2020, N 45, ст. 7061.

6. Федеральный закон от 21.12.1994 N 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СПС «КонсультантПлюс»

7. Федеральный закон от 01.04.2020 N 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // СПС «КонсультантПлюс»

8. Справочная информация: «Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) // СПС «КонсультантПлюс»

9. Путин согласился объявить выходные с 1 по 10 мая // URL: <https://www.rbc.ru/society/23/04/2021/60829f219a79470430645419>.

10. Указ Президента РФ от 23.04.2021 N 242 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в мае 2021 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 23.04.2021.

11. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»

12. Рекомендации для бизнеса в условиях сохранения рисков распространения COVID-19 // URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/rekomendatsii-dlya-biznesa-covid-19.php.

13. Решение Верховного суда Удмуртской Республики от 22.11.2021 по делу N 12-420/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

УДК 349.2

Чугуевская Ксения Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

ksushichka2003@gmail.com

Chuguevskaya Ksenia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСУ ИНДЕКСАЦИИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема законодательного регулирования индексации заработной платы работников. Раскрывается сущность инфляционных процессов во взаимосвязи с процессом индексации заработной платы работников и влияние данного явления на уровень жизни работников. Делается вывод о практической важности существования механизма индексации и необходимости установления этого механизма у работодателей в качестве гарантии сохранения реального уровня заработной платы. Особое внимание уделяется проблеме разнородности судебной практики в случае отсутствия локального регулирования порядка индексации.

Ключевые слова: индексация, заработная плата, локальный нормативный акт, судебная практика, работник, работодатель.

PROBLEMS OF COURT PRACTICE ON THE ISSUE OF WAGE INDEXATION

Annotation: this article discusses the problem of legislative regulation of indexation of wages of producers. The essence of inflation processes is revealed in relation to the indexation of wages of suppliers and the impact of the phenomena on the standard of living of producers. The conclusion is drawn about the practical importance of using the indexation mechanism, and it is necessary to use this mechanism with employers as a guarantee of maintaining the real level of wages. Particular attention is paid to the problem of heterogeneity of applied practice in the case of local regulation of the indexing order.

Key words: indexation, wages, local regulations, judicial practice, employee, employer.

Практически во всех экономических системах, которые имеют место быть в настоящее время в государствах, можно наблюдать инфляцию – снижение покупательной способности субъектов экономической деятельности, которое происходит вследствие обесценивания денежных средств. В связи с тем, что инфляция является экономическим явлением, она оказывает непосредственное влияние на жизнь населения страны. В частности, на уровень заработной платы работников в трудовых отношениях, которая, в свою очередь, является источником средств к существованию [3, с. 144-152]. Как известно, работник занимает достаточно слабую позицию по сравнению с работодателем, вследствие чего законодатель путем механизма правового регулирования, то есть определенных элементов правового воздействия [18, с. 184], обеспечивает защиту и стабильность осуществления его прав путем установления определенных гарантий.

Система оплаты труда может включать в себя следующие компоненты: оклады, размеры тарифных ставок, доплаты и надбавки компенсационного характера, стимулирующие выплаты и отдельно системы премирования [6, с. 261-274] и другие. Но именно в условиях повышения уровня инфляции

законодатель предусмотрел меры, позволяющие повысить уровень реального содержания заработной платы, предусмотренный в статье 134 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) (Далее – ТК РФ), включающий в себя индексацию заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. Товаропроводящая сеть включает в себя потребительская цену, которая является итоговой стоимостью потребления. При этом компонентами потребительской цены являются косвенные налоги (в частности, налог на добавленную стоимость и акциз), а также затраты и прибыль организаций, которые занимаются торговлей. Чтобы определить изменение уровня потребительских цен, Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации рассчитывает по специальной методике индекс потребительских цен. Соответственно, рост потребительских цен — это основание для индексации заработной платы [4, с. 146-156].

Однако действующая редакция ТК РФ не дает легальной дефиниции индексации заработной платы. Отсутствие разъяснения понятия «индексация» приводит к различному толкованию судами способов и размеров индексации, что свидетельствует о расхождении судебной практики по данному вопросу [2, с. 228-238]. В одном из своих определений правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации (Далее – КС РФ) основывалась на том, что индексация заработной платы по своей правовой природе представляет собой государственную гарантию по оплате труда работников, установленной статьей 130 ТК РФ. Основываясь на данной правовой позиции, можно сказать о том, что индексация заработной платы работников является их правом, которому корреспондирует обязанность работодателей обеспечить ее как фактически, в денежном эквиваленте, так и формально, регламентируя ее механизм в локальных правовых актах.

Именно порядок установления индексации заработной платы вызывает больше всего вопросов на практике. В настоящей статье будут рассмотрены подходы судов касательно данного явления у работодателей, не получающих бюджетного финансирования. В соответствии со статьей 134 ТК РФ данный порядок для соответствующей категории работодателей устанавливается коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами (Далее – ЛНА). Верховный Суд Российской Федерации (Далее – ВС РФ) разъяснил, что данное правовое регулирование в первую очередь призвано учесть особенности правового положения работодателей, не получающих бюджетного финансирования. Данный способ регламентации механизма установления индексации обеспечивает им (в отличие от работодателей, финансируемых из соответствующих бюджетов) возможность учитывать весь спектр обстоятельств, имеющих значение как для работников, так и для работодателя в рамках отдельной организации. Трудовой кодекс не предусматривает никаких требований к механизму индексации, поэтому работодатели, которые не получают бюджетного финансирования, вправе избрать любой порядок и условия регламентации данного механизма (в том числе периодичность, порядок определения величины индексации, перечень выплат, подлежащих индексации и способ ее закрепления) в зависимости от конкретных обстоятельств, специфики своей деятельности и уровня платежеспособности. Соответственно, при разрешении споров работников с работодателями, не получающими бюджетного финансирования, по поводу установления механизма индексации заработной платы, подлежит применению локальное регулирование, регламентирующее индексацию в рамках каждой отдельной организации.

Как было указано выше, данное явление вызывает достаточное количество вопросов, что в первую очередь отражается на судебной практике. Проанализировав судебную практику по данному вопросу, прихожу к выводу,

что в судах сложилось две крайних позиции. Первая позиция основана на обязанности работодателя регламентировать порядок индексации заработной платы работника в локальном правовом регулировании. При отсутствии же данных положений в ЛНА или актах социального партнерства работодатель должен быть привлечен к административной ответственности за соответствующее нарушение трудового законодательства. Данная позиция поддерживается также мнением Федеральной службой по труду и занятости Российской Федерации. Вторая же позиция основана на более лояльном подходе: суды указывают на отсутствие в трудовом законодательстве императива об установлении порядка индексации заработной платы в локальном регулировании, соответственно, отсутствие в ЛНА и актах социального партнерства таких положений не должно являться основанием для привлечения к какой-либо ответственности. Однако судам требуется установить, повышались ли в организации зарплаты в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги любыми установленными работодателем способами (премиями, надбавками и так далее).

Необходимо начать анализ от обратного – с более снисходительной позиции судов.

Государственной инспекцией труда (Далее – ГИТ) по Пермскому краю была проведена проверка соблюдения трудового законодательства в Обществе с ограниченной ответственностью на основании поступившей жалобы работников. По результатам данной проверки инспектором было вынесено предписание об устранении нарушений трудового законодательства, а именно о необходимости внести изменения в ЛНА, в части установления порядка индексации заработной платы, в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. Пермский краевой суд указал на то, что положения статьи 134 ТК РФ не содержат императивную норму, обязывающую работодателей предусматривать в своих внутренних документах применение индексации

заработной платы. Суд установил, что нарушений в данном случае не обнаружено, поскольку индексация заработной платы проводилась работодателем путем выплаты каждому работнику ежемесячных премий. Работодатель обосновал выплату премий как механизм индексации заработной платы, поскольку с получением дополнительной денежной суммы нивелировались последствия повышения потребительских цен на товары и услуги для работника.

Схожие правовые позиции отражены в Определениях Первого и Второго кассационного суда общей юрисдикции (Далее – КСОЮ). В каждом из случаев работодателями не устанавливался порядок проведения индексации заработной платы в внутренних правовых актах. Однако работники обратились в суд с требованием о взыскании всей суммы, которую работодатель должен выплачивать с учетом индексации.

В первом случае работнику просто повысили должностной оклад, во втором же случае работнику выплачивались премии и должностной оклад повышался трижды, в частности, в связи с переводом и выполнением работ, при выполнении которых осуществляются регулярные служебные поездки. Суды указали, что работодатель обязан обеспечивать повышение уровня реального содержания заработной платы, а заработная плата может состоять как из должностного оклада, так и иных выплат компенсационного и стимулирующего характера и системы премирования, что подтверждается положениями ТК РФ соответственно. Следовательно, позиция судов основывалась на том, что повышение размера заработной платы путем увеличения размера должностных окладов и выплаты премий работнику не нарушает требований действующего трудового законодательства о порядке индексации. Обязанность повышать реальное содержание заработной платы работников может быть исполнена работодателем и путем ее периодического увеличения, то есть путем премирования или установления иных надбавок

компенсационного характера. Второй КСОЮ сослался при этом, на позицию ВС РФ, которая также подтверждала то, что рост реального уровня заработной платы работодатель может обеспечивать и за счет повышения должностных окладов работникам или премирования.

После рассмотрения снисходительной с точки зрения работодателя в судебной практике, стоит перейти к позиции судов об обязательности регламентации порядка индексации заработной платы работников.

В одной из ситуаций работник обратился в суд с требованием к работодателю проиндексировать его заработную плату за все время его работы в компании, которое составляло более пяти лет. У работодателя отсутствовал ЛНА, устанавливающий механизм индексации заработной платы. Вместе с тем, работнику повышался должностной оклад, была установлена надбавка к заработной плате, ежемесячно выплачивались премии, в том числе и премия по итогам года и разовые премии к праздникам, материальная помощь к отпуску. Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении заявленных требований работника, указав, что работодатель никак не мог производить индексацию, поскольку ее порядок просто не регламентирован во внутренних правовых актах, что является обязательным. Суды также отметили, что индексация является не единственным способом повысить реальное содержание заработной платы. Как было указано, работодатель повышал работнику должностной оклад и выплачивал премии, данные факты свидетельствуют о том, что работодатель фактически обеспечивал выполнение требования об индексации заработной платы, поддерживая ее покупательную способность – соответственно, дублируется вышеуказанная позиция судов о том, что индексация может выполняться и путем выплат соответствующего характера. Однако данное дело дошло до ВС РФ, который признал выводы нижестоящих судов ошибочными, и еще раз подчеркнул, что работодатели не вправе ссылаться на то, что они повышают реальный уровень заработной платы

путем премирования и иных выплат, поскольку механизм индексации ими не установлен на локальном уровне, так как это не дает им права уклоняться от проведения индексации. Отказываясь от установления порядка индексации, они лишают работников предусмотренной ТК РФ гарантии повышения уровня реального содержания заработной платы. ВС РФ указал, что отсутствие императива для установления порядка индексации означает то, что работодатели, не финансируемые из бюджета, вправе установить любой порядок и условия индексации в зависимости от специфики своей деятельности, платежеспособности и других обстоятельств, но проводить ее обязаны в любом случае и только способом, регламентированным в ЛНА. ВС РФ вернул дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поручив разобраться в правовой природе выплат работнику в виде повышения размеров оклада, надбавок и премий, и отграничения данного явления от индексации. В данном случае можно увидеть, как ВС РФ изменил свою позицию касательно вопроса индексации, указав на то, что порядок ее установления обязателен для работодателя.

КС РФ неоднократно подчеркивал, что установленная государственная гарантия в ст. 134 ТК РФ не позволяет работодателю, не относящемуся к бюджетной сфере, лишить ее работников и уклониться в целом от установления индексации, поскольку данная норма предполагает, что механизм индексации определяется именно при заключении коллективного договора или трудового договора либо в локальном нормативном акте, принятом с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации. Таким образом, законодатель оставил выбор порядка индексации заработной платы работников на усмотрение работодателя.

Еще одна позиция суда по данному вопросу содержит указание на то, что ГИТ может привлечь организацию к административной ответственности на основании ч. 1 ст. 5.27 Кодекса об административных правонарушениях

Российской Федерации, а также выдать обязательное для исполнения предписание о проведении индексации заработных плат сотрудников. Данная позиция подтверждает закрепление на законодательном уровне обязанности работодателя на установление механизма индексации, поскольку за неисполнение своей обязанности неотвратимо наступает юридическая ответственность.

На сегодняшний день отсутствует единый подход к вопросу об обязанности работодателя устанавливать в ЛНА порядок и условия индексации [5, с. 222-228]. Исходя из приведенной судебной практики, работодатели в качестве мер повышения реального уровня заработной платы используют надбавки и премирование, однако данные механизмы не всегда смогут обеспечить работнику стабильность в оплате труда. Если же надбавка может устанавливаться в трудовом договоре, что может говорить о некой ее устойчивости, то в данном случае на данные денежные выплаты также распространяется влияние инфляции, соответственно, уровень заработной платы не поддерживается. Если же говорить, например, о премировании, то на основании ТК РФ это является исключительным правом работодателя. Даже в случае, когда работодатель указывает на то, что обеспечивает стабильность заработной платы работника путем выплаты ему премий, это не исключает ситуаций, когда он может отказаться от премирования конкретного работника, например, в случае совершения им дисциплинарного проступка. Индексация же не зависит от привлечения к дисциплинарной ответственности. Соответственно, экономическое положение работника в условиях инфляционных процессов остается достаточно незащищенным.

Разнородность судебной практики объясняется неточной формулировкой правового регулирования индексации для работодателей, не получающих бюджетное финансирование. Чтобы избежать претензий и судебных споров, предлагается внесение изменений в статью 134 ТК РФ. Следует дать легальное

определение понятия индексации заработной платы работника во избежание противоречий толкования данной нормы. Также необходимо установить обязательность установления конкретного порядка и условий индексации заработной платы в локальном порядке. Если данные поправки будут внесены в трудовое законодательство, в случае возникновения спора работодатель вправе доказывать, что меры по повышению уровня заработной платы им принимаются, ссылаясь на локальное регулирование, в котором и указывается порядок индексации, который он вправе определять самостоятельно. Законодателем также не урегулирован вопрос касательно величины индексации заработной платы. В случае, когда работодатель закрепляет порядок индексации в локальном нормативном акте, рост потребительских цен на товары и услуги может существенно превышать данный размер. В таком случае не реализуется сама сущность индексации – не предоставляется возможным сократить разрыв между реальной заработной платой и экономической ситуацией в государстве, несмотря на предпринятые работодателем меры. В судебной практике неоднократно поднимался данный вопрос. Рост потребительских цен на товары и услуги является предпосылкой проведения индексации заработной платы, однако обязательный ее размер не установлен. Целесообразно установить величину индексации заработной платы работников в виде коэффициента, пропорционального величине инфляции на определенный год. Данные меры способствовали бы нивелированию негативных последствий для работника в условиях неблагоприятной экономической ситуации.

Предложение вышеперечисленных мер не посягает на компетенцию работодателя, но при этом обеспечивает реализацию социальной функции трудового права – защиты работника и обеспечения нормальных условий оплаты труда в условиях инфляции.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Томского областного суда от 11.07.2014 г. по делу № 33-1962/2014 // URL: <https://e.kdelo.ru/npd-doc?nprmid=98&npid=3697633&forceDeviceType=1>
2. Благодир А.Л. К вопросу о целях и задачах правового регулирования отрасли права социального обеспечения // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 228 - 238.
3. Головина С.Ю. Индексация заработной платы как государственная гарантия по оплате труда работников // Российский юридический журнал. 2019. № 5. С. 144 – 152.
4. Дивеева Н. И., Кузьменко А. В. Лаврикова М. Ю. Индексация заработной платы: механизмы реализации работодателями ст. 134 ТК РФ // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 146-156.
5. Иванян И.Г. Правовые проблемы индексации заработной платы // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 222 - 228.
6. Косаковская Е.И., Хныкин Г.В. Национальные системы квалификаций и системы оплаты труда: особенности правовой взаимосвязи // Ежегодник трудового права. 2023. № 13. С. 261-274. DOI: 10.21638/spbu32.2023.118
7. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2017), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 15.11.2017 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282851/322bd5cebd578200a49f78e5a81abacb1151c3ce/
8. Определение Верховного Суда РФ от 08.04.2019 г. № 89-КГ18-14 // URL: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-vs-rf-ot-08-04-2019-89-kg18-14/>
9. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2020 по делу N 88-21119/2020 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=27076#dAcXHKUueb5FXAw32>

10. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2010 г. N 913-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 134 Трудового кодекса Российской Федерации" // URL: <https://base.garant.ru/1795990/>
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Магаданского областного суда по делу № 2-1058/10 № 33-753/10 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/26823244/>
12. Определение Московского городского суда от 06.11.2018 № 4га/5-905/2018 // URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/14/doc_id/66632/
13. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2022 N 8Г-8994/2022[88-11091/2022 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=424414>
14. Определение Пермского краевого суда от 07.08.2019 г. № 33а-7668/2019 // URL: <https://base.garant.ru/309903149/>
15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.04.2017 N 18-КГ17-10 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24042017-n-18-kg17-10/>
16. Приказ Росстата от 15.12.2021 N 915 (ред. от 22.07.2022) "Об утверждении Официальной статистической методологии наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404082/
17. Письмо Роструда от 19.04.2010 г. № 1073-6-1 «Об индексации заработной платы и возможности установления ненормированного рабочего дня работникам с неполным рабочим временем» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103445/

18. Теория государства и права: учебник /отв. ред. Перевалов В.Д. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 184.

19. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

**ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО;
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

УДК 349.4

Кушнарев Александр Сергеевич

Мецлер Валерия Эдуардовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

KUSHNAREV-02@LIST.RU

vmetzler2002@mail.ru

Kushnarev Alexander

Metzler Valeria

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Procuracy

Russia, Ekaterinburg

**К ВОПРОСУ О ГАРАЖНОЙ АМНИСТИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ
ТЕОРИТИЧЕСКОГО И ПРИКЛАДНОГО ХАРАКТЕРА**

Аннотация: в настоящей работе исследуется совокупность норм земельного законодательства, регулирующих порядок установления права собственности на земельные участки, расположенные под гаражными объектами («гаражная амнистия»). Автором рассмотрены правовые основы предоставления земельных участков для размещения гаражей. Проведен анализ состояния современного российского законодательства в отношении «гаражных» земельно-имущественных отношений и внесены предложения по совершенствованию текущего законодательства.

Ключевые слова: земельное право, «гаражная амнистия», гаражный кооператив, земельный участок, право собственности.

TO THE QUESTION OF GARAGE AMNESTY: PROBLEMATIC ASPECTS OF THEORETICAL AND APPLIED CHARACTER

Annotation: the present paper studies a set of norms of land legislation regulating the procedure for establishing the ownership right to land plots located under garage facilities ("garage amnesty"). The author considers the legal basis for the provision of land plots for the placement of garages. The state of modern Russian legislation in relation to "garage" land and property relations is analyzed and proposals for improvement of current legislation are made.

Key words: land law, "garage amnesty", garage cooperative, land plot, ownership right.

В соответствии с принятым Федеральным законом № 79-ФЗ от 05.04.2021 «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации» (Далее – Федеральный закон № 79-ФЗ) предусмотрен упрощенный порядок оформления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на которых размещены гаражи. Подписанный закон получил в простонародье название «гаражной амнистии». При этом не смотря на уже устоявшийся обиход данного термина, речь скорее идет о «земельно-гаражной амнистии», поскольку нормы ФЗ № 79 направлены преимущественно на разрешение вопросов оформления собственности именно на земельные участки, на которых расположены гаражи, а не на амнистию самовольно возведенных гаражных построек. Данный закон был разработан по аналогии с ранее принятым законом о «дачной амнистии» [1, с. 100], который предусматривал упрощенный порядок регистрации прав на земельные участки. При этом указанный нормативно-правовой акт не несет в себе функции освобождения от наказания по смыслу термина «амнистия», придаваемым уголовным законодательством. Закон ориентирован на граждан, в свое время

построивших и фактически владевших гаражами, не имея на построенные объекты каких-либо правоустанавливающих документов, что обусловлено отсутствием нормативной-правовой базы на период начала фактического владения и /или строительства гаражей, необходимой для легализации права собственности на объекты гаражного строительства. Таким образом, термин «гаражная амнистия» можно трактовать как своего рода упрощение порядка оформления документов и сокращение стадий его принятия и согласования.

Согласно данным Росреестра, до момента начала действия норм закона о «гаражной амнистии», государственный кадастровый учет прошли примерно 5,6 млн. объектов гаражного назначения (помещений, сооружений, зданий). При этом, только на 3,5 млн. объектов из них зарегистрированы права собственников. Кроме того, в действительности количество неоформленных гаражей может оказаться значительно большим.

Предпосылкой принятия закона о «гаражной амнистии» стал неясный правовой статус гаражно-строительных кооперативов, поскольку значительная часть гаражно-строительных кооперативов была создана еще в советские времена или до 2005 г., т.е. до введения Градостроительного кодекса РФ (ГрК РФ) и современных норм градостроительного регулирования. При этом сами гаражи нельзя однозначно отнести к самовольным постройкам, зачастую на них бывают утеряны правоустанавливающие документы, что обуславливает правовую неопределенность так как отсутствует возможность оформить документы, а граждане – члены гаражного кооператива не имеют возможности противодействовать их сносу, оформить объекты в собственность, проводить сделки (например, купли-продажи, дарения).

В соответствии с Федеральным законом № 79-ФЗ до 1 января 2026 года граждане, использующие гаражи, являющиеся объектом капитального строительства и возведенные до 30 декабря 2004 года, имеют право на предоставление в собственность бесплатно земельного участка, находящегося в

государственной или муниципальной собственности, на котором расположен гараж в следующих случаях:

1) земельный участок для размещения гаража был предоставлен или передан гражданину какой-либо организацией (в т.ч. с которой он состоял в трудовых отношениях) либо иным образом выделен ему, либо право на использование такого земельного участка возникло у гражданина по иным основаниям;

2) гараж и (или) земельный участок, на котором он расположен, распределены гражданину на основании решения общего собрания членов гаражного кооператива либо иного документа, устанавливающего такое распределение.

Правила "гаражной амнистии" не распространяются на правоотношения, связанные с созданием и использованием гражданами и юрлицами:

- гаражей, являющихся объектами вспомогательного использования по отношению к объектам ИЖС, садовым домам, объектам производственного, промышленного или коммерческого назначения, в том числе предназначенных и (или) используемых для осуществления предпринимательской деятельности по оказанию услуг по ремонту, техническому обслуживанию и мойке транспортных средств;

- гаражей, предназначенных для хранения техники и оборудования, необходимых для обеспечения деятельности органов власти и транспортных организаций;

- гаражей, находящихся в многоквартирных домах и объектах коммерческого назначения, а также подземных гаражей;

- гаражей, создаваемых и используемых в порядке, предусмотренном Законом N 214-ФЗ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости.

В настоящее время многие регионы (Республика Хакасия, Волгоградская, Ростовская, Амурская, Тюменская области) приняли законы, которыми возложили на органы местного самоуправления поселений, городских округов или муниципальных округов обязанность по осуществлению мероприятий, направленных на выявление лиц, использующих расположенные в границах соответствующих муниципальных образований гаражи, права на которые не зарегистрированы в ЕГРН, и оказывать содействие гражданам в приобретении прав на них и на земельные участки, на которых расположены гаражи.

Стоит отметить, что принятый закон вызвал неоднозначную реакцию среди различных субъектов. Так, например, муниципалитеты и органы государственной власти имеют прямую заинтересованность в законодательном оформлении гаражей, поскольку зарегистрированный гараж будет являться объектом налогообложения, что приведет к наполнению денежными средствами бюджета соответствующего уровня. В то же время эти же самые муниципалитеты теряют возможность «легкого» изымания таких построек, что является для них жизненно необходимым в рамках уплотнительной застройки, проводимой в крупных городах. Иным образом ситуация обстоит с гражданами: если жители небольших муниципальных образований, где стоимость гаража сводится к минимуму, не в полной мере заинтересованы в оформлении таких объектов, поскольку размер взимаемой государственной пошлины может быть близок к стоимости самой гаражной постройки, то жители крупных городов и агломераций всецело заинтересованы в принятой процедуре, так как средняя стоимость земельной сотки во много раз превышает среднюю цену земли в муниципальных образованиях [2].

Помимо неоднозначной реакции принятый закон породил и некоторое количество проблем как теоретического, так и практического характера. Некоторые из которых предлагается рассмотреть далее.

Одной из проблем теоретического характера следует назвать отсутствие единого понятийного аппарата, применяемого для целей принятого закона. Так, можно отметить, что законодатель предоставил возможность применения норм «гаражной амнистии» гражданам, «использующим» гараж (ч. 2 ст. 3.7 Закона № 137-ФЗ), но при этом в Законе не содержится норм, разъясняющих это понятие, а также норм о необходимости предоставления подтверждающих документов об использовании гаража непосредственно по его исходному назначению – хранению автотранспортных средств. Следовательно, остается неясным вопрос о возможности применения правил «гаражной амнистии» для лиц, кто имеет гаражи, но при этом не имеют автотранспортного средства, а сам гараж использует как склад для хранения продовольственных и непродовольственных товаров. Некоторые авторы в связи с вышеизложенным предлагают изложить ч. 2 ст. 3.7 № 79-ФЗ в следующей редакции: «...использующим гараж для хранения автотранспортных средств и сезонного хранения автошин» [3, с. 75]. Отсутствие единого понятийного аппарата оставляет не проясненным вопрос о возможности применения правил о гаражной амнистии в отношении многоэтажных (многоярусных) и комбинированных гаражей. Практике известны случаи, когда два гаража, принадлежащие разным лицам, расположены друг на другом. При этом нет ясности, кто из владельцев в таком случае сможет оформить земельный участок в собственность [4, с. 87].

Другой проблемой практического характера является возможные риски бюрократизации процедуры оформления прав собственности на земельные участки. Связано это с тем, что у гаражных кооперативов имеются оформленные отношения с органами местного самоуправления на пользование исходным земельным участком, на котором расположен гараж. Для упорядочивания земельных отношений гаражным кооперативам придется обращаться в органы местного самоуправления с целью внесения изменений в договоры аренды и заключения дополнительных соглашений к ним. С учетом

большого количества объектов «гаражной недвижимости», гаражным кооперативам придется многократно обращаться в районные/городские комитеты по управлению имуществом за внесением соответствующих изменений в документы на землю. На этом уровне представляется возможным рекомендовать законодателю разработать и внедрить правовой рычаг для оптимизирования процедуры по учету изменений в документы на землю у гаражных кооперативов, так как в противном случае их постоянное обращение в местные администрации приведет к значительному увеличению числа документов, что, в свою очередь, может добавить приличный объем работы для органов исполнительной власти, муниципалитетов, что приведет к затруднению работы этих органов.

Более того, нормы принятого закона «о гаражной амнистии» вступают в противоречие с нормами действующего Земельного кодекса Российской Федерации. Так, согласно нормам № 79-ФЗ условие о получении согласия от гаражного кооператива на образование земельного участка для эксплуатации гаража не требуется. В то время как в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 11.2 Земельного кодекса Российской Федерации «образование земельных участков допускается при наличии в письменной форме согласия землепользователей, землевладельцев, арендаторов, залогодержателей исходных земельных участков». В данном случае можно констатировать тот факт, что условие об исключении необходимости получения согласия от гаражного кооператива на образование формируемого участка может быть продиктовано стремлением законодателя оптимизировать и упростить для граждан процесс оформления «гаражной недвижимости».

Подводя итог, необходимо отметить следующее: благодаря принятому закону граждане получают земельные участки для эксплуатации гаража, которыми могут распоряжаться – продавать, дарить, наследовать. В свою очередь, оформление прав на гаражи приведет и к увеличению

соответствующих бюджетов, поскольку повлечет для их собственников налоговые обязанности, что имеет позитивные последствия для муниципалитетов, органов государственной власти. Однако исследователи отмечают невысокие темпы оформления земельных участков. В качестве причин невысоких темпов оформления земельных участков и гаражей по программе «гаражной амнистии» можно назвать нерасторопность их владельцев, недостаточную осведомленность о ее проведении и нежелание заниматься оформлением документов [5, с. 142]. Безусловно, механизм реализации гаражной амнистии до конца не отработан, еще предстоит решение многих проблемных задач и вопросов для легализации гаражной недвижимости. Тем не менее первый шаг стороны законодателя сделан.

Список литературы:

1. Гаврилюк М.Н. «Основные направления совершенствования регистрационного законодательства: формирование реестрового права в России» // Имущественные отношения в Российской Федерации / № 8(239), 2021, С. 99-110.
2. Гальченко С.А., Бородина О.Б., Гвоздева О.В., Чуксин И.В. К вопросу о «гаражной амнистии» как результате совершенствования нормативно-правовой базы государственного учета и регистрации гаражей // Московский экономический журнал. 2020. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-garazhnoy-amnistii-kak-rezultatu-sovershenstvovaniya-normativno-pravovoy-bazy-gosudarstvennogo-ucheta-i-registratsii> (дата обращения: 29.04.2024).
3. Зазолина Е.В. "Правовое регулирование проведения «гаражной амнистии» в России: проблемные аспекты реализации и возможные пути совершенствования» // Вестник Поволжского института управления. №6. 2021. С. 74-83.

4. Ильиных А.Л. «К вопросу о «гаражной амнистии» недвижимости» // Интерэкспо Гео-Сибирь, № 2, 2021, С. 87-93.

5. Ильиных А. Л. «Некоторые вопросы гаражной амнистии в сфере земельно-имущественных отношений» // Интерэкспо Гео-Сибирь, № 3, 2022, С. 142-148.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС;
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.22

Андреев Валерий Максимович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

andreev_v.m@mail.ru

Andreev Valeriy

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Faculty of law

Russia, Moscow

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Аннотация: статья посвящена проблеме определения субъекта несения ответственности за действия искусственного интеллекта. В работе анализируются различные варианты решения указанной проблемы, существующие в наше время, а также возможные в исторической перспективе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовная ответственность, субъект преступления, преступность, уголовное преследование.

**GENERAL ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE ACTS OF
ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

Annotation: the article is devoted to the problem of defining the subject of criminal liability for the actions of artificial intelligence. The paper analyzes various solutions to this problem that exist in our time, as well as possible in the future.

Key words: artificial intelligence, criminal liability, the subject of the crime, criminality, criminal prosecution.

В настоящее время осуществляется интенсивная разработка технологий на основе искусственного интеллекта (далее – ИИ) и их внедрение в различные бытовые и производственные процессы, тем самым ИИ приобретает огромное значение в жизни людей. Вместе с тем при его использовании возникают риски причинения вреда объектам, которые находятся под охраной уголовного права (жизни и здоровью людей, собственности и т.д.). В связи с этим актуальность приобретает вопрос уголовной ответственности за деяния ИИ.

ИИ создан для того, чтобы выполнять определённые задачи для человечества. Эту функцию он осуществляет путём совершения определённых действий (например, собирает двигатель автомобиля на заводе) или воздержания от них (например, автомобиль под управлением ИИ стоит около дома и ждёт владельца), проще говоря – ИИ действует или бездействует.

Может ли действие или бездействие ИИ характеризоваться таким признаком, как общественная опасность (в науке уголовного права общественную опасность определяют как причинение вреда охраняемым уголовным правом общественным отношениям или возможность этого [1, с. 125])? На мой взгляд, может. Например, летающий дрон, осуществляющий доставку почты, может влететь в жилой дом и причинить тяжкий вред здоровью жильцов; автомобиль, находящийся под управлением ИИ, может нарушить правила дорожного движения, в результате чего погибнет человек, и т.д. Таким образом, ИИ может осуществить общественно опасное действие/бездействие и вызвать этим вредоносные последствия, что классически входит в объективную сторону преступления [2, с. 5] – то, из чего, наряду с субъективной стороной, состоит любое преступление.

До перехода к анализу субъективной стороны представляется необходимым выделить в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике ситуации, разрешение которых не вызывает споров: 1) к ИИ был осуществлён неправомерный доступ, и он был использован для совершения преступления; 2) ИИ был создан для совершения преступлений, и использован для этого [3, с. 567].

1) В первом случае ответственность несёт физическое лицо, которое «взломало» ИИ, за неправомерный доступ к компьютерной информации по ст. 272 Уголовного кодекса РФ [4] (далее – УК РФ) и другой норме, соответствующей преступлению. Однако здесь стоит отметить, что указанная статья предназначена только для случаев, при которых преступник модифицирует (изменяет) ИИ под свои нужды, остальные ситуации (то есть когда преступник ИИ никак не изменяет, используя его в своих целях) законодательно не урегулированы. Кроме того, не совсем ясно, как провести грань между модификацией ИИ и его обучением (сама программа в данном случае не меняется). Поэтому представляется необходимым изменить соответствующее положение так, чтобы ответственность наступала и без случаев модификации программы под свои нужды (то есть либо создать новую норму, либо исключить соответствующий признак из уже существующей).

2) Во втором случае, при создании ИИ для совершения преступлений, ответственность наступает за создание и использование вредоносных компьютерных программ по ст. 273 УК РФ и другой норме, соответствующей преступлению (например, при создании ИИ для совершения мошеннических действий и их непосредственном совершении ответственность наступит по ст. ст. 273 и 159 УК РФ). Однако если программа не попадает под категорию вредоносных, то законодательное регулирование здесь отсутствует, за исключением ст. 274.1 УК РФ, которой предусмотрена ответственность за создание и использование любых программ для атак на критическую

информационную структуру РФ. Для восполнения законодательного пробела представляется необходимым исключить категорию «вредоносный» или ввести новую норму, устанавливающую ответственность за создание и использование в преступных целях любой программы. В вышеописанных ситуациях ясна ответственность физических лиц при умышленном использовании ИИ как орудия совершения преступления, правда, за исключением определённых пробелов в правовом регулировании, о которых сказано выше.

Также, в уголовно-правовой науке существует дискуссия, касающаяся случаев прямой ответственности ИИ и ответственности его создателей и пользователей [5]. Представляется необходимым рассмотреть этот вопрос применительно к настоящему времени и в перспективе.

На современном этапе вопрос о правосубъектности (возможности выступать участником правоотношения) и, соответственно, ответственности ИИ не стоит (ИИ не является субъектом права и субъектом преступления). Даже если предположить, что ИИ является субъектом права, то в его действиях отсутствует субъективная сторона преступления (она представляет собой психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления [6, с. 163]). ИИ на данный момент времени действует исключительно на основе алгоритмов, которые были в него заложены изначально, то есть при создании, соответственно психика у него отсутствует. Даже если имеет место общественно опасное деяние, которое внешне напоминает осознанный выбор, например, ИИ, находящийся на вооружении армии, посчитал угрозой солдат этой же армии и открыл по ним огонь; или ИИ, осуществляющий разгрузку грузовых контейнеров, посчитал возможным сбросить контейнер на рабочего – то в указанных случаях нельзя говорить о знании/незнании результатов своих действий, их предвидении или о способности понимать сущность и характер деяния, о желании ИИ достичь вредоносных последствий (указанные характеристики в целом составляют

конструкцию вины в ст. ст. 25-26 УК РФ), так как он действует исключительно на основе изначально заданных алгоритмов, следовательно, отсутствуют выбор и восприятие своих деяний – соответственно, сейчас невозможно говорить и о вине (неотъемлемом составляющем любого преступления) в деяниях ИИ [7, с. 202].

Кто же будет отвечать за вред, который причинил ИИ? Представляется, что это либо разработчики, либо пользователи, либо и те, и другие. В данном случае ответственность основана на том, что в настоящее время деятельность ИИ непосредственно связана с деятельностью людей. В первом случае были разработаны некачественные алгоритм, оборудование, конструкция, программное обеспечение и т.д., которые повлекли неблагоприятные последствия – ответственность наступит по ст. 238 УК РФ (производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности). Однако по мере развития ИИ в будущем представляется необходимым всё же предусмотреть специальную норму, устанавливающую ответственность за разработку ИИ, который бы являлся небезопасным для общества и причинил вред. В случае с пользователем ИИ будет играть роль, для чего конкретно использовался ИИ, и вызывал ли своими действиями пользователь наступление вредоносных последствий, хотя и не желая их наступления – имела ли место неосторожная форма вины. Если будет установлено, что пользователь своим поведением способствовал причинению вреда (например, водитель автомобиля с ИИ допускает опасное вождение, в результате чего ИИ резко останавливается или поворачивает, сбивая человека), то ответственность понесёт он.

Хотя сейчас существуют определённые попытки блокирования прогресса в развитии ИИ (например, в США ряд известных исследователей призывает ввести мораторий на обучение ИИ, пока не будут разработаны достаточные средства безопасности [8]), в перспективе ИИ может стать искусственным

интеллектом в прямом смысле, обрести самосознание, чувства или реакции, отходить от заданных алгоритмов, получить возможность самообучения. В таком случае будет стоять вопрос о том, чтобы наделить ИИ правосубъектностью.

Сейчас в науке предлагают следующие варианты: наделить ИИ правосубъектностью физического лица, правосубъектностью, схожей с правосубъектностью юридического лица, и создать новую конструкцию правосубъектности [3, с. 570]. В любом случае, это будет означать возможность распространения на ИИ уголовной ответственности. К примеру, разработчик ИИ безошибочно создал алгоритм, пользователь соблюдал все правила, однако сам ИИ, который обладает самосознанием и способностью к самообучению, неверно оценил ситуацию и принял решение совершить общественно опасное деяние или вовсе совершил его абсолютно намеренно. В данном случае субъективная сторона, хотя и несколько модифицируется, однако просматривается, соответственно, описанная ситуация вписывается в категорию преступления. Уголовная ответственность будет наступать по соответствующей статье УК РФ, а в качестве наказания некоторые учёные предлагают применять отключение, перепрограммирование, запрет на осуществление деятельности, снятие с производства, наделение статусом преступника [3, с. 571].

В настоящее время законодательная база России и других государств в области искусственного интеллекта практически отсутствует. Из существующего, например, в США 30.10.2023 г. издан Указ о безопасных, защищённых и надёжных технологиях искусственного интеллекта [9], который обязывает разработчиков ИИ отчитываться перед властями, продвигает идею ответственного создания и применения ИИ, акцентирует внимание на обеспечении конфиденциальности данных граждан. Также, существует множество проектов нормативных правовых актов, например, в Китае

стремятся наиболее полным образом урегулировать сферу ИИ, такие продукты будут подлежать обязательной регистрации и проверке, в том числе на соответствие ценностям социализма, внедряется запрет на использование персональных данных; нарушением будут считаться модели, распространяющие экстремистский, насильственный и иной аморальный контент, а также призывы к свержению государственной власти. Представляется, что и в России необходимо создавать законодательную базу, которая будет регулировать развитие ИИ, направляя его по ответственной и безопасной траектории.

Уголовная ответственность за использование искусственного интеллекта представляется хотя и сравнительно новой тематикой, но обозначающей определённые проблемы и пробелы в законодательстве, неясность в том, куда строить правоприменительную практику. Современной юриспруденции необходимо отвечать развитию научно-технического прогресса, создавая новые модифицированные институты права, принимая законы и развивая юридическую доктрину.

Список литературы:

1. Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. №4. С. 124-140.
2. Попов А. Н., Зимирева Л. А., Федышина П. В. Объективная сторона состава преступления : учебное пособие / Под общ. ред. Попова А. Н.]. — СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 64 с.
3. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. №4. С. 564-574.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 1996. №25. Ст.2954.

5. Гайворонская Я.В., Гальчун Е.А. Вред, причиненный искусственным интеллектом: аспекты ответственности и правосубъектности // ADVANCES IN LAW STUDIES. 2021. Т. 9 № 4. [Электронный ресурс] // URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/46754/view> (дата обращения: 19.07.2024).

6. Тарханов И.А., Гайфутдинов Р.Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. №2. С.161-176.

7. Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. №2. С. 197-206.

8. Мисник Л. Больше прозрачности, меньше рисков: политики в США взяли за искусственный интеллект [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17773397> (дата обращения: 19.07.2024).

9. Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence от 30.10.2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 19.07.2024).

УДК 343.77

Глазырин Максим Алексеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Кафедра уголовного права имени М.И. Ковалева

Россия, Екатеринбург

maxim.glazyrin2000@yandex.ru

Glazyrin Maxim

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Department of Criminal Law named after M.I. Kovalev

Russia, Yekaterinburg

ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ: ЭКОНОМИКА ИЛИ ЭКОЛОГИЯ?

Аннотация: вопросы квалификации посягательств на природные ресурсы традиционно остаются дискуссионными. В настоящей работе автором предпринимается попытка найти критерии дифференциации экономических и экологических преступлений. Отдельное внимание уделяется проблеме несистемности охранительных норм уголовного и административно-деликтного законодательства.

Ключевые слова: природные ресурсы, недра, преступление, административное правонарушение, экология, экономика.

THE OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF NATURAL RESOURCES: ECONOMICS OR ECOLOGY?

Annotation: the issues of qualification of encroachments on natural resources traditionally remain controversial. In this paper, the author attempts to find criteria for differentiating economic and environmental crimes. Special attention is paid to

the problem of non-systemic protective norms of criminal and administrative-tort legislation.

Key words: natural resources, subsoil, crime, administrative offense, ecology, economy.

Природа в жизни человечества играет большую роль. И если раньше человечество относилось к ней, как к «кладовой ресурсов», то теперь в качестве важнейшего принципа взаимодействия природы и социума провозглашается уважение и ненарушение основных природных процессов (п. 1 Всемирной хартии природы [2]). В статье 9 Конституции РФ [1] справедливо подчеркивается, что природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. На уровне отраслевого законодательства (Федеральный закон «Об охране окружающей среды» [11]) подчеркивается, что приоритет отдается охране природных ресурсов перед их экономической реализацией.

В результате изменения природоохранной парадигмы меняется и система преступлений: если в советское время охрана природных ресурсов осуществлялась в рамках преступлений против социалистической собственности, то в настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ [8]) существует глава 26 – «Экологические преступления». Но до сих пор вопрос об уголовно-правовой охране природных ресурсов не нашел полноценного разрешения.

Одной из ключевых проблем разграничения экологических преступлений и экономических преступлений (в широком их понимании) заключается в том, что подавляющее большинство природных ресурсов на сегодняшний день находится в государственной собственности: недра (ст. 1.2 Закона РФ «О недрах» [9]), водные объекты (за отдельными исключениями – ст. 8 Водного

кодекса РФ [3]), животный мир (ст. 4 Федерального закона «О животном мире» [10]), лесные участки в составе земель лесного фонда (ст. 8 Лесного кодекса РФ [7]), земли, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований (п. 1 ст. 16 Земельного кодекса РФ [5]). Установление режима государственной собственности не приводит к изъятию или ограничению данного имущества в обороте, а порождает особый правовой статус обращения [20, с. 28], учитывающий особое значение природных ресурсов для жизнедеятельности общества. Из этого проистекает дифференциация охранительного режима: преступные посягательства на «публичные» природные ресурсы признаются экологическими преступлениями, тогда как посягательства на ресурсы, находящиеся в частной собственности или в частном владении, являются хищениями. Таким образом, при частном владении на передний план выходит право собственности, тогда как в обратной ситуации экология возымеет приоритет над экономической составляющей (а точнее, правом собственности государства). Насколько это правильно? Представляется, что это является нарушением принципа равенства всех форм собственности, поскольку государственная собственность охраняется лишь в той мере, в какой это обеспечивает экологическую безопасность.

В науке уголовного права в результате дискуссий был сформулирован критерий отграничения хищений и экологических преступлений – труд, которым вполне определенный ресурс природы отторгается от нее, которым разрываются его связи с природной средой [19, с. 58]. Этой же позиции придерживается Н.А. Лопашенко [21, с. 118]. Но только этим критерием можно ограничиться? Безусловно, нет: несмотря на то обстоятельство, что хищения охватывают значительную часть посягательств на природные ресурсы, имеются и иные преступления, связанные с природными ресурсами, но закрепленные в

главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» (ст. 191-191.1 УК РФ).

Здесь стоит обратить внимание на то, как законодатель формулирует диспозиции составов экологических преступлений. Подавляющее большинство составов экологических преступлений являются материальными и содержат указание на последствия. И если в ряде составов как «общих», так и «специальных» экологических преступлений последствия действительно оказывают негативное влияние на окружающую среду или на человека (причинение вреда здоровью, смерти, изменение радиоактивного фона и т.д. – см. ст. 246-254 УК РФ), то в других преступлениях последствия формулируются через категории значительного, крупного или особо крупного ущерба. С учетом положений ст. 15 Гражданского кодекса РФ [8], указывающей, что под ущербом понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества, возникает закономерный вопрос: кому причиняется ущерб? Исходя из вышесказанного, государству. И получается некоторое противоречие: с одной стороны, природные ресурсы – это не имущество в чистом виде, поскольку оно не имеет экономического признака (в него не вложен труд), с другой стороны, посягательство на природные ресурсы влечет экономические издержки для государства как собственника этих ресурсов.

Для разрешения этой проблемы следует обратиться к концепции «регуляторной противоположности». Под данным понятием Г.А. Есаков понимает несоответствие конкретного деяния конкретной норме иной отрасли права [18, с. 153]. Ввиду бланкетности составов экологических преступлений Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [12] подчеркивает

необходимость указания, в чем выражено нарушение норм законодательства, регулирующего те или иные отношения. И здесь особое значение играет дуализм предмета экологического права: оно регулирует отношения, связанные как с природопользованием (то, что ранее называлось природоресурсным законодательством), так и охраной окружающей среды (природоохранительное законодательство). На наш взгляд, исходя из принадлежности отношения к той или иной области предмета экологического законодательства, и стоит относить противоправные деяния к области экономических либо экологических преступлений, хотя и с некоторыми оговорками. Так, стоит согласиться с Е.Ю. Гаевской и О.М. Неудахиной, утверждающими, что посягательства на животных (в том числе водных) следует признавать экологическими преступлениями в силу сложности установления субъекта, реально ощущающего ущерб [16, с. 141; 22, с. 15]. Что же касается почв, водных объектов, атмосферного воздуха, то посягательства в отношении них также следует оставить в рамках главы 26 УК РФ, поскольку любое воздействие на них является губительным для окружающей среды, лишь опосредованно задевая экономические интересы государства.

Сложнее вопрос решается с двумя видами природных ресурсов: лесными насаждениями и недрами. Посягательства на них вызывают наибольшие споры в уголовно-правовой науке. Применительно к лесным насаждениям это объясняется наличием в уголовном законе составов преступлений, закрепленных в статьях 191.1 и 260 УК РФ. Несмотря на то, что в Постановлении Пленума ВС РФ № 21 [12] говорится о том, что действия лица, совершившего незаконную рубку насаждений, по дальнейшему распоряжению древесиной не требуют дополнительной квалификации как хищения чужого имущества, данное разъяснение не решает вопрос о возможности квалификации действий лица по совокупности со статьей 191.1 УК РФ. И на сегодняшний день не имеется единой позиции по данному вопросу: с одной стороны, можно

найти аргументы и в пользу квалификации по совокупности данных норм (этой позиции придерживается Е.Ю. Гаевская [17, с. 110], в правоприменительной практике – Первый кассационный суд общей юрисдикции [13; 14]), и против данной позиции (в науке – Е.В. Шелеметьева и В.А. Кулик [23, с. 41], в правоприменительной практике – Тверской областной суд [15]). На наш взгляд, квалификация по совокупности отвечает как интересам охраны экономических интересов государства в части обеспечения сохранности природных ресурсов как части государственной собственности, так и требованиям лесного законодательства, закрепляющего, что заготовка древесины является собой предпринимательскую деятельность, связанную с рубкой лесных насаждений, а также с вывозом из леса древесины (ч. 1 ст. 29 Лесного кодекса РФ). Т.е. заготовка охватывает собой как рубку (в том числе и уголовно наказуемую), так и последующую реализацию добытой древесины.

Противоречия проявляются также и при анализе межотраслевых связей уголовного и административно-деликтного права. Как и в УК РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ [6]) содержит отдельные главы, касающиеся охраны собственности (глава 7) и охраны окружающей среды (гл. 8). Так, при сопоставлении составов административных правонарушений и экологических преступлений проскальзывает непоследовательность законодателя в части охраны недр. Например, самовольная добыча янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней представляет собой административное правонарушение в сфере охраны собственности (ст. 7.5 КоАП РФ), но в случае, если размер изымаемых полудрагоценных камней (и снова признак экономический – есть ли вред природе, вопрос большой) признается крупным или данное деяние совершается лицом, ранее привлекаемым к административной ответственности, то в таком случае страдает не право собственности государства на природные ресурсы, а экологическая безопасность (ч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ). Аналогичная ситуация

связана со статьей 7.4 КоАП РФ и ч. 1 ст. 255 УК РФ: осуществление застройки площадей залегания полезных ископаемых вредит праву государственной собственности, но как только государству причиняется значительный ущерб (при этом в уголовном законе не приводится примечания, что стоит понимать под значительным ущербом), под охрану вновь ставится экологическая безопасность. Таким образом, граница между административными правонарушениями и экологическими преступлениями размывается, что в отдельных случаях позволит судам рассматривать одну и ту же ситуацию либо как преступление, либо как правонарушение, что не соответствует требованиям законности.

Как разрешить указанное противоречие? На наш взгляд, критерий регулятивной составляющей позволяет разграничить экономические интересы от интересов государства в сфере обеспечения экологической безопасности.

Что для этого требуется? Единственный вариант – это кардинальный пересмотр парадигмы: фактически большая часть преступлений, затрагивающих обеспечение сохранности природных ресурсов и влекущих исключительно экономический ущерб как следствие преступных актов, должны быть перенесены в раздел «Преступления в сфере экономики» в качестве самостоятельной главы, при этом конструирование составов преступлений должно учитывать необходимость постановки в качестве дополнительного объекта уголовно-правовой охраны экологической безопасности. Представляется, что эта идея может быть реализована только при обсуждении проекта нового уголовного закона.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

2. Всемирная хартия природы (принята 28.10.1982 Резолюцией 37/7 на 48-ом пленарном заседании 37-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. – М.: БЕК, 1996. С. 132-135.

3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Российская газета. 2006. № 121.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Российская газета. 1994. № 238-239.

5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 2001. № 211-212.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.07.2024) // Парламентская газета, 2002, № 2-5.

7. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Российская газета. 2006. № 277.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

9. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 25.12.2023) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 06.03.1995. № 10. Ст. 823.

10. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О животном мире» // Российская газета. 1995. № 86.

11. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Российская газета, 2002, № 6.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.
13. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2024 № 77-1076/2024 // СПС «Консультант Плюс»
14. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 № 77-3748/2023 // СПС «Консультант Плюс»
15. Постановление Президиума Тверского областного суда от 25.12.2017 № 44у-174/2017 // СПС «Консультант Плюс».
16. Гаевская Е.Ю. К вопросу о разграничении хищений и фаунистических преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 2. – С. 135-143.
17. Гаевская Е. Ю. Обзор изменений законодательства в сфере борьбы с незаконной заготовкой древесины // Вестник МИЭП. – 2016. – № 2. – С. 104-115.
18. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 359 с.
19. Жевлаков Э.Н. О разграничении экономических и экологических преступлений: теория, законодательство, практика // Уголовное право. – 2017. – № 2. – С. 55-63.
20. Забавко Р.А. Предмет хищения – природные ресурсы? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2012. – № 2 (61). – С. 26-31.

21. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография / Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 528 с.

22. Неудахина О.М. Проблемы уголовной ответственности за незаконную добычу водных животных и растений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. – 28 с.

23. Шелеметьева Е.В. Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 191.1 и 260 УК РФ (по материалам обвинительных приговоров России) / Е.В. Шелеметьева, В.А. Кулик // Евразийский союз ученых. – 2019. – № 10-3(67). – С. 39-41.

Кротов Денис Андреевич
Смирнов Сергей Андреевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

denis.krotov0000@gmail.com

sepeja09@gmail.com

Krotov Denis

Smirnov Sergey

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО – ХРАНИЛИЩЕ ПО СМЫСЛУ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА? СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о квалификации хищений из фургонов, прицепов и полуприцепов как хищений из хранилища. Анализируется опыт Индии, Бразилии, Китая, Казахстана, Киргизии. Авторы предлагают внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ для устранения правовой неопределённости в этом вопросе.

Ключевые слова: хищение, хранилище, транспортное средство, фургон, прицеп.

IS A VEHICLE A STORAGE FACILITY WITHIN THE MEANING OF THE CRIMINAL LAW? COMPARATIVE LEGAL EXPERIENCE

Annotation: the article considers the issue of the qualification of theft from vans, trailers and semi-trailers as theft from storage. The experience of India, Brazil, China,

Kazakhstan, and Kyrgyzstan is analyzed. The authors propose to amend the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to eliminate legal uncertainty in this matter.

Key words: theft, storage, vehicle, van, trailer.

Требование правовой определённости закона абсолютно и вытекает из равенства граждан перед законом, закреплённого в статье 19 Конституции РФ. Однако в сфере уголовного права оно приобретает особое значение, так как по своей природе уголовное законодательство является исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения [1].

В ст. 158, 161, 162 УК РФ содержатся квалифицированные составы преступлений – «с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище». В правоприменительной практике нет единого мнения о том, нужно ли вменять этот признак при хищении из грузовых автомобилей, прицепов и полуприцепов.

Поэтому целью настоящей работы является анализ зарубежного опыта стран BRICS и СНГ (такой выбор стран обусловлен тем, что именно с ними Российская Федерация поддерживает тесные связи и проводит интеграционную политику в последнее время) в сфере борьбы с хищениями из автомобилей, а также формулирование предложений по преодолению указанной правовой неопределённости в российском уголовном праве. В зарубежном законодательстве за основу взят состав кражи, так как в иных формах хищения каких-либо квалифицирующих признаков, связанных с темой исследования, нами не обнаружено.

Индия

До декабря 2023 года в Индии действовал Уголовный кодекс 1860 года (Indian Penal Code, далее - IPC), в котором содержалось 5 статей о краже (378-

383). Для целей работы интерес представляли первые три. Так, ст. 378 IPC давала определение кражи (*theft*) и приводила примеры, ст. 379 IPC устанавливала наказание за данное преступление. В ст. 380 IPC был квалифицированный состав - кража из **здания, палатки или судна**, которые используются в качестве жилища человека или для **хранения имущества** (*theft in any **building, tent or vessel**, which building, tent or vessel is used as a human dwelling, or used for the **custody of property***) (здесь и далее полужирный шрифт и курсив наши – авторы). Положений о краже из транспортных средств УК Индии не содержал. Судебная практика расширительно норму не толковала и квалифицировала кражу из машин по статье 379 IPC (обычная кража), а не по статье 380 IPC

Так, Sridhara Mental, по мнению следствия, 13 февраля 1999 года совершил кражу стереосистемы на сумму 8000 рублей из фургона Maruthi. Квалификация была по ст. 379 IPC, однако суд освободил подсудимого за недоказанностью его вины [2].

22 июля 2021 года Rajendran С.Т. и Saji Alexander, будучи сотрудниками полиции, за денежные средства позволили подозреваемым в другом преступлении украсть предметы из фургона, припаркованного в гараже отдела полиции. В отношении похитителей дело опять же возбуждено по ст. 379 IPC [3].

В декабре 2023 года в Индии был принят новый уголовный кодекс – Bharatiya Nyaya Sanhita (BNS) [4]. В нём появился состав (пункт «с» статьи 305) «кража любого предмета или товара из транспортного средства, используемого для перевозки грузов или пассажиров» (*theft of any article or goods from any means of transport used for the transport of goods or passengers*). Максимальное наказание за данное преступление составляет 7 лет тюремного заключения (для сравнения – у кражи без квалифицирующих признаков до 3 лет). Таким

образом, законодатель Индии решил, что кража из транспортного средства обладает повышенной общественной опасностью.

Бразилия

Краже (*do furto*) посвящена глава 1 раздела II УК Бразилии 1940 года. Статья 155 устанавливает ответственность за простую кражу, но также содержатся следующие квалифицированные составы:

§ 4(I) ст. 155 - “с разрушением препятствия к изъятию вещи”;

§ 4 (III) ст. 155 - с использованием копии ключа;

§ 5 ст. 155 - кража автомобиля с дальнейшей его транспортировкой в другой штат или за границу.

По поводу кражи из салона транспортного средства есть разъяснения Высшего трибунала правосудия Бразилии (*Superior Tribunal de Justiça*), одной из высших судебных инстанций Бразилии [5]. Подсудимый разбил стекло автомобиля и похитил из салона Toyota Hilux CS CD-плеер марки “Buster”. Трибунал отметил, что практика о квалификации кражи из салона автомобиля сложилась противоречивая. Он указал, что в такой ситуации преступник применяет силу для разрушения препятствия между ним и предметом хищения, а это представляет собой большую общественную опасность по сравнению с простым изъятием имущества. В итоге трибунал пришёл к выводу, что кража путём разрушения стекла автомобиля должна квалифицироваться по §4 (I) ст. 155 УК Бразилии - кража с разрушением препятствия к изъятию вещи. Такая квалификация будет верной при совокупности обстоятельств: 1) стекло препятствует изъятию предмета хищения; 2) стекло не является неотъемлемой частью имущества (следовательно, разбитие стекла с целью украсть саму машину квалифицируется как простая кража).

Очевидно, что данное разъяснение Высшего трибунала правосудия Бразилии можно распространить на фургоны и прицепы, имеющие опломбированные запорные устройства. Замок в таком случае будет являться

препятствием между преступником и похищаемым из фургона имуществом, а потому деяние в таком случае также должно квалифицироваться по § 4(I) ст. 155 УК Бразилии.

Китай

В Китае ответственность за кражу регламентируется главой 5, ст. 263 – 271.2 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики 1997 года (далее – УК КНР).

Базовой статьей является ст. 264 УК КНР, устанавливающая ответственность за хищение государственного или частного имущества в относительно крупных размерах, за совершение множественных краж, грабежей, краж с применением оружия или карманных краж.

Как отмечает Сяо Чжунхуа: «При краже хищение имущества происходит таким способом, который по мнению преступника, не позволит его обнаружить, т.е. приобретение имущества субъектом является конфиденциальным по отношению к владельцу имущества. Поэтому, пока субъект считает, что имущество не известно владельцу, даже если он субъективно знает, что третья сторона, отличная от владельца имущества присутствует, то он действует тайно» [6].

Анализ УК КНР не выявил норм, позволяющих определить фургон и прицеп в качестве хранилища. Стоит, на наш взгляд, провести анализ, основываясь на таком составе преступления, как кража со взломом. Однако предварительно необходимо отметить, что прямого указания в УК КНР на «кражу со взломом» нет. Просто китайский уголовный закон не содержит закрытый перечень отягчающих обстоятельств, и в каждом деле суд сам определяет, что следует признать таковым. При этом Верховный народный суд в своих разъяснениях по различным категориям дел даёт примерный перечень таких обстоятельств, среди которых и фигурирует кража со взломом [7, с. 10]. Упоминание «кражи со взломом» имеется в Рекомендации по вынесению

приговоров Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры по общеуголовным преступлениям. Кроме того, в Протоколе симпозиума Верховного народного суда о работе уголовных судов по всей стране по поддержанию стабильности в сельской местности от 1999 года [8] указано следующее. Термин «домашнее хозяйство» в ст. 4 «Толкования некоторых вопросов, касающихся конкретного применения законов при судебном разбирательстве по делам о кражах» Верховного народного суда относится к месту проживания, где семья и ее члены находятся в относительной изоляции от внешнего мира, включая закрытые дворы, дома, сдаваемые внаем для семейного проживания, палатки для пастухов, **рыбацкие лодки, используемые рыбаками в качестве места для семейного проживания и т.д.** Место, в котором сочетаются жилые и деловые операции, обычно не считается «домом» в рабочее время.

Таким образом, в юрисдикции Китая в качестве хранилища, на наш взгляд, можно признать автомобиль, предназначенный для проживания, если он соответствует следующим признакам:

1. относительная закрытость;
2. возможность обеспечения семейной жизни.

Больше всего под указанные критерии подпадает автомобиль-трейлер, так как в его фургоне располагается жилое помещение, предназначенное для постоянного или временного жилья. Однако не исключается, что любой иной легковой автомобиль может быть переоборудован для «обеспечения семейной жизни» по китайской терминологии.

СНГ

В целом, в странах СНГ подход практически не отличается от российского. В их уголовных кодексах есть квалифицированные составы хищения с незаконным проникновением в жилище или хранилище (В УК Республики Беларусь 1999 года – только с незаконным проникновением в

жилище). Исключением являются два государства – Казахстан и Киргизия. Так, в п. 3 ч. 3 ст. 188 УК Казахстана 2014 года установлена ответственность за кражу с незаконным проникновением «в жилое, служебное или производственное помещение, хранилище либо транспортное средство». В п. 4 ч. 3 ст. 205 УК Киргизии 2021 года формулировка практически идентичная: отсутствует указание на хранилище, но остались помещение и транспортное средство.

Россия

В российской судебной практике, как отмечалось выше, однообразного подхода к определению фургонов и прицепов в качестве хранилища не сложилось. В одних делах суды вменяют пункт «с незаконным проникновением в хранилище», указывая, что фургоны (прицепы), опломбированные запорными устройствами, предназначены для временного хранения материальных ценностей [15; 16; 17; 18]. В других, наоборот, отмечают, что наличие тент и запирающих устройств на автомобилях не свидетельствует об их назначении в качестве хранилища [19; 20].

Под хранилищем в силу п. 3 примечания ст. 158 УК РФ понимаются хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей. Отвечают ли фургоны и прицепы этим признакам?

Единственная возможность признать фургон хранилищем - отнести его к «иному сооружению, предназначенному для постоянного или временного хранения материальных ценностей», так как под другие перечисленные виды хранилища он, очевидно, не подходит. Чтобы это сделать, необходимо понять: иное сооружение должно быть предназначено исключительно для хранения или же такая функция может быть не основной, а вспомогательной. В первом

случае фургон не будет относиться к хранилищу, потому что его основное предназначение - перевозка грузов, а не их хранение. Однако и здесь нет однозначного подхода.

Так, Верховный Суд РФ не признал хранилищем охраняемую территорию фруктового сада, указав, что участок должен быть оборудован только для хранения, а не для выращивания сельскохозяйственной продукции, как в данном случае [9]. В другом же деле высшая судебная инстанция признала хранилищем витрину, потому что она предназначается не только для обозрения товара, но и для хранения материальных ценностей [10]. Для витрины функция хранения, однако, основной не является, и Верховный суд РФ сам отметил, что у неё, как минимум, 2 функции, а не исключительно хранение. Журавлёва Г.В. и Карпова Н.А. на основе анализа судебной практики приходят к выводу, что суды часто в качестве хранилища признают теплицы, загоны для содержания скота [11, с. 105], хотя их предназначение для хранения тоже вызывает сомнение. Сюда же относятся банкоматы, вендинговые аппараты [12, с. 121]. Кроме того, Верховный суд РФ вменил признак “незаконное проникновение в иное хранилище” лицам, которые сорвали навесной замок с двери автофургона и похитили ящики изнутри [13, с. 80].

Таким образом, правоприменительная практика в большинстве случаев исходит из второго подхода: иное сооружение может иметь несколько предназначений, одно из которых - хранение материальных ценностей. Тогда грузовое транспортное средство можно признать хранилищем. Однако необходимо отметить, что существуют кузова, прицепы и полуприцепы открытого типа (например, бортовые). Полагаем, что они под понятие хранилища не подпадают, так как предназначены исключительно для перевозки и дополнительной функции по хранению не выполняют.

Такой подход, на наш взгляд, является более верным, потому что учитывает повышенную опасность хищения, связанного с незаконным

проникновением в транспортное средство. На это указывает и Курочкина Л.А.: автомобиль имеет признаки обособленного объекта, находящегося под охраной (сигнализацией), имеет специальные места для хранения имущества - багажник, прицеп, кузов. При совершении хищения такого имущества одновременно повреждается другое имущество - автотранспортное средство, в результате чего его собственнику причиняется двойной ущерб [14].

Помимо прочего, виновное лицо прилагает дополнительные усилия для того, чтобы уничтожить препятствие для проникновения в транспортное средство (или иным путём незаконно проникнуть в него, например, путём обмана), что также указывает на повышенную общественную опасность личности преступника.

На основании проведенного анализа следует сказать о разном понимании хищения из хранилища, что исходит из особенностей правового регулирования, истории, правовой семьи приведенных нами стран. Однако, говоря об изменениях, следует отметить, что проанализированные нами страны не подходят для того, чтобы совершить имплементацию норм о хищении в УК РФ:

1) бразильский подход понимания кражи из хранилища не подходит для нас, поскольку, как уже отмечалось, согласно § 4(I) ст. 155 в УК Бразилии закреплён такой состав, как кража с разрушением препятствие на пути к вещи, тогда как в нашей концепции незаконное проникновение может быть осуществлено и иными способами (например, путём обмана);

2) китайское понимание кражи также не подходит нам. В Китае отягчающим обстоятельством признаётся лишь хищение из транспортного средства, которое используется в качестве места для семейного проживания, то есть по сути является жилищем;

3) уголовное законодательство Индии с декабря 2023 года, а также Казахстана и Киргизии устанавливает повышенную ответственность за кражу из любого транспортного средства.

Предлагаем дополнить пункт 18 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 № 29 абзацем третьим следующего содержания: «**При этом судам необходимо учитывать, что по смыслу уголовного закона к хранилищам относятся грузовые автомобили (их кузова), прицепы и полуприцепы закрытого типа, исключаящие свободный доступ к находящемуся внутри имуществу**».

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 года № 8-П // Российская газета. № 123. 07.06.2008.
2. Bangalore District Court. State by Mahalakshmi Layout Police Station vs. Alleging That The Accused Has ... on 3 July, 2015 // URL: <https://indiankanoon.org/doc/113617716/> (дата обращения: 02.12.2023).
3. Kerala High Court. Rajeendran C.T vs. State of Kerala on 2 November. 2021 // URL: <https://indiankanoon.org/doc/55674582/> (дата обращения: 02.12.2023).
4. The Bharatiya Nyaya Sanhita // URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/250883_english_01042024.pdf (дата обращения: 21.04.2024).
5. Superior Tribunal de Justiça. EMBARGOS DE DIVERGÊNCIA EM RECURSO ESPECIAL N. 1.079.847-SP (2012/0120036-4) // URL: https://www.stj.jus.br/docs_internet/revista/eletronica/stj-revista-eletronica-2013_231_capTerceiraSecao.pdf (дата обращения: 02.12.2023).
6. 盗窃罪手段不应包括“公开盗窃”//URL: https://www.spp.gov.cn/spp/llyj/202206/t20220622_560503.shtml (дата обращения: 02.12.2023).
7. Особенности назначения и исполнения уголовных наказаний в пенитенциарной системе Китайской Народной Республики: аналитический

обзор // А. А. Устинов [и др.]. — Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2016. — 26 с.

8. 最高人民法院关于全国法院维护农村稳定刑事审判工作座谈会纪要 // URL: <https://www.055110.com/law/1/10493.html> (дата обращения: 02.12.2023).

9. Определение Верховного Суда РФ от 16.04.1998 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 1999, N 2.

10. Определение Верховного Суда РФ от 01.04.2009 N 2-009-4 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. Журавлёва Г.В., Карпова Н.А. Особенности квалификации хищений с незаконным проникновением в иное хранилище (на основе обобщения материалов судебной практики) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №6. С. 103-107.

12. Куряков И. В. Актуальные проблемы совершенствования механизма уголовно-правового регулирования хищений с незаконным проникновением // Юридический вестник ДГУ. 2021. № 4(40). С. 120-124.

13. Салахова Ж. В. Квалификация преступлений против собственности, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище // Вестник ЧелГУ. 2007. №7. С. 77-85.

14. Курочкина Л.А. Кража, сопряженная с незаконным проникновением в автотранспортное средство // Уголовное право. 2010. № 2. С. 41-42.

15. Приговор Варгашинского районного суда Курганской области от 18.06.2018 по делу №1-2/2018 // URL: https://vargashinsky--krg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=113537807&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.12.2023).

16. Приговор Октябрьского районного суда г. Кирова от 22.08.2014 по делу № 1-261/2014 // URL: <https://oktyabrsky-->

kir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=93276733&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.12.2023).

17. Приговор Златоустовского районного суда Челябинской области от 09.03.2016 № 1-35/2016 // URL: https://zlatoust--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=73442724&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.12.2023).

18. Приговор Волжского районного суда г. Саратова от 19.07.2017 по делу № 1-134/2017 // URL: https://volzhsky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=19055242&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.12.2023).

19. Приговор Кунашакского районного суда Челябинской области от 17 марта 2016 по делу №1-117/2015 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0ZtoD15zw9IC/> (дата обращения: 02.12.2023).

20. Приговор Златоустовского городского суда Челябинской области от 4 декабря 2015 года по делу № 1-545/2015 // https://zlatoust--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=73442435&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.12.2023).

УДК 343.98

Кушнарев Александр Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

KUSHNAREV-02@LIST.RU

Kushnarev Alexander

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Procuracy

Russia, Ekaterinburg

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ, ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: автором в настоящей работе исследуется теоретическая проблема формулирования определения нового типа следа, образующегося в компьютерном пространстве. Приведены различные подходы к определению данного термина, рассмотрены сущностные характеристики таких дефиниций как «цифровой след», «виртуальный след», «компьютерный след». Изучена классификация цифровых следов. Рассмотрены сферы применения цифровых следов.

Ключевые слова: криминалистика, трасология, цифровой след, виртуальный след, цифровые технологии.

DIGITAL TRACES IN CRIMINALISTICS, THEIR USE IN CRIME INVESTIGATION

Annotation: in this paper the author studies the theoretical problem of formulating a definition of a new type of trace formed in computer space. Different approaches to the definition of this term are given, essential characteristics of such definitions as

"digital trace", "virtual trace", "computer trace" are considered. The classification of digital traces is studied. The spheres of application of digital traces are considered.

Key words: forensics, traceology, digital trace, virtual trace, digital technologies.

«Прежде чем спорить, давайте договоримся о терминах» - сей постулат французского мыслителя Вольтера представляется наиболее уместным для темы настоящей работы, ибо определение понятия «цифровой след» как прямо не закреплено в законодательстве, так и достаточно четко не определено в науке, различные трактовки дефиниции лишь подтверждают многоаспектность данного понятия.

Для начала отметим, что основу учений о следах в криминалистике составляет раздел трасологии. При этом учеными формулируются различные определения криминалистической трасологии. Так, Г.Л. Грановский пишет, что криминалистическая трасология представляет собой область криминалистического знания о следах, отражающих признаки внешнего строения следообразующих объектов, о механизме следообразования, а также о средствах, методах и приемах их обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения и исследования в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного судопроизводства [5, с. 43]. В.Я. Карлов под криминалистической трасологией понимает отрасль криминалистической техники, изучающая закономерности образования материальных следов и разрабатывающая научно-технические средства, приемы и методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов с целью использования их для раскрытия и расследования преступлений [7].

Таким образом, можно заключить, что криминалистическая трасология представляет собой учение о следах, составляющее раздел криминалистической техники, в рамках которого разрабатываются теоретические основы следообразования в механизме совершения преступления, а также приемы и

методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов для раскрытия преступлений.

Для более подробного изучения темы настоящей работы представляется необходимым перейти к раскрытию первичной ячейки всего раздела трасологии, а именно понятия «след». Категория «след» является базовой в трасологии. Несмотря на основополагающий характер, данное понятие не находит единообразного толкования в науке и практике, что создает определенные предпосылки для использования соответствующей категории в различных смыслах. Как известно, каждое преступное посягательство, будучи «событием объективной действительности, вызывает разнообразные изменения в окружающей обстановке» [6]. Иными словами, взаимодействуя с окружающим миром, лицо, которым совершается противоправное посягательство, вносит в нее определенные изменения, тем самым оставляя следы.

С точки зрения науки криминалистики под следами преступления понимаются источники информации о событиях прошлого, деятельность относительно выявления, фиксации, исследования, оценки и использования следов-источников информации составляет путь расследования [13]. Г.Л. Грановский под понятием «след» понимает любое материальное отображение свойств вещей и явлений, позволяющее судить об их свойствах и использовать их отражение для решения идентификационных, диагностических, классификационных и интеграционных задач. При этом помимо материальных следов мы можем говорить и о запечатленных в памяти человека образах, неразрывно связанных с событием преступления, несущих в себе информацию о нем, так называемые – идеальные следы [16, с. 380].

Однако трасология изучает лишь определенные следы, которые могли бы объединяться общими закономерностями и предполагать некие общей методики для своего исследования (термин «следы» в узком смысле).

Сложность в трактовке соответствующей категории возникает в связи с тем, что при трасологической идентификации, следы рассматриваются в различных ракурсах и применительно к разным процессам, что обусловило возникновение множества оснований классификации следов. Так, по критерию носителя информации выделяют материальные и идеальные следы [14]. Ряд авторов выдвигает гипотезу о существовании «цифровых» [12] следов, или же, как пишут другие специалисты, «компьютерно-технические» следы [2, с. 169]. Некоторые специалисты с учетом необходимости использования инновационных технологий в трасологии на основе анализа методических подходов заявляют о необходимости выделения самостоятельного раздела трасологии – цифровой трасологии [10]. Именно эти следы и станут дальнейшим предметом настоящей работы.

С появлением компьютерных технологий возникли новые виды преступлений и уже начиная с конца XX века криминалистами была затронута проблема формулирования понятия нового типа следа, образующегося в компьютерном пространстве и его места в общепризнанной классификации следов на материальные и идеальные.

Важно отметить, что вместе со стремительным развитием компьютерных технологий появилась и IT-сфера. Тем не менее, криминалистические возможности развиваются пропорционально развитию IT-сферы, поэтому в криминалистической теории наблюдается тенденция изучения тематики цифровых следов преступной деятельности в следующих направлениях:

- в узком направлении: предупреждение, раскрытие и расследование преступлений в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ): неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) и др., которые в большинстве случаев являются предикатными для совершения (либо сокрытия) других преступлений

(хищений, распространения экстремистских материалов, фальсификации итогов голосования и др.).

- в широком направлении: противодействие киберпреступности (сфера высоких технологий), т.е. не только указанных выше преступлений, но и преступлений, совершенных с использованием IT-технологий. К ним можно отнести: доведение до самоубийства с использованием сети Интернет или склонение к самоубийству; дистанционные хищения в сфере финансов; призывы к осуществлению террористической, экстремистской деятельности, массовым беспорядкам; оборот наркотиков и оружия, порнографических материалов; организация азартных игр; преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, фишинг, кража личных данных, информационная блокада, шпионаж, шантаж и прочее [1].

Стремительно развивающееся пространство компьютерных технологий, IT-технологий, появление новых принципов создания вычислительных систем (квантовые технологии) приводит к различным подходам в определении конкретного названия данного типа следов.

Ряд авторов (В.А. Мещеряков, А.Ю. Головин, В.Ю. Агибалов, А.Б. Смушкин) склоняются к использованию термина «виртуальный след», другие предлагают название «информационный след» (В.В. Борисов, Г.М. Шаповалова), третьи оперируют понятием «электронно-цифровой след» (В.Б. Вехов, А.В. Шебалин, В.В. Поляков). Существуют и иные, менее распространённые, названия интересующей дефиниции. Предлагается провести анализ наиболее универсальных и часто используемых понятий.

Родоначальник понятия «виртуальный след» В.А. Мещеряков определял его как «любые изменения состояния автоматизированной информационной системы (образованного ею «кибернетического пространства»), связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации

(т.е. информации в виде, пригодном для машинной обработки) на материальном носителе, в том числе на электромагнитном поле» [11].

Иного мнения придерживается Б.В. Вехов, который дал определение понятию «электронно-цифровой след». Под данным термином автор понимает «любую криминалистически значимую компьютерную информацию т.е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [4]. Однако, справедливо было подмечено А.Н. Колычевой, которая в своей работе высказала положительное мнение о данном определении В.Б. Вехова, но посчитала необходимым внести корректировки по причине «синонимического дублирования» (электронно-цифровой след и электронно-цифровая форма) [9]. При этом остается открытым вопрос о необходимости в подразделении электронно-цифровых следов на следы, образующиеся в компьютерных системах, и следы, находящиеся, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, так как сеть Интернет выступает в роли средства передачи информации, поскольку является системой сетей связи и совокупности технических средств, объединяющей компьютерные системы. На мой взгляд, с учетом необходимости данного подразделения термина «электронно-цифровой след», а также в целях избежания дублирования термина и определения, остановиться на понятии «цифровой след». Наиболее удачно, на мой взгляд, сформулировать определение термина «цифровой след» получилось у А.А. Бесонова, который понимает под цифровыми следами информацию, зафиксированную в цифровом формате, содержащуюся в электронно-вычислительных машинах и иных цифровых устройствах, созданных на основе их технологий, в средствах подвижной радиотелефонной связи и на различных носителях цифровой

информации, причинно-связанная с событием преступления, позволяющая установить обстоятельства совершенного преступления и преступника» [3].

Итак, предлагается выделить наиболее существенные признаки цифровых следов:

- являются одной из объективных форм существования компьютерной информации;
- невозможность существования без материального носителя, что указывает на его опосредованность другим устройством, предметом и т. д.;
- удобство в копировании, поскольку данное действие можно совершать неограниченное количество раз без ущерба его объему и содержания;
- гибкость, выражающаяся в возможности изменения формы следа (например, скриншот может преобразоваться в распечатанный документ);
- обезличенность, поскольку идентификация автора, пользователя или владельца является трудоемким и не всегда приводящим к положительному результату процессом;
- одновременное существование нескольких копий. Один и тот же фрагмент цифровой информации может быть зафиксирован на разных, зачастую удаленных друг от друга носителях, которые могут быть и не быть синхронизированы. Доступ к такой информации могут одновременно иметь различные субъекты.

На сегодняшний день с учетом большого массива имеющейся информации о цифровых следах мы можем говорить и о их криминалистической классификации. Так, в зависимости от формы носителя выделяют цифровые следы, расположенные на оптических носителях (CD, DVD, blu-ray диски и пр.), полупроводниковых носителях (флеш-накопители, SSD и магнитные носители).

С точки зрения формы представления большинство цифровых следов - это текстовая информация, однако в следственно-судебной практике встречаются случаи использования следов в графической или звуковой форме.

Другим основанием деления цифровых следов является способ доступа к ним — локальный или удаленный. В первом случае доступ осуществляется непосредственно через устройство, содержащее носитель, на котором находятся цифровые следы. При этом возможен весь комплекс криминалистических операций по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию следов. При расположении искомой информации на удаленном носителе доступ к следам возможен только при использовании подключения к телекоммуникационным сетям. При этом исключается изъятие следов в традиционном криминалистическом понимании, однако они могут быть скопированы на носитель.

По характеру доступа цифровые следы могут быть доступными (например, электронные документы), скрытыми (скрытые файлы, информация, скрытая с помощью методов стеганографии) и зашифрованными. В последнем случае сам факт наличия информации очевиден субъекту расследования, однако доступ к ее содержанию заблокирован, как правило, с помощью паролей или иных средств идентификации или аутентификации ее создателя или владельца.

По характеру происхождения цифровые следы дифференцируются на оставленные человеком непосредственно (электронные документы, записи в социальных сетях и т.п.) и опосредованно (данные телеметрии, файлы регистрации, атрибуты создаваемых файлов и т.п.). Следы первой группы могут быть исследованы в ходе производства следственных действий (например, в ходе осмотра места происшествия), исследование же следов второй группы требует использования специальных знаний (как правило, производства компьютерно-технических исследований).

Наконец, по месту их нахождения выделяют цифровые следы, физически находящиеся на компьютерных устройствах преступника (например, исходный код вредоносного программного обеспечения или шаблоны для изготовления подложных документов), потерпевшего (например, функционирующее вредоносное программное обеспечение), сторонних лиц (например, электронная почта на сервере организации, предоставляющей услуги такого рода). Разумеется, цифровые следы могут одновременно располагаться на носителях, относящихся ко всем трем группам.

Велико значение цифровых следов при расследовании преступлений [15]. Так, например, при расследовании преступлений следователь может обратиться к различным сервисам, будь то Google Maps, система навигации Яндекс и др. В хронологии на Google Maps можно посмотреть маршруты, а также места, в которых побывал подозреваемый: эта информация определяется на основе истории местоположений. Ее можно изменить или удалить в хронологии (в том числе за целые периоды). Такая хронология видна только пользователю и доступна как на мобильных устройствах, так и на компьютере. Такая же система постоянной геолокации с возможностью записи всех перемещений доступна пользователям Apple. Разумеется, все данные, сохраненные в истории пользователя, являются конфиденциальными и могут быть использованы для получения дополнительной информации только с согласия пользователя. Но в тех случаях, когда речь идет о получении сведений от свидетеля или потерпевшего и интересы подозреваемого и следователя совпадают, психологическая составляющая, которая являлась основой для формирования событий в памяти допрашиваемого, становится ненужной, поскольку электронно-цифровые следы имеют более веское доказательственное значение: их невозможно подделать, сфальсифицировать или иным образом зафиксировать помимо воли лица, чьи показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Автомобильные навигаторы имеют

функцию записи истории перемещений автомобиля, так называемых треков. Данная информация может быть записана в истории в тех случаях, когда эта функция активирована в настройках устройства. Некоторые пользователи фиксируют конечную точку своего маршрута или посещаемые места, для того чтобы в следующий раз не искать их на карте и не вводить координаты заново. Причем если был осуществлен вход в аккаунт, то и на другом устройстве, например в сервисах "Яндекс", происходит авторизация пользователя по логину и паролю, и все настройки становятся доступными, в том числе и треки с фиксированными маршрутами и конечными пунктами.

Неоценимую услугу могут оказать электронно-цифровые следы при проверке алиби. В тех случаях, когда подозреваемый или обвиняемый выдвигает алиби, следователь обязан провести проверку всех обстоятельств, указанных подозреваемым или обвиняемым для решения вопроса по существу, поскольку от этой проверки может зависеть дальнейшее развитие следственной ситуации, которая из благоприятной может быть переведена в неблагоприятную для следствия или дознания. В данном случае лицо, которое заявляет о наличии алиби, также заинтересовано в том, чтобы проверка прошла с благоприятным для него исходом, поэтому добровольно предоставляет всю имеющуюся в его распоряжении информацию о своих перемещениях, зафиксированных на электронных устройствах.

В последнее время широкое распространение получили различные социальные сети, мессенджеры и т.п., которые также фиксируют информацию о времени посещения и о материалах, там размещаемых. Даже простое фотографирование или видеосъемка с помощью смартфона не только дают представление о месте и времени сделанного снимка или видеофайла, но также автоматически привязывают файл к месту фотографирования, что в последующем может оказать неоценимую услугу в раскрытии и расследовании преступлений.

Дополнительные сведения также можно получать из мобильных приложений, в частности из банковских сервисов. Банковские транзакции с указанием времени перевода и переводимых сумм, а также магазинов, в которых производилась оплата, помогут восстановить ассоциативные связи в памяти допрашиваемого с событиями, датами и др.

В последнее время тенденция динамики увеличения количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий постоянно прогрессирует [8, с. 110]. Видится, что совершенствование данной отрасли в условиях активного развития возможностей сети Интернет, новейших технологий, криминалистической техники, новых способов совершения преступлений, будет способствовать не только развитию отдельных теоретических положений криминалистической науки, но положительно отразится на практическом использовании данных знаний при раскрытии и расследовании преступлений.

В будущем использование цифровых следов преступлений, вероятно, станет еще более распространенным и важным, поскольку технологии продолжают развиваться и становятся все более интегрированными в нашу повседневную жизнь. Это означает, что цифровые следы преступлений будут становиться все более важным аспектом уголовных расследований, и криминалисты должны быть готовы эффективно использовать их в качестве доказательств. Поэтому понимая и принимая преимущества и недостатки данного явления, криминалисты могут эффективно использовать цифровые следы в качестве улик в уголовных расследованиях и быть в курсе последних достижений в области технологий и преступности.

Для того чтобы эффективно использовать цифровые следы преступлений в качестве доказательств, важно, чтобы криминалисты и правоохранительные органы работали сообща. Криминалисты могут предоставить необходимые знания и опыт о природе и использовании цифровых следов в уголовных

расследованиях, в то время как правоохранительные органы могут предоставить необходимые ресурсы для сбора, хранения, анализа и обработки цифровых следов.

Важно признать, что цифровые следы преступления не являются заменой традиционным формам доказательств. Скорее, они являются дополнительным инструментом, который может предоставить ценную информацию и помочь в расследованиях. Наиболее эффективным способом расследования является комбинация традиционных и цифровых доказательств, для получения полной картины преступления и построения убедительной доказательной базы.

Список литературы:

1. Бахтеев Д.В. Криминалистическая классификация цифровой доказательственной информации // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. М.: Академия управления МВД России, 2018. С. 44–49.
2. Бессонов А.А. Информация о типичных следах преступления как элемент его криминалистической характеристики // Гуманитарные исследования. 2014. № 4 (52). С. 169-174.
3. Бессонов А.А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-vozmozhnostyah-sovremennoy-kriminalistiki-v-rabote-s-elektronnyimi-sledami> (дата обращения: 06.04.2024).
4. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 401.
5. Грановский Г.Л. Основы трасологии. М.: Мир, 2017. 43 с.

6. Дягилева М.В. Значение криминалистических следов в уголовном процессе // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2022. № 4 (91). С. 10-12.
7. Карлов В.Я. Криминалистика: тезаурус-словарь и схемы: учебное пособие. М.: Альфа-Пресс, 2011. 272 с.
8. Кирсанова С.О., Калинина А.А. Виртуальные следы: понятие, сущность, проблемы // *Вопросы студенческой науки*. № 3(19). Март, 2018. С. 110.
9. Колычева А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет: автореф. канд. юрид. наук: 12.00.12 / Колычева Алла Николаевна. - Москва, 2019.-С. 10.
10. Майлис Н.П. Нетрадиционные виды следов, используемые в раскрытии и расследовании преступлений // *Эксперт-Криминалист*. 2018. N 3. С. 35-36.
11. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования / В.А. Мещеряков // Издательство Воронежского государственного университета. 2002. № 3. 104 с.
12. Рахимов А.И. Идеальные следы преступления и их классификация // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 3. С. 150-152.
13. Россинская Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2020. 464 с.
14. Рясов А.А., Гонтарь С.Н. К вопросу о классификации трасологических следов // *Мир науки, культуры, образования*. 2014. № 5 (48). С. 306-308.
15. Сажаев А.М., Мишуточкин А.Л. Значение электронно-цифровых следов в тактике допроса свидетелей и потерпевших // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2022. № 3.

16. Торбин Ю.Г. Учение о следах преступления в работах учёных криминалистов и процессуалистов XIX и XX веков // Военное право. 2017. № 1 (41). С. 379-391.

УДК 343.2

Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

ЖИВОТНЫЕ КАК СРЕДСТВО И ОРУДИЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: в данной статье автором рассматривается дискуссионный вопрос о возможности применения животных в процессе совершения преступлений и признании их средствами и орудиями совершения преступлений, рассматриваются различные точки зрения по данному вопросу, проводится анализ законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: животное, средство совершения преступления, орудие совершения преступления, преступление, уголовная ответственность.

ANIMALS AS MEANS AND TOOLS FOR COMMITTING CRIME

Annotation: in this article, the author examines the controversial issue of the possibility of using animals in the process of committing crimes and recognizing them as means and tools for committing crimes, examines various points of view on this issue, and analyzes legislation and judicial practice.

Key words: animal, means of committing a crime, tools of committing a crime, crime, criminal liability.

В соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации животные не являются субъектами преступления, даже в том случае если их поведением причиняется вред общественным отношениям. В связи с этим возникает вопрос: могут ли рассматриваться животные в качестве средств и орудий преступления в том случае, когда человек умышленно или неосторожно использует их для совершения преступления?

Нужно помнить о том, что нельзя расценивать любое поведение животного как проявление умысла хозяина или иного лица, в момент действий животного находящегося с ним и обладающего авторитетом перед этим животным [4, с. 255]. Это связано с тем, что нельзя забывать о наличии возможности волевого поведения животного.

Считаем важным отметить, что факт того, произошло ли нападение животного по воле человека или нет, влияет на разграничение необходимой обороны и крайней необходимости. В том случае, если животное нападает по инициативе человека, будет иметь место необходимая оборона. Однако если животное напало по собственной инициативе, это будет являться причиной, создающей опасность при крайней необходимости [1, с. 369, 383; 3, с. 177].

По нашему мнению, прежде чем перейти к вопросу о рассмотрении возможности использования животных в качестве средств или орудий совершения преступления, необходимо рассмотреть различные точки относительно того, что понимается под средствами и орудиями совершения преступления.

Н.К. Семернева указывает, что под орудиями и средствами совершения преступления понимаются предметы (вещи материального мира), которые используются для совершения преступления, например, огнестрельное или холодное оружие, ... и т.п. [1, с. 312]. Таким образом, в этом случае

разграничение между орудиями и средствами совершения преступления не проводится.

И.Я. Козаченко и Г.П. Новоселов отмечают, что средства и орудия совершения преступления являются предметами материального мира, используемыми при осуществлении преступного деяния. Считая орудия, в том числе оружие, разновидностью средств совершения преступления, последние обычно определяют как предметы материального мира, с помощью или с использованием которых осуществляется выполнение объективной стороны преступления [2, с. 138]. В данном случае авторы придерживаются точки зрения, что средства являются более широкой категорией, чем орудия; средства, в том числе, включают в себя орудия.

В то же время И.Н. Крапчатова и В.А. Цветков под орудием преступления понимают предмет или устройство материального мира, которым причиняется физический вред, а под средством – предмет, устройство или физический, химический или биологический процесс, который используется лицом с целью осуществления общественно опасного деяния или значительно облегчает его совершение. Исходя из того что и орудие, и средство могут являться средствами достижения преступного умысла лица, то, соответственно, возникает ситуация, при которой их разграничение может вызывать некоторые затруднения [4, с. 256-257].

Переходя к вопросу о возможности использования животных в качестве средств и орудий преступлений, хотелось бы отметить, что Т.В. Кондрашова замечает, что животные могут рассматриваться лишь в качестве орудий преступления, если с их помощью человек причиняет вред общественным отношениям [1, с. 248]. В данном случае не говорится о том, что животное также может выступать и средством совершения преступления, однако это может быть связано с отождествлением понятий средств и орудий совершения преступлений.

Интересную точку зрения можно встретить в работе И.Н. Крапчатовой и В.А. Цветкова, которые предлагают развести случаи, в которых животное будет признаваться орудием и средством. Указанные авторы отмечают, что в случае, если целью применения животного было причинение физического вреда, такое использование необходимо квалифицировать как применение орудия, в случае же с устрашением – животное выступает средством [4, с. 257].

А.М. Плешаков говорит о том, что отграничение животных как средств преступления от их применения как орудий необходимо проводить по такому критерию как уголовно-правовое значение (смысл) тех деяний, при совершении которых используется тот или иной предмет внешнего мира. В тех случаях, когда уголовно-правовой запрет установлен в отношении конкретных действий, животные могут выполнять функцию орудия преступления. Так, например, при разбое собака может использоваться как «одушевленный» предмет, замещающий оружие (то есть как орудие). Это обусловлено тем, что в данной норме содержится прямое указание о наказуемости применения таких предметов. В тех случаях, когда в диспозиции статьи УК РФ нет подобных установлений, животное может выполнять роль средства преступного посягательства. Так, например, при краже чужого имущества, та же собака может быть использована в качестве средства перемещения похищенного (перевозка, транспортировка, перенос и т.п.), поскольку в данной норме нет прямого запрета на такие действия [6, с. 208]. Данная точка зрения представляется нам наиболее правильной для применения.

Таким образом, животные могут рассматриваться в качестве средств и орудий совершения преступления, если лицо умышленно использует их при совершении преступлений, например, путем натравливания на других лиц или обучения определенным противоправным действиям животного.

Сейчас предлагаем перейти к рассмотрению закрепления использования животных в процессе совершения преступления в уголовном законодательстве

РФ. Четко в самом УК РФ не указывается на возможность использования животных в качестве средств и орудий преступлений, однако в некоторых постановлениях Пленума Верховного Суда РФ использование животных при совершении преступлений раскрывается через понятие «применение предметов, используемых в качестве оружия».

Под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, понимаются фактические действия субъекта, направленные на психическое или физическое воздействие на потерпевшего. При этом психическое воздействие может осуществляться путем демонстрации намерения причинить вред потерпевшему [4, с. 257].

Так, в абзаце 6 пункта 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что действия лица, совершившего нападение с целью хищения чужого имущества с использованием собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, либо с угрозой применения такого насилия, надлежит квалифицировать с учетом конкретных обстоятельств дела по части второй статьи 162 УК РФ [8]. Таким образом, собаки и иные животные, представляющие опасность для жизни или здоровья человека, в данном случае могут рассматриваться в качестве предметов, используемых в качестве оружия.

Также хотелось бы отметить, что в абзаце 3 пункта 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» указывается, что в случаях, когда в процессе совершения хулиганства лицо использует животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, содеянное с учетом конкретных обстоятельств дела может быть квалифицировано по пункту «а» части 1 статьи 213 УК РФ [9].

Однако если мы обратимся к статье 213 УК РФ, то увидим, что в пункте «а» данной статьи указан следующий признак – «с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения». В то же время признак «с применением предметов, используемых в качестве оружия» закреплен в части 2 статьи 213 УК РФ. Таким образом, можно прийти к выводу, что в данном случае животные не будут рассматриваться в качестве предметов, используемых в качестве оружия. Хотелось бы отметить, что данное предположение не соответствует действительности. Данное разногласие объясняется тем, что в 2020 году Федеральным законом от 30.12.2020 № 543-ФЗ в статью 213 УК РФ были внесены изменения: в пункте «а» части 1 вместо признака вооруженности законодатель указал применение насилия или угрозы его применения, тогда как применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия было перенесено в часть 2 [7]. То есть, несмотря на то, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ указано, что необходимо квалифицировать содеянное по пункту «а» части 1 статьи 213 УК РФ, квалификация будет производиться по части 2 статьи 213 УК РФ. Однако чтобы не возникало сомнений при квалификации использования животных в процессе хулиганства, необходимо внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» ввиду наличия в нем устаревших положений.

Верховный Суд РФ в указанных постановлениях не определил, какие животные могут представлять опасность для человека. Судебно-следственная практика показывает, что в абсолютном большинстве случаев при хулиганстве используют домашних собак. Применение в качестве предмета, замещающего оружие, других животных пока не наблюдалось. Использование для хулиганских побуждений агрессивных домашних быков, лошадей, верблюдов или пчел до настоящего времени не фиксировалось [6, с. 208].

А.М. Плешаков отмечает, что при хулиганстве для противоправных действий обычно используются крупные и опасные животные: питбультерьеры, стаффордширские терьеры, доберманы, ротвейлеры, немецкие овчарки и др. Типичной является ситуация, когда собака по команде хозяина натравливается на соседей, посторонних граждан или на прибывших по вызову полицейских. Нередко объектом нападения становится и чужое имущество, т. е. другие животные: собаки, кошки, домашние птицы и так далее [5, с. 57]. Данные породы собак применяются также при совершении разбоя и других преступлений.

Теперь хотелось бы обратиться к судебной практике. Судебную практику по применению животных в качестве предметов, используемых в качестве оружия, чаще всего можно встретить по ч. 2 ст. 162 УК РФ. Так, приговором Сакского районного суда Республики Крым от 12 декабря 2019 года Мосур А.Н. был осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ. В приговоре указывается, что Мосур А.Н. использовал в качестве оружия свою собаку, способную причинить вред жизни и здоровью человека, которая правильно реагировала на команды – при команде: «Фас» в сторону потерпевшей, собака начинала лаять на указанное лицо, показывая уверенное поведение и готовность произвести хват, то есть атаковать ее. При возникновении данной ситуации собака может причинить вред здоровью человека. Тем самым, подсудимый применял собаку, создающую реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшей, в качестве оружия [10].

При этом в приговоре Киселёвского городского суда Кемеровской области от 07 сентября 2017 года действия обвиняемых были переквалифицированы с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, был исключен признак применение предмета, используемого в качестве оружия, в связи с тем в судебном заседании доказательств данному обстоятельству не добыто, поскольку использование собаки, которая

представляла бы реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшей и была использована подсудимыми как предмет в качестве оружия, в отсутствие причинения собакой каких-либо телесных повреждений, а также повреждений на одежде потерпевшей, не имеется, достоверных и допустимых данных, которые бы содержали сведения о породе собаки, её возрасте, размере, характере, о возможности выполнении ею команд и дрессуры с целью нападения на потерпевшую или иных лиц, не установлено, ... собака Моисеева Д.П. фактически не выполняла команды, а воспринимала действия подсудимых и потерпевшей в виде игры [11].

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что животные могут выступать как в качестве орудий, так и средств совершения преступлений, например, при разбое и хулиганстве (поскольку в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по указанным категориям преступлений животные указываются в качестве предметов, используемых в качестве оружия), кроме того, животные могут быть также использованы при совершении иных преступлений.

Список литературы:

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008. – 720 с.
2. Козаченко, И. Я. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 430 с.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 624 с.

4. Крапчатова, И. Н. Уголовно-правовая характеристика применения животных в качестве орудий и средств совершения преступлений / И. Н. Крапчатова, В. А. Цветков // Закон и право. – 2024. – № 5. – С. 253-259.

5. Плешаков, А. М. Использование животных при хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 3(98). – С. 55-59.

6. Плешаков, А. М. Дифференциация уголовной ответственности за преступления с использованием животных: теоретический и прикладной анализ // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 1(217). – С. 206-209.

7. Федеральный закон от 30.12.2020 № 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс»

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // СПС «КонсультантПлюс»

10. Приговор Сакского районного суда Республики Крым от 12 декабря 2019 года по делу № 1-323/2019 // URL: https://saki--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11858700&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 27.07.2024).

11. Приговор Киселёвского городского суда Кемеровской области от 07 сентября 2017 года по делу 1-125/2017 // URL: https://kiselevsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=100153138&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 27.07.2024).

Сариев Георгий Спартакович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
sariev.georgy@mail.ru
Sariev Georgy
Saratov State Academy of Law
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТАХ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема уголовно-правовых запретов в сфере незаконной миграции. Анализируются уголовно-правовые нормы, применяемые к лицам, нарушающим миграционное законодательство, и способы оптимизации уголовно-правового регулирования борьбы с незаконной миграцией.

Ключевые слова: миграция, организация незаконной миграции, противодействие незаконной миграции, пересечение государственной границы, миграционное законодательство, фиктивная регистрация, фиктивная постановка на учет.

ON THE CRIMINAL LAW PROHIBITIONS OF ILLEGAL MIGRATION

Annotation: this article examines the problem of criminal law prohibitions in the field of illegal migration. The article analyzes the criminal law norms applied to persons violating migration legislation and ways to optimize the criminal law regulation of combating illegal migration.

Key words: migration, organization of illegal migration, countering illegal migration, crossing the state border, migration legislation, fictitious registration, fictitious registration.

В связи с событиями, происходящими повсеместно в мире и влияющими на все сферы общественной жизни, в настоящее время наблюдается высокий рост миграционных процессов. Анализ статистических данных показал, что в период с января по декабрь 2023 года на территории Российской Федерации было зафиксировано свыше 3 миллионов человек нелегальных мигрантов [1]. Стоит сказать, что, несмотря на достаточно подробное изучение правоведами вопросов, касающихся миграции, единого определения миграционных процессов по-прежнему не выработано. Хотя они, как справедливо отмечает Кодзокова Л. А., «выступают в роли индикатора, показывающего уровень жизненного благополучия в том или ином государстве» [13, с. 198]. Кроме того, как отмечает Нуралиев Н. А. «для обозначения мигрантов, осуществляющих перемещение в нарушение законодательства и без соответствующего разрешения властей, также существует довольно много терминов. Их именуют и мигрантами с незаконным статусом, и нелегальными мигрантами, и незаконными мигрантами, и лицами с неурегулированным статусом» [14, с. 129]. Мировая миграция, с одной стороны, оказывает положительное воздействие на государство, поскольку, во-первых, происходит восполнение кадрового дефицита на рынке труда, а во-вторых, способствует решению различных задач, возникающих в рыночной системе. С другой стороны, отсутствие должного контроля за данным процессом со стороны государственных органов приводит к росту новых криминальных угроз, дестабилизации социального и экономического положения в стране. Так, нередко имеет место быть нелегальная миграция – она представляет собой «перемещения через границы территориальных образований, совершаемые с

нарушением действующего законодательства». [12, с. 905]. Все это, в своей совокупности, делает данную проблему на сегодняшний день наиболее актуальной.

За 2023 год доля преступлений, совершаемых мигрантами, составила около 2% от общего числа всех преступлений. Российский Институт демографии, миграции и регионального развития выяснил, что иностранные граждане и лица без гражданства совершили 40,15 тыс. преступлений, что составляет 2,04% от общего числа зарегистрированных преступлений в России [2].

В ответ на это государство ужесточило меры контроля и регулирования миграционных процессов. Вопросы миграции в основном регламентируются Федеральным законом «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 № 114-ФЗ [3], который устанавливает порядок пересечения Государственной границы РФ. Уголовно-правовые запреты незаконной миграции закреплены в статьях 322-322.3 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Однако в текущем миграционном законодательстве выявлены значительные пробелы и недостаточное количество нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу. В связи с этим разрабатывается законопроект, который будет регулировать правила пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ [4].

Статья 322 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за незаконное пересечение Государственной границы РФ. Данная норма направлена на защиту неприкосновенности Государственной границы РФ и соблюдение установленных правил ее пересечения иностранными гражданами и лицами без гражданства. Ч. 1 указанной статьи запрещает пересечение Государственной границы РФ без документов, подтверждающих право на въезд или выезд, либо без специального разрешения, полученного в установленном законодательством РФ порядке.

М.Н. Урда предлагает дополнить эту норму, включив в нее признак совершения деяния «с обманным использованием действительных документов третьих лиц» [5, с. 30]. Это предложение обосновано, поскольку в настоящее время наблюдаются изменения в характере преступности, что приводит к возникновению новых способов совершения преступлений.

Уголовная ответственность за организацию незаконного пересечения Государственной границы РФ предусмотрена статьей 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции». М.Н. Урда предлагает дополнить эту статью квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [6, с. 155].

В свою очередь, Д.А. Фоменко предлагает формулировку «с использованием средств вычислительной техники» [7, с. 236]. Введение таких дополнений обусловлено повышенной опасностью данных преступлений, поскольку использование информационных технологий значительно усложняет их раскрытие и расследование правоохранительными органами, а также вызывает необходимость введения более строгих наказаний за их совершение.

Уголовная ответственность, закрепленная в статьях 322.2-322.3 УК РФ, охватывает случаи фиктивной регистрации граждан РФ по месту пребывания или проживания в жилых помещениях на территории Российской Федерации. Кроме того, она касается фиктивной регистрации иностранных граждан или лиц без гражданства по месту жительства в жилых помещениях в Российской Федерации, а также фиктивной постановки на учет иностранных граждан или лиц без гражданства по месту пребывания в жилых помещениях в Российской Федерации.

Ввиду схожести признаков деяний, указанных в диспозициях статей 322.2 и 322.3 УК РФ, целесообразно объединить эти нормы, внося следующие изменения: исключить статью 322.2 из УК РФ; изменить название статьи 322.3,

распространив ее действие на случаи фиктивной постановки на учет иностранных граждан (лиц без гражданства) по месту жительства, добавив в название статьи после словосочетания «по месту пребывания» слово «(проживания)»; сформулировать диспозицию нормы статьи 322.3 следующим образом: «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания (проживания) в Российской Федерации путем предоставления заведомо недостоверных (ложных) сведений или документов при постановке на миграционный учет лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние» [6, с. 210].

Полагаем, что указанные статьи объединены единым умыслом – осуществление фиктивной регистрации (постановки на учет) по одному и тому же месту пребывания или месту жительства одновременно двух или более граждан РФ, иностранных граждан или лиц без гражданства. Эти деяния совершаются сходными субъектами преступления и характеризуются неразрывными взаимосвязанными действиями, что обуславливает необходимость их объединения для устранения квалификационных сложностей на практике.

П.А. Акименко отмечает, что в уголовном законодательстве РФ отсутствует ответственность для иностранных граждан и лиц без гражданства за фиктивную регистрацию или постановку на учет в жилом помещении на территории РФ. Это противоречит конституционным принципам справедливости и равенства всех перед законом и судом, вызывая негативную реакцию у граждан РФ, так как за одно и то же правонарушение граждане РФ несут наказание, а иностранные граждане и лица без гражданства остаются безнаказанными [8, с. 101]. На наш взгляд, для решения выявленной проблемы следует включить в статьи 322.2-322.3 УК РФ часть, касающуюся совершения этих деяний специальным субъектом, сформулировав ее следующим образом: «Те же деяния, совершенные иностранным лицом или лицом без гражданства».

Р.Л. Рашитов подчеркивает важность введения в УК РФ новой статьи 322.4 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина (лица без гражданства) лицом, подвергнутым административному наказанию»: Привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, при отсутствии у них установленных законом разрешительных документов, лицом, подвергнутым административному наказанию [9, с. 223]. По нашему мнению, такое нововведение повысит эффективность предупредительных мер как в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, так и в отношении работодателей, нарушающих закон [10, с. 158]. Административная ответственность, установленная КоАП РФ, представляется недостаточной из-за несоразмерности штрафных санкций совершенным правонарушениям. Она не отвечает целям и задачам превенции, из-за чего работодатели продолжают нарушать законодательство в сфере миграции.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что изменение диспозиций, ужесточение наказаний, добавление дополнительных частей в статьи 322-322.3 УК РФ, а также разработка новой статьи, предусматривающей ответственность за незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина (лица без гражданства) лицом, ранее подвергнутым административному наказанию, могли бы существенно сократить количество подобных преступлений. Кроме того, целесообразно разработать Миграционный кодекс РФ для систематизации и объединения положений различных нормативных правовых актов в одном документе [11, с. 158].

В заключение также следует отметить, что стремление к глобализации хотя и упростило процесс перемещения людей между странами, но, тем не менее, как справедливо указывает Рашитов Л.Р. «не могло не привести к интернационализации такого социального негативного явления, как преступность» [15, с. 214].

В этой связи, регулирование миграционных процессов и борьба с нелегальной миграцией являются одними из ключевых задач миграционной политики в Российской Федерации. Законодательные органы страны должны сосредоточить усилия на совершенствовании уголовно-правовых норм, устранении пробелов в текущем миграционном законодательстве, разработке новых нормативных правовых актов и разработке конкретных мероприятий по выявлению, пресечению и предупреждению вовлечения иностранцев в преступную деятельность на территории Российской Федерации.

Осуществление миграционных процессов в соответствии с законодательством РФ будет способствовать экономическому росту страны, а также обеспечит значительный потенциал для развития гражданского общества и укрепления правового государства.

Список литературы:

1. Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2023 года // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542> (дата обращения: 27.03.2024).
2. В институте РАН оценили уровень преступности среди мигрантов в России // URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c4dd649a794779c7f85100> (дата обращения: 27.03.2024).
3. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6164.
4. Власти России готовят жесткие правила для мигрантов // URL: <https://ura.news/articles/1036288657> (дата обращения: 31.03.2024).

5. Урда М. Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное пересечение Государственной границы // Уголовная юстиция. 2017. № 9. С. 30-36.
6. Урда М. Н. Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2023. 393 с.
7. Фоменко Д. Д. О квалифицирующих признаках организации незаконной миграции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 234-237.
8. Акименко П. А. Анализ уголовно-правовых норм, закрепленных в статьях 322.2 и 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 4. С. 97-103.
9. Рашитов Л. Р. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям в сфере незаконной миграции // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 222-225.
10. Зарина А.М., Волкова О.А. Проблемы уголовно-правового регулирования миграции в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 5. С. 57-61.
11. Прудников А.С., Новожилов Д.А. О некоторых аспектах противодействия незаконной миграции: вопросы теории и практики // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 158-161.
12. Слободчикова Д. В., Строева Г.Н. Миграция населения: теоретические аспекты // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2016. Т. 7. № 4. С. 900 – 907.
13. Кодзокова Л. А. Миграционные процессы: понятие, сущность, значение // Образование и право. 2022. №2. С. 198-202.
14. Нуралиев Н. А. Миграционные процессы: виды, факторы и причины развития // Известия вузов. №1. 2014. С. 128-132.

15. Рашитов Л.Р. Понятие, состояние и структура преступности мигрантов в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. №2 (44). С. 214-219.

УДК 343.12

Соромотина Владислава Алексеевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

Soromotina.kat@gmail.com

Титов Павел Михайлович

Уральский юридический институт МВД России

Кафедра оперативно-разыскной деятельности

Россия, Екатеринбург

titov1995@ya.ru

Soromotina Vladislava

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

Titov Pavel

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Department of Operative and Investigative Activity

Russia, Ekaterinburg

**ОРГАНИЗАЦИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ПРОВЕДЕНИЮ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И
ДОКУМЕНТИРОВАНИЮ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРАФАКТНОЙ
АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ**

Аннотация: в настоящее время отрасль экономики, которая связана с алкогольной продукцией является наиболее прибыльной, именно по этой причине данная отрасль привлекает преступный элемент. Статистика правоохранительных органов указывает на рост криминализации оборота

алкогольной продукции и спиртосодержащей продукции. Актуальность темы подчеркивается и резонансными случаями, которые происходят в различных регионах Российской Федерации. В статье обозначаются условия для повышения эффективности деятельности подразделений ЭБиПК по выявлению и документированию преступлений, совершенных в сфере незаконное производство и оборот алкоголя.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, документирование, контрафакт, алкогольная продукция.

ORGANIZATION AND CURRENT ISSUES IN CONDUCTING OPERATIVE-SEARCH ACTIVITIES AND DOCUMENTING THE SALES OF COUNTERFEIT ALCOHOL PRODUCTS

Annotation: currently, the branch of the economy that is associated with alcoholic products is the most profitable, it is for this reason that this industry attracts a criminal element. Law enforcement statistics indicate an increase in the criminalization of trafficking in alcohol and alcohol-containing products. The relevance of the topic is also emphasized by high-profile cases that occur in various regions of the Russian Federation. The article outlines the conditions for increasing the efficiency of the activities of EBiPK units in identifying and documenting crimes committed in the field of illegal production and trafficking of alcohol.

Key words: law enforcement, operational search activity, law enforcement agencies, law enforcement, documentation, counterfeit, alcoholic products.

Контрафактная алкогольная продукция является одним из активных направлений преступной деятельности в составе ОПГ и ОПС. При этом, в группы включаются лица, как организовавшие данную преступную деятельность, так и лица, которые непосредственно занимаются обыденной

хозяйственной деятельностью. Также данная деятельность носит межгосударственный характер, особенно в приграничных районах Российской Федерации.

Преступные группы извлекают огромную прибыль из-за незаконного производства и реализации алкогольной и спиртосодержащей продукции. Как выделял в своей работе Д. Ф. Флоря: «Этот нелегальный бизнес оказывает большое влияние не только на здоровье населения, но и на бюджетобразующую часть экономики государства, так как на продажу алкогольной и спиртосодержащей продукции устанавливаются налоги и акцизы» [1, с. 121-122]. Данная отрасль экономики требует от оперативных сотрудников ЭБиПК наличие специальных познаний в осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

В настоящее время часто встречаются экономические преступления, связанные с производством, незаконным оборотом, хранением, а также реализацией алкогольной продукции, которая не отвечает требованиям Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». Так же актуальность данной статьи подтверждает то, что «паленый» алкоголь может причинить тяжкий вред здоровью человека, что подтверждает случай массового отравления людей спиртосодержащей жидкостью «боярышник» который произошел в Иркутской области, в результате которого погибло порядка 41 человека. Еще один резонансный случай произошел в городе Екатеринбурге Свердловской области, в результате которого пострадало более 10 человек. Данная статистика указывает на сложную экономическую и социальную ситуацию в обществе.

Цель данной статьи – это подбор оптимальной оперативной комбинации для предупреждения, профилактики и раскрытия преступлений, предусмотренные ст. 171.1, 171.3, 171.4, 238 Уголовного кодекса Российской

Федерации (далее - УК РФ), а также обоснование необходимости практического применения перечня оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Социальная необходимость решения данной конкретной ситуации вынуждает правоохранительные органы применять альтернативные и активные комплексы мероприятий, который будет решать практические проблемы, связанные с предупреждением, профилактикой и раскрытием экономических преступлений, предусмотренных ст. 171.1, 171.3, 171.4, 238 УК РФ.

Выявление преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции – это комплекс оперативно-розыскных мероприятий, связанных с получением первичной оперативной информации о фактах незаконного производства и реализации алкогольной продукции, а также лиц причастных к совершению данных действий.

Документирование заключается в проверке первичной информации, сборе информации, а также фиксации результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий, которые требуют последующей оценки оперативными сотрудниками.

Для решения проблем по предупреждению, профилактике и раскрытию экономических преступлений, предусмотренных ст. 171.1, 171.3, 171.4, 238 УК РФ целесообразно проводить следующую оперативную комбинацию, которая состоит из четырех оперативно-розыскных мероприятий: наведение справок, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи.

Наведение справок – это оперативно-розыскное мероприятие, которое направлено на получение информации о конкретном лице, об определенных обстоятельствах или фактах, решающие задачи оперативно-розыскной деятельности по средствам изучения документов, баз данных, направления

запросов как в учреждения и организации, так и конкретным лицам, располагающим какой-либо оперативно-значимой информацией [2].

Данное оперативно-розыскное мероприятие нужно проводить при получении какой-либо первичной информации для того, чтобы получить оперативные сведения о лице. При помощи наведения справок мы можем узнать: где работает интересующее нас лицо, автомобиль на котором оно передвигается, материальное и имущественное положение, адрес фактического проживания, судимость, счета в банках, номера телефонов, которым непосредственно пользуется интересующее лицо. При этом, чаще всего такие номера регистрируются на других лиц, что значительно усложняет сбор информации.

Документирование и дальнейшие оперативное сопровождение полученной информации осуществляется в рамках ДОУ. Наведение справок не требует санкционирования, но может решить множество задач ОРД как на начальной стадии, так и на ее последующих стадиях.

При получении информации о производстве, хранении и реализации контрафактной алкогольной продукции нам нужно узнать информацию относительно личности. Например, его имя, адрес регистрации и т.д. Либо относительно имущества. Например, имеется информация о складе, в котором находится контрафактный алкоголь. Необходимо узнать, кому принадлежит помещение, а также в чьем пользовании оно находится.

Большой круг оперативных задач может решить такое оперативно-розыскное мероприятие, как наблюдение. Наблюдение не требует санкционирования за исключением скрытого наблюдения, которое требует ведомственного санкционирования. При помощи данного оперативно-розыскного мероприятия, возможно определить, в чьем пользовании находится склад. Для проведения скрытого наблюдения необходимо подготовить необходимый пакет документов в специальное оперативное подразделение [3].

После чего, все результаты оформляются заключением специального подразделения и направляется оперативному сотруднику ЭБиПК, который подшивает заключение к ДОУ.

Наблюдение может осуществляться как при помощи специальных технических средств фиксации (например, фото-, видеосъемка), так и при помощи визуального восприятия самого сотрудника. В данном случае оперативно-розыскное мероприятие оформляется при помощи рапорта или справки, при этом прилагаются все аудио-, фото- или видеоматериалы. При документировании данной категории преступлений целесообразно использовать комплексное наблюдение. Проведение таких мероприятий позволит на раннем этапе решить большую часть оперативно-розыскных задач.

В рамках оперативного сопровождения, с целью получения дополнительной оперативной информации, необходимо использовать полный перечень оперативных мероприятий судебного санкционирования, при этом необходимо постоянно осуществлять наступательные действия (использовать принцип наступательности).

Специальные знания часто требуются на этапе подготовки к реализации индивидуальных оперативных комбинаций, включая тщательную организацию таких оперативно-розыскных мероприятий, как проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, оперативное внедрение. Проведение и подготовка операций требует тщательной подготовки и привлечения специалиста, как отмечал Д. Ф. Флоря [4, с. 90].

Помощь специалиста, участвующего в оказании помощи органам внутренних дел, может включать в себя действия о применении технико-криминалистики совместный осмотр предметов, материалов, веществ, изделий, оборудования и документов, а также образцов для сравнения или контроль, их обнаружение, фиксация, упаковка и изъятие. Также может помочь специалист при отображении в оперативно-служебном документе индивидуализированных

характеристик введенных объектов, их характеристики и состояние на момент ввода.

Таким образом, на основании вышеизложенного, следует сделать вывод, что в настоящее время отрасль экономики, которая связана с алкогольной продукцией является наиболее прибыльной, поэтому она привлекает преступность.

В целях улучшения проведения оперативно-розыскных мероприятий и документирования реализации контрафактной алкогольной продукции подразделениям ЭБиПК необходимо:

1) осуществлять регулярные семинары, по обмену опытом между регионами. Так, например, в Свердловской области проводится один комплекс мероприятий, который отличается от комплекса мероприятий, которые проводятся в Республике Башкортостан. При этом, в различных оперативных ситуациях реализация одного комплекса оперативно-розыскных мероприятий показывает свою эффективность перед другим, а в других оперативных ситуациях – другой комплекс;

2) осуществлять направление сотрудников ЭБиПК на обучение по дополнительным программам повышения квалификации;

3) разработать Центральным аппаратом методики осуществления работы по данному направлению оперативными сотрудниками ЭБиПК, что позволит выделить и реализовать передовые методы работы.

Список литературы:

1. Флоря Д. Ф. Использование специальных познаний при выявлении и документировании преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции / Д. Ф. Флоря // Академическая мысль. – 2019. – № 3(8). – С. 121-124.

2. Стельмах В.Ю., Титов П.М. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве // Сер. Уголовный процесс. Москва, Юрлитинформ, 2020. – 344 с.
3. Титов П.М. Роль специальных оперативных подразделений в сборе и закреплении доказательств // В сборнике: Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXIV международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 162-164.
4. Флоря Д. Ф. Использование специальных познаний при выявлении и документировании преступлений в сфере незаконного производства и оборота алкогольной продукции / Д. Ф. Флоря, И. И. Суханов // Современное общество и право. – 2017. – № 3(28). – С. 87-92.
5. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1978. – 190 с.
6. Зувев Е.И. Непроцессуальная помощь сотрудника криминалистического подразделения следователю. М., 1975. – 39 с.

Трубеева Мария Сергеевна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

Mari.trubeeva@mail.ru

Trubeeva Maria

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КРАЖА ЛИЧНОСТИ» И МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: в статье автором рассматривается такое понятие, как «Кража личности» и его применимость и охват действующими нормами Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются основные элементы состава, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, а также вопрос необходимости введения отдельной нормы для преступлений, совершаемых с незаконным использованием чужих персональных данных.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, «кража личности», мошенничество, преступление, персональные данные, компьютерная информация.

THE RATIO OF THE THEORIES OF «IDENTITY THEFT» FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Annotation: in the article, the author examines such a concept as "Identity theft" and its applicability and coverage by the current norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The main elements of the composition provided for in Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed, as well as the

question of the need to introduce a separate rule for crimes committed with the illegal use of other people's personal data.

Key words: The Criminal Code of the Russian Federation, "identity theft", fraud, crime, personal data, computer information.

Под «кражей личности» стоит понимать преступление с использованием чьей-либо персональной информации с целью выдать себя за иного человека и получить деньги или товары на его имя. Англоязычный термин "identity theft" был введен в оборот в конце XX века и дословно переводится как «кража личности». По причине трудности перевода термина, в некоторых источниках также может встречаться иная, более точная формулировка феномена – «кража идентичности». Значение термина варьируется в зависимости от различных контекстов, что необходимо учитывать при квалификации того или иного киберпреступления. Специалисты кибербезопасности определяют «кражу личности» как мошенничество, которое заключается в получении персональных или финансовых данных пользователей с целью использовать личное имя или удостоверение личности человека для осуществления финансовых операций или покупок [4].

Кроме того, «кража личности» является злодеянием, которое предоставляет возможность совершать другие общественно опасные деяния более эффективно. Мошенники используют украденные номера банковских карточек для покупки имен, адресов, номеров социального страхования через посредников, и затем применяют добытую незаконным путем персональные данные для совершения кражи личности. Персональные данные, как указано в п. 1 ст. 3 ФЗ «О персональных данных» представляют собой любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [4] и

состоят из гораздо большего, чем личное имя, дата рождения потенциальной жертвы.

Появление ранее неизвестных приемов совершения киберпреступлений создало разногласия на почве дифференциации важнейших терминов, характеризующих правонарушения с использованием персональной информации. В настоящее время не существует единого мнения о синонимичности понятий «кражи личности» и мошенничества. Хотя по сути своей при совершении «кражи личности» имеет место хищение. Но оно имеет признаки мошенничества, причем этот новый вид хищений, очевидно, предполагает совокупность и с деяниями, посягающими на компьютерную безопасность.

Данная разновидность мошенничества в литературе получила название фишинг. В дальнейшем он стал применяться для обозначения интернет-мошенничества, суть которого заключается в попытке установления представляющих для нарушителей интерес тех или иных персональных данных потенциального потерпевшего для последующего доступа к его банковским средствам с целью завладения ими [2].

Обязательным признаком объективной стороны мошенничества является передача виновному жертвой, причем добровольно, предметов собственности или права на них, осуществляемый им под влиянием обмана (как активного, так и пассивного)» либо злоупотреблением доверием. При этом потерпевший от мошеннических действий всегда ошибочно полагает, что действует в своих интересах. Однако, при совершении преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ предполагается совершение активных действий со стороны субъекта преступления. также, участвовавшие в последние несколько лет преступления, связанные с мошенническими операциями, в том числе и с пластиковыми картами, в некоторой степени, в качестве стал выступать не только владелец средств, но и банк. Это вытекает из содержания ФЗ «О национальной

платежной системе», ст. 9 которого обязывает банк, как оператора по переводу денежных средств, возместить клиенту противоправно списанные с платежной карты средства [6].

Мошенничество в сфере компьютерной информации прежде всего посягает на отношения, связанные с собственностью, о чем свидетельствует включение нормы, предусматривающей ответственность за его совершение, в главу 21 УК РФ. Однако также существуют правоотношения, обеспечивающие информационную безопасность.

Таким образом, представляется, что ст. 159.6 УК РФ в диспозиции охватывает такое понятие как «кража личности», т.к. альтернативных деяний нет и введение отдельной нормы, предусматривающей ответственность только за «захват» персональных данных лица по сути своей охватывается ст. 217 УК РФ, а объектом ст. 159.6 УК РФ как раз является собственность лица, полученная с использованием компьютерной информации. Конечно не стоит забывать, что «кража личности» может совершаться и иными способами, тогда вероятнее всего будет иметь место только состав, предусмотренный ст. 217 УК РФ. Процесс развития технологических средств коммуникаций и глобальное перемещение информации в Интернет также повлек появление новейших средств совершения преступлений. Разного рода персональные данные в виртуальной среде нуждаются в защите путем ограничения и регулирования доступа к подобной информации.

Список литературы:

1. Курто, Я. А. «Кража личности» в структуре киберпреступности / Я. А. Курто // Цифровая трансформация и права человека: тренды, вызовы, решения: сборник материалов международного конкурса студенческих научных работ, Санкт-Петербург, 01–15 декабря 2022 года. – Санкт-Петербург: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-

Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», 2022. – С. 117-132. – EDN RWUMUQ.

2. Атагимова Эльмира Исамудиновна, Потемкина Анна Трофимовна, Цопанова Индира Георгиевна «кража личности» как самостоятельное преступление или разновидность мошенничества // Правовая информатика. 2017. №3.

3. Фоменко, А. И. Виды мошенничества в сети Интернет и проблемные аспекты его квалификации / А. И. Фоменко, М. О. Пухкалова, И. А. Семенцова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 10(161). – С. 123-127.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.

5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954

6. Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2024) // «Собрание законодательства РФ», 04.07.2011, N 27, ст. 3872.

УДК 343.711

Чуйкин Михаил Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

chms200329@mail.ru

Chuikin Mikhail

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Yekaterinburg

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ И НАХОДКИ

Аннотация: в статье автор ставит и рассматривает проблему квалификации кражи и находки, анализирует данные понятия, выявляет критерии, позволяющие ее осуществить, а также проводит анализ судебной практики по данному вопросу. Определяет совокупность условий, при которых деяние будет считаться кражей, а не находкой.

Ключевые слова: находка, кража, чужое имущество, присвоение, судебная практика.

ON THE QUESTION OF THE QUALIFICATION OF THEFT AND FIND

Annotation: in the article, the authors pose and consider the problems associated with the search for theft and finds, analyze these concepts, identify estimated, justified justifications for it, and also analyze judicial practice on this issue. Defines a set of conditions under which an act will be considered theft, not a find.

Key words: find, theft, other people's property, misappropriation, judicial practice.

Перед юридической наукой стоит проблема разграничения кражи и находки. Неточности в законодательстве приводят к тому, что для правоприменителя становится сложно или невозможно отличить одно от другого. Поэтому необходимо выявить критерии, которые бы позволили разграничить данные понятия.

В соответствии со статьей 158 УК РФ, под кражей понимается: «тайное хищение чужого имущества» [2]. В примечании законодатель раскрывает смысл понятия «Хищение», понимая под ним: «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного лица или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». Кроме того, принято постановление пленума Верховного Суда РФ, в котором кража рассматривается как: «действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц, либо в их присутствии, но незаметно для них».

Кража отличается от грабежа и разбоя, прежде всего своей тайностью и отсутствием опасности для жизни и здоровья потерпевшего [1].

За кражу, как и за другие виды преступлений, установлена уголовная ответственность [4].

Таким образом, можно выделить следующие признаки такого преступления как кража: «тайность, противоправность совершаемого лицом деяния, безвозмездность, изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или иных лиц, умысел на завладение чужим имуществом, причинение ущерба собственнику, наличие у виновного корыстной цели» [3].

Дать определение понятию «находка» можно, обратившись к статье 227 ГК РФ: под находкой понимается потерянная вещь, которая найдена лицом, не обладающим правом собственности на нее. В соответствии с частью 1 статьи 228 ГК РФ, нашедший приобретает право собственности на найденное благо,

если в течение 6 месяцев после обращения в полицию или органы МСУ, собственник вещи не будет установлен.

Находка несколько отличается от других близких способов приобретения права собственности, например, таких как обращение общедоступных вещей или приобретение права собственности на бесхозную вещь, клад, тем что, во-первых, существует собственник, который предположительно заинтересован в возвращении вещи [5], а во-вторых, существуют признаки, позволяющие определить вещь как потерянную, а не оставленную.

Предметом, как кражи, так и находки, является некое материальное благо. При обычной ситуации, когда благо находится непосредственно у собственника или по его месту жительства, не возникает вопросов по поводу квалификации данного преступления, так как преступник, совершая его, явно показывает свое намерение завладеть чужим имуществом. Если же имущество собственника потеряно или оставлено, то перед правоприменителем встает проблема, как квалифицировать действия лица, взявшего по тем или иным причинам не принадлежащее ему благо.

Обратимся к судебной практике, чтобы узнать, как данные ситуации разрешаются правоприменителем.

Так, Георгиевский городской суд вынес обвинительный приговор по части 2 статьи 158 УК РФ. Суть дела заключалась в том, что обвиняемая забрала кошелек, оставленный потерпевшей на столике в магазине. Не сообщив о своей находке, первая забрала кошелек себе. После вынесения приговора адвокат осужденной направил апелляционную жалобу в Ставропольский краевой суд. Рассмотрев жалобу, суд отменил приговор, так как пришел к выводу, что в действиях обвиняемой отсутствовал умысел на завладение вещью, тем самым состав преступления отсутствовал, а данные действия подсудимой должны квалифицироваться как находка.

То есть, на основании рассмотренной судебной практики, можно сделать вывод о том, что суды по-разному трактуют одно и то же деяние. Причем данное обстоятельство создаёт угрозу, что человек, виновный в преступлении не понесет наказания, и с другой стороны, что уголовная ответственность будет ошибочно наложена на невиновного человека. Кроме того можно выявить основные спорные вопросы, по-разному отвечая на которые, можно по-разному решить дело:

1. Выбыла ли вещь из владения?
2. Имелся ли у обвиняемого умысел на обращение или изъятие вещи?
3. Имел ли предмет признаки, позволяющие установить владельца?
4. Была ли вещь присвоена, пользовался ли подсудимый ей?

Чтобы решить данную проблему, необходимо выделить критерии, которые можно использовать для разграничения находки и кражи.

На основании определения СКУД Верховного суда РФ, можно прийти к выводу о том, что в случае, если вещь не выбыла из владения, а была оставлена ее хозяином на время в месте известном ему, то лицо, нашедшее такую вещь и не сообщившее о своей находке в установленном законом порядке, а также присвоившее ее себе, подлежит уголовной ответственности по ст. 158 УК РФ. Кроме того, в решении суда акцентируется внимание на предмете хищения, а именно на мобильном телефоне, так как он, находясь в рабочем состоянии, имел признаки, позволяющие идентифицировать владельца.

Первым критерием, может служить наличие или отсутствие тайности. Например, если человек, каким либо образом сообщил о находке, он явно продемонстрировал отсутствие умысла на совершение кражи, так как субъект своими действиями способствовал возвращению вещи владельцу. Поэтому в случае, если до истечения срока приобретательной давности лицо, нашедшее предмет каким-либо образом присвоит его себе, не будет подлежать уголовной ответственности, так как такой важный компонент кражи как тайность

отсутствует, следовательно, квалифицировать данное деяние как кража не представляется возможным.

Второй критерий заключается в том, присвоил ли обвиняемый вещь себе. Ведь в случае если он, осознавая, что благо ему не принадлежит, использует его в своих интересах, то тем самым обвиняемый наносит ущерб владельцу имущества.

Третьим критерием может являться наличие или отсутствие умысла у лица на совершение данного правонарушения. Таким образом, если органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, будут выявлены факты, свидетельствующие о наличии вины, то действия нашедшего вещь должны будут квалифицироваться как кража.

Четвертый критерий – позволяет ли сама вещь идентифицировать ее владельца.

Пятый критерий – выбыла ли вещь из владения или нет.

Таким образом, в том случае если деяние обвиняемого через тайное присвоение чужого имущества (непосредственное неправомерное использование и/или распоряжение им), носят умышленный характер, то его действия должны квалифицироваться как кража, при условии, что вещь, которой он завладел, не выбыла из владения, а также не имела признаков, позволяющих определить владельца вещи. В случае же, если хотя бы один из критериев отсутствует, деяние не будет образовывать состава преступления.

Список литературы:

1. Аитова А. А. Некоторые вопросы изучения корыстно-насильственной преступности // Проблемы права. – 2018. – № 1(65). – С. 109-113.
2. Башков А. В. Кража имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем: спорный вопрос квалификации // Российский юридический журнал. – 2014. – № 6(99). – С. 70-75.

3. Радченко О.В. Сложные вопросы квалификации хищения в аспекте ограничения от «находки» и «присвоения найденного» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2015. – № 4 (75). – С. 59–65.

4. Сабитов Р. А. Уголовная ответственность и уголовно-правовое поощрение // Москва : Издательство "Юрлитинформ", 2022. – С. 448.

5. Шадрина В.В. Разграничение находки от кражи // Инновационное развитие современной юридической науки: материалы II ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора А. П. Лончакова – 2018 – С. 142-147.

6. Постановление пленума верховного суда Российской Федерации № 29г. Москва 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 6 февраля 2007 г. № 7, от 23 декабря 2010 г. № 31, от 3 марта 2015 г. № 9, от 24 мая 2016 г. № 23, от 16 мая 2017 г. № 17 и от 29 июня 2021 г. № 22) [Электронный ресурс]:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/

7. Приговор Георгиевского городского суда от 07.07.2015 г. по делу № 1-310/2015. [Электронный ресурс]: <https://actofact.ru/case-26RS0010-1-310-2015-2015-06-15-2-0/>

8. Апелляционный приговор Ставропольского краевого суда от 02.09.2015 г. по делу № 22-4322/2015. [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/137543921/>

9. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2017. по делу № 75-УД17-2. [Электронный ресурс]: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19042017-n-75-ud17-2/>

УДК 349.2

Израловский Николай Романович
Санкт-Петербургский государственный университет

Юридический факультет

Россия, Санкт-Петербург

Nikolay-Izralovsky@yandex.ru

Izralovsky Nikolay

St. Petersburg University

Faculty of Law

Russia, St. Petersburg

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ДОСТОЙНОГО ТРУДА В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА МИНИМАЛЬНОГО РАЗМЕРА ОПЛАТЫ ТРУДА

Аннотация: в настоящей статье автор поднимает вопрос формирования концепции достойного труда, а также имплементации ее в законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Минимальный размер оплаты труда, являясь элементом достойной заработной платы, играет важную роль в формировании условий труда, которые будут достойны человека, именно поэтому автор сосредотачивается на данном институте. Последовательно рассматривая законодательство Российской Федерации, затем Китайской Народной Республики, автор приходит к выводу о перспективности сотрудничества двух стран в целях развития института минимальной заработной платы и более эффективном внедрении концепции достойного труда.

Ключевые слова: минимальная заработная плата, прожиточный минимум, достойный труд, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Международная Организация Труда.

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF DECENT WORK IN RUSSIAN AND CHINESE LEGISLATION ON THE EXAMPLE OF THE INSTITUTE OF MINIMUM WAGES

Annotation: in this article the author raises the issue of formation of the concept of decent labour, as well as its implementation in the legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China. The minimum wage, being an element of decent wages, plays an important role in the formation of working conditions that will be worthy of a person, that is why the author focuses on this institution. Consistently reviewing the legislation of the Russian Federation, then the People's Republic of China, the author concludes that cooperation between the two countries is promising for the development of the minimum wage institution and more effective implementation of the concept of decent work.

Key words: minimum wage, living wage, decent work, Russian Federation, People's Republic of China, International Labour Organization.

В соответствии с частью 4 пункта 19 раздела IV Концепции внешней политики России, утвержденной Президентом РФ 31 марта 2023 года, в целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственного объединения БРИКС [1]. По итогам XV Саммита, прошедшего в августе 2023 года в Йоханнесбурге, главы Договаривающихся государств отметили необходимость сотрудничества всех стран в области поощрения и защиты прав

человека и основных свобод в соответствии с принципами равенства и взаимного уважения [2].

Для настоящего сравнительно-правового исследования из стран БРИКС автором для анализа законодательного регулирования института минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) была выбрана Китайская Народная Республика, поскольку ее Российская Федерация полагает своим ключевым партнером на Евразийском континенте (п. 52 Концепции внешней политики РФ) [1]. Действительно, взаимоотношения России и Китая всесторонне развиваются, что подтверждается продлением Договора о добрососедстве и сотрудничестве в 2021 году. В соответствии со статьей 18 данного Договора, Россия и Китай «сотрудничают в деле содействия осуществлению прав человека и основных свобод в соответствии со своими международными обязательствами и национальным законодательством каждой из них», а также «предпринимают эффективные меры, гарантирующие законные права и интересы юридических и физических лиц одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны, а также оказывают друг другу необходимую правовую помощь по гражданским и уголовным делам» [3].

Принимая во внимание указанные обстоятельства, опыт Китая в области регулирования института минимального размера оплаты труда важен для России с точки зрения, во-первых, совершенствования собственного законодательства, и, во-вторых, в целях углубления сотрудничества с Китаем в рамках двусторонних отношений и отношений внутри организации БРИКС.

Оба государства подчеркивают необходимость реализации правовых механизмов, утвержденных Организацией Объединенных Наций, в этой связи целесообразно обратиться к целям Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятой ООН в 2015 году [4]. Цели 8 направлена на «содействие поступательному, всеохватному и устойчивому

экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех» [4], подчеркивая важность обеспечения равенства в оплате труда равной ценности и защиты трудовых прав. Цель 10 предполагает «сокращение неравенства внутри стран и между ними» [4], подчеркивая значение роста доходов у 40% наименее обеспеченных категорий населения, ликвидации дискриминации, принятия мер в сфере налогообложения, оплаты труда и социальной защиты, и постепенного достижения большего равенства.

Способствовать достижению этих целей может эффективный механизм установления МРОТ. Он может помочь обеспечить равное и справедливое распределение результатов прогресса среди всех [5], а также обеспечить минимальной заработной платой всех нуждающихся [6].

Российская Федерация является государством-членом Международной организации труда (1934-1940 гг., 1954 г. – н.в.). На сегодняшний день Россия ратифицировала 64 конвенции, среди которых все 10 фундаментальных конвенций [7]. основополагающее соглашение в области оплаты труда – Конвенция №100 «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности», – распространило принципы уважения личности на трудовые отношения в области оплаты труда. Такой подход стал логическим продолжением принципов, закреплённых статьей 23 Всеобщей декларации прав человекам [8]: каждый человек имеет право на труд, свободный выбор работы, справедливые и благоприятные условия труда и защиту от безработицы, каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд, каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения.

Фактически данными положениями раскрыто содержание принципа уважения личности в области оплаты труда, составной частью которой является

МРОТ. По своей сути МРОТ должен обеспечивать адекватную защиту всех работников, состоящих в трудовых отношениях, включая женщин, молодежь и мигрантов, независимо от характера трудового договора [9]. Всеохватность МРОТ соответствует отраслевым принципам международного трудового права, а именно: равная оплата за труд равной ценности; запрет на дискриминацию по признакам пола, возраста, расы и других; обеспечение достойного человека существования для него самого. В этой связи данный институт трудового права, регулирование которого делегировано национальным законодателям, в полной мере коррелирует с выработанной МОТ концепцией достойного труда. Концепция в настоящем исследовании принимается за обобщение реализации принципа уважения личности в трудовых отношениях, а потому синонимична ему.

Впервые она была сформулирована в докладе Генерального Директора МОТ Хуан Сомавия на 87-й сессии Международной конференции труда в 1999 г. «Миссия МОТ заключается в улучшении условий существования человека в области трудовых отношений. Сегодня наша миссия находит отклик ввиду особой озабоченности людей во времена значительных перемен: поиск возможностей для обеспечения достойного труда. <...> Ключевая цель МОТ сегодня – обеспечить мужчин и женщин достойным и продуктивным трудом на условиях свободы, равенства, безопасности и человеческого достоинства. Это главная задача Организации. Достойный труд фокусируется на четырех фундаментальных положениях: поощрение прав на работе; трудоустройство; социальная защита; и социальный диалог. Эти четыре составляющих должны направлять политику достойного труда и определять ее международную роль в ближайшем будущем» [10].

К настоящему времени выделяются пять основных составляющих достойного труда:

- 1) физические и межличностные безопасные условия труда (например, отсутствие физического, психического или эмоционального насилия);
- 2) продолжительность рабочего времени, которая позволяют иметь свободное время и адекватный отдых;
- 3) организационные ценности, согласующиеся с семейными и социальными ценностями;
- 4) адекватная компенсация;
- 5) доступ к адекватному медицинскому обслуживанию [11].

В отношении МРОТ концепция достойного труда применима не только как к составной части оплаты труда как таковой, но и потому, что минимальный размер оплаты труда пропорционально зависит от прожиточного минимума. Прожиточный минимум определяется как уровень заработной платы, при котором работники могут вести осмысленную организационную, личную и общественную жизнь [12]. Следовательно, установленный МРОТ должен быть не ниже прожиточного минимума. В противном случае цель обеспечения человека достойным трудом не достигается: оплата за труд не будет соответствовать условиям жизни в данном регионе, приложенные к труду усилия не будут соотноситься с теми благами, которые могут быть потреблены человеком за полученное вознаграждение за труд.

Таким образом, посредством установления МРОТ государство предоставит своим гражданам необходимое гарантированное базовое материальное обеспечение, на принципах свободы, справедливости и не дискриминации по гендерному, расовому, возрастному признакам.

Российской Федерацией также воспринята в своем законодательстве концепция достойного труда. В целях соблюдения экономических прав человека, Конституция РФ в статье 7 предусматривает, что Российская Федерация социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Сегодня концепция достойного труда рассматривается как основа для дальнейшего развития трудового законодательства РФ. В этой связи обеспечение благоприятных условий труда является одной из составляющих политики социального государства и входит в цели Министерства труда и социального развития. В своем Плане деятельности Министерства труда на 2019 год и плановый период до 2024 года обеспечение достойного труда является целью №1 [13]. Обеспечение соответствия минимального размера оплаты труда входит в данную задачу Министерства труда.

Согласно статье 133 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) минимальный размер оплаты труда устанавливается единый на территории Российской Федерации, сумма которого определяется в соответствии с Федеральным законом от 19.06.2000 №82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» (далее – Закон №82-ФЗ, Закон о «минимальном размере оплаты труда»).

В соответствии с принятой классификацией видов МРОТ в Российской Федерации действует федеральный и региональный МРОТ [9]. Это означает, что на территории всего государства установлен единый МРОТ, с возможностью его увеличения в отдельных регионах (ст. 133.1 ТК РФ). Порядок принятия регионального МРОТ установлен статьями 47 и 133.1 ТК РФ: разработка проекта регионального соглашения о минимальной заработной плате и заключение указанного соглашения осуществляются трехсторонней комиссией по регулированию социально-трудовых отношений соответствующего субъекта Российской Федерации в ходе коллективных переговоров. В Москве в соответствии с Московским трехсторонним соглашением на 2022 – 2024 годы от 30.12.2021 № 77-1352 [14] и Постановлением Правительства Москвы от 20.12.2022 N 2909-ПП [15], минимальный размер оплаты труда составляет прожиточный минимум трудоспособного населения – 24 801 руб. Региональное соглашение о минимальной заработной плате в Санкт-Петербурге на 2023-2024 годы"

(Заключено в г. Санкт-Петербурге 14.11.2023 N 382/23-С) установило региональный МРОТ в 25 000 руб. [16], хотя прожиточный минимум трудоспособного населения в Петербурге составляет 18 023 руб. [17]. Ключевым фактором повышения размера минимальной заработной платы в данных регионах являются, безусловно, социально-экономические показатели. Учитывая, что в целом прожиточный минимум на душу населения в Санкт-Петербурге составляет 16 535 руб., установление указанного МРОТ позволит гражданам, иметь некоторый излишек для улучшения качества своей жизни и обеспечения достойного человека существования.

К социально-экономическим показателям относятся в том числе климатические условия, которые учитываются при подсчетах районных коэффициентов (ч. 2 ст. 146, ст. 148 ТК РФ). Так, в Республиках Бурятия, Якутия, Тыва, Хакасия и других районный коэффициент прибавляется к федеральному МРОТ. Такой подход позволяет реализовать концепцию достойного труда в каждой конкретной местности, уравнивать затраченные усилия в рамках той или иной деятельности с теми благами, которые могут быть потреблены за полученное вознаграждение.

Установление регионального МРОТ не ниже федерального коррелирует концепции достойного труда, поскольку позволяет жителям конкретного региона улучшить свои условия жизни и создать благоприятные предпосылки для личного и общественного развития.

Хотя Россия не ратифицировала Конвенцию МОТ №131 «Об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран», в статьях 1-4 данной Конвенции отмечается необходимость учета национальных особенностей, которые создают препятствия для установления единого МРОТ [18]. В этой связи иной МРОТ также предусматривается для отдельных профессий или профессиональных отраслей. Ряд регионов по итогам коллективных переговоров установил повышенный минимальный размер

оплаты труда для сотрудников внебюджетной сферы: Воронежская область [19], Кемеровская область-Кузбасс [20], Костромская [21], Липецкая [22], Омская [23] и другие области.

Такая дифференциация с одной стороны объяснима экономическими потребностями регионов, с другой стороны, она некоторым образом нивелирует труд работников иных профессий. Постепенное преодоление подобного разделения будет укреплять проводимую политику достойного труда и улучшать качество жизни граждан не зависимо от сферы их трудовой деятельности.

Законодательство Китайской Народной Республики не предполагает единого национального МРОТ, поскольку МРОТ в Китае впервые был введен в 1994 году одновременно с Законом о труде 1994 года (первая редакция). В ходе политики реформ и открытости, начатой по инициативе крыла прагматиков в Коммунистической партии Китая, во главе с Дэн Сяопином, в 1978 году, было пересмотрено множество законодательных актов, особое внимание было уделено оздоровлению экономики после «большого скачка» и «культурной революции» 1960-х годов. Хотя социальное законодательство не было в основном фокусе внимания правительства, ряд существенных изменений произошел и в области трудового права и права социального обеспечения. Одним из ключевых новшеств в данной области стало издание Закона о труде в 1994 году, когда пост Председателя КНР занимал Цзян Цзэминь. В силу особенностей проводимой политики в 1990-е обновленный Китай еще не был активно интегрирован в международное сообщество в области регулирования трудовых отношений: хотя Китай является членом МОТ с 1919 года, первая техническая конвенция была ратифицирована в 1947 году. Однако фактически деятельность Китая в МОТ началась с 1988 года, когда для КНР вступила в силу Конвенция №159 О профессиональной реабилитации и занятости инвалидов от 1986 года. Важным событием в области укрепления социальных

гарантий работникам стала ратификация Конвенции №100 о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности. Эта мера стала шагом вперед на пути к установлению минимального размера оплаты труда, равного для работников обоего пола, что отразилось в статье 48 Закона о труде.

В данном законоположении указана необходимость установления в каждом конкретном регионе минимального размера оплаты труда, не ниже прожиточного минимума для этого региона [24]. В соответствии со этой статьей стандарт МРОТ устанавливаются народные правительства провинций, автономных районов и муниципалитетов, находящихся в непосредственном подчинении центрального правительства. Разработанные стандарты должны быть доведены до сведения Государственного совета КНР. Заработная плата не может быть ниже установленного нормативным актом региона минимального размера оплаты труда.

Такой подход обусловлен неравномерным экономическим развитием регионов (п. 1 ст. 49 Закона о труде), особенно в провинциях, где сельское хозяйство – основной вид деятельности, а также в северных районах на границе Китая. Самый низкий размер МРОТ в ряде уездов и городов провинции Хэйлунцзян. В городах Хэйхэ, Йинхун и округе Да-Хинган-Лин самый низкий размер оплаты труда в КНР: 1450 юаней в месяц [25]. Город Хэйхэ – город, граничащий с Россией по реке Амур. Примечательно, что в других городах провинции Хэйлунцзян [26], например, в Харбине, крупнейшем городе и административном центре провинции, МРОТ составляет 1860 юаней в месяц [25]. Самый высокий МРОТ на момент июля 2023 года в Шанхае [27], который составил 2690 юаней в месяц (данный МРОТ действует с 1 июля) [29]. Немного Шанхаю уступает Пекин – 2640 юаней в месяц [29].

Примечательно, что нормативно указанные размеры минимальной заработной платы в регионах не закреплены или не во всех районах. Китайские власти на местах издают локальные нормативные акты, в которых определяют

критерии расчета МРОТ. В Шанхае такой нормативный акт был принят в 1995 году и действует с поправками 2010 года до сих пор. Шанхай является важнейшим производственным и торговым центром Китая, поэтому в первую очередь региональные власти приняли нормативный акт, регулирующий положение работников предприятий. Согласно статье 7 Положений муниципалитета Шанхая о минимальной заработной плате работников предприятий, всесторонне учитываются такие факторы, как базовые расходы на проживание самого работника и его иждивенцев; средний уровень заработной платы в регионе; производительность труда; ситуация с занятостью и различия в экономическом развитии между городскими и сельскими районами этого муниципалитета [30].

Сравнивая положения статьи 49 Закона о труде, видим, что Положения муниципалитета Шанхая использовали те же самые формулировки. Таким образом, муниципалитет Шанхая фактически делегировал полномочия по определению МРОТ (人社局). С одной стороны, такой шаг способствует наиболее точному определению МРОТ с учетом всех региональных и даже районных особенностей. С другой стороны, возникает сложность для работников, приезжающих в иную местность на работу: размер заработной платы напрямую зависит от установленного МРОТ в данном регионе.

В отличие от Российской Федерации в Китае установлена региональная система МРОТ, что, учитывая на сегодняшний день экономическое могущество КНР, весьма существенно препятствует претворению в жизнь политики достойного труда. На это также обращала внимание МОТ, подчеркивая необходимость ратификации Китаем Конвенции №131 [31].

Значительная дифференциация в МРОТ так же осложняет регулирование трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, особенно в рамках сотрудничества стран организации БРИКС. Принимая во внимание стремление России и Китая углубить всестороннее сотрудничество в области

защиты прав человека, представляется важным на официальном уровне провести анализ обеих систем законодательного регулирования МРОТ в целях если не унификации, то стабилизации регионального регулирования минимального размера заработной платы. Налаживание обмена специалистами в области трудового права для ознакомления с региональными стандартами как в России, так и Китае, позволит двум государствам, с учетом совместного опыта, усовершенствовать критерии определения МРОТ и общими усилиями способствовать реализации политики достойного труда.

Список литературы:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.
2. XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration [Электронный ресурс] // URL: <https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/08/Jhb-II-Declaration-24-August-2023-1.pdf>.
3. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Подписан в г. Москве 16.07.2001) // СПС Консультант плюс.
4. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. 70/1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf.
5. Резолюция, касающаяся периодического обсуждения вопросов социальной защиты (охрана труда) [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_381978.pdf.

6. Декларация МОТ о социальной справедливости в целях справедливой глобализации (2008 г.) с поправками 2022 года [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/genericdocument/wcms_100193.pdf.

7. Ratifications for Russian Federation [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:11200:0::NO:11200:P11200_COUNTRY_ID:102884.

8. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

9. Minimum Wage Policy Guide. [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_508566.pdf.

10. Достойный труд, Доклад Генерального директора, Международная конференция труда, 87-я сессия, 1999 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ilo.org/public/english/standards/relm/ilc/ilc87/rep-i.htm>.

11. Duffy R.D., Allan B.A., England J.W., Blustein D.L., Autin K.L., Douglass R.P., Ferreira J., Santos E.J.R. The development and initial validation of the Decent Work Scale. // *Journal Couns Psychology*. – 2017. – Vol. 64. – No. 2. – P. 206-221.

12. Yao C., Parker J., Arrowsmith J., Carr S. C. The living wage as an income range for decent work and life. // *Employee Relation*. – 2017. – Vol. 39. – No. 6. – P. 875-887.

13. План деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на 2019 год и плановый период до 2024 года (скорректированный). [Электронный ресурс] // URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/opengov/14/2019%D1%81%D0%BA>.

14. Московское трехстороннее соглашение № 77-1352 от 30.12.2021 на 2022-2024 годы между Правительством Москвы, московскими объединениями

профсоюзов и московскими объединениями работодателей [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/48199220/>.

15. Постановление Правительства Москвы от 20 декабря 2022 г. № 2909-ПП «Об установлении величины прожиточного минимума в городе Москве на 2023 год» [Электронный ресурс] // URL: [https://dszn.ru/uploads/editor/97/fe/%D0%9F%D0%9F%D0%9C_2909-%D0%9F%D0%9F_20.12.2022%20\(1\).pdf](https://dszn.ru/uploads/editor/97/fe/%D0%9F%D0%9F%D0%9C_2909-%D0%9F%D0%9F_20.12.2022%20(1).pdf).

16. Региональное соглашение о минимальной заработной плате в Санкт-Петербурге на 2023-2024 годы (Заключено в г. Санкт-Петербурге 14.11.2023 N 382/23-С) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 15.09.2023 N 980 (ред. от 21.12.2023) «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Санкт-Петербурге на 2024 год» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Minimum Wage Fixing Convention, 1970 (No. 131) [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_IL O_CODE:C131.

19. Трехстороннее соглашение на 2020 – 2025 годы от 13.12.2019 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Кузбасское региональное соглашение на 2022 – 2024 годы от 07.10.2021 N 12 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Соглашение о социальном партнерстве в сфере труда на 2019 – 2024 годы от 08.02.2019 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Региональное соглашение о минимальной заработной плате в Липецкой области на 2021 – 2023 годы от 21.12.2020 // СПС Консультант Плюс

23. Региональное соглашение «О минимальной заработной плате в Омской области» от 20.12.2022 N 78-РС // СПС «КонсультантПлюс».

24. 中华人民共和国劳动法(2018修正) // СПС PKULaw.

<https://pkulaw.com/chl/6393f2e43412bddbdfb.html?keyword=%E5%8A%B3%E5%8A%A8%E6%B3%95&way=listView>

25. A Guide to Minimum Wages in China [Электронный ресурс] // URL: <https://www.china-briefing.com/news/minimum-wages-china/#:~:text=Minimum%20wages%20in%20China%20continue,%2FUS%243.7%20per%20hour>).

26. China Statistical Yearbook 2022 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm>

27. 上海市人力资源和社会保障局关于调整本市最低工资标准的通知 (沪人社规〔2023〕19号). [Электронный ресурс] // URL: https://rsj.sh.gov.cn/tgzfl_17732/20230707/t0035_1416836.html.

28. 上海市最低工资标准 (执行时间: 2023年7月1日-2024年6月30日) [Электронный ресурс] // URL: <http://sh.bendibao.com/zffw/2023630/274217.shtm>.

29. 北京市最低工资标准 [Электронный ресурс] // URL: http://rsj.beijing.gov.cn/xxgk/zcwj/202307/t20230714_3162615.html.

30. 上海市企业职工最低工资规定 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.shanghai.gov.cn/cmsres/ea/ea118d30f6c541f8915db76fa44b7b66/333eb54a2b6230d8b91d453855668de6.pdf>.

31. Decent Work Country Programme for China 2023 – 2025. [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/beijing/information-resources/public-information/WCMS_887720/lang--en/index.htm.

УДК 341.1/8

Матевосова Елена Константиновна
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Кафедра теории государства и права

Россия, Москва

ekmatevosova@msal.ru

Matevosova Elena

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Department of Theory of State and Law

Russia, Moscow

СМЕРТОНОСНЫЕ АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ ВООРУЖЕНИЙ: КАК ОТЛИЧИТЬ КОМБАТАНТА ОТ ОХОТНИКА С ФОТОРУЖЬЁМ?

Аннотация: в настоящей статье исследуется проблематика использования смертоносных автономных систем вооружений в контексте действующего международного права с учётом актуальной практики ООН, а также юридической, гуманитарной, этической и технической аспектности функционирования таких систем.

Ключевые слова: международное право, искусственный интеллект, право вооруженных конфликтов, боевые роботы, международная безопасность.

LETHAL AUTONOMOUS WEAPON SYSTEMS: HOW TO DISTINGUISH A COMBATANT FROM A HUNTER WITH A GUN-CAMERA?

Annotation: this article examines the issue of the use of lethal autonomous weapons systems in the context of current international law, taking into account current UN practice, as well as the legal, humanitarian, ethical and technical aspects of the functioning of such systems.

Key words: international law, artificial intelligence, law of armed conflict, combat robots, international security.

Вопрос о роли науки и техники в контексте безопасности человечества в 1988 году впервые был включен в повестку дня Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН, занимающегося проблемами разоружения и теми вызовами, которые, становясь рисками, переходят в реальные и серьёзные угрозы для всего международного сообщества. И за прошедшие десятилетия развитие цифровых технологий только усугубляет многие из существующих проблем и продуцирует всё больше новых, настолько, что в глобальном проекте строительства цифрового мира угрозы для всего мироздания перевешивают надежды на использование новаций исключительно на благо всего человечества.

18 июля 2023 года Совет Безопасности ООН, на которого возложена главная ответственность за поддержание мира, впервые проводило заседание, посвященное возможностям и рискам искусственного интеллекта для международного мира и безопасности. Открывающий это заседание Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш обозначил риски использования генеративного интеллекта, обладающего «огромным потенциалом добра и зла» в тех целях, которые могут иметь разрушительные материальные и экзистенциальные последствия, особое внимание обращая на риски военного применения искусственного интеллекта [1].

Именно благодаря генеративному искусственному интеллекту сегодня возможны разработка и применение смертоносных автономных систем вооружений («смертоносное автономное оружие», «роботы-убийцы», «боевые роботы», «боевые автономные системы»), и большинство политических лидеров различных стран и международных организаций заявляют о том, что подобные полностью автономные системы, поражающие «цель» без какого-

либо вмешательства человека, являются политически неприемлемыми, противоречат общечеловеческим моральным нормам, и, следовательно, должны быть запрещены международным правом в нашем настоящем и будущем.

Современные вооруженные конфликты характеризуются изменением подходов к использованию методов, средств и способов ведения боя, и сегодня стратегические преимущества получают прежде всего те стороны вооруженного противостояния, которые эффективно применяют передовые цифровые технологии. Обсуждение в рамках ООН и на других международных площадках конкретных «рабочих» моделей правового регулирования использования смертоносного автономного оружия особенно актуально и значимо, во-первых, в связи со стремительным усовершенствованием систем генеративного искусственного интеллекта, увеличивающих боевой потенциал роботов-убийц, и, во-вторых, в связи с возрастанием количества международных и немеждународных вооруженных конфликтов в условиях кризисного состояния гуманитарного права. Основную дискуссию среди экспертов вызывает выбор между либо установлением абсолютного правового запрета на использование автономных смертоносных вооружений, либо согласованием условий режима ограниченного их использования.

В настоящее время отсутствует какая-либо правовая определенность в части запрета, разрешения или ограничения использования соответствующих систем, кроме 11 руководящих принципов рекомендательного характера, в 2019 году утвержденных Группой правительственных экспертов по вопросам, касающимся новых технологий в сфере создания смертоносных автономных систем вооружений. Данная институция в системе ООН, созданная в 2016 году, продолжает функционировать и сегодня (в 2024 году заседания по плану проводятся с 4 по 8 марта и с 26 по 30 августа), однако между странами ещё не достигнут консенсус по ряду принципиальных вопросов проектирования,

разработки, испытания и использования таких систем, в том числе в части определения самого понятия «смертоносные автономные системы вооружений».

В преддверии «Саммита будущего», запланированного на сентябрь 2024 года, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в июле 2023 года опубликовал т.н. концептуальную записку № 9 «Новая повестка дня для мира» [2] (из общей серии записок «Наша общая повестка дня»), в которой указывает на необходимость заключения к 2026 году юридически обязывающего договора, который полностью запрещает автономные системы вооружений, «которые функционируют без управления или контроля со стороны человека и которые нельзя применять в соответствии с международным гуманитарным правом», но вместе с тем будет содержать нормы, регулирующие все другие виды автономных систем вооружения, которые не подпадают под запрещающие условия.

Оценивая степень вероятности заключения такого международного договора, учитывая сложность переговорного процесса по многим другим проблемам международного масштаба, вполне обосновано могут звучать сомнения в достижении договорного согласия между странами, а также в его универсальности в аспекте итогового реального числа стран-участников.

22 декабря 2023 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята первая в истории резолюция (A/RES/78/241), пункт 78/241 которой посвящен проблеме использования смертоносных автономных систем вооружений, отмечая особую важность учёта мнений государств, международных и региональных организаций, Международного комитета Красного Креста, гражданского общества, научного сообщества и отраслевых кругов, относительно допустимой автономности и необходимой роли человека в применении силы [3].

В целом динамика международного обсуждения данных вопросов подтверждает большую заинтересованность различных сторон, определяющих судьбу будущего цифрового мира: правительства государств (обеспечение национальной безопасности, использование новейших технологий в реализации военных планов, соблюдение императивных требований международного права, минимизация рисков международно-правовой ответственности), бизнес-сектор (разработка и коммерциализация новых технологий, применимых в военных целях), неправительственные организации на международном и национальном уровне (защита прав и свобод человека, укрепления мер доверия между государствами, поиск новых форм согласования политической воли разных стран, в особенности ведущих мировых держав, «запретительный подход» правового регулирования использования вооружений, угрожающих здоровью и жизни людей), институты гражданского общества (широкое информирование о потенциальных угрозах и неизбежных последствиях использования автономных смертоносных систем вооружений, общественный контроль за принятием политических и правовых решений), научное сообщество (свобода научных разработок соответствующих систем, согласование этических правил при их проектировании и использовании).

В обычном международном гуманитарном праве действует норма, согласно которой «Стороны, находящиеся в конфликте, должны в любое время проводить анализ между гражданскими объектами и военными объектами. Нападения могут быть направлены лишь против военных объектов. Нападения не могут быть направлены против уголовных дел» (норма 7) [4], что находит своё отражение в статьях 48 и 52 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов [5]. А потому один из центральных вопросов рассматриваемой проблематики – какова вероятность ошибок автономных систем при решении задачи проведения различия, к примеру,

между «солдатами» в боевом строю, и теми, которые сдаются в плен, или сотрудниками правоохранительных органов с табельным оружием, или охотниками со стрелковым ружьем или даже фоторужьем? Сегодня ни политики, ни юристы, ни технические специалисты не готовы дать однозначный и ясный ответ на данный вопрос, а следовательно, гарантировать соблюдение «принципа проведения различия».

Действующие принципы-рекомендации использования автономных смертоносных систем вооружения охватывают следующий круг проблемных аспектов: применимость существующих норм международного гуманитарного права, полная или частичная автономность работы систем, ответственность государств, ограничение рынка продажи данных систем, совершенствование технологий для обеспечения соблюдения норм гуманитарного права, запрет антропоморфизма «роботов-убийц», обеспечение киберзащищенности систем от взлома.

Представляется, что указанные аспекты проблематики должны получить более широкое обсуждение всеми заинтересованными сторонами при условии создания единого наднационального механизма контроля за разработкой, испытаниями, использованием и продажей государствами автономных смертоносных систем вооружений.

Если сценарий абсолютного запрета использования данных систем, как отмечают многие политические деятели, военные эксперты и технические специалисты, является нереалистичным, то возникает необходимость в дальнейшем усовершенствовании генеративного искусственного интеллекта, используемого подобными системами, для безошибочного выполнения требования о проведении различия между целями поражения (анализ позиции и движения человека, его внешних признаков, телескопическое наблюдение, звуковая аналитика и т.д.).

Использование автономных смертоносных систем вооружений – это «обратная тёмная сторона» цифровых технологий, возможностей генеративного искусственного интеллекта. И выбор наиболее оптимальной модели правового регулирования использования этих систем зависит от степени и характера участия всех заинтересованных сторон при всестороннем учёте гуманитарных, юридических [6, 7], технических и этических аспектов [8, 9]. Применение положений международного права, в частности гуманитарного права, к подобным системам вооружений, не исключает необходимость выработки специальных правовых положений, учитывающих особенности автоматизации и алгоритмизации их использования в физическом пространстве.

Список литературы:

1. Цифровая библиотека ООН (отчёт S/PV.9381) [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/>.
2. Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/ru/common-agenda/policy-briefs/>.
3. Система официальной документации ООН [Электронный ресурс] // URL: <https://documents.un.org/>.
4. Customary International Humanitarian Law Volume 1: Rules, published by Cambridge University Press, 2005. 690 p.
5. Права человека. Сборник международных договоров. Т. I (часть вторая). Универсальные договоры.- Нью-Йорк и Женева: Организация Объединенных Наций, 1994. С. 1027 - 1106.
6. Скуратова, А. Ю. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования / А. Ю. Скуратова, Е. Е. Королькова // Российский юридический журнал. – 2019. – № 1(124). – С. 22-30.

7. Ivanov, D. V. Lethal Autonomous Weapons Systems and International Law / D. V. Ivanov, A. M. Korzhenyak, E. S. Lapikhina // Moscow Journal of International Law. – 2021. – No. 3. – P. 6-19.

8. C. Anthony Pfaff. The Ethics of Acquiring Disruptive Technologies: Artificial Intelligence, Autonomous Weapons, and Decision Support Systems // PRISM, Vol. 8, No. 3 (2019), pp. 128-145.

9. Michael C. Horowitz. The Ethics & Morality of Robotic Warfare: Assessing the Debate over Autonomous Weapons // Daedalus, Vol. 145, No. 4, Ethics, Technology & War (Fall 2016), pp. 25-36.

Мецлер Валерия Эдуардовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vmetzler2002@mail.ru

Metsler Valeria

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ОБЗОР МЕХАНИЗМОВ И ПРАКТИКИ

Аннотация: данная статья исследует историю развития и современное состояние взаимодействия международных правительственных и неправительственных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, Шанхайская Организация Сотрудничества, Содружество Независимых Государств и БРИКС, в области сотрудничества между государствами для борьбы с преступностью и предоставления помощи по уголовным делам. Отмечается увеличение роли международных неправительственных организаций, в том числе в области уголовного правосудия. Также статья исследует правовые механизмы международных организаций, связанные с улучшением уголовно-процессуального сотрудничества, выявляет их преимущества, недостатки и проблемы.

Ключевые слова: международная организация, ШОС, правовая помощь, сотрудничество, уголовное правосудие, запросы.

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN PROVIDING LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL CASES: A REVIEW OF MECHANISMS AND PRACTICE

Annotation: this article examines the history of development and the current state of interaction between international governmental and non-governmental organizations, such as the United Nations, the Shanghai Cooperation Organization, the Commonwealth of Independent States and BRICS, in the field of cooperation between states to combat crime and provide assistance in criminal cases. There has been an increase in the role of international non-governmental organizations, including in the field of criminal justice. The article also explores the legal mechanisms of international organizations related to improving criminal procedural cooperation, identifying their advantages, disadvantages and problems.

Key words: international organization, SCO, legal assistance, cooperation, criminal justice, requests.

Формой международного сотрудничества в сфере правовой помощи по уголовным делам является координация деятельности государств в рамках международных межправительственных организаций, которую, в свою очередь, можно разделить на два вида:

1) взаимодействие стран в рамках международной организации с целью достижения задач борьбы с преступностью с помощью уголовно-процессуальных инструментов. Такое сотрудничество осуществляется на уровне универсальных международных организаций, например, ООН, а также на уровне региональных, например, СНГ, ШОС. Ключевая роль таких организаций состоит в разработке стандартов по оказанию правовой помощи по уголовным делам, в том числе в подготовке международных договоров;

2) взаимодействие государств со специальными международными органами предварительного расследования, например, Интерпол, путем направления и исполнения запросов [1, с. 386].

Стоит отметить, что вышеназванные органы способствуют осуществлению уголовного преследования, а реализация целей и задач данных органов возможна при условии качественного взаимодействия всех международно-правовых и национально-правовых механизмов и инструментов. В отличие, например, от МУС, который действует как орган международной юстиции со своей специальной компетенцией по осуществлению уголовного правосудия и деятельность которого регулируется нормами международного права.

В последние годы значительно увеличилась роль международных неправительственных организаций, включая сферу уголовного правосудия. Хотя документы, подготовленные такими организациями, не являются официальными источниками международного права, они способствуют обсуждению ключевых правовых вопросов на высоком уровне. Например, в рамках БРИКС, альянса стран с наиболее быстро развивающимися экономиками, в число которого входят Россия, Бразилия, Индия, Китай и ЮАР, осуществляется постоянный обмен опытом, включая область цифровизации процессов уголовного правосудия. Опытный подход Китая показывает, что применение цифровых технологий может улучшить эффективность судебного процесса и защиту прав граждан. Однако, несмотря на позитивный пример, внедрение цифровизации процессов уголовного правосудия в некоторых странах сталкивается с препятствиями, такими как недостаток законодательной базы и технического оборудования, что затрудняет успешное осуществление этих изменений. Помимо этого, не реже 1 раза в 2 года проводятся встречи генеральных прокуроров стран-участниц БРИКС. С 2015 года между странами активно реализуется Концепция сотрудничества прокуратур государств БРИК

целью которого определены обеспечение верховенства права, защиты прав и свобод человека; укрепление и повышение эффективности взаимодействия в борьбе с транснациональной преступностью, в том числе укрепление двустороннего и многостороннего сотрудничества, совершенствование его правовой базы; создание и/или совершенствование механизмов непосредственного взаимодействия, включая формирование сетей специализированных прокуроров в рамках БРИКС.

В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, ее главные цели включают поддержание международного мира и безопасности, способствование дружественных отношений между нациями на основе равенства и самоопределения, укрепление международного сотрудничества в решении экономических, социальных, культурных и гуманитарных проблем, а также поощрение уважения прав человека и основных свобод для всех, независимо от расы, пола, языка и религии. Борьба с преступностью, включая справедливое наказание преступников, также является одной из задач ООН, проистекающей из ее целей. Укрепление регионального и международного сотрудничества для борьбы с преступностью, совершенствование системы уголовного правосудия, защита прав личности и обеспечение безопасности населения также акцентируются в Декларации принципов и программе действий Генеральной Ассамблеи в области предотвращения преступности и уголовного правосудия 1991 года. Так, например, в пункте 17 Декларации указаны следующие формы оказания правовой помощи государствам по борьбе с транснациональной преступностью: разработка на национальном, региональном и глобальном уровнях мер, относящимся к сфере уголовного правосудия; регулярные международные обзоры новых моментов в функционировании систем уголовного правосудия; обмен информацией и распространение среди государств информации по вопросам предупреждения преступности и уголовного правосудия и др. [2]. Стоит отметить, что

вышеуказанная Декларация хоть и не обладает юридической силой международного договора, но все же способствует акцентированию внимания государств на проблемах уголовного правосудия.

Каждые пять лет созывается Конгресс по противодействию преступности и уголовному правосудию в рамках Организации Объединенных Наций, начиная с 1955 года. С 1960 года Российская Федерация, как правопреемник Советского Союза, участвует в работе Конгресса через представителей Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел. За 65 лет существования подчеркивается, что Конгресс оказал важное влияние на установление стандартов и развитие межгосударственного сотрудничества, проведение прикладных исследований и предоставление технической помощи, а также поощрение обмена опытом и знаниями между государствами. В Резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН выделены ключевые рекомендации Конгресса по уголовному судопроизводству, о которых нельзя не сказать:

- 1) основные принципы независимости судебных органов;
- 2) минимальные стандарты отправления правосудия в отношении несовершеннолетних;
- 3) типовые соглашения, касающиеся передачи заключенных-иностранцев, выдачи и взаимной правовой помощи.

Последний Конгресс прошел в марте 2021 года в городе Киото, Япония. В ходе мероприятия была принята Киотская декларация, в которой содержатся различные рекомендации, включая защиту прав и интересов жертв преступлений, внедрение гендерного подхода в уголовное правосудие, укрепление системы ювенального правосудия, и поощрение использования законных и научно обоснованных методов допроса для получения лишь добровольных показаний. Таким образом, Организация Объединенных Наций играет важную роль в обеспечении международной правовой помощи в уголовных делах, фокусируя внимание государств на проблемах уголовного

правосудия, организуя обсуждения этих вопросов, и разрабатывая соответствующие рекомендации.

Еще одной активно развивающейся международной организацией является ШОС. В рамках данной организации сотрудничество в области безопасности является ключевым направлением деятельности, что указано в статье 8 Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС: «Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и на основе международных договоров, участниками которых они являются, усиливают взаимодействие в розыске, задержании, выдаче и передаче лиц, подозреваемых, обвиняемых или осужденных за совершение преступлений, связанных с террористической, сепаратистской, экстремистской деятельностью, а также и иных преступлений.» [3]. Фаткулин С.Т. в своей работе говорит о том, что данную статью стоит толковать расширительно, а именно говорить как о международной координации правоохранительных органов государств в ОРД [4, с. 111].

Тем не менее, представленная международно-правовая норма отражает принцип *pacata sunt servanda* [1, с. 388], поскольку в рамках ШОС действуют различные международные соглашения, касающиеся выдачи и предоставления правовой помощи по уголовным делам. Эти соглашения регулируют процедуру предоставления правовой помощи, включая требования к запросу, основания для выдачи лиц, совершивших террористические акты и другие особо тяжкие преступления. К ним относятся: Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, Соглашение между государствами-членами ШОС по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров от 17 июня 2004 года, Конвенция ШОС против терроризма от 16 июня 2009 года и Конвенция ШОС по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года. Важно отметить, что данные конвенции были ратифицированы и вступили в силу для Российской

Федерации, что подтверждает их действие в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ.

В рамках ШОС созданы консультативные органы - Совещание генеральных прокуроров, Совещание министров юстиции, Совещание председателей верховных судов - для координации деятельности национальных органов в соответствии с международными договорами. Основная цель этих совещаний в области уголовного правосудия - поддерживать сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, незаконным оборотом оружия, незаконной миграцией и другими видами транснациональной преступности, а также анализировать судебную практику стран-участниц. Совещания проводятся ежегодно в одной из стран-членов ШОС по очереди в рамках буквенного порядка. В отличие от ООН, система ШОС предусматривает не только дискуссии и разработку рекомендаций по уголовному правосудию, но также механизм международного правового взаимодействия между государствами-участниками для предоставления правовой помощи и выдачи преступников.

Более развитый механизм сотрудничества в рамках уголовного правосудия был разработан СНГ – «механизм Минской конвенции». Борьба с преступностью является одним из главных приоритетов деятельности СНГ, и с этой целью в 1993 году было создано Бюро по координации противодействия организованной преступности и другим опасным видам преступлений на территории стран-участниц СНГ с целью объединения усилий министерств внутренних дел для противостояния организованной преступности, терроризму, незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ. Бюро, в свою очередь, имеет непосредственную задачу сотрудничать в области уголовного правосудия, а именно помогать в межгосударственном розыске и выдаче преступников, а также предоставлять помощь следственным и оперативно-розыскным группам, сотрудникам правоохранительных органов государств-

участников Содружества Независимых Государств в расследовании преступлений и выполнении других обязанностей. Другой орган СНГ, Координационный совет генеральных прокуроров государств-участников, отвечает за развитие договорно-правовой базы для международного сотрудничества. Члены этого Совета проводят встречи ежегодно, обмениваясь опытом в различных областях борьбы с преступностью и подготавливая новые проекты для изменения текущих международных договоров. На последнем заседании в июне 2022 года особое внимание было уделено сотрудничеству для согласованной борьбы с коррупцией.

Стоит отметить важность Минской конвенции, подписанной 22 января 1993 года. Она действует для 12 государств. Исмаилов Б. сказал, что «именно эта конвенция дает большое количество прав и привилегий, которыми пользуются граждане СНГ повседневно, значительно защищает и значительно облегчает нахождение граждан участников на территории других стран-участниц» [5]. Раздел 4 Конвенции подробно регламентирует вопросы выдачи, требования, порядок направления и исполнения поручений об осуществлении уголовного преследования и иные вопросы [6]. На сегодняшний день обязательства по организационной и сопроводительной части исполнения запросов осуществляются Управлением международного сотрудничества Следственного комитета РФ.

Из-за четкого правового регулирования и укрепления дружественных отношений между странами СНГ, Механизм Минской конвенции считается наиболее востребованным для международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства. Это объясняется не только большим числом запросов от государств постсоветского пространства, но и глубоким знанием конвенционных норм сотрудниками прокуратуры и правоохранительных органов. Кроме того, многосторонняя Конвенция устранила необходимость подготовки и ратификации двусторонних международных соглашений,

способствуя унификации и согласованию национальных норм уголовно-процессуального права. В научных кругах отмечается, что «запросы о правовой помощи являются одним из наиболее эффективных средств в борьбе с преступностью государствами СНГ, способствуют своевременному и правильному раскрытию, расследованию преступлений, изобличению виновных лиц» [7, с. 159]. Однако пробелом в праве остается не урегулированный вопрос касательно сроков оказания правовой помощи, что приводит к затягиванию предварительного расследования.

В заключение хочу сказать, что вследствие постоянного движения к интеграции и быстрого развития технологий целесообразно разработать и внедрить дополнительные виды сотрудничества между государствами в сфере уголовного правосудия, включая те, которые осуществляются в рамках различных международных организаций.

Список литературы:

1. Титенко, Ю. Е. Роль международных организаций в оказании правовой помощи по уголовным делам / Ю. Е. Титенко // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 4-1. – С. 385-393.
2. Декларация принципов и программа действий программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия (принята в Нью-Йорке 18 декабря 1991 г.).
3. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов Шанхайской организации сотрудничества от 16 августа 2007 г. (заключен в Бишкеке 16 августа 2007 г.).
4. Фаткулин С.Т. Сотрудничество правоохранительных органов государств-участников ШОС по противодействию международному терроризму и экстремизму // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 4 (23). С. 109-114.

5. Исмаилов Б. Полезно знать. Для юристов, практикующих в СНГ и ЕвразЭС. 2016. [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2016/9/21/polezno_znat_dlya_yuristov_sng_i_evrazes

6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в Минске 22 января 1993 г.).

7. Жукова Д.В. Запрос об оказании правовой помощи по уголовным делам как форма международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства со странами СНГ // Известия Тульского госуниверситета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 155-160.

Петрова Антонина Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
ant.petrova13@gmail.com
Petrova Antonina
St. Petersburg University
Faculty of Law
Russia, St. Petersburg

КИБЕРАТАКА И ИНТЕРНЕТ-ВИРУСЫ: ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЖЕНЕВСКИХ КОНВЕНЦИЙ

Аннотация: в настоящей статье автор поднимает проблему применения норм права к кибератакам и Интернет-вирусам. Последовательно определяя, что такое кибератака и Интернет-вирус, автор приходит к выводу о применении Женевских конвенций к данным средствам ведения войны. Кибератака должна быть пропорциональной и избирательной, для того чтобы ее возможно было считать правомерной. Вместе с тем, использование Интернет-вируса как средства ведения войны и осуществления нападения может быть признано неизбирательным и неправомерным, в зависимости от целей его распространения.

Ключевые слова: кибератака, комбатанты, виды оружия, Интернет-вирусы, международное гуманитарное право, Женевские конвенции.

CYBERATTACK AND INTERNET VIRUSES: THE SCOPE OF APPLICATION OF THE GENEVA CONVENTIONS

Annotation: in this article the author raises the problem of application of law to cyberattacks and Internet viruses. Consistently defining what a cyberattack and an Internet virus are, the author concludes on the application of the Geneva Conventions to these means of warfare. Cyber-attacks must be proportional and selective in order to be considered legitimate. However, the use of an Internet virus as a means of warfare and attack may be considered indiscriminate and unlawful, depending on the purpose of its dissemination.

Key words: cyberattack, combatants, types of weapons, Internet viruses, international humanitarian law, Geneva Conventions.

Современный мир и компьютерные технологии, а также всемирная сеть Интернет сегодня всецело взаимосвязаны. Именно поэтому вопросы права, применимые к физическому миру, становятся применимы к миру виртуальному. Право в сети «Интернет» весьма обширно, к нему относятся нормы гражданского права, уголовного, а также международного. Говоря о международном праве нельзя не сказать о праве гуманитарном и праве вооруженных конфликтов. Данные отрасли в области предмета своего регулирования также применимы к отношениям, возникающим в кибер- и Интернет-пространстве.

Какими бы мирными ни были цели создания глобальной сети, к сожалению, она используется в том числе в военных целях. Вместе с тем, чтобы не допустить произвола и нарушений права человека, необходимо правовое регулирование использования киберпространства в вооруженных конфликтах. Как отмечают в доктрине [4], киберпространство является «пятой сферой или пятым доменом ведения военных действий» после суши, моря, воздушного и космического пространств.

Право вооруженных конфликтов, основу которого составляют Женевские конвенции 1949 года (а также Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов и ряд

других международных договоров, включая Санкт-Петербургскую декларацию 1868 года), разрабатывалось задолго до возникновения киберпространства. В этой связи данные международные договоры предусматривали последствия ведения физической войны. Однако случаи кибератаки, заражения сетей Интернет-вирусами становятся все более частыми.

Смоделировать ситуации, в которых кибератаки затрагивали гражданское население, можно множество. В связи с ними возникают вопросы правовой квалификации, как во время вооруженных конфликтов, так и в мирные годы. К примеру, проведение кибероперации, направленной на остановку или сбой нормального функционирования энергетической системы или системы водоснабжения, использующихся в гражданских целях, без их физической ликвидации [1].

Вспомним пример компьютерного вируса Stuxnet, созданного для остановки функционирования завода по обогащению урана в городе Нетензе (Иран). Этот случай – показательный пример длительного враждебного воздействия на государственные информационные системы [6].

Некоторые эксперты утверждают [3], что вирус Stuxnet – яркий пример кибератаки. Его внедрение осуществлено в нарушение основополагающего принципа международного права неприменения силы и угрозы ею, а также в нарушение норм *jus in bello*.

Было установлено, что вирус был разработан при участии специалистов из спецслужб Израиля и США. Целью поражения стала ядерная программа Ирана. С одной стороны, данный вирус был направлен не на гражданский объект (по квалификации Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям). Кроме того, ядерная программа не была физически уничтожена: воздействие оказано исключительно на информационные системы. Однако воздействие этого вируса объективно носило характер нападения.

Для ответа на вопрос о применимом праве, необходимо разобраться в понятии кибератака и Интернет-вируса.

Кибератака совершается *a priori* в киберпространстве (или в информационном пространстве). В статье 2 Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, вынесенной Российской Федерацией в 2011 г. на рассмотрение в Организацию Объединенных Наций (ООН), информационное пространство понимается как сфера деятельности, связанная с формированием, созданием, преобразованием, передачей, использованием, хранением информации, оказывающая воздействие, в том числе на индивидуальное и общественное сознание, информационную инфраструктуру и собственно информацию [7].

Аналогичный подход воспринят в Соглашениях Правительств Российской Федерации с Правительствами Республики Беларусь [8] и Китайской Народной Республики [9].

Однако Интернет и киберпространство не одно и то же. Интернет входит в киберпространство, но последнее не ограничивается им. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации киберпространство определено как совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений [10]. Примечательно, что киберпространство как термин в Доктрине не используется, для обозначения этого явления применяется понятие «информационная сфера».

Итак, кибератака возможна не только в сети «Интернет», но на сети связи, иные сети, связанные с безопасностью государства или субъекта государства. Кибернападение осуществляется только в условиях вооруженного конфликта в киберпространстве. Вооруженный конфликт в киберпространстве, по смыслу Таллинского руководства 2017 года, имеет место, когда между двумя и более государствами происходят военные действия с использованием киберопераций и иных киберсредств (нормы 80-83) [6].

Кибератака – разновидность кибероперации. Таллинское руководство в норме 92 [6] дает легальную дефиницию данному термину. Кибератака – это наступательная или оборонительная кибероперация, которая, как разумно ожидается, приведет к причинению травм или смерти людей, либо к повреждению или разрушению объектов [6].

Российское законодательство также содержит понятие компьютерной атаки в статье 2 Федерального закона №187-ФЗ: «компьютерная атака — целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты критической информационной инфраструктуры, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации» [11].

Таким образом, кибернападение своей целью имеет причинение имущественного ущерба противнику и его человеческим ресурсам. Оно может быть как в сети «Интернет», так и за его пределами. Попадает ли такое нападение под регулирование права вооруженных конфликтов?

На наш взгляд, да, попадает. Кибератака должна регулироваться нормами Женевских конвенций в полной мере. Данное умозаключение следует, во-первых, из общего понятия нападения, закрепленное статьей 49 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям. Во-вторых, из статьи 36 Дополнительного протокола I, которая обязует страны использовать новые

виды оружия в соответствии с нормами международного права. Средства осуществления кибернападений на сегодняшний день не урегулированы международным правом, однако международное гуманитарное право распространяется на них.

Теперь остановимся подробнее на сфере применения норм МГП к кибернападениям. Поднимем три вопроса: (1) различие между комбатантами и не комбатантами; (2) различие между гражданской и военной инфраструктурой; и (3) принцип пропорциональности.

Во-первых, при квалификации киберпреступников или кибернападающих (осуществляющих фактические действия для проведения операции в киберпространстве) как комбатантов или не комбатантов, то они лишаются статуса комбатанта, поскольку они не идентифицируют себя ними. Согласно Гаагским конвенциям, статусом комбатанта обладают только военнослужащие регулярных вооруженных сил страны, которые имеют право применять силу к законным военным целям. Комбатанты должны соблюдать нормы международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, хотя их несоблюдение не лишает их статуса комбатанта. Согласно ст. 44 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям [12], комбатант обязан себя отличать от гражданского населения, носить открыто оружие и форму, идентифицирующую его как комбатанта. Лицо, осуществляющее действие фактического кибернападения может не состоять в вооруженных силах государства, оно может не идентифицировать себя как комбатанта. Лицом, следующим за регулярной армией или иным персоналом, исполнитель кибератаки также не является. Вопрос статуса киберпреступников остается дискуссионным. Если такие лица состоят в вооруженных силах, то они a priori будут являться комбатантами. Вероятно, в каждом отдельном случае необходимо применять нормы международного гуманитарного права исходя из фактической ситуации и действий кибератакующего.

Во-вторых, кибератаки превышают ограничения МГП на допустимые цели. Женевское право проводит различие между военными и гражданскими лицами, объектами, ограничивают пределы нападения военными объектами. Статья 52(2) Дополнительного Протокола I гласит [12], что «военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество». Другими словами, инфраструктура, не вносящая прямого вклада в военные действия, остается недоступной для преднамеренного нападения. Полагаем, что нападение в области киберпространства также должно иметь целью поражения исключительно военные объекты. В ином случае, применение силы будет непропорциональным, принесет излишние страдания гражданскому населению. Учитывая, что кибератаки зачастую могут выходить из-под контроля, особенно с применением Интернет-вирусов, цель которых общее распространение, то к применению данного принципа международного гуманитарного следует подходить особенно внимательно.

В-третьих, большая часть ответственности за сопутствующий ущерб в результате непропорциональных атак возлагается на обороняющиеся силы, которые не смогли должным образом изолировать и защитить гражданские объекты. Ст. 51 Дополнительного протокола I гласит [12]: «нападение, которое, как можно ожидать, попутно повлечет за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить». Этот принцип подразумевает установление баланса между военным преимуществом и возможным ущербом

гражданскому населению. Применительно к кибератакам, отметим, что гражданскими объектами могут быть любые сети, которые не используются в военных целях: от социальных сетей в Интернете до средств обеспечения электроэнергией больниц.

В совокупности, рассмотренные выше положения международного гуманитарного права указывают на то, что в существующих нормах нет прямого запрета на кибератаки, они, как и нападения физические, должны соответствовать принципам пропорциональности, избирательности и соразмерности.

Интернет-вирус – это новый вид оружия? Интернет-вирус – это вредоносная программа, способная внедряться в коды иных программ, сектора загрузки, а также распространять свои копии. Цель вируса как такового – распространение. В его функции входят удаление файлов, удаление операционной системы, нарушение работоспособности сетевых структур, кража персональных данных и многие другие. Вирус может быть распространен не только через сеть Интернет, но и через внешние носители. Примечательно, что вирусами в обывательском смысле называют все вредоносные программы. Тем не менее, использование собственно вирусов с помощью сети «Интернет» можно квалифицировать как кибероружие, если он соответствует определенным критериям.

В случае если такой вирус используется для осуществления превентивного удара, дезорганизации командования, диверсии, иного вида наступления, характеризуется глобальной досягаемостью, мгновенным воздействием [2], имеет целью уничтожение и нарушения объектов, то его можно классифицировать в качестве кибероружия.

Особенностью вирусов, находящихся в файлах и распространенных в сети «Интернет», является то, что они доступны максимально широкому кругу лиц и, в первую очередь, они доступны лицам гражданским. То есть принцип

избирательности при осуществлении нападения с помощью такого кибероружия как Интернет-вирус соблюсти чрезвычайно трудно. Следовательно, распространение такого вируса и уничтожение персональных файлов, кража персональных данных гражданских лиц, а также блокировка работы объектов из жизненно важных отраслей, будут признаны неизбирательным нападением, причиняющим излишние страдания. Следовательно, такое нападение будет неправомерным, противоречащим нормам международного права.

В таком случае, государство, допустившее или разрешившее распространение такого Интернет-вируса, может быть ответственно в соответствии с нормами международного права.

Таким образом, при распространении в сети «Интернет» вредоносных программ и вирусов с целью совершения нападения на определенное государство попадает под действие норм международного гуманитарного права. Вместе с тем, важным вопросом является классификация такого нападения. В случае если распространение вируса направлено на уничтожение гражданских объектов, причинение страданий гражданским лицам (через уничтожение серверов, кражи персональных данных и иным образом), то такое нападение будет неизбирательным и непропорциональным.

Список литературы:

1. Гаркуша-Божко С. Ю. Международное гуманитарное право в киберпространстве: *Ratione materiae, ratione temporis* и проблема квалификации кибератак. // Цифровое право. – 2021. – №2(1). – С. 64–82.
2. Каберник В. В. Проблемы классификации кибероружия. // Вестник МГИМО. – 2013. – №2(29). – С. 72-78.
3. Brown G. D. Why Iran didn't admit Stuxnet was an attack. // *Joint Force Quarterly*. – 2011. – № 63. – P. 70–73.

4. Melzer N. Cyber War and International Law United Nations Institute for Disarmament Research Resources. [Электронный ресурс] // URL: <https://unidir.org/files/publication/pdfs/cyberwarfare-and-international-law-382.pdf>
5. Schmitt M.N. International Law in Cyberspace: The Koh Speech and Tallinn Manual Juxtaposed. // Harvard International Law Journal. – 2012. – P. 13-37.
6. Schmitt, M. N. (Ed.). Tallinn Manual 2.0 on the international law applicable to cyber operations. Cambridge University Press. [Электронный ресурс] // URL: https://assets.cambridge.org/97811071/77222/frontmatter/9781107177222_frontmatter.pdf
7. МИД России. (2011, сентябрь 22). Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). [Электронный ресурс]//URL:https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/191666
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 25 декабря 2013 г. // Бюллетень международных договоров, Март 1993–2015, No 7, с. 16–23.
9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 8 мая 2015 г. // Бюллетень международных договоров, Март 1993–2016, No 11, с. 82–88.
10. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. No 646. // Собрание законодательства Российской Федерации 2016, No 50, Статья 7074.
11. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // СПС «КонсультантПлюс».

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.9

Журавлева Александра Вячеславовна

Уральский государственный экономический университет

Институт государственного, муниципального управления и права

Россия, Екатеринбург

Sasha_zhuravleva@e1.ru

Задорина Мария Андреевна

Уральский государственный экономический университет

Кафедра конституционного и международного права

Россия, Екатеринбург

Zadorina_ma@usue.ru

Zhuravleva Aleksandra

Ural State University of Economics

Institute of State, Municipal Management and Law

Russia, Ekaterinburg

Zadorina Mariia

Ural State University of Economics

Department of Constitutional and International Law

Russia, Ekaterinburg

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена исследованию сущности одного из методов государственного управления – административному принуждению. Особое внимание уделяется изучению специфических особенностей этого вида государственного принуждения. Предлагается уточненное определение понятия «административное принуждение».

Ключевые слова: правовое воздействие, государственное управление, государственное принуждение, административное принуждение, органы власти.

THE CONCEPT AND SIGNS OF ADMINISTRATIVE COERCION

Annotation: the article is devoted to the study of the essence of one of the methods of public administration – administrative coercion. Special attention is paid to the study of the specific features of this type of state coercion. A refined definition of the concept of «administrative coercion» is proposed.

Key words: legal impact, public administration, state coercion, administrative coercion, authorities.

Государство как особая форма организации со своими функциями и признаками, созданная обществом, существует для того, чтобы эффективно удовлетворять основные потребности общества, ставить перед ним цели и регулировать общественные отношения в целом при помощи различных методов и средств. Главным из них является право, через которое власть осуществляет свою волю, провозглашает основные принципы, при помощи которых строится иерархичность и вариативность нормативных правовых актов. Благодаря им государство охраняет и контролирует граждан при помощи различных мер исполнительно-правового характера, необходимых для стабильного функционирования общества. Одной из таких мер является принуждение, которое используется в различных отраслях права, как материальных, так и процессуальных для того, чтобы оперативно реагировать на противоправные деяния или иметь возможность предотвращения таких действий. В частности, такая форма принуждения реализуется в административных правоотношениях.

В свою очередь, принуждение как способ государственного регулирования в административной отрасли обладает отличительными особенностями как со стороны материального закрепления и применения норм, так и с процессуальной стороны (при реализации права его функции охраны и контроля над обществом отличны от других правовых институтов властного давления). Анализ мер административного принуждения необходим для точного определения и квалификации тех или иных противоправных действий граждан и организаций, которые требуют соответствующей реакции со стороны государства.

Государственные методы контроля различных сфер жизни общества дифференцированы и разграничиваются по соответствующим областям общественных отношений, урегулированных правом. Существующие способы охраны со стороны публичной власти базируются на соответствующих федеральных актах, в том числе по вопросам административного принуждения.

Административное принуждение, непосредственно закрепленное в нормативных документах на федеральном уровне, являются составной частью правовых институтов, регламентирующих вопросы управления и государственного воздействия. Конституция Российской Федерации составляет основу правового обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, которые гарантируются государством [4]. Ограничение прав и свобод человека должно иметь обоснованные обстоятельства. В случае применения мер административного воздействия ограничение основных прав и свобод должно проводиться в установленных законом рамках.

Административное принуждение как отдельный вид государственного принуждения осуществляется уполномоченными органами государственной власти, должностными лицами, исполняющими управленческие функции. Меры, полномочия лиц регламентированы федеральным законодательством. Однако в законодательной базе нет легального определения понятия такого

способа воздействия на субъектов со стороны исполнительных органов. Отсутствие государственной трактовки административного принуждения не обозначает четких границ и специфику применения этих мер.

В связи с этим в научной литературе существуют разные подходы к пониманию административного принуждения как вида государственного принуждения. В частности, Д. Н. Бахрах отмечал, что сущность административного принуждения заключается в «применении субъектами публичной функциональной власти установленных нормами административного права принудительных мер в связи с неправомерными действиями» [1, с. 517]. Аналогичной точки зрения придерживаются Д. А. Газизов, Ф. П. Дремов [3, с. 17], С. Н. Чернов, Е. Ю. Тихалева [6, с. 29-30]. П. Н. Сафоненков обращает внимание на то, что административное принуждение является одним из методов государственного управления, использование которого направлено на «обеспечение выполнения юридических обязанностей лицами, совершившими противоправные действия, или при возникновении обстоятельств, угрожающих охраняемым правом общественным отношениям» [5, с. 497].

Специфической особенностью административного принуждения выступает основание для применения таких мер. Это правонарушения, иные действия лиц, затрагивающие права и свободы человека, безопасность личности в демократическом обществе, общественный порядок, содержащие в себе признаки административной ответственности.

Конкретные меры административного принуждения применяются в зависимости от характера посягательства на охраняемые законом общественные отношения. Осуществлять определенные меры воздействия компетентны уполномоченные органы исполнительной власти, а также лица, исполняющие обязанности представителя закона. Полномочия публичных субъектов устанавливаются федеральным законодательством.

Меры административного принуждения используются в отношении конкретного субъекта, физического или юридического лица. В зависимости от совершенных действий лиц, органы власти в соответствии с законом правомочны применять предупредительные и иные способы воздействия на личность в целях недопущения дальнейших правонарушений, в том числе и со стороны юридических лиц.

О. А. Иванова к числу специфических признаков административного принуждения относит: правовой характер; ограниченный круг субъектов, его осуществляющих; преимущественно внесудебный порядок применения; отсутствие связи с отношениями служебной подчиненности; оперативность применения; возможность применения в отношении как физических, так и юридических лиц; властно-принудительный характер применяемых мер и др. [2, с. 196-197].

Вышеперечисленные признаки позволяют отделить административное принуждение от остальных форм государственного воздействия. Исходя из этого, можно выделить и обозначить целый ряд методов публичного оказания давления, которое также обладает целой совокупностью особенностей, по сравнению с другими способами властного проявления со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что для гармоничного развития и обеспечения благосостояния всех граждан государство нуждается в действенной системе правовых механизмов и средств, способных предотвратить противоправные действия тех или иных лиц, или нивелировать негативные последствия от этого. В то же время нельзя отрицать и превентивный характер мер принуждения, придаваемых огласке средствами массовой информации для широкой аудитории. Неотвратимость наказания и применения различных мер правового воздействия положительно влияют на поведение субъектов права. Государство имеет множество механизмов

воздействия на общественные отношения, создаваемые для контроля над общественным порядком в условиях демократического построения государственности в современной России. Принуждение, как важный феномен в правоприменительной системе имеет различные виды. Особый вид, обладающий своими отличительными элементами, это административное принуждение, меры которого нормативно обозначены законодателем, а сущность и понятие разъясняется в правовых исследованиях научного сообщества. Административное принуждение можно определить как внешнее воздействие органов власти и их должностных лиц, основывающееся на применении административно-правовых норм без судебного воздействия, которые регулируют условия и возникновение последствий, в связи с наступлением негативных мер по отношению к делинквентному лицу с целью пресечь дальнейшее нарушение закона и сохранить устойчивость общественного порядка.

Список литературы:

1. Административное право : учебник / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. Москва : Норма, 2008. 816 с.
2. Административное право : учебник / под общ. ред. А. С. Телегина. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 340 с.
3. Газизов Д. А., Дремов Ф. П. К вопросу о понятии административного принуждения, применяемого милицией в сфере предупреждения отдельных видов преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2005. № 8. С. 16-17.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.

5. Сафоненков П. Н. Административное принуждение как вид государственного принуждения // Административное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 493-499.

6. Чернов С. Н., Тихалева Е. Ю. К вопросу о понятии административного принуждения, применяемого органами государственной охраны // Вестник науки и образования. 2019. № 23-3 (77). С. 28-31.

УДК 342.95

Урусова Вероника Анатольевна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

nicelrobersbib@mail.ru

Urusova Veronika

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Private Law Institute

Russia, Moscow

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БЕЗБИЛЕТНЫЙ ПРОЕЗД В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос правового регулирования такого административного правонарушения как безбилетный проезд в общественном транспорте в г. Москве. Предмет исследования - общественные отношения между перевозчиком и пассажиром, между государством и пассажиром общественного транспорта, складывающиеся по поводу перевозки, а также по поводу безбилетного проезда. Определяется ряд должностных лиц, в компетенцию которых входит выявление подобного рода правонарушений. Была проанализирована статистика количества правонарушений, размеров административного штрафа за данное правонарушение в Москве, произведено сравнение размеров штрафа в Москве и других городах-миллионниках.

Ключевые слова: административное право, общественный транспорт, безбилетный проезд, административный штраф, бесплатный (льготный) проезд, контролёр, доставление.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR STOWAWAY TRAVEL IN PUBLIC TRANSPORT IN THE CITY OF MOSCOW

Annotation: the article deals with the issue of legal regulation of such an administrative offense as stowaway travel in public transport in Moscow. The subject of the study is the public relations between the carrier and the passenger, between the state and the passenger of public transport, which are developing regarding transportation, as well as about stowaway travel. A number of officials are identified whose competence includes the identification of such offenses. The statistics of the number of offenses and the size of the administrative fine for this offense in Moscow were analyzed, and the size of the fine in Moscow and other million-plus cities was compared.

Key words: administrative law, public transport, stowaway, administrative fine, free (preferential) travel, controller, delivery.

Самым распространённым правонарушением, связанным с использованием метрополитеном и наземным транспортом в г. Москве, является безбилетный проезд пассажиров. Под безбилетным проездом понимается проход по проездному билету, банковской карте, иного средства электронного платежа, с которых не были списаны поездки либо денежные средства. Также безбилетным считается проезд лиц, имеющих льготные (социальные) проездные билеты, но не приложивших их к валидатору; проезд по карте москвича или по социальной карте Московской области без предоставления документа, удостоверяющего право на льготу, после изъятия требования уполномоченного на это должностного лица (пассажир обязан иметь при себе этот документ) [1]; проезд по проездному билету или социальной карты, срок действия которой истёк; проезд по ранее использованному и на момент проезда недействующему проездному билету; проезд по поддельным или не принадлежащим лицу документам, проездным билетам, социальным и

льготным картам; проезд пассажира, отказавшегося предъявлять проездной билет. Исключением из этих правил является проезд детей до 7 лет, сопровождающих инвалидов I группы, детей-инвалидов.

Здесь возникает вопрос о правомерности и разумности наложения административной ответственности за безбилетный проезд на лиц, которые уже имеют право на бесплатный проезд в общественном транспорте. Так, в соответствии с правилами пользования, пассажир, имеющий право на бесплатный (льготный) проезд обязан при входе приложить проездной билет (социальную карту) к валидатору. Здесь момент прикладывания проездного билета (социальной карты) признаётся фактом реализации права на бесплатный проезд, т. е. прикладывание билета к валидатору приравнивается к оплате проезда банковской картой, транспортной картой и любым иным способом. Все эти действия влекут за собой единое последствие — регистрацию поездки. В противном случае, лицо, не приложившее проездной билет к считывающему устройству, считается не воспользовавшимся своей льготой, т. е. безбилетным пассажиром [2].

При проезде на общественном транспорте в Москве действует правило «одно погашение проездного билета = один проход для поездки в одном направлении» [2]. Стоит обратить внимание на то, что после кратковременного выхода из транспорта на остановке (например, для того, чтобы пропустить выходящих пассажиров) не возникает обязанности вновь валидировать проездной билет, так как поездка в одном направлении не была окончена. Такой проезд не будет считаться безбилетным.

Стоит отметить, что при невозможности дальнейшего следования транспортного средства общественного пользования по техническим причинам или при дорожно-транспортном происшествии пассажир не должен вновь оплачивать проезд при условии, что билет был валидирован в вышедшем из строя автобусе, трамвае и т.д. В этом случае водителем неисправного

транспортного средства выполняется пересадка пассажиров на следующий по тому же либо иному маршруту автобус, трамвай и т.д. [2].

Задача выявления безбилетных пассажиров в наземном транспорте в Москве лежит на ГУП «Мосгортранс» и ГКУ «Организатор перевозок». Важно отметить, что выписывать штраф безбилетным пассажирам имеют право только контролёры ГКУ «Организатор перевозок» [4]. Контролёры ГУП «Мосгортранс» правомочием на назначение штрафов не обладают, их обязанностями признаётся выявление безбилетного пассажира, требование оплаты проезда, а в случае отказа от оплаты – требование покинуть наземное транспортное средство на следующем остановочном пункте (исключение – лица до 16 лет при отсутствии совершеннолетнего сопровождающего). Также они имеют право изъятия льготного проездного билета в двух случаях: если он не принадлежит пассажиру или если истёк срок его действия (контролёры ГКУ «Организатор перевозок» этим правом не обладают) [2].

Если уполномоченным контролёром был обнаружен факт того, что проезд не был оплачен, он имеет право требовать предъявления документа, удостоверяющего личность, для оформления постановления по делу об административном правонарушении (копия постановления выдаётся лицу под роспись либо направляется по почте).

В случае, когда пассажир не имеет документа, удостоверяющего его личность, контролёр имеет право на содействие органов полиции. Существует такой обеспечительный механизм как доставление - принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным, осуществляется [3, с. 9].

Осуществлять доставление имеют право должностные лица органов, на которые возложен надзор или контроль за соблюдением правил пользования

транспортом, при выявлении административных правонарушении на транспорте - в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или в иное служебное помещение [5]. Таким органом является Департамент транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы [6]. ГКУ «Организатор перевозок» не является таковым органом, следовательно, его должностные лица не имеют права осуществлять принудительное доставление пассажиров в отделение полиции. Лишь с согласия пассажира контролёры могут проследовать с ним в отделение полиции для установления личности. В случае отказа пассажира предъявить документ, удостоверяющий личность, контролёры могут лишь вызвать сотрудников полиции [7].

Важно отметить, что штраф может быть выписан только при физическом наличии паспорта – основного документа, удостоверяющего личность и гражданство [7]. Не допускается назначение административного штрафа по фотографии паспорта. Указом Президента РФ от 18 сентября 2023 г. № 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий» установлена возможность приравнивания предъявления сведений о документах, выданных государственными органами, находящихся на электронном носителе к предъявлению этих документов. Перечень случаев, в которых может применяться это правило, устанавливается Правительством РФ при согласовании с Федеральной службой безопасности Российской Федерации [8]. На данный момент случай с взысканием административного штрафа за безбилетный проезд в этот перечень не входит [9, с. 5].

Срок уплаты административного штрафа за безбилетный проезд – 60 дней, отсчет дней начинается со дня вступления в силу вышеуказанного постановления. Может быть установлена отсрочка или рассрочка, в этом случае истечением срока уплаты штрафа считается дата истечения отсрочки или

рассрочки (помимо этого, Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации установлены исключения) [10, с. 4-15]. В случае неуплаты административного штрафа в указанный срок, на правонарушителя накладывается обязанность выплатить административный штраф в двукратном размере. Пассажир может подать жалобу по выписанному постановлению в течение 10 дней со дня получения его копии [6]. Оплата проезда является обязательной даже в случае уплаты штрафа [1].

В соответствии с первоначальной редакцией Кодекса города Москвы об административных правонарушениях размер административного штрафа за безбилетный проезд в наземном транспорте составлял 100 рублей. С 01.06.2011 г. размер штрафа увеличился до 1000 рублей, а с 31.05.2023 г. – до 2000 рублей [4]. Сравнив размер административного штрафа за аналогичное правонарушение в других городах, можно сделать вывод о завышенном размере наказания. Так, например, в Санкт-Петербурге штраф составляет 500 рублей, в Казани – 300 рублей, в Екатеринбурге – 100 рублей.

Обратимся к статистике: за 2021 год контролёрами было выявлено более 250 000 лиц, совершивших безбилетный проезд. Общая сумма штрафов составила 250 миллионов рублей. В 2022 году число лиц, получивших административный штраф за безбилетный проезд, составило 412 000 (включая 125 000 фактов проезда в метро). За прошедший 2023 год число выявленных правонарушителей увеличилось до 630 000 человек. Стоит отметить, что увеличение количества обнаруженных правонарушителей связан с увеличением масштабов контроля за соблюдением правил пользования транспортом в Москве (в 2023 году было проверено на 3 миллиона больше билетов чем в предыдущем).

За январь 2024 года уполномоченными должностными лицами было выявлено более 47 000 недобросовестных пассажиров.

Список литературы:

1. Федеральный закон "Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта" от 08.11.2007 N 259-ФЗ (последняя редакция) // Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства Москвы «Об утверждении Правил пользования наземным городским транспортом общего пользования (трамваями, троллейбусами, автобусами) в городе Москве» от 02.09.2008 № 797-ПП (с изм.) // СПС КонсультантПлюс.
3. Студеникина М.С. Законодательное обеспечение борьбы с административными правонарушениями // Административная ответственность / под ред. А.Л. Бачило. М., 2001. С. 18.
4. Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 (ред. от 27.09.2023) «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», № 69, 12.12.2007.
5. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
6. Постановление Правительства Москвы от 15 февраля 2011 года N 32-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы» // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», март 2011 г., № 13.
7. Постановление Правительства РФ от 23.12.2023 N 2267 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца и описания бланка паспорта гражданина Российской Федерации // «Собрание законодательства РФ», 01.01.2024, N 1 (часть I), ст. 163.
8. Указ Президента РФ от 18.09.2023 N 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина

Российской Федерации, с использованием информационных технологий» // «Собрание законодательства РФ», 25.09.2023, N 39, ст. 7012.

9. Маслянова Л.А., Чих Н.В. О правовом регулировании деятельности метрополитенов в России // Cyberleninka URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovom-regulirovanii-deyatelnosti-metropolitenov-v-rossii> – С. 5.

10. Стахов А.И., Ландерсон Н.В. Публичная администрация в России: понятие, система и структура // Административное право и процесс. 2021. N 10. С. 4 - 15.

**ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 34

Глухова Александра Андреевна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

alexaglukhova@yandex.ru

Glukhova Aleksandra

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

**ПРАКТИКА ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НАРУШЕНИЕ
ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ**

Аннотация: статья посвящена рассмотрению практики прокурорского реагирования на нарушение законов в сфере противодействия коррупции. В первую очередь, в статье исследуется роль прокуратуры в борьбе с коррупцией, а также рассматривается методика выявления органами прокуратуры нарушений антикоррупционного законодательства. Проводится анализ практики прокурорского реагирования на нарушение законов в сфере противодействия коррупции посредством рассмотрения дел коррупционной направленности в отношении государственных служащих Омской области, что позволяет сделать выводы об эффективности деятельности органов прокуратуры.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, акт прокурорского реагирования, правонарушение, закон.

THE PRACTICE OF PROSECUTORIAL RESPONSE TO VIOLATIONS OF ANTI-CORRUPTION LAWS

Annotation: the article is devoted to the consideration of the practice of prosecutorial response to violations of laws in the field of anti-corruption. First of all, the article examines the role of the prosecutor's office in the fight against corruption, and also examines the methodology for detecting violations of anti-corruption legislation by the prosecutor's office. The analysis of the practice of prosecutorial response to violations of legislation in the field of anti-corruption by considering corruption-related cases against civil servants of the Omsk region.

Key words: corruption, anti-corruption, act of prosecutorial response, offense, law.

На сегодняшний день одной из наиболее приоритетных задач деятельности государственного аппарата Российской Федерации является противодействие коррупции. Данное явление обусловлено множеством причин, включая несовершенство правового регулирования, которое характеризуется невозможностью устранения возникшего разнообразия сложных, имеющих индивидуальный характер ситуаций, связанных с коррупционной направленностью. Коррупционные отношения осуществляются скрыто, латентно. Поэтому противодействовать коррупции очень непросто. Для этого необходима целая система антикоррупционных мер и средств, которую необходимо создать и постоянно совершенствовать [9, с. 85].

Исходя из законодательной базы, а именно Федерального закона №-273 «О противодействии коррупции» от 25.12.2008, термин «противодействие коррупции» подразумевает под собой исполнение полномочий властных структур:

1) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

2) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

3) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Парадигма противодействия коррупции в современных условиях рассматривается в контексте такого общепризнанного принципа международного права, как принцип защиты прав и свобод человека [2, с. 47]. Его реализация в сфере надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупционным проявлениям возложена преимущественно на систему органов прокуратуры Российской Федерации, компетенции которой распространяются на проведение антикоррупционной экспертизы, направленной на выявление и описание коррупциогенных факторов, относящихся к действующим нормативным правовым актам и их проектам, а также на разработку рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких факторов [7, с. 13]. Генеральная прокуратура, прокуратуры субъектов, а также специализированные прокуратуры Российской Федерации накопили определенную практику, которая представляет собой использование средств и методов противодействия коррупции при осуществлении надзора за исполнением законов. Деятельность данных структур направлена на достижение целей, определяемых нормативной базой нашей страны, а именно Конституцией РФ, ФЗ №-2202-1, приказом Генеральной прокуратуры №-581 и др.

Анализируя данные портала правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ, можно сделать вывод, что количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности за 2023 год, по сравнению с 2022 годом, увеличилось на 3% и составило в общей сложности 36407. Несмотря на процентный прирост, нужно сказать о том, что правоохранительные органы нашей страны ведут активную деятельность по предотвращению наступления

юридических последствий в сфере осуществления должностных полномочий в корыстных целях.

Рассмотрим материалы, обобщающие опыт реагирования прокуратуры Омской области на нарушения законодательства о противодействии коррупции. По сведениям за 2022 год основные усилия прокуроров сосредоточены на выявлении правонарушений в наиболее подверженных коррупции сферах: при расходовании бюджетных средств, размещении заказов, распоряжении государственным и муниципальным имуществом. На момент публикации отчета (29.12.2022) в судах было рассмотрено около 75 уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, что говорит о достаточно высоком уровне эффективности проведения прокурорских проверок.

В конце года регулярно проводится сбор отчетов, в которых отражены персональные данные государственных и муниципальных служащих, информация о членах их семей, происходит сбор сведений в налоговом органе. Получив данные, специально уполномоченные лица направляют запросы в регистрирующие органы (Росреестр) с целью получения информации о наличии государственной регистрации права собственности, проверки отражения сведений об имуществе и заработной плате в справках о доходах. В случае выявления нарушений надзорным органом составляется акт прокурорского реагирования. Такие действия со стороны работников прокуратуры приносят положительные результаты.

Так, исполняющий обязанности прокурора Тевризского района Омской области В. В. Кошевой провел проверку, в ходе которой выяснилось, что Александр Горбачев, депутат совета Тевризского района, совместно с супругой приобрели имущество общей стоимостью 8,5 миллионов рублей на неподтвержденные доходы. Проигнорировав требования №273-ФЗ и других нормативных актов, составляющих основу противодействия коррупции, гражданский служащий не предоставил сведения о расходах, при этом, как

было установлено прокуратурой Омской области, стоимость приобретенного имущества превысила совокупный доход всех членов семьи за 3 года, предшествующих совершению сделки. В связи с этим надзорным органом был составлен акт прокурорского реагирования об обращении этого имущества в доход государства. Результатом рассмотрения дела стало судебное решение вынесенное судебной коллегией Омского областного суда, которым частично удовлетворено требование прокуратуры об обращении купленной квартиры, принадлежащей на праве собственности Елене Горбачевой, в доход Российской Федерации. Прокурорское реагирование позволило достичь практических результатов в выявлении факторов коррупционного характера в деятельности государственного служащего Омской области, что отразилось в положительной динамике статистических данных по раскрытию нарушений законов в сфере противодействия коррупции.

В современных реалиях гражданское общество все чаще сталкивается с явлениями недобросовестного исполнения сотрудниками правоохранительных органов своих трудовых обязанностей. Такие ситуации освещаются средствами массовой информации в целях воздействия на сознание аудитории в формировании этики непринятия коррупции. К примеру, только за первую неделю апреля 2024 года была составлена сводка 20 преступлений коррупционной направленности по материалам нескольких источников, таких как: rg.ru, genproc.gov.ru, rbc.ru, kommersant.ru, tass.ru, news.mail.ru, iz.ru.

Широкий общественный резонанс вызвало возбуждение уголовного дела в отношении Быкова Е.И. – бывшего начальника полиции УМВД города Омска по пункту «в» части 5 статьи 290 УК РФ и части 6 статьи 290 УК РФ. Следственным комитетом России по Омской области был проведен ряд следственных действий, в ходе которых выявлен факт приобретения имущества на неподтвержденные доходы, что являлось причиной внесения прокурором Омской области представления об устранении нарушения закона.

Анализ доходов Быкова Е.И. за последние несколько лет показал отсутствие возможности накопления им и его супругой Быковой К.И. денежных средств, необходимых для внесения в счет оплаты по договору участия в долевом строительстве, предметом которого является объект долевого строительства - квартира. Государственный обвинитель предоставил суду все необходимые материалы, выписки счетов ответчиков, впоследствии чего было вынесено решение об удовлетворении заявленного искового требования прокуратуры об обращении в доход Российской Федерации имущественного права требования по договору участия в долевом строительстве на основании невозможности предоставления законных источников дохода супругами Быковым Е.И. и Быковой К.И.

Благодаря совместно принятым с правоохранительными органами организационным мерам, включая координационные полномочия работников прокуратуры, удалось повысить результативность борьбы с коррупцией в Омской области.

Подводя итог, следует сказать о том, что противоправные коррупционные деяния представляют серьезную угрозу для развития человеческого потенциала, подрывают основы демократического строя Российской Федерации и оказывают негативное влияние на всю систему государственного управления страны. Противодействие коррупции ведется по всей стране уполномоченными правоохранительными органами. Анализ ФЗ от 25.12.2008 №-273 позволяет сделать вывод: центральным элементом механизма противодействия коррупции является прокуратура. Благодаря ей происходит консолидация сил и средств борьбы с коррупцией, координация работы органов исполнительной власти, а также обеспечивается своевременная антикоррупционная экспертиза законодательной базы Российской Федерации, что способствует снижению уровня коррупционной активности

государственных служащих в стране и формированию гражданской позиции, касающейся нетерпимого отношения общества к коррупционному поведению.

Список литературы:

1. Бахтеев Д.В. Начальная профессиональная подготовка и введение в специальность: правоохранительная деятельность : учебник для среднего профессионального образования – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 418 с.
2. Бозров В.М. Правоохранительные органы: учебник для среднего профессионального образования – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 383 с.
3. Воронцова Г.В., Семешина А.С. (2016). КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития, (29), 58-64.
4. Доклады, обзоры, статистическая информация Генеральная прокуратура, прокуратура Омской области — URL:https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_55/activity/combating-corruption/review?item=3611808(дата обращения: 07.05.2019)
5. Институт развития социально-экономических проектов и перспектив «Сводка по коррупции за неделю 1 – 7 апреля 2024 гг.» - URL: <https://irsepi.ru/corruption-summary-for-the-week-of-april-01-07-04/> (дата обращения: 08.04.2024)
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации.
7. Нечкин А. В. Правовая экспертиза нормативных актов : учебное пособие для вузов / А. В. Нечкин, А. В. Блещик. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 166 с.

8. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции».

9. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов / В. Д. Перевалов. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 341 с.

10. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1.

11. Шафиков Э. И. Практика прокурорского реагирования на нарушения законов в сфере противодействия коррупции / Э. И. Шафиков, А. М. Семкова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 5.1 (139.1). — С. 65-69. — URL: <https://moluch.ru/archive/139/39309/> (дата обращения: 26.04.2024).

УДК 343.163

Свиридова Екатерина Александровна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

(МГЮА)

Институт прокуратуры

Россия, Москва

Ekaternasviridova@yandex.ru

Sviridova Ekaterina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Moscow

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: в настоящей статье рассматривается вопрос цифровизации деятельности прокуратуры в досудебном производстве для эффективного взаимодействия с органами предварительного следствия и дознания. Особое внимание уделяется внедрению инструментов межведомственного электронного документооборота в информационные системы прокуратуры, а также в автоматизированный информационный комплекс «Надзор-Web» и в государственную автоматизированную систему правовой статистики.

Ключевые слова: прокурорский надзор, цифровизация, досудебное производство, информационные системы, электронный документооборот.

DIGITALIZATION OF PROSECUTORIAL AND SUPERVISORY ACTIVITIES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Annotation: this article examines the issue of digitalization of the prosecutor's office's activities in pre-trial proceedings for effective interaction with the bodies of

preliminary investigation and inquiry. Special attention is paid to the implementation of interdepartmental electronic document management tools in the information systems of the prosecutor's office, as well as in the automated information complex "Supervision-Web" and in the state automated system of legal statistics.

Key words: prosecutor's supervision, digitalization, pre-trial proceedings, information systems, electronic document management.

Мир не стоит на месте, каждый день общество развивается и ищет новые инструменты, позволяющие сократить время рассмотрения стоящих перед ними вопросов, проблем и достигнуть новых высот во всех сферах жизни человечества.

Являясь гарантом реального соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прокуратура считает защиту их прав и законных интересов от незаконного обвинения приоритетным направлением своей деятельности. Именно на основании ценности обеспечения законности действий и решений в отношении граждан и государства, принципов организации деятельности строится взаимодействие органов прокуратуры с органами предварительного следствия и дознания. Для реализации поставленных задач в координации деятельности правоохранительных органов, а также проверки процессуальных решений целесообразно использовать цифровые технологии, которые позволят сотрудникам прокуратуры своевременно реагировать на незаконные и необоснованные решения руководителей следственных органов, следователей и дознавателей.

Основываясь на документах стратегического планирования в сфере научно-технического прогресса, национальной безопасности, цифровой экономики и утвержденной указом Президента Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (2016 г.) был издан приказ Генерального прокурора России № 627 «Об утверждении Концепции цифровой

трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (далее – Концепция») [1]. Согласно приказу, Главному управлению правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ необходимо обеспечить создание и внедрение новых автоматизированных информационных систем для рационального распределения ресурсов, к которым относят человеческий труд и затраты на проверку уголовного дела на досудебной стадии. Помимо того, в Концепции указывается приоритетное направление, к которому отнесено достижение «высокотехнологичного надзора», формирующегося «для обеспечения электронного взаимодействия органов прокуратуры всех уровней между собой и с другими государственными органами, путем внедрения современных механизмов и технологий противодействия киберпреступности и правонарушениям в цифровой среде», что ярко отражает необходимость в регулировании цифрового пространства, которое развивается стремительно, опережая действующее законодательство и порождая новые угрозы для прав и свобод человека и гражданина.

Следующее важное направление – создание качественной цифровой инфраструктуры, которая позволит взаимодействовать органам прокуратуры всех уровней с государственными органами в безопасном цифровом пространстве. Для реализации данного направления поставлена задача в развитии «компонентов цифровой среды» и внедрении механизмов дистанционного взаимодействия внутри органов прокуратуры, а также наладить взаимоотношение с правоохранительными органами посредством межведомственного электронного документооборота (далее – МЭДО). Данная единая система позволяет наладить взаимодействие между руководителями различных государственных органов путем обмена электронными сообщениями, которые бывают двух видов: электронные документы и уведомления. За счет сокращения времени прохождения документов между организациями и ведомствами происходит снижение транспортных издержек и

ускорение обработки и мониторинга данных, что значительно влияет на рассмотрение процессуальных материалов в досудебном производстве.

Несмотря на преимущества, о которых было сказано, существуют недостатки, к которым можно отнести интеграцию законодательства в электронный вид и хранения таких электронных документов на определенных носителях. Не исключено, что посторонние лица могут получить неправомерный доступ к системе или она выйдет из строя. По данным Роскомнадзора уровень зафиксированных утечек данных составил 168 утечек за 2023 год, что составляет более 300 миллионов записей о пользователях, а за первое полугодие 2024 года – около 500 миллионов записей.

Кроме того, для использования системы МЭДО необходимо, чтобы она была развита не только в органах прокуратуры Российской Федерации, но и в органах предварительного следствия и дознания, а также в других министерствах и ведомствах. Это важно, поскольку из-за отсутствия бесперебойного доступа к электронным документам при помощи используемых средств вычислительной техники невозможно достичь отлаженного электронного документооборота в организациях, что может привести к увеличению времени, необходимого для исполнения служебных обязанностей [2].

В настоящее время в прокуратуре используют информационную систему межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры (далее – ИС МЭВ ГП РФ). Данная ИС используется для взаимодействия с Росреестром, МВД, МЧС, Социальным фондом, Федеральной службой по финансовому мониторингу, Федеральной налоговой службой. Кроме того, интеграция с Государственной информационной системой о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП) и автоматизированной системой «Единый реестр проверок», являющейся подсистемой федеральной государственной информационной системы «Единый реестр контрольных

(надзорных) мероприятий» (ФГИС ЕРКНМ) [3], способствует осуществлению прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции посредством предоставления сведений по каналам МЭДО. ИС МЭВ ГП РФ служит инструментом для исполнения прокурором своих полномочий в сфере противодействия должностным преступлениям и помогает установить контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности.

Важно отметить, что после 2018 года на прокуроров легли полномочия по осуществлению контроля за расходами уволенных лиц, которые допустили превышение расходов над полученными доходами до сложения с себя полномочий, в таком случае у сотрудника прокуратуры есть 6 месяцев на обращение в суд по результатам поступивших материалов, доступ к которым открывает ИС МЭВ ГП РФ.

Таким образом, информационная система межведомственного электронного взаимодействия позволяет прокурору своевременно реагировать на должностные преступления, а также выносить мотивированное постановление о направлении полученных из системы сведений в следственный орган или орган дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Однако Сергей Алексеевич Бессчасный, начальник Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, утверждает, что функциональные возможности системы будут усовершенствованы. Сейчас генеральная прокуратура совместно с заинтересованными органами государственной власти занимаются расширением видов предоставляемых сведений для более удобного перехода на безбумажный электронный документооборот [4].

Помимо ИС МЭВ ГП РФ в прокуратуре Российской Федерации действуют другие информационные системы, а также автоматизированные информационные комплексы и автоматизированные рабочие места [5], которые

затрагивают почти все направления деятельности органов прокуратуры, но заострить свое внимание стоит на автоматизированном информационном комплексе «Надзор-Web» (далее – АИК «Надзор-Web»). Данное определение появляется не только в приказе Генерального прокурора № 316 [6], но и в приказе Генерального прокурора № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» [7], согласно которому прикладная система АИК «Надзор-Web» создана с целью «автоматизации делопроизводственной и надзорной деятельности».

База данных АИК содержит информацию обо всех документах и корреспондентах, а также помогает вести учет и следить за ведением уголовных дел, чем активно пользуются сотрудники прокуратуры и следственного комитета. Однако, учитывая, что большинство документов, имеющих отношение к расследованию преступлений, относят к числу документов с ограниченным доступом, в связи с чем процедура ознакомления с ними осуществляется только на бумажном носителе, причиной чему служит отсутствие у АИК «Надзор-Web» сертификата для работы с конфиденциальной информацией и его отсутствием в Государственном реестре сертифицированных средств защиты информации, что, несомненно, ограничивает его возможности. Несмотря на данные недостатки, данные АИК «Надзор-Web» используются в судебных разбирательствах. К примеру, обратимся к определению 5-го кассационного суда общей юрисдикции № 88А-12283/2023 по делу № 2а-422/2023 [8], в рамках которого суд ссылается на то, что в прокуратуру края не поступало обращение гражданина об обжаловании ответа, что подтверждается сведениями АИК «Надзор-Web».

Таким образом, АИК «Надзор-Web» — это «универсальный инструмент», используемый в органах прокуратуры для автоматизации делопроизводственной и надзорной деятельности.

Стоит уделить внимание государственной автоматизированной системе правовой статистики (далее – ГАС ПС), разработка которой началась еще в 2012 году. ГАС ПС разрабатывается с целью осуществления «единого государственного статического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре» [9], что повысит эффективность деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и реализацией прав граждан Российской Федерации. Генеральная прокуратура в рамках реализации данного проекта ставит целью создать единое информационное пространство с использованием преимущественно отечественного программного обеспечения для публикации данных в свободном доступе.

Несомненно, данная система позволит не только настроить эффективное взаимодействие между государственными органами, но и обеспечить прозрачность их деятельности [10]. Однако, к сожалению, ввод эксплуатации ГАС ПС постоянно переносится в силу сложного и громоздкого ПО. На данный момент запуск системы перенесен на 1 января 2027 года.

Нельзя не упомянуть распоряжение Генерального прокурора РФ от 01.07.2022 года № 364/11р «Об утверждении единого реестра программного обеспечения, используемого в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» и Приказу Генеральной прокуратуры России от 19.12.2022 года № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре». В них содержится указание на автоматизированное рабочее место ведения книги учета сообщений о преступлениях в электронном виде (Далее – АРМ КУСП) и автоматизированное рабочее место «Правовая статистика» (Далее – АРМ «Правовая статистика»). Данные автоматизированные рабочие места относятся к специальному программному обеспечению ГАС ПС и обеспечивают

возможность подписания документов электронной подписью через web-интерфейс личного кабинета пользователя портала ГАС ПС. АРМ КУСП предназначен для учета сообщений о преступлениях и результатах их рассмотрения в электронном виде, в то время как АРМ «Правовая статистика» формирует машиночитаемые статистические карточки с маркированным штрихкодом.

Таким образом, подводя итог можно сделать вывод о том, что прокурорско-надзорная деятельность в досудебном производстве имеет огромное влияние в связи с возникновением новых общественных отношений, требуя нового инновационного подхода к решению возникающих в обществе проблем, предполагающего внедрение цифровых технологий. Однако несмотря на их потенциал, они имеют ряд недостатков, в частности зависимость от сетевого подключения, ограниченность сроками эксплуатации, их разрозненность и обособленность, что в первую очередь усложняет их интеграцию друг с другом, а во-вторых, требует постоянного обучения сотрудников прокуратуры и перехода из одного компонента цифровой среды в другой. Нельзя игнорировать также тот факт, что в органах прокуратуры делопроизводство ведется на бумажном носителе и одновременно вносится в базы информационных систем и автоматизированных информационных комплексов вручную, что наоборот увеличивает нагрузку на сотрудников.

Кроме того, необходимо предусмотреть возможность предоставления пробного доступа к ИС и АИК для студентов, обучающихся на направлении «судебная и прокурорская деятельность», для более эффективной подготовки будущих кадров органов прокуратуры Российской Федерации.

Учитывая вышеуказанное, разработка и введение новых «информационных компонентов» позволит сотрудникам всех уровней прокуратуры эффективно взаимодействовать с органами предварительного следствия и дознания, а также расширит возможность надзора за их

деятельностью, дабы исключить незаконное и необоснованное обвинение граждан и нарушения их прав.

Список литературы:

1. Приказ Генерального прокурора России от 14.09.2017 № 627 (ред. от 20.07.2023) «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») // Законность. № 12. 2017 (Приказ).

2. Яцуценко В.В. Дистанционные форматы взаимодействия прокуратуры с населением: проблемы применения // «Актуальные проблемы российского права». 2022, № 4, С. 164–169.

3. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // «Российская газета», № 266, 30.12.2008

4. Бессчастный С.А. Использование информационной системы межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры РФ // «Законность», 2022. № 2. С. 22–24.

5. Приказ Генерального прокурора России от 12.05.2023 № 316 «Об утверждении перечня информационных систем персональных данных органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

6. Приказ Генерального прокурора России от 29.12.2011 № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2023 № 88А-12283/2023 по делу № 2а-422/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Правительства РФ от 15.12.2020 № 2113 «Об утверждении Положения о государственной автоматизированной системе правовой статистики» // «Собрание законодательства РФ», 2020, № 52 (Часть I). Ст. 8810.

9. Шкурова П.Д. Влияние информационных технологий на эффективность работы сотрудников органов прокуратуры // Теория и практика современных информационных технологий при реализации функций органов прокуратуры: Монография / Под редакцией Т.И. Отческой, Н.В. Мишаковой. – Москва: Блок-Принт, 2023. – С. 45-49.

10. Приказ Генпрокуратуры России от 24.11.2021 № 701(ред. от 31.10.2023) «Об утверждении Инструкции по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации» // «Законность», 1, 2022.

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 347.9

Балакаев Виктор Дмитриевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Кафедра конституционного права

Россия, Екатеринбург

balakaev.work@gmail.com

Кряжевских Ксения Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

zvezda5361@mail.ru

Balakaev Victor

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Department of Constitutional Law

Russia, Ekaterinburg

Kryazhevskikh Ksenia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

**ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ГРАЖДАНСКОМ
ПРОЦЕССЕ И ЕЁ ПРЕДЕЛЫ**

Аннотация: в статье авторами анализируются принцип преюдициальности судебных актов и его пределы в гражданском процессе. Выделены факторы, которые ограничивают преюдициальность и позволяют её опровергнуть.

Установлено, что преюдициальность может быть абсолютной, ограниченной, а также отсутствовать вовсе.

Ключевые слова: преюдициальность, пределы преюдициальности, гражданское судопроизводство, принцип правовой определенности, судебный акт.

THE PREJUDICE OF JUDICIAL ACTS IN CIVIL PROCEEDINGS AND ITS LIMITS

Annotation: in the article, the authors analyze the principle of the prejudice of judicial acts and its limits in civil proceedings. The factors that limit prejudice and allow it to be refuted are highlighted. It has been established that prejudice can be absolute, limited, or absent altogether.

Key words: prejudice, the limits of prejudice, civil proceedings, the principle of legal certainty, judicial act.

Преюдиция выступает одним из фундаментальных процессуально-правовых институтов в современном российском праве. Преюдиция известна практически всем процессуальным законам (заметным исключением являются, разве что, положения статьи 90 УПК РФ, которые исключают преюдициальность судебных актов, вынесенных в рамках производства по делам об административных правонарушениях, для суда, рассматривающего уголовное дело, следствия и дознания). Содержание этого института, как известно, сводится к тому, что факты, исследованные и установленные во вступившем в законную силу судебном акте, не подлежат доказыванию в связанном процессе (связанном по признаку совпадения сторон спора, единого фактического основания спора и т. д.).

Институт преюдиции имеет не только доказательственный, но и глубинный конституционно-правовой смысл. В российской правовой системе

принцип преюдициальности судебных актов является составной частью принципа *res judicata*, который, в свою очередь, является проявлением фундаментального конституционного принципа правовой определённости, проистекающего из статей 1, 15 и 19 Конституции России (абзац 1 пункта 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 20 июня 2024 года № 31-П) [1, с. 58]. Тем самым принцип преюдициальности судебных решений является важным инструментом достижения конституционного баланса интересов участников судопроизводства (абзац 3 пункта 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 года № 7-П).

Правовая определённость в данном случае обеспечивается за счёт того, что, по замыслу института преюдиции, суды по связанным делам, как правило, не могут устанавливать различные, противоречащие друг другу факты и на этом основании приходиться к противоположным выводам. Тем самым достигается искомая непротиворечивость судебных актов. Иными словами, основное предназначение преюдиции – исключить конфликт между судебными решениями, вынесенными по одним и тем же фактам. В этом контексте Г.М. Минасян, анализируя природу института преюдиции, точно подмечает, что «нельзя отыскать истину вторично, [поскольку] не может быть установлено для одних и тех же отношений двух истин» [2, с. 271]. Преюдициальность имеет и сугубо прикладное значение, поскольку позволяет выстроить более эффективную линию стратегической литигации – комплексного представления интересов лица, в интересах которого заявляются исковые требования, основанные целиком на преюдициальных фактах.

Между тем реализация принципа непротиворечивости судебных актов на практике сталкивается с рядом проблем. Так, с принципом преюдициальности судебных актов в конкуренцию вступают другие, не менее важные конституционные принципы, а именно:

1) принцип независимости правосудия и самостоятельности (полноты) судебной власти;

2) принцип свободы судебного усмотрения.

Стоит отметить, однако, что, по мнению ряда авторов, круг принципов, конкурирующих с принципом преюдициальности судебных актов, может быть расширен за счёт принципов свободы оценки доказательств и даже процессуальной экономии [3, с. 91].

Отсюда важнейшей задачей представляется разрешение обозначенной конкуренции равнозначных правовых принципов. По мнению Конституционного Суда РФ, решение данной задачи кроется в ограничении действия преюдициальности. Как отмечает Суд, баланс между названными принципами достижим за счёт «установления пределов действия преюдициальности, а также порядка её опровержения» (абзац 6 пункта 3.1 Постановления от 21 декабря 2011 года № 30-П). Коль скоро преюдиция может, а в некоторых случаях должна опровергаться, некоторые авторы характеризуют преюдицию как доказательственную презумпцию [4, с. 62], по определению предрасположенную к опровержению при определённых обстоятельствах.

К числу факторов, которые естественным образом ограничивают преюдициальность судебных актов и позволяют её опровергнуть, можно отнести различия предметов и стандартов доказывания в различных видах судопроизводства. Отказ от учёта этих факторов в правоприменительной практике приводит к распространению судебных ошибок, которые, в свою очередь, приводят к тому, что преюдициальность полностью освобождает от доказывания каких-либо обстоятельств.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, возникающую в связи с дорожно-транспортным происшествием, когда последовательно рассматриваются дело собственно об административном правонарушении в порядке, предусмотренном КоАП РФ, и дело о гражданско-правовых

последствиях дорожно-транспортного происшествия в порядке, предусмотренном ГПК РФ. В первом из названных дел стандарт доказывания, например, виновности лица куда выше (стандарт «вне разумных сомнений») [5, с. 99], чем в гражданском процессе, где применяется менее строгий стандарт «разумная степень достоверности» (абзац 1 пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств»). Более того, само по себе бремя доказывания невиновности в гражданском процессе возложено на лицо, уличающееся истцом в совершении правонарушения (пункт 2 статьи 1064 ГК РФ). Предмет доказывания в данных видах судопроизводства также различается. В этом смысле вполне предсказуемо, что суды, действуя в обозначенных разных юрисдикционных порядках, не лишены возможности прийти к разным выводам по результатам анализа одних и тех же фактических обстоятельств, что, впрочем, правопорядком не возбраняется. Отсюда следует, что суд не вправе, опираясь исключительно на постановление суда по делу об административном правонарушении, разрешать гражданский иск, вытекающий из события этого правонарушения. Указанные выводы разделяет Конституционный Суд России, но применительно к соотношению гражданского и уголовного судопроизводства (см., например, абзац 6 пункта 3.2 Постановления от 25 декабря 2023 года № 60-П).

Таким образом, преюдициальность может являться как абсолютной, так и ограниченной. В свете сказанного не следует делать вывод о том, что преюдициальность должна быть непременно ограниченной. Напротив, российское законодательство предусматривает ряд случаев, когда преюдициальность является и должна являться абсолютной в целях защиты прав личности. Например, признание наследника недостойным допускается исключительно в тех случаях, когда вступившим в законную силу судебным

актом установлено, что этот наследник совершил противоправное деяние, направленное против наследодателя или других наследников, с целью, в частности, прирастить свою долю в наследстве (пункт 1 статьи 1117 ГК РФ). Как представляется, такая законодательная конструкция, основанная на абсолютной преюдициальности, позволяет предостеречь правоприменителя от произвольного, необоснованного лишения лица права на наследство, что является крайне существенным правоограничением.

Обращают на себя внимание и ситуации, когда преюдициальность отсутствует вовсе, хотя её наличие, на первый взгляд, позволило бы разрешить ряд практических проблем. Прежде всего, как известно, преюдициальными могут являться лишь факты, а не вопросы права [6, с. 17], в связи с чем, например, не исключаются такие курьёзные случаи, как противоречащие друг другу решения заместителей Председателя Верховного Суда РФ, вынесенных по одному и тому же делу в порядке части 8 статьи 291.6 АПК РФ (см. определение Верховного Суда РФ от 22 апреля 2021 года № 305-ЭС18-22181). Другим, менее распространённым, однако не менее острым вопросом является вопрос о преюдициальном значении актов третейских судов и арбитражей, притом, что некоторые авторы предлагают придать таким актам безусловную преюдициальность на основании их схожести с актами государственного правосудия [7, с. 130–131].

Список литературы:

1. Стратегия защиты в Конституционном Суде России: Практическое руководство // О.Н. Кряжкова, О.Г. Подоплёлова. – 2-е изд., доп. М.: Центр конституционных исследований, 2020. 200 с.
2. Минасян Г.М. Пределы действия свойства преюдициальности судебного решения в гражданском процессе // Образование и право. 2020. № 4. С. 269–273.

3. Ястребов В.М., Ястребов А.В. Преюдициальность как средство юридической обоснованности фактов в судопроизводстве Российской Федерации: законность против эффективности // Вестник СИБИТа. 2019. №2 (30). С. 88–92.
4. Мацкевич П.Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве // М.: Статут, 2020. 239 с.
5. Польшинцов К.А., Руденко А.В. Доказывание в делах об административных правонарушениях // Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. 52 с.
6. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве // Под ред. И.В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. 472 с.
7. Ильичев П.А. Проблемы преюдиции в третейском разбирательстве // Актуальные проблемы российского права. 2020. №2 (111). С. 125–132.

УДК 347.91/.95

Вострикова Анастасия Михайловна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru

Vostrikova Anastasia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация: в работе автор рассматривает досудебные способы разрешения споров, существующие в мировой практике и в российском законодательстве, а также производит сравнение российских процедур с устоявшимися в зарубежной практике альтернативными процедурами урегулирования споров. В данной статье автором также проанализирована возможность внедрения зарубежных правовых конструкций в российскую систему.

Ключевые слова: разрешение споров, альтернативная процедура, досудебный порядок, переговоры, посредничество.

ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation: in this paper, the author examines pre-trial dispute resolution methods provided for by Russian legislation. The author compares Russian procedures with well-established alternative dispute settlement procedures in foreign practice. The

author also analyzes the possibility of introducing foreign legal structures into the Russian system.

Key words: dispute resolution, alternative procedure, pre-trial procedure, negotiations, mediation.

Современное российское законодательство предоставляет участникам правовых отношений целый спектр процедур по урегулированию и разрешению споров наряду с судебным разбирательством: медиация, претензионный порядок, переговоры и т.д. Однако в мировой практике данные способы имеют свои особенности, в связи с чем актуальным становится вопрос о том, насколько зарубежный порядок разрешения споров отличается от предложенного российской системой.

Прежде чем переходить к рассмотрению альтернативных процедур следует отметить, что зарубежные авторы выделяют, так называемые, основные предварительные условия (*condition precedent*) арбитража: переговоры и посредничество [5, с. 35]. В данном случае понятие «предварительные условия» следует рассматривать как обязательные условия, возникающие при заключении медиативных соглашений или при включении оговорки о конкретном способе разрешения спора, и соблюдение которых необходимо перед началом разбирательства в суде.

При анализе переговоров в качестве предварительного условия судебного разбирательства зарубежными авторами приводится следующая практика: В деле компания Emirates Trading Agency LLC против компании Prime Mineral Exports Private Ltd (2014 г.) судья оставил в силе пункт о переговорах, которые были ограничены точным периодом в 4 недели и требовали от сторон провести «дружеские» переговоры в качестве обязательной процедуры перед арбитражным разбирательством. Он решил, что подобная оговорка о

переговорах действует как предварительное условие для действительного арбитражного разбирательства [5, с. 35].

В рассматриваемом деле основная проблема заключалась в толковании пункта, посвященного переговорам: они должны были проводиться «честно, дружелюбно, открыто». Автором весьма справедливо поставлен вопрос: существует ли на самом деле прочный «опознаваемый стандарт» «справедливых, честных и искренних дискуссий»?

При ответе на этот вопрос судья исходил из того, что стороны самостоятельно взяли на себя подобное обязательство и никакой неопределенности подобная оговорка не создает. Однако, как отмечает автор, в данном деле не учтено, что допущение такого условия может создать большое количество нарушений: представление ложных сведений, намеренное затягивание процесса переговоров и т.д. [5, с. 36].

Однако в данном случае следует согласиться с мнением автора о том, что, возможно, лучшим подходом было бы рассматривать положение о переговорах в оговорке об урегулировании споров как не имеющую обязательной юридической силы (на основании неопределенности), за исключением случаев, когда в ней четко указывается фиксированный период паузы как обязательный до начала арбитражного разбирательства. Таким образом, пункт, предусматривающий, что стороны «проведут добросовестные и дружеские переговоры об урегулировании спора до начала арбитража», должен быть недействительным из-за неопределенности его содержания [5, с. 36].

В России отсутствует практика по такому вопросу, поскольку, как правило, стороны либо прибегают к помощи медиатора, независимого посредника, либо же, если отсутствует обязательный претензионный порядок, обращаются в арбитражный суд.

Однако, как отмечается в п. 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 №18 «О некоторых вопросах досудебного

урегулирования споров, рассматриваемых порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» (далее – ПП ВС РФ №18): под досудебным урегулированием следует понимать деятельность сторон до обращения в суд, осуществляемую ими самостоятельно (переговоры, претензионный порядок) либо с привлечением третьих лиц. Таким образом, в ПП ВС РФ №18 переговоры отмечены как отдельная возможность лиц разрешить имеющийся спор.

Однако наибольший интерес представляет п. 2 указанного Постановления, в котором отмечено следующее: «В арбитражном судопроизводстве такой (досудебный) порядок является обязательным: для споров, возникающих из гражданских правоотношений, в случаях, предусмотренных федеральным законом или договором». Исходя из буквального толкования, можно сделать вывод о том, что оговорка об обязательном проведении переговоров будет иметь правовые последствия для сторон.

Более того, как отмечается в п. 12 «Обзора практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020): использование переговоров, медиации или иной примирительной процедуры свидетельствует о принятии сторонами предусмотренных ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) мер по досудебному урегулированию спора только в том случае, если договором был установлен порядок досудебного урегулирования спора путем проведения соответствующей примирительной процедуры.

Таким образом, исходя из позиций Верховного Суда РФ, стороны должны четко обозначить выбранный способ урегулирования конфликта и установить порядок его проведения. Оговорка о переговорах, рассмотренная нами ранее и использованная в зарубежной практике, не отвечала бы критериям,

выработанным отечественной практикой. Также следует отметить, что требования российского права к подобного рода оговоркам создают более четкие критерии и позволяют установить точный порядок проведения не только переговоров, но и медиации и других процедур.

Вторым предварительным условием является посредничество. В российской юридической науке несколько расходятся мнения относительно того, что понимать под посредничеством (медиацией). Так Е. И. Носырева считает, что медиация представляет собой процедуру урегулирования спора с помощью избираемого сторонами третьего лица, именуемого посредником, который содействует сторонам в ведении переговоров и достижении соглашения по спору [7, с. 63]. Т.А. Савельева полагает, что посредничество (медиация) — это способ урегулирования конфликта между сторонами на основе переговоров с участием нейтрального посредника с целью выработки обязательного для сторон соглашения по спорному вопросу [6, с. 34]. Однако общим для данных и других определений медиации или посредничества является то, что обязательно привлекается третье, нейтральное лицо, который помогает разрешить возникший спор. Об этом также говорит и Приженникова А. Н. [8, с. 123].

Поскольку англо-саксонская система права зиждется на прецеденте, то и требования к процедуре медиации выработаны судебной практикой и обычаями делового оборота, что подтверждается и в работах зарубежных авторов: Английские суды ввели в действия соглашения о посредничестве, которые действительны при условии, что существует твердое обязательство о посредничестве, посредник уже назначен или может быть установлен перед началом проведения медиации (иного способа с участием посредника), а также установлен порядок проведения такой процедуры [5, с. 36-37].

В России с 27.07.2010 года действует ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» №193-

ФЗ (далее – ФЗ №193). Данный закон достаточно четко регламентирует не только принципы, на которых данная процедура основана, и порядок ее проведения, но и вопросы прав и обязанностей медиатора и сторон, особенности медиативного соглашения и многое другое.

Однако при анализе данного закона и его сравнении с зарубежной практикой можно сделать вывод о том, что данные процедуры по сути своей идентичны, разница лишь в некоторых условиях, при которых процедура является обязательной для спорящих сторон.

Таким образом, нами рассмотрен вопрос о том, какие основные досудебные процедуры используются в зарубежной практике, а также проведены их анализ и сравнение с российскими досудебными процедурами. Подводя итог, следует отметить, что в отечественном праве (как в законе, так и судебной практике) предусмотрены более понятные и точные критерии для проведения различных досудебных процедур, в отличие от зарубежной практики, что, несомненно, является достоинством данного института.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

2. Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27.07.2010 N 193-ФЗ // «Российская газета», № 168, 30.07.2010 г.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 №18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // «Российская газета», № 144, 02.07.2021 г.

4. Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 2, февраль, 2021.

5. Neil Andrews Arbitration and Contract Law: Common Law Perspectives // Springer International Publishing, Switzerland, 2016.

6. Зайцев, А.И., Кузнецов, Н.В., Савельева, Т.А. Негосударственные процедуры урегулирования правовых споров: учебное пособие. Саратов: Изд-во: СГАП, 2000. С. 34.

7. Носырева Е.И. Нотариат и альтернативные процедуры урегулирования споров / Е.И. Носырева // Нотариат, государственная власть и гражданское общество: современное состояние и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: ФРПК, 2007.

8. Приженникова А. Н. Альтернативные способы разрешения споров: зарубежный и Российский опыт // Символ науки. 2015. №9-2.

УДК 347.98

Грязева Милена Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

milenagriazeva@gmail.com

Gryazeva Milena

Lomonosov Moscow State University

Law faculty

Russia, Moscow

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ВОПРОСЫ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация: в настоящей статье анализируются вопросы подсудности дел о недобросовестной конкуренции, связанной с нарушением интеллектуальных прав, Суду по интеллектуальным правам и антимонопольным органам. Автор отмечает, что законодательное регулирование позволяет лицу обратиться одновременно в антимонопольный орган и в суд и не устанавливает последовательность реализации этого права, в отличие от порядка рассмотрения дел о защите интеллектуальных прав в Роспатенте.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, интеллектуальные права, антимонопольный орган, Суд по интеллектуальным правам, компетенция.

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS FROM UNFAIR COMPETITION: ISSUES OF COMPETENCE

Annotation: this article analyzes the issues of jurisdiction of cases of unfair competition related to intellectual property infringement to the Court for Intellectual Property Rights and antimonopoly authorities. The author notes that legislative

regulation allows a person to apply to the antimonopoly authority and the court at the same time and does not establish the sequence of implementation of this right, unlike the procedure for considering cases on the protection of intellectual rights in Rospatent.

Key words: unfair competition, intellectual rights, antimonopoly authority, Court for Intellectual Property Rights, competence.

Роль интеллектуальной собственности в современном мире сложно переоценить. Она имеет большое значение для инновационного и научно-технологического развития любой страны, является двигателем экономического и социального роста, способствует международному сотрудничеству.

Как справедливо отмечается в литературе, нельзя достигнуть процветания общества в отсутствие защиты и надлежащего правового регулирования интеллектуальных прав [1, с. 3], в связи с чем весьма важным является вопрос о создании и развитии адекватных механизмов защиты интеллектуальной собственности.

Одним из таких механизмов является защита интеллектуальных прав антимонопольными органами при рассмотрении дел о недобросовестной конкуренции.

В Федеральном законе № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) [2] содержится запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с приобретением и использованием прав на средства индивидуализации (статья 14.4), с использованием результатов интеллектуальной деятельности (статья 14.5), с созданием смешения с деятельностью конкурента (статья 14.6).

Несмотря на то, что основной целью Закона о защите конкуренции является предупреждение и пресечение создания монополий и недобросовестной конкуренции, статьи 14.4-14.6 Закона способствуют также

защите интеллектуальной собственности. Подтверждением этого служит, в частности, положение о том, что решение антимонопольного органа о нарушении ч. 1 ст. 14.4 Закона о защите конкуренции является основанием для признания недействительной правовой охраны товарному знаку (пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ).

В п. 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 [3] указано, что лицо вправе самостоятельно обратиться в суд с иском о восстановлении прав, нарушенных в результате несоблюдения антимонопольного законодательства.

Закон о защите конкуренции не содержит указаний о том, что защита прав в суде возможна только после разрешения дела в антимонопольном органе, или что административный порядок защиты исключается при наличии возможности обращения в суд. Поэтому в Постановлении указывается, что суд не вправе оставить заявление без рассмотрения, если лицо обратится с заявлением для разрешения спора, который ранее не рассматривался антимонопольным органом.

Таким образом, законодательное регулирование позволяет лицу обратиться одновременно в антимонопольный орган и в суд и не устанавливает последовательность реализации этого права [4, с. 83-100].

Аналогичная диспозитивность присутствует и при регулировании порядка оспаривания актов антимонопольного органа.

Так, в ст. 52 Закона о защите конкуренции указано, что решение антимонопольного органа может быть обжаловано как в арбитражный суд, так и в коллегиальный орган федерального антимонопольного органа (последнее – в случае обжалования решения территориального органа).

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 34 АПК РФ Суду по интеллектуальным правам (далее также – СИП) подсудны дела об оспаривании решений федерального антимонопольного органа о признании недобросовестной конкуренцией

действий по приобретению исключительного права на средства индивидуализации.

Дословное толкование указанной нормы позволяет выделить четыре условия, при которых дело должно разрешаться СИП: решение вынесено федеральным антимонопольным органом; решение касается вопроса о признании действий недобросовестной конкуренцией; предметом рассмотрения органа являлись действия по приобретению исключительного права (ст. 14.4 Закона о защите конкуренции); права приобретены в отношении средств индивидуализации. Рассмотрим эти условия.

Ранее практика СИП складывалась таким образом, что суд, трактуя норму прямо, пересматривал лишь решения Федеральной антимонопольной службы как федерального антимонопольного органа, тогда как решения территориальных антимонопольных органов передавались в арбитражные суды субъектов РФ [5].

В настоящее время в п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 10 [6] указывается, что Суду по интеллектуальным правам подсудны дела об оспаривании решений федерального (*территориального*) антимонопольного органа. Таким образом практика передачи дел об оспаривании актов территориальных органов была пресечена.

Представляется, что указание в ст. 34 АПК РФ на то, что в компетенцию СИП входит оспаривание актов именно федерального антимонопольного органа связано с предыдущей редакцией ст. 14 Закона о защите конкуренции, в которой упоминался лишь федеральный антимонопольный орган. Сейчас в ст. 14.4 Закона о защите конкуренции содержится указание на решение *антимонопольного* органа, под которым в соответствии с п. 15 ст. 4 Закона понимается федеральный антимонопольный орган и его территориальные органы.

Таким образом, рассмотрение заявлений о недобросовестной конкуренции, связанной с приобретением и использованием исключительных прав, осуществляет не только ФАС РФ, но и территориальные органы [7, с. 83-90].

В соответствии с п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 10 СИП подсудны также дела об обжаловании решений антимонопольного органа об отказе в возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства и о прекращении дела.

Обоснован ли данный подход, если в ст. 34 АПК РФ речь идет лишь о компетенции СИП пересматривать решения о признании действий актом недобросовестной конкуренции, то есть буквально – окончательные решения по существу спора?

Обратившись к ст. 44 Закона о защите конкуренции, мы увидим, что антимонопольный орган выносит решение об отказе в возбуждении дела, если отсутствуют признаки нарушения антимонопольного законодательства. При этом на стадии возбуждения дела антимонопольный орган хотя и не рассматривает по существу вопрос о наличии нарушения, но анализирует, приведены ли в заявлении обстоятельства о наличии в действиях лица признаков такого нарушения.

Согласно ст. 48 Закона о защите конкуренции, комиссия прекращает рассмотрение дела в том числе в случае отсутствия нарушения антимонопольного законодательства в рассматриваемых действиях.

Таким образом, СИП при проверке законности принятия того или иного решения антимонопольным органом, должен оценивать наличие или отсутствие оснований для возбуждения или прекращения дела – то есть наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства или непосредственно нарушения.

На наш взгляд, поскольку, во-первых, решения об отказе в возбуждении дела и о прекращении дела являются окончательными и, во-вторых, по большей части они принимаются по итогам рассмотрения непосредственно вопроса о наличии в действиях субъекта признаков недобросовестной конкуренции, их оспаривание в Суде по интеллектуальным правам обоснованно.

Третье условие – предметом рассмотрения антимонопольного органа являлись действия по приобретению исключительного права.

Действия по приобретению и использованию исключительного права на средства индивидуализации признаются недобросовестной конкуренцией на основании ст. 14.4 Закона о защите конкуренции. В связи с этим СИП справедливо отказывает в пересмотре решений, хотя и связанных с незаконным и недобросовестным использованием интеллектуальной собственности, но вынесенных антимонопольным органом на основании другой статьи (например, ст. 14.5 – запрет недобросовестной конкуренции, связанной с использованием результатов интеллектуальной деятельности, ст. 14.6 – запрет на недобросовестную конкуренцию путем смешения) [8].

Наконец, четвертое условие – приобретение прав должно относиться к средствам индивидуализации.

На этом основании СИП отказывает в рассмотрении решений о признании недобросовестной конкуренцией действий по приобретению прав на иные объекты интеллектуальной собственности.

Отдельно следует упомянуть о том, что СИП в соответствии с абз. 4 п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 10 рассматривает дела о признании актом недобросовестной конкуренции действий правообладателя, связанных с предоставлением правовой охраны товарному знаку, в качестве суда первой инстанции, так как судебное решение по такому делу является основанием для аннулирования товарного знака (ст. 1512 ГК РФ).

Следовательно, лицо, которое считает, что действия по приобретению прав на товарный знак являются недобросовестной конкуренцией, может обратиться как в СИП, так и в антимонопольный орган с возможностью обжалования такого решения в суд.

Примечательно, что формулировка «предоставление правовой охраны», как это указано в п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 10, отличается от формулировки ст. 14.4 Закона о защите конкуренции – «приобретение и использование» исключительного права. Как неоднократно отмечалось СИП, указанные различия в терминологии не случайны: «приобретение» возможно как первоначальным (вследствие подачи заявки на регистрацию), так и производным способом (по договору об отчуждении), в то же время «предоставление правовой охраны» – лишь первоначальное приобретение [9].

Таким образом, Суду по интеллектуальным правам подсудны только те споры, где исследуется недобросовестность правообладателя на этапе регистрации товарного знака.

С таким подходом сложно не согласиться, ведь решение СИП по данному делу является основанием для признания недействительной регистрации товарного знака – то есть прекращения правовой охраны с самого начала (подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ). В то же время ст. 1514 ГК РФ предусматривает возможность прекращения права на будущее время.

С учетом этого ст. 1512 ГК РФ должна применяться лишь если нарушение имело место с самого начала, на момент подачи заявки.

Действительно, можно представить ситуацию, при которой действия производного правообладателя представляли собой акт недобросовестной конкуренции, тогда как первоначальный обладатель права зарегистрировал товарный знак, имея лишь законные и добросовестные мотивы. В подобной ситуации аннулирование товарного знака «задним числом» не будет соответствовать смыслу законодательного регулирования.

Подводя итог вышеизложенным рассуждениям, следует обратить внимание на весьма важную проблему. Как отмечалось ранее, заинтересованное лицо вправе обратиться одновременно и в суд, и в антимонопольный орган с заявлением о признании действий актом недобросовестной конкуренции (либо вместо последнего – в суд с заявлением об оспаривании ненормативного правового акта антимонопольного органа в порядке гл. 24 АПК РФ). То есть вероятны ситуации, при которых два процесса, существенное значение для которых имеют одни и те же обстоятельства, будут идти параллельно. Не исключено, что интерес лица в таком случае будет защищен в одном из процессов, и потребность в повторной защите того же интереса пропадет.

Говорить о тождестве судебных процессов в данном случае не приходится, поскольку имеет место несовпадение предметов иска: в первом случае заявитель требует признать действия лица актом недобросовестной конкуренции, во втором – признать акт антимонопольного органа недействительным.

В таком случае решение суда, принятое по результатам одного судебного разбирательства, должно быть преюдициальным для аналогичного дела. Как отмечал Президиум Суда по интеллектуальным правам, суду первой инстанции следует выяснить, сходны ли предметы судебного и антимонопольного дел, объем доказательств, и лишь после этого суд может приступить к определению правовых последствий [10]. Такой подход представляется верным.

Таким образом, в отличие от порядка рассмотрения дел о защите интеллектуальных прав в Роспатенте (ФИПС), рассмотрение дел в антимонопольных органах может осуществляться параллельно судебному процессу по тому же вопросу.

Указанные различия в правовом регулировании административных порядков связаны, вероятно, с тем, что при защите интеллектуальных прав в

Роспатенте исследованию подлежат вопросы, требующие специальных научно-технических знаний и, как следствие, последовательной проверки через ППС в СИП. В случае с защитой интеллектуальной собственности антимонопольными органами, как отмечает К.А. Писенко, мировой опыт ориентируется не на административную, а на судебную защиту от актов недобросовестной конкуренции, что проистекает из понимания этого нарушения как частноправового [11, с. 51].

Список литературы:

1. Ивкина А.А. Компетенция арбитражных судов в сфере защиты интеллектуальных прав. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. кан. юрид. наук. М. 2016. 28 с.
2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3434.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2021.
4. Четвертакова Е.С. Суд по интеллектуальным правам: компетенция & компетентность // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2023. Вып. 2 (40). С. 83-100.
5. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.12.2015 № С01-1201/2015 по делу № СИП-564/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: Версия Проф» (дата обращения: 02.07.2024).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 96. 2019.

7. Уколов С. М. Отдельные вопросы подсудности и подведомственности в практике Суда по интеллектуальным правам// Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 14. 2016. С. 83-90.

8. Определение Суда по интеллектуальным правам от 16.01.2024 по делу № СИП-8/2024 «О возвращении заявления» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: Версия Проф» (дата обращения: 02.07.2024).

9. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 23.05.2022 по делу № СИП-989/2021.

10. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 16.12.2022 № С01-2013/2022 по делу № СИП-78/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: Версия Проф» (дата обращения: 02.07.2024).

11. Писенко К.А. Понятие государственной антимонопольной политики в контексте проблематики административно-правового обеспечения баланса интересов // Конкурентное право. 2018. № 1.

Машинская Нина Александровна
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
Институт права и предпринимательства
Россия, Екатеринбург
m.ninaninanina@mail.ru
Mashinskaya Nina
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of Law and Entrepreneurship
Russia, Ekaterinburg

ИЗВЕЩЕНИЕ О ВОЗБУЖДЕНИИ ГРУППОВОГО ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: групповой иск является относительно новым институтом в российском законодательстве. Извещение о возбуждении группового иска является обязательным этапом в рамках группового производства. Процедура извещения о возбуждении группового иска не имеет должной регламентации в законе, что требует введение соответствующих дополнений. В работе анализируется публичная и индивидуальная форма извещения.

Ключевые слова: извещение, гражданский процесс, законодательство, групповой иск, модернизация.

NOTIFICATION OF THE INITIATION OF A CLASS ACTION IN CIVIL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Annotation: class action is a relatively new institution. Notification of the initiation of a class action is a necessary measure within the framework of a class action. The notification procedure itself does not have proper regulation in the law, which

requires the introduction of appropriate additions. The article analyzes the public and individual form of notification.

Key words: notification, civil procedure, legislation, class action, modernization.

Институт группового иска является относительным новым. Определение понятия на законодательном уровне отсутствует, в связи с чем используется доктрина. Наиболее точным является определение, которое сформулировано В.В. Ярковым, то есть групповой иск — это процессуальный институт, который позволяет защищать интересы большой группы лиц, персональный состав которой неизвестен на момент возбуждения дела, одному или нескольким из участников этой группы без специального получения на то полномочий со стороны всех входящих в нее лиц [1, с. 32]. На данный момент групповые иски показывают лишь востребованность и демонстрируют эффективность в выборе средств защиты прав, данный институт постоянно развивается и как следствие этого требует от законодателя более четкого и отлаженного механизма его реализации [2, с. 3].

Извещение о возбуждении группового иска в гражданском процессе может иметь индивидуальную или публичную формы. Исходя из ч. 3 ст. 244.26 ГПК РФ [3], где указано, что предложение о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц должно быть сделано в публичной форме путем опубликования сообщения в средствах массовой информации, можно выяснить, что законодатель большее предпочтение отдает второй форме извещения (то есть публичной). Также на это указывает выбор законодателем следующей правовой фикции: достаточно опубликование извещения лишь на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", на котором размещается информация о деятельности суда, и считается, что обязанность по извещению о

возбуждении группового иска в гражданском процессе исполнена, а значит и члены группы лиц должны знать о наличии группового производства.

Выбор публичной формы извещения влечет за собой ряд трудностей:

1. Выбор подходящего СМИ для извещения в каждом конкретном деле. Телевиденье, сеть «Интернет», газета, радио, объявление в газете, на доске объявлений в соответствующем доме и т.д. – есть различные средства для публичного извещения о возбуждении группового иска. Выбор конкретного способа для извещения не всегда является очевидным. Необходимо одновременно добиться и извещения наибольшего количества членов группы лиц и действовать с наименьшим ущербом для сторон, в частности, избежать несоразмерные расходы на извещение, не причинить ущерб деловой репутации ответчика и т.д.

Телевидение. В зависимости от масштабности дела извещение посредством телевидения может быть наиболее оптимальным вариантом. Например, в случае наличия спора, затрагивающего права определенных лиц в конкретной небольшой территории размещение в региональном телевидении объявления о групповом иске будет являться наиболее эффективным и относительно малозатратным средством. В случае, если спор имеет более масштабный характер и/или не имеет прямой связи с конкретной местностью, обращение в региональное телевидение может быть неэффективным, а для федерального потребуются большие денежные средства, потому не являться оправданным средством извещения.

Сеть «Интернет». Размещение сообщения на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на котором размещается информация о деятельности суда, является, с точки зрения законодателя, надлежащем извещением, однако данный способ не является универсальным. Извещение посредством размещения на официальном сайте суда информации о наличии группового производства позволит лишь

потенциально известить тех лиц, которые обратились с самостоятельным иском в данный суд или готовятся с таким иском обратиться. Данный способ не охватывает случаи, когда действует правило об альтернативной подсудности, позволяющий обращаться для защиты прав и законных интересов не в единственный возможный суд (например, потребитель наделен большими возможностями выбора места подсудности). Это обстоятельство препятствует тому, чтобы каждый член группы лиц мог узнать о наличии группового производства при попытке подачи в суд самостоятельного иска. Следовательно, данный способ не может в полной мере известить всех членов группы лиц.

Размещение извещения на других сайтах неоднозначно, с одной стороны необходимо, чтобы наибольшее количество членов группы лиц получило извещение, с другой - не каждый член группы лиц может получить извещение, размещенную на непопулярном сайте, или же размещение также может быть платным и несоразмерно дорогим, потому недоступным, или же иметь ограниченный доступ (то есть не каждый может получить информацию с конкретного источника).

У следующих источников: газета, радио, объявление в газете, на доске объявлений в соответствующем доме и т.д. аналогичный механизм действий – необходимо исходить из характера спора и его масштабности, чтобы выяснить, позволит ли он охватить наибольшее количество членов группы лиц, является ли требуемая оплата за подобную услугу доступной.

Со стороны ответчика есть риск при публичном извещении претерпеть ущерб деловой репутации и другие издержки при необоснованной подаче искового заявления или иных подобных случаях, что необходимо учитывать при выборе конкретного СМИ. Конечно же, в таком случае можно использовать одно из средств защиты своих прав, указанный в абз. 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой

репутации граждан и юридических лиц» [4], согласно которому гражданин, в отношении которого в средствах массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, а также юридическое лицо, если опубликованные сведения порочат его деловую репутацию, имеют право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации (пункты 3, 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, статья 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»). Данное средство не всегда эффективно, то есть не всегда может помочь восстановить деловую репутацию, потому размещение информации о групповом иске публичным способом может повлечь непоправимые последствия. При этом необходимо добиться, чтобы потенциальные участники были уведомлены о возбуждении группового иска. В связи с необходимостью соблюдения баланса данных интересов публичный способ извещения может быть не всегда подходящим.

Таким образом, следует задуматься о большей реализации именно индивидуальной формы извещения о возбуждении группового иска. Данная форма иска позволит избежать большие затраты на извещение и не допустить непоправимых последствий для репутации ответчика.

Индивидуальная форма извещения предусмотрена в ч. 4 ст. 244.16 ГПК РФ, согласно которой по ходатайству лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, суд может истребовать информацию, на основании которой можно определить иных членов группы лиц и их адреса для направления им предложения о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. Данный способ нацелен на добросовестное исполнение ответчиком требования суда, однако стоит отметить, что ответчик в большинстве случаев не заинтересован в надлежащем извещении потенциальных участников группового иска, вследствие чего может не выполнить или выполнить лишь частично требование суда. Судебный штраф,

предусмотренный в ст. 105 ГПК РФ, который не может превышать для граждан пять тысяч рублей, на должностных лиц - тридцать тысяч рублей, на организации - сто тысяч рублей, не всегда может простимулировать ответчика исполнить требование суда, так как может быть выгоднее заплатить судебный штраф, чем при вынесении судебного решения не в пользу ответчика нести расходы больше, чем те, которые были бы в результате с ненадлежащим извещением. Увеличение размера судебного штрафа в данной ситуации повысило бы эффективность данной меры.

Индивидуальная форма извещения членов группы лиц о возбуждении группового иска предполагает лишь использование в российском судопроизводстве заказных писем с уведомлением о вручении, согласно ст. 113 ГПК РФ. Данный подход представляется весьма неудобны, поскольку использование заказных писем может быть неподъемно дорогим. В судебной практике США суды признали, что его высокая стоимость не является оправданной [5, с. 142]. С учетом конкретного характера спора при наличии электронных адресов потенциальных участников группового иска извещение посредством использования электронной почты является наиболее доступным способом, однако стоит упомянуть и о риске неполучения электронного письма.

Выводы. Необходимо предусмотреть возможность для сторон выбора формы извещения: индивидуальная или публичная. Как было отмечено выше, в ч. 3 ст. 244.26 ГПК РФ указано, что предложение о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц должно быть сделано в публичной форме путем опубликования сообщения в средствах массовой информации. Данное императивное правило том, что форма извещения должна быть обязательно публичная не всегда может быть оправданным, предоставление права на выбор формы извещения для сторон

сделало бы механизм извещения о возбуждении группового иска более удобным и поспособствовало соблюдению баланса интересов обеих сторон.

Таким образом, процедура извещения о возбуждении группового иска нуждается в совершенствовании. Как отмечается исследователями, с точки зрения используемых для характеристики модели критериев российский групповой иск является ограниченным, но в то же время предоставляет более широкие возможности для защиты прав и интересов больших групп [6, с. 13]. Так, эксперты полагают, что создание на базе сайта Роспотребнадзора или портала «Госуслуг» сервиса, который оповещал бы граждан о коллективных исках, значительно повлияло бы на рост числа коллективных исков в целом [7].

Список литературы:

1. Ярков В. В. Новые формы исковой защиты права в гражданском процессе (групповые и косвенные иски) // Государство и право. 1999. № 9. С. 32.
2. Гринь, Е. А. К вопросу о групповых исках в гражданском процессе / Е. А. Гринь // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год: Материалы Юбилейной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского ГАУ, Краснодар, 06 апреля 2022 года / Отв. за выпуск А.Г. Коцаев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2022. – С. 708-710. – EDN ITGUKA.
3. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».
5. Долганичев, В.В. Возбуждение и подготовка дел группового производства [Электронный ресурс] / В.В. Долганичев. - М. : Статут, 2017. -

176 с. - ISBN 978-5-8354-1397-3. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1014785> (дата обращения: 17.12.2023). – Режим доступа: по подписке.

6. Ярков, В. В. Групповые иски: сравнительный анализ / В. В. Ярков, В. В. Долганичев // Herald of the Euro-Asian Law Congress. – 2020. – № 1. – С. 118-133. – DOI 10.34076/2619-0672-2020-4-1-118-133. – EDN WWWVJP.

7. Коллективное сознательное: почему групповые иски непопулярны у россиян. – URL: [https:// iz.ru/1419437/kseniia-nabatkina/kollektivnoe-soznatelnoe-rochemugruppovye-iski-neropuliarny-urossiian](https://iz.ru/1419437/kseniia-nabatkina/kollektivnoe-soznatelnoe-rochemugruppovye-iski-neropuliarny-urossiian) (дата обращения: 07.02.2023).

Мифтяхетдинов Айрат Тахирович

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт публичного права и управления

Россия, Москва

airatmift@icloud.com

Miftiakhethdinov Airat

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Public Law and Management

Russia, Moscow

ОБЩЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ:

ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ

Аннотация: в статье рассматриваются критерии признания фактов общеизвестными в гражданском процессе в соответствии со ст. 61 ГПК. Автор выделяет три критерия, рассматривает их особенности и взаимосвязь друг с другом. В работе анализируется судебная практика и мнения ученых относительно общеизвестных фактов. На основе выделенных критериев автор дает определение исследуемому явлению.

Ключевые слова: право, гражданский процесс, общеизвестные факты, критерии общеизвестности, понятие общеизвестных фактов, статья 61 ГПК.

NOTORIOUS FACTS IN CIVIL PROCEEDINGS: THE CONCEPT AND

CRITERIA

Annotation: this article examines the complex field of defining the concept of "common knowledge" in the context of civil proceedings, as defined in article 61 of the Code of Civil Procedure. The author carefully identifies and analyzes three key

criteria, exploring their distinctive features and complex relationships, providing a comprehensive understanding of this phenomenon.

Key words: law, civil procedure, notorious facts, criteria for notoriety, the concept of notoriousness, Article 61 of the CPC.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса (далее - ГПК) каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. Таким образом, по общему правилу, бремя доказывания каких-либо фактов, имеющих значение для правильного разрешения дела, лежит на стороне, которая заявила эти факты. Но в исключение из этого общего правила в ГПК предусмотрены две группы фактов, установление судом которых освобождает стороны от их доказывания. Речь идет о ст. 61 ГПК, в которой можно выделить следующие основания для освобождения от доказывания: во-первых, это общеизвестные факты, предусмотренные ч. 1 комментируемой статьи и, во-вторых, это преюдициально установленные факты, которые нашли отражение в ч. 2, 3 и 4 указанной статьи.

Почему законодатель определил общеизвестные факты, как обстоятельства, которые могут не доказываться сторонами? Думается, приоритет отдается тому, что такие факты являются очевидными. Очевидность в Толковом словаре живого великорусского языка понимается как нечто явное, ясное для ума, верное, несомненное [1, с. 1348]. Можно сделать вывод, что при таком понимании «очевидности» обстоятельств представляется нелогичным доказывание их в судебном процессе. Так. М. К. Треушников писал, что «общеизвестные факты освобождены от доказывания потому, что истинность их очевидна и доказывание является излишним [2, с. 30-31], а Е. В. Васьковский отмечал, что такие обстоятельства «не нуждаются в доказывании (*notorium pop eget probatione*), потому что отрицание их либо прямо нелепо,

либо вызывается недобросовестным желанием затянуть производство дела» [3, с. 231-232].

В науке гражданского процесса выделяют два критерия (условия), наличие которых необходимо для признания факта общеизвестным: объективный — то есть это известность о факте широкому кругу лиц и субъективный, под которым понимается известность факта всем членам суда [4, с. 52].

Рассмотрим каждый критерий подробнее.

Известность о факте широкому кругу лиц. Следует сказать, что данный критерий является очень относительным, непостоянным и может меняться в зависимости от самого обстоятельства. М. Д. Олегов предлагает классифицировать такие факты на всемирно известные, известные в пределах континента, государства, субъекта федерации, определенной местности, населенного пункта [5, с. 251]. При этом, если факт не является всем известным, суд должен указать, что такой факт является общеизвестным на определенной территории. Связано это с тем, что вышестоящий суд может не знать о таких фактах, признанных общеизвестными. Если суд сделал такую отметку, то такие обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении вышестоящим судом дела, в котором участвуют те же лица. Данный теоретический подход находит отражение в судебной практике. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации в споре о возмещении морального вреда признала общеизвестным факт, что при незаконном уголовном преследовании каждый человек испытывает как нравственные, так и физические страдания [6]. В более раннем определении Верховный Суд Российской Федерации признал, что фамилия Президента Российской Федерации – Путин [7]. Второй кассационный суд общей юрисдикции признал общеизвестным факт, что на территории Крыма нет ни одного отделения банка «Восточный» или «Совкомбанка» [8].

Четвертый кассационный суд общей юрисдикции признал наводнение 24 - 25 октября 2018 г. в Туапсинском районе Краснодарского края общеизвестным фактом [9]. Шестой кассационный суд общей юрисдикции подтвердил доводы суда первой инстанции о том, что отсутствие сезонной одежды может негативно повлиять на здоровье человека [10]. Таким образом, можно прийти к выводу, что единый перечень общеизвестных фактов, известных широкому кругу лиц, установить невозможно, так как таких фактов безграничное множество, а они сами могут связываться с различными основаниями своего возникновения. В связи с этим думается, что при отнесении какого-либо факта к числу общеизвестных, следует руководствоваться критерием «абстрактного человека» с «общим образованием, получаемым в университетах, и внимательным отношением к окружающей жизни» [11, с. 103]. Основываясь на таком подходе, мы и можем говорить, что то или иное обстоятельство известно широкому кругу лиц.

Также в рамках критерия известности того или иного обстоятельства широкому кругу лиц считаю необходимым рассмотреть вопрос об общедоступности информации для признания какого-либо факта общеизвестным. Например, можно ли признать то или иное обстоятельство общеизвестным, если сведения о нем содержатся в сети «Интернет»? Для начала отмечу, что существует множество источников получения информации. К ним можно отнести веб-сайты, прессу, радио, телевидение и многие другие. Но при этом не каждый такой источник может способствовать признанию факта общеизвестным. Так, К. С. Юдельсона, который рассматривал прессу в качестве источника общеизвестности, отмечал, что «не все помещенные в печати сведения могут быть использованы в качестве источника общеизвестности. Несмотря на высокий авторитет советской печати, только те сведения могут быть использованы в целях освобождения от доказывания, которые имеют официальный характер (в широком смысле). Иные газетные

материалы, заметки, письма не могут быть обоснованием освобождения от представления доказательств, а, напротив, затронутые в них факты сами являются предметом проверки в доказывании» [12, с. 542–543]. Можно сказать, что источник информации должен быть доступен неограниченному кругу лиц, быть надежным и объективным. В связи с этим логичным видится вывод, что источниками общественной известности являются государственные источники информации. К таковым можно отнести различные сайты органов публичной власти или, например, «Парламентскую газету», в которой публикация текста принятого закона признается его официальным опубликованием. Но источники не могут и не должны быть ограничены перечисленными выше, думается, этот список должен быть расширен до того момента, пока у состава суда не возникнет никаких сомнений и подозрений в надежности и достоверности используемого им источника. В большей степени в настоящее время это относится к информации, получаемой из всемирной сети «Интернет». Такой вывод подтверждается многочисленной правоприменительной практикой. Например, Замоскворецкий районный суд города Москвы рассмотрел дело о взыскании денежных средств и пришел к выводу, что истцом был указан ненадлежащий ответчик, так как, согласно общедоступным сведениям, содержащимся в сети «Интернет», можно прийти к выводу, что лицом, предоставляющим сервис «Google Play» в России, является не российское ООО «Гугл», а американская «Google LLC». Этот факт суд признал общеизвестным в соответствии с ч. 1 ст. 61 ГПК [13]. В другом деле Девятый кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами нижестоящих судов о том, что на официальном сайте Федеральной налоговой службы России в информационной сети «Интернет» содержатся общедоступные сведения о месте нахождения ответчика, и признал данные обстоятельства общеизвестными [14]. Данные примеры наглядно демонстрируют, что суд может использовать как государственные источники информации, так и иные веб-сайты, пока они не

вызывают никаких сомнений в своей достоверности. Если говорить о взаимосвязи общедоступности информации и известности факта широкому кругу лиц, то можно, как мне кажется, сделать следующий вывод: общедоступная информация является в большинстве случаев общеизвестной, в то время как информация, не содержащаяся в общедоступных источниках, в большинстве случаев не будет являться общеизвестной.

Второй критерий – известность обстоятельства суду. В науке гражданского процесса не сложилось единого мнения относительно того, какой из данных двух критериев является преобладающим. Так, Е. В. Васьковский утверждал, что установление объективных признаков «решительно» невозможно, и отдавал приоритет субъективным признакам, аргументируя это тем, что по итогу решение признать факт общеизвестным или не признать зависит от усмотрения суда [3, с. 231-232]. Анализ же ч. 1 ст. 61 ГПК и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что признание факта общеизвестным – право суда, а не его обязанность. Данный вывод подтверждает позицию Е. В. Васьковского. Но представим следующую ситуацию: судья, рассматривающий спор о возмещении причиненного ущерба в следствие допущения ошибки при создании системы информационной безопасности, обладает специальными знаниями в этой области. Следовательно, судья может, используя свое право и знания, признать, что будет являться общеизвестным факт незащищенности платформы при наличии такой ошибки и вынести на основании этого факта решение по делу. Но будет ли такое решение правомерным, а факт - общеизвестным? Разумеется, нет. В данном случае, в связи с отсутствием объективного критерия, специальные знания (субъективный критерий) судьи подменяют знания, наличие которых предполагается у любого среднестатистического «абстрактного человека» (объективный критерий), то есть важно отметить, что нельзя среди данных двух признаков выделить преобладающий. Иная ситуация складывается, если какое-

либо обстоятельство известно широкому кругу лиц, но при этом не известно суду, ведь, как отмечалось выше, суд имеет право признать факт общеизвестным, но не обязанность. Следовательно, если сторона ссылается на такое обстоятельство, а суд не признает его общеизвестным, то эта сторона не освобождается от его доказывания. Можно лишь утверждать, что сам процесс доказывания будет прост, что соответствует природе общеизвестных фактов, ведь информация о них содержится в множестве источников. В связи с этим следует отметить следующую закономерность: чем более очевиден факт, тем он менее сложен в доказывании; чем менее очевиден факт, тем более он сложен в доказывании. Таким образом, отнесение какого-либо факта к числу общеизвестных возможно только при одновременном наличии двух вышеперечисленных условий.

Помимо названных критериев, считаю важным дополнить их еще одним – признание судом определенного факта общеизвестным. Так как мы говорим об общеизвестности каких-либо фактов в рамках гражданского процесса, в рамках ГПК, то фактическая, внепроцессуальная общеизвестность обстоятельства не несет никакого смысла без волеизъявления суда, направленного на признание определенного факта общеизвестным в рамках конкретного дела. Тот факт, что обстоятельство известно широкому кругу лиц и (или) известно суду, не делает его общеизвестным фактом применительно к ч. 1 ст. 61 ГПК, ведь из буквального толкования данной статьи следует, что только тот факт является общеизвестным, который признан судом таковым. То есть суд своими действиями в рамках конкретного дела придает определенному факту общеизвестность и процессуальную значимость в силу ч. 1 ст. 61 ГПК.

Таким образом, к критериям признания фактов общеизвестными следует отнести следующие:

1. Известность о факте широкому кругу лиц
2. Известность о факте суду

3. Признание судом факта общеизвестным

Исходя из данных критериев, можно дать определение общеизвестным фактам в рамках гражданского процесса. Ими являются обстоятельства реальной действительности, известные как широкому кругу лиц, так и суду, рассматривающему конкретное дело, и признанные им таковыми в соответствии с ч. 1 ст. 61 ГПК.

Список литературы:

1. Даль В.И. Толковый Словарь Живаго Великорускаго Языка. ч. 2. И-О. 1865 г. С 1348.
2. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 1999. с. 30 – 31.
3. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. Изд-е 2-е. М; 1917 г. С. 231-232.
4. Курылёв С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 52 // СПС КонсультантПлюс
5. Гражданский процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова. Москва : Проспект, 2015. С. 251.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.03.2019 N 78-КГ18-82 // СПС КонсультантПлюс
7. Определение Верховного Суда РФ от 01.03.2004 N 8-Г04-8 // СПС КонсультантПлюс
8. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.07.2023 по делу N 88-18089/2023 // СПС КонсультантПлюс
9. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2020 по делу N 88-3471/2020 // СПС КонсультантПлюс
10. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2020 по делу N 88-8228/2020 // СПС КонсультантПлюс

11. Хрестоматия по гражданскому процессу: Учебное пособие / Под ред. М.К. Треушникова. М., 1996. С. 103.
12. Юдельсон К. С. Проблемы доказывания в советском гражданском процессе. Москва – Екатеринбург, 2005. С. 542-543.
13. Решение Замоскворецкого районного суда города Москвы от 31.10.2022 по делу N 02-6672/2022 // СПС КонсультантПлюс
14. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2023 N 88-1329/2023 по делу N 9-2/22 // СПС КонсультантПлюс

Фрейдин Алексей Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

alekseifreidin@yandex.ru

Freydin Alexey

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЭСТОППЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в настоящей статье автор анализирует трудности, возникающие в судебной практике арбитражных судов в связи с применением принципа процессуального эстоппеля, представляющего собой меру ответственности за противоречивое поведение сторон, на основе изучения нормативных-правовых актов, судебной практики, правовой доктрины процессуального эстоппеля.

Ключевые слова: эстоппель, процессуальный эстоппель, добросовестность, недобросовестное поведение, противоречивое поведение.

SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF PROCEDURAL ESTOPPELIN IN MODERN ARBITRATION PROCEEDINGS

Annotation: in this article the author analyzes the difficulties arising in the judicial practice of arbitration courts due to the application of the principle of procedural estoppel, which is a measure of responsibility for contradictory behavior of the

parties, based on the study of regulatory legal acts, judicial practice, and the legal doctrine of procedural estoppel.

Key words: estoppel, procedural estoppel, good faith, bad faith behavior, contradictory behavior.

Злоупотребление процессуальными правами как разновидность недобросовестного поведения сторон судебного разбирательства – нередкое явление в современном арбитражном процессе, которое с неизбежностью влечет нанесение существенного урона правосудию и умаление авторитета судебной власти [1, с. 36]. Нецелевое использование лицами, участвующими в деле, своих процессуальных прав в ряде случаев приводит к неоднократному отложению судебного разбирательства, нарушению процессуальных сроков, затягиванию рассмотрения дела по существу, и, как следствие, принятию незаконного и необоснованного итогового решения по делу.

На борьбу с разного рода процессуальными злоупотреблениями направлены усилия не только государства в лице его законодательных и правоприменительных органов, но и доктрины, предлагающей различные меры ответственности недобросовестных лиц, злоупотребляющих своими процессуальными правами для реализации собственных материальных интересов.

Одним из институтов, направленных на борьбу со злоупотреблением процессуальными правами, является процессуальный эстоппель (от фр. «estouper» – останавливать).

В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) термин «процессуальный эстоппель» нормативно не закреплен, однако его традиционно определяют через толкование ч. 3.1. ст. 70 АПК РФ, устанавливающей, что обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными

другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований [2].

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) понимает под эстоппелем утрату права на возражение в целях пресечения необоснованных процессуальных нарушений [3].

Фактически правило (принцип) процессуального эстоппеля представляет собой запрет ссылаться на определенные обстоятельства как на основание своих возражений в случае, если ранее данные обстоятельства признавались стороной бесспорными, исходя из ее действий или заверений [4].

Несмотря на то что эффективность применения в практике арбитражных судов правила процессуального эстоппеля в целях борьбы с недобросовестным поведением участников процесса не вызывает сомнений, правовая регламентация данного института находится на недостаточно высоком уровне, что влечет определенные трудности при его реализации в рамках реального судебного разбирательства.

Во-первых, в связи с отсутствием детальной правовой проработанности института процессуального эстоппеля отечественные арбитражные суды при принятии итогового решения по делу вынуждены ссылаться на общие нормы законодательства, налагающие на стороны спорного материального правоотношения обязанность по добросовестному поведению (в частности, статьи 1 и 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [5], ст. 9, ч. 2 ст. 41 АПК РФ и др.). Например, Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2021 № 08АП-12685/2021 по делу № А81-2521/2021, Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.03.2022 № 12АП-2678/2022 по делу № А12-34248/2014, Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2023 № 08АП-570/2023

по делу № А46-12424/2022, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2023 № 13АП-38506/2022 по делу № А56-78043/2021, Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2022 № С01-2296/2021 по делу № СИП-511/2021.

Как отмечают Володарский Д.Б. и Кашкарова И.Н., в случае осуществления детальной нормативной проработки правового института процессуального эстоппеля суды, мотивируя основанные на данной доктрине решения, имели бы возможность проводить более детальный анализ того, какие конкретные условия позволяют задействовать при рассмотрении дела столь специфический правовой механизм, как процессуальный эстоппель [6].

В связи с тем, что текущее применение процессуального эстоппеля в практике арбитражных судов основывается не на нормативных (официально определенных), а оценочных понятиях, значительно возрастает роль судебного усмотрения в каждом конкретном деле, что делает правоприменение непредсказуемым и зачастую несправедливым [7, с. 176].

В результате отсутствия правовой определенности возникают ситуации, когда в одних случаях суд при наличии определенных фактических обстоятельств применяет процессуальный эстоппель как меру ответственности за недобросовестное поведение стороны, а в других – в рамках аналогичного дела со схожими фактическими обстоятельствами – не применяет, хотя характер фактических обстоятельств соответствует ситуациям, на которые теоретически и рассчитано применение эстоппеля.

Во-вторых, дискуссионным является вопрос о том, в какой момент возникают основания для применения судами правила процессуального эстоппеля.

Если анализировать эстоппель с точки зрения цели его применения как запрета на возражения в рамках судебного разбирательства, то становится очевидно, что вне процессуальных отношений возникновение эстоппеля

невозможно. Однако важно установить, в рамках каких правоотношений возникают основания для применения эстоппеля, определить момент их возникновения.

Анализ ряда судебных актов показывает, что суд оценивает поведение сторон спора в динамике, то есть в определенной хронологии их действий (например, Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.12.2017 № 07АП-9617/2017 по делу № А27-16650/2017, Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2022 № 10АП-2128/2022 по делу № А41-65394/2021).

Представляется, что добросовестность лица не может быть оценена в статике, то есть без анализа его поведения в определенной хронологической протяженности (последовательности или непоследовательности его слов, действий, заверений).

Следовательно, основания для применения эстоппеля не могут быть опосредованы исключительно процессуальными правоотношениями, поскольку изначальное поведение лица, отказаться от которого оно не вправе под угрозой применения эстоппеля, может возникнуть задолго до судебного разбирательства.

И хотя деятельность сторон по досудебному урегулированию спора не охватывается предметом арбитражного процессуального права, действия лица, осуществленные до момента возникновения процессуальных правоотношений должны быть проанализированы судом в случае заявления противоположной стороны о противоречивости поведения процессуального оппонента.

В противном случае недобросовестная сторона, действовавшая определенным образом на стадии досудебного урегулирования спора, получит необоснованное преимущество в случае существенного изменения позиции в рамках судебного процесса.

В-третьих, в отсутствие нормативно закрепленной дефиниции термина «правовая позиция» («правовая позиция стороны») на практике возникают трудности с определением критериев ее противоречивости и изменчивости. А потому обоснован вопрос о том, что надлежит считать противоречивым поведением стороны для целей применения процессуального эстоппеля.

Как отмечает Н.А. Власенко, под правовой позицией надлежит понимать правовые идеи, основанные на мотивах юридического решения фактических ситуаций (необязательно правоприменительных) [8].

Таким образом, формируя правовую позицию по конкретному делу, стороны прежде всего руководствуются мотивом извлечения выгоды и защиты собственных интересов. Именно поэтому при применении принципа процессуального эстоппеля недостаточно установить лишь противоречивость и непостоянство позиции стороны в рамках разбирательства, судам надлежит устанавливать, что причиной такого поведения служит желание лица извлечь выгоду для себя в ущерб другой стороне. С учетом того, что волеизъявление лица может быть выражено как в форме активных действий, так и бездействия, суд должен располагать информацией о первоначальных намерениях сторон в исходном материально-правовом споре.

Крупный специалист в области международного права Каламкьян Р.А. предложил выделять следующие критерии применения принципа эстоппеля к межгосударственным отношениям, которые с известной степенью допустимости можно распространить и на процессуальные правоотношения:

- юридически правоспособный субъект (заявитель эстоппеля) на основе свободного и обдуманного волеизъявления сформировал ясную и недвусмысленную правовую позицию по конкретным вопросам настоящего или прошлого;

- заявитель доказал, что вследствие занятой противоположной стороной позиции он предпринял определенные действия или, напротив, воздержался от них, тем самым поступив добросовестно;

- заявитель доказал, что вследствие совершенных или несовершенных им действий, вызванных изменением правовой позиции противоположной стороны, был причинен ущерб его собственным интересам;

- заявитель доказал, что исходная и последующая (измененная) позиции сформированы одним и тем же субъектом [9].

Изменение процессуальной позиции по делу как одно из оснований применения принципа процессуального эстоппеля требует всеобъемлющего анализа, поскольку такое поведение стороны спора само по себе не может свидетельствовать о ее недобросовестности. Как отмечал Нам К.В., «следует скептически относиться к имеющемуся в российском праве подходу, ставящему знак равенства между противоречивым поведением и недобросовестностью» [10, с. 7].

Противоречивое поведение не всегда обусловлено стремлением лица одержать верх в судебном разбирательстве любой ценой, оно может являться следствием, например, процессуального правопреемства или замены представителя. Изменение процессуальной позиции стороны в указанных случаях не является определяющим фактором при применении судом принципа процессуального эстоппеля и требует выяснения всех обстоятельств, обуславливающих противоречивость поведения стороны в процессе. Необходимо помнить, что сторона может быть уличена в недобросовестном поведении только тогда, когда своими действиями или бездействиями намеревалась причинить вред процессуальному оппоненту, что проистекает из основных начал гражданского законодательства.

Учитывая изложенное, вопрос применения процессуального эстоппеля требует дальнейшей доктринальной и законодательной разработки.

Представляется, что проблемы, освещенные в настоящей работе, являются следствием отсутствия нормативного закрепления термина «эстоппель», критериев и условий его применения, что повышает роль судебного усмотрения и свободного толкования, негативно сказывающихся на эффективности правосудия. Наличие в распоряжении суда четко определенных правовых механизмов противодействия злоупотреблению процессуальными правами безусловно положительно скажется на правоприменении, позволит сформировать единообразную судебную практику и, как итог, повысит авторитет судебной власти.

Список литературы:

1. Непранов Р.Г, Воскобойникова С.А Злоупотребление процессуальными права в гражданском процессе // Вестник науки и образования. 2020. № 23-3 (101).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46. Ст. 4532.
3. Определение Верховного Суда РФ от 10.01.2022 № 305-ЭС21-25076 по делу N А40-247839/2019.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2018 N Ф05-20176/2018 по делу № А40-200515/17.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
6. Володарский Д.Б., Кашкарова И.Н. Процессуальный эстоппель в системе общего права // Закон. 2020. №№ 4,5.
7. Яхимович А.В. Эстоппель в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

8. Власенко Н.А. Правовые позиции: понятие и виды // Журнал
российского права. 2008. № 12 (144).
9. Каламкарян Р.А. Эстоппель как институт международного права //
Юрист-международник. 2004. № 1.
10. Нам К.В. Эстоппель в контексте принципа добросовестности // Закон.
2020. № 4.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 336.22

Анисимова Ксения Борисовна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита

Россия, Москва

anisimova.kb01@gmail.com

Anisimova Ksenia

Lomonosov Moscow State University

High school of state audit

Russia, Moscow

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НАЛОГОВОМ
АДМИНИСТРИРОВАНИИ**

Аннотация: в статье проводится анализ трансформации налогового администрирования в условиях цифровой экономики, а также возникающих правовых проблемы применения цифровых технологий в процессе налогового администрирования. Рассматриваются перспективы электронного взаимодействия между налогоплательщиками и налоговыми органами и основные факторы изменений налоговой системы. Автор проводит анализ взаимосвязи трендов цифровизации и налоговых рисков, а также предлагает подходы к решению выделенных проблем.

Ключевые слова: налоговое администрирование, цифровая экономика, цифровизация, налоговая система, АСК НДС-3.

**CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE APPLICATION OF
DIGITAL TECHNOLOGIES IN TAX ADMINISTRATION**

Annotation: the article analyzes the transformation of tax administration in the digital economy, as well as emerging legal problems of using digital technologies in the process of tax administration. The prospects for electronic interaction between taxpayers and tax authorities and the main factors of changes in the tax system are considered. The author analyzes the relationship between digitalization trends and tax risks, and also proposes approaches to solving the identified problems.

Key words: tax administration, digital economy, digitalization, tax system, Automated system of control NDS-3.

С развитием цифровизации экономики и появлением новых цифровых технологий происходит непрерывное преобразование налоговой среды. Посредством расширения рынка цифровых платформ водятся новые способы оптимизации налогового администрирования, а также преобразуются уже существующие. Такие факторы способствуют появлению вопросов, связанных с адаптацией и регулированием российского законодательства в соответствии с новыми реалиями. Это становится наиболее актуальной проблемой на данном этапе развития цифровой экономики, поскольку внедрение цифровых технологий в сферу налогового администрирования не только открывает новые перспективы, но и влечет правовые риски, которые зачастую сложно предвидеть в постоянно меняющихся реалиях современного общества. В условиях постоянных изменений и нововведений недостаточно быстрая трансформации правовой сферы влечет угрозу финансовой безопасности государства.

Основными факторами изменения системы налогового администрирования в условиях цифровизации экономики являются активно развивающиеся цифровые платформы, многие из которых основаны на использовании больших объемов данных (big data), которые приводят к увеличению трансграничных операций [2, с. 106]. Также в этой связи можно

выделить широкое распространение цифровых товаров и услуг, оказываемых посредством интернет-ресурсов, развитие рынка криптовалют. Все эти изменения повлекли необходимость трансформации налоговой среды, которая нашла свое отражение в создании и внедрении в работу Федеральной налоговой службы России (далее – ФНС России) различных автоматизированных систем для упрощения проведения налогового администрирования и улучшения контроля и взаимодействия с налогоплательщиками, которые стремятся оптимизировать свою налоговую нагрузку.

Необходимо отметить, что одним из ключевых преимуществ использования цифровых технологий и сервисов в работе ФНС России стало упрощение взаимодействия с налогоплательщиками, которое привело к более эффективному обмену информацией между субъектами налоговых правоотношений, а также способствовало соблюдению налогоплательщиками налогового законодательства. Автоматизация налогового администрирования позволяет сокращать финансовые и временные издержки, а также упрощает процессы контроля за правильностью и полнотой уплаты налоговых платежей [1, с. 64]. Например, сервис «Личный кабинет налогоплательщика» упрощает информационный обмен между налогоплательщиками и налоговыми органами, а также позволяет подавать заявления на вычеты и льготы в электронной форме, получать налоговые уведомления и оплачивать налоги. Удобство использования такого электронного ресурса увеличивает эффективность поступления налоговых доходов в бюджет страны и во многом оказывает положительное влияние на налоговую систему.

Однако с применением новых цифровых технологий налогового администрирования возрастают также и налоговые риски, которые имеют существенную значимость в системе управления финансами и функционировании налоговой системы в целом. Для того, чтобы минимизировать возникающие риски, налоговым органам и субъектам

налоговых отношений необходимо проводить комплексный анализ возникающих проблем использования современных технологий в работе сервисов, на основании которого можно своевременно вносить изменения в налоговое законодательство, способствующее осуществлению более тщательного регулирования правоотношений в данной области.

Проблема недостаточной разработанности теоретических аспектов оценки и идентификации налоговых рисков определяет необходимость уточнения понятийного аппарата. Так, в правовой доктрине налоговые риски определяются как незаконные действия налогоплательщиков, способные привести к необоснованной налоговой выгоде и, в соответствии со статьей 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), могут превышать «пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и суммы налога». Особенно актуальной в условиях развития цифровой экономики становится проблема идентификации, оценки, прогнозирования и мониторинга налоговых рисков, поскольку даже в эпоху цифровизации полностью избежать налоговых рисков не представляется возможным [3, с. 246].

Для того, чтобы прогнозировать возникающие проблемы цифровой трансформации налогового администрирования необходимо выделить взаимосвязь основных трендов цифровизации и налоговых рисков. Во-первых, широкое использование интернет-ресурсов приводит к изменению бизнес-моделей, что усложняет осуществление контроля за сделками, совершаемыми между пользователями напрямую через перевод денежных средств онлайн. Как следствие, возникают проблемы, связанные с идентификацией предпринимателей и контролем за их деятельностью, что приводит к попыткам минимизации причитающихся налоговых платежей и размыванию налоговой базы. Во-вторых, по причине более широкого распространения цифровых товаров и услуг возникают риски уклонения от уплаты налогов ввиду сложности контроля и идентификации продавцов таких товаров [10]. В-третьих,

использование оффшорных зон для уменьшения сумм уплачиваемых налогов не позволяет тщательно контролировать совершаемые сделки. Кроме того, наблюдается тенденция сокращения налоговых поступлений в связи с применением технологий искусственного интеллекта [8].

Исходя из анализа приведенных трендов цифровизации, можно говорить о такой проблеме в области налоговых рисков как мобильность нематериальных активов [5, с. 198]. На данный момент в качестве правового регулирования данной проблемы можно считать законодательное закрепление в статье 174.2 НК РФ понятия услуги в электронной форме, под которой понимается «оказание услуг через информационно-телекоммуникационную сеть, автоматизировано с использованием информационных технологий». Проблема, связанная с использованием оффшорных зон для уменьшения налоговых платежей через применение цифровых платформ, может решаться посредством принципа места реализации электронной услуги к местонахождению покупателя. Однако, такой подход не совсем эффективен, поскольку существуют риски возникновения сложностей, связанных с тем, что количество покупателей зачастую может не соответствовать количеству реальных пользователей.

Примером успешного взаимодействия между налогоплательщиками и налоговыми органами в цифровой среде является режим налогового мониторинга, который способствует эффективному сотрудничеству между сторонами [6, с. 122]. Институт налогового мониторинга появился в Налоговом Кодексе в 2015 году и изначально вводился для упрощения взаимодействия между налоговыми органами и крупнейшими налогоплательщиками. В нынешних реалиях налоговый мониторинг можно охарактеризовать как этап цифровизации органов государственного контроля, а также форму налогового контроля, подразумевающую расширенное информационное взаимодействие между налогоплательщиками и налоговыми органами.

При такой форме контроля налоговый инспектор в онлайн-режиме имеет доступ к информации, которая отражает порядок исчисления и своевременности уплаты налогов. В условиях предоставления налогоплательщиком полного доступа к информации по своим финансовым операциям для налоговых органов появляется возможность удаленно оказывать помощь по устранению правовых несоответствий в рамках осуществления сделок налогоплательщиков, а также запрашивать мнения о правовых последствиях таких сделок в режиме реального времени. В результате выездные налоговые проверки могут проводиться реже, что, соответственно, снизит затраты на их проведение, а риски сокрытия налогоплательщиками информации, запрашиваемой при проведении таких проверок, будут уменьшаться. Такая тенденция по сокращению проведения выездных налоговых проверок привела к формированию в правовой доктрине мнения, что вскоре налоговые органы могут вовсе отказаться от осуществления проверок в формате очного присутствия налогового инспектора [7].

Однако, как представляется, такая тенденция может повлечь дополнительные риски при проведении проверок только в электронном формате ввиду возможного возникновения технических ошибок, а также вероятности манипулирования налогоплательщиками информацией и документацией, предоставляемой налоговым органам дистанционно. Исходя из этого, полагаем, что выездные налоговые проверки необходимы для выявления и подтверждения подобных ошибок и получения достоверной информации о налогоплательщиках.

Цифровые технологии не только создают новые налоговые риски, но и делают возможным проведение более эффективного и быстрого налогового контроля. Осуществление контроля за исполнением налоговой обязанности налогоплательщиков значительно упрощается основанная на риск-ориентированном подходе система автоматизированного контроля денежных

средств АСК НДС-3, которая позволяет отслеживать перемещение денег между счетами юридических и физических лиц, обеспечивает прозрачность ведения бизнеса и расширяет возможности налогового мониторинга. Кроме того, в качестве современных инструментов налогового контроля можно выделить использование онлайн-касс, развитие интеграции информационных систем банков и ФНС России, а также автоматический обмен информацией с зарубежными странами [9].

Принцип работы АСК НДС-3 заключается в том, что при выявлении нарушений или обнаружении разрыва в операциях по уплате налога на добавленную стоимость, система автоматически формирует запрос с просьбой объяснить причины несоответствий и отправляет его налогоплательщику. Предоставленные пояснения могут без участия инспектора скорректировать технические ошибки, не влияющие на сумму налога. На основе полученных данных о налогоплательщике программа самостоятельно относит его к одной из групп – с низким, средним или высоким риском. В зависимости от уровня риска налоговые органы определяют, какие контрольные мероприятия необходимо провести в каждом конкретном случае (упрощенный, обычный или максимальный контроль). Такая система автоматического деления налогоплательщиков по уровням риска снижает временные и финансовые издержки органов налогового контроля, упрощает процессы сбора и консолидации информации, а также позволяет более оперативно реагировать на налоговые правонарушения.

Необходимо отметить, что приведенная форма взаимодействия в рамках налогового контроля позволяет налоговым органам сосредоточиться на решении более сложных задач, чем механическое сравнение данных по декларациям и отчетам по НДС. В целом, введение подобной системы способствует более быстрому росту налоговых поступлений в бюджет.

Еще одним примером успешной цифровизации налогового администрирования служит введение единого налогового счета (далее – ЕНС) и единого налогового платежа (далее – ЕНП), которые значительно упрощают взаимодействие между налогоплательщиками и налоговыми органами. Правовой предпосылкой введения ЕНС послужило возрастающее с каждым годом количество судебных споров, связанных с требованиями о сальдировании обязательств, а также успешная экспериментальная реализация работы ЕНП для физических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В качестве основной цели введения данного инструмента можно назвать упрощение и осуществление более эффективного налогового администрирования и достижение обоснованного расчета суммы пеней на сумму бюджетной задолженности в случае ее возникновения. Достигается такая цель посредством формирования уникальной системы учета налоговых платежей и внедрением механизма, при котором одновременно задолженность и переплата по соответствующим платежам исключается.

Как показывает статистика собираемости налогов на сайте ФНС России, внедрение цифровых механизмов в процесс налогового администрирования повысило эффективность собираемости НДС. Так, по состоянию на январь-декабрь 2023 года темп роста увеличился на 10,5%, а поступления по НДС за 2023 год увеличились почти в 4 раза по сравнению с аналогичными поступлениями в 2017 году [11].

Исходя из успешного опыта цифровизации администрирования НДС, налоговые органы стремятся к сокращению числа выездных проверок и переходу к направлению требований о добровольном уточнении налоговых обязательств непосредственно налогоплательщикам напрямую. С учетом текущей тенденции, по мере расширения использования цифровых технологий налоговые органы смогут минимизировать проведение выездных проверок, что, с одной стороны, позитивно скажется на финансовых и временных издержках, с

другой, может привести к дополнительным рискам по учету правильности и полноты проведения налогового контроля.

В целом, в Российской Федерации уровень внедрения цифровых технологий в систему налогового администрирования оценивается на высоком уровне, а многие ученые отмечают положительное влияние цифровизации на налоговое администрирование [4]. Использование цифровых технологий повышает эффективность работы налоговой системы и налогового контроля, что подтверждается данными ФНС России [12] по сокращению времени, затрачиваемого на проведение налоговых проверок, а соответственно, увеличением эффективности проведения таких проверок.

Таким образом, налоговые риски, связанные с развитием цифровой экономики и внедрением цифровых технологий в процесс налогового администрирования, возникают из-за новых инструментов ведения бизнеса, изменений в финансовых правоотношениях, в том числе ввиду появления цифровых валют и товаров, а также цифровизации систем налогового управления и мониторинга. Исследование таких рисков подчеркивает необходимость изменения системы налогового администрирования - как в части отдельных налогов, так и в отношении процесса осуществления такого администрирования.

Решение проблемы правового регулирования использования новых трендов цифровизации и возрастающих вследствие этого налоговых рисков требует своевременного реформирования налогового законодательства в соответствии с современными трендами цифровой экономики. Кроме того, существует необходимость введения специальных процессуальных норм в рамках осуществления контроля посредством использования цифровых технологий для более тщательной регламентации такого контроля и эффективной защиты прав участников налоговых отношений, а также

непрерывного учета новых налоговых рисков и выявления их негативных последствий для дальнейшего устранения.

Список литературы:

1. Арсланбекова А.З., Мустаеф Р.Э. Актуальные проблемы налогового администрирования / Юридический вестник ДГУ. - 2020. - № 4. - С. 69-73.
2. Герасименко О. А. Современные IT-технологии в налоговом администрировании в условиях перехода России к цифровой экономике / О. А. Герасименко / Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 36(4). С. 106–108. DOI 10.24412/2309-4788-2021- 11278.
3. Губар Е.А., Житкова Е.М., Кумачева С.Ш., Томилина Г.А. Моделирование процессов воздействия информации о проверках на риск-статусы и уклонения налогоплательщиков / Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. – Т. 15, № 2. – С. 245–258.
4. Деева Т. В. Технологическая трансформация налоговых органов и построение взаимодействия с налогоплательщиками с учетом их ожиданий и потребностей / Т. В. Деева / Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 9. С. 2131–2144. DOI 10.18334/ce.14.9.110801.
5. Зверева, Т. В. Снижение налоговых рисков государства в условиях цифровой экономики / ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2018. – № 2(24). – С. 195-199.
6. Кирова Е.А., Морозова Н.Г., Безверхий А.С. Трансформация налоговой системы России в условиях становления цифровой экономики / Вестник ГУУ. 2019. № 7. С. 118-124.
7. Коваленко Н.С., Леонов Е.М. Налоговый мониторинг как инструмент налоговой цифровизации» / «Закон», 2021, №4.

8. Рубеж М.Г., Рябова С.С. Управление рисками налоговых нарушений в условиях цифровой экономики / Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2022. №2 (59).
9. Староверова О.В. Цифровые технологии налогового администрирования / Вестник экономической безопасности. 2023. №1. С. 266-269.
10. Сульженко С.А. Развитие налогового администрирования в условиях цифровизации / Финансовые исследования. 2020. №3 (68).
11. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nalog.ru/>
12. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России [Электронный ресурс] // URL: <https://analytic.nalog.gov.ru/>

Зарипов Шамиль Ришатович
Уфимский университет науки и технологий
Институт права
Россия, Уфа
zaripovshamilrishatovich@mail.ru
Zaripov Shamil
Ufa University of Science and Technology
Institute of Law
Russia, Ufa

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОАКТИВОВ КАК СРЕДСТВА МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: работа посвящена исследованию правового режима децентрализованных частных и публичных финансов в призме средств международных расчетов Российской Федерации. Рассматривается правовое поле криптоактивов дружественных (страны Азии и исламских стран) и недружественных стран (стран Европейского союза и США), в рамках определения правовой действительности регулирования международных расчетов криптоактивами или цифровых валют центральных банков. Автор приходит к краеугольному выводу по участию Российской Федерации в платформе «mBridge» по обеспечению функциональной совместимости систем трансграничных оптовых платежей с использованием цифрового рубля (ЦВЦБ).

Ключевые слова: финансы, криптоактив, криптовалюта, токены, стейблкоин, цифровой рубль, средство международных расчетов.

FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF CRYPTO ASSETS AS A MEANS OF INTERNATIONAL SETTLEMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the work is devoted to the study of the legal regime of decentralized private and public finance in the prism of the means of international settlements of the Russian Federation. The legal field of crypto assets of friendly (Asian and Islamic countries) and unfriendly countries (EU and the USA) is considered, within the framework of determining the legal validity of regulating international settlements with crypto assets or digital currencies of central banks. The author comes to a crucial conclusion on the participation of the Russian Federation in the mBridge platform to ensure the interoperability of cross-border wholesale payment systems using the digital ruble (CBDC).

Key words: finance, crypto asset, cryptocurrency, tokens, stablecoin, digital ruble, means of international settlements.

Широкое применение финансовых технологий субъектами финансово-правовых отношений привело к развитию децентрализованных финансов (DeFi), в том числе децентрализованных публичных финансов. Это обстоятельство детерминировало дальнейшую подготовку и рассмотрение депутатами Госдумы РФ и обсуждения федеральными СМИ законопроекта в части установления экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке [4], который направлен на правовое регулирование механизма расчетов криптоактивами с иностранными контрагентами. Правовое регулирование применения государственных криптоактивов, с точки зрения науки означает расширение системообразующей категории финансового права «финансов» новым направлением развития в сторону децентрализации, с имплементацией элементов диспозитивного метода финансового права в цифровой экономике. С точки зрения бизнеса, это выход в

новые возможности привлечения инвестиций, цифровое развитие финансовых отношений с контрагентами (к примеру токен New Money Market (NMM) «Норникеля» [6]), а также финансовый инструмент совместного ведения бизнеса с зарубежными партнерами. С позиции государства вызов по обеспечению финансовой безопасности и финансовой привлекательности России в быстро развивающемся сегменте цифровой экономики, обеспечению экономической безопасности по дедолларизации мировой экономики и выдвигания стейблкоинов обеспеченных ресурсами или ценностями Российской Федерации, а также сохранение технологического суверенитета прежде всего по развитию отечественных технологий распределенного реестра (к примеру блокчейн-платформа «Атомайз» [14] - находящаяся в санкциях от Управления по контролю за иностранными активами (OFAC) Минфина США) или международного развития цифрового рубля. Исходя из данных обстоятельств, мы считаем актуальной задачей рассмотреть правовое регулирование использования криптоактивов в зарубежных законодательствах, определить перспективность зарубежных юрисдикций по расчетам криптовалютами, и выработать актуальные задачи правового регулирования Российской Федерации в данном направлении. Поиск правового опережающего отражения исследуемого феномена, иначе говоря, антефактумного финансово-правового регулирования, реализуется в рамках регулятивно-динамической подфункции финансового права, обеспечивающего возможность прогнозирования необходимости финансово-правового воздействия на общественные отношения, их преобразование посредством публичной финансовой деятельности с целью обеспечения публичного интереса, поиск наиболее эффективных средств правового воздействия на основе мониторинга финансового законодательства и его влияния на общественные отношения [15, с. 8]. Криптоактивы, по сути, поднимают целый ряд вопросов, которые традиционно рассматриваются в законодательстве о финансовых рынках,

поскольку они включают вопросы, касающиеся прозрачности, осуществления надзора, защиты инвесторов, ограничений в отношении конфиденциальной деятельности, раскрытия информации и борьбы с отмыванием денег. Все эти вопросы давно и активно обсуждаются на международной арене [20, с. 212]. Учитывая широкий спектр случаев, которые могут возникнуть в результате внезапного развития технологий и рынков в последние годы, фундаментальная проблема, которая уже широко обсуждается практиками, юристами, экономистами, законодателями, Центральными банками и надзорными органами, заключается в том, чтобы квалифицировать криптоактивы и токены с юридической точки зрения.

Сперва рассмотрим международные тенденции, сущность рынка криптоактивов и системообразующие категории рынка криптоактивов. Важно отметить, что Совет по финансовой стабильности в состав которого входит 25 юрисдикций (англ. Financial Stability Board - FSB) представил G20 дорожную карту трансграничных платежей криптоактивами, призванную изменить ситуацию благодаря более быстрым, дешевым, прозрачным и инклюзивным платежам инфраструктуры. Криптоактив – это актив, который существует в цифровом виде или является цифровым представлением другого актива и создан с применением технологии распределенных реестров [8, с. 5]. Они представляют собой защищенное цифровое представление стоимости или договорных прав, в котором используется технология распределенной реестра, и могут передаваться, храниться или продаваться в электронном виде. Закономерным образом, рынок криптоактивов привел к развитию «токенизации», которая представляет собой процесс, при котором права на актив регистрируются в виде цифровых токенов. Большинство стран и регулирующих органов рассматривают криптоактивы как активы или товары, а не как традиционную валюту. Как правило, точная классификация криптоактива в конечном счете зависит от того, обеспечен ли он базовым

активом, функционирует ли он как платежное средство, а также от прав, связанных с владением им. В целом, регулирующие органы сгруппировали криптоактивы по следующим трем основным категориям:

1) Криптовалюты - криптоактивы, которые разработаны или предназначены для выполнения функций валюты, главным образом для того, чтобы выступать в качестве средства обмена, средства сохранения стоимости и расчетной единицы. По сути, криптовалюты функционируют как средство обмена, позволяя их владельцу использовать их путем перевода для приобретения товаров и услуг, но обычно они не несут с собой неотъемлемые права. В отличие от владельцев ценных бумаг или полезных токенов, владельцы биржевых токенов не имеют никаких прав или доступа к товарам или услугам. Эти токены обычно используются как способ вознаграждения, которые создают ликвидность на криптовалютной бирже;

2) Токены полезности предоставляют их владельцам право или возможность доступа к продукту, активу или услуге. Обычно это товар или услуга, которые существуют за пределами экосистемы, в которой работает токен полезности. Примером может служить служебный токен, который дает право его владельцу обменять его на определенное количество часов прослушивания музыки в сервисе потоковой передачи музыки. Некоторые примеры служебных токенов включают Golem, Sonm, Siacom, OmiseGo и Augur;

3) Токены безопасности, как правило, выпускаются юридическими лицами в целях: 1) привлечения капитала (например, посредством ICO); 2) токенизации прав собственности; 3) распределения прибыли [20, с. 219].

Европейское управление по ценным бумагам и рынкам (ESMA - European Securities and Markets Authority) в начале 2019 года, выявило более 2050 различных криптоактивов, общая рыночная капитализация которых на конец года составляет около 110 млрд евро. В апреле 2022 года в рейтинге «Crypto.ru»

было обозначено существование 8224 токенов и коинов [10]. К началу 2023 года по оценкам Управления по финансовому надзору Великобритании насчитывалось более 20 000 различных криптовалют [16]. По информации «CryptoWorld» на 12 июля 2024 г. существует более 100 тыс. криптовалют и токенов [3]. На сегодняшний день наиболее популярным видом криптоактива является Bitcoin. Bitcoin, однако, является лишь самым известным из длинного ряда криптоактивов, каждый из которых обладает различными характеристиками, уровнем распространения и схемами обмена. Биткойн и другие криптоактивы, которые обладают некоторыми из его особенностей, часто связаны с криптоактивами, выпущенными в рамках первичных предложений монет (ICO – Initial Coin Offering, «первичное размещение токенов», суть, заключается в приобретении у компаний токенов), то есть транзакций, которые осуществляются с использованием новых технологий, с целью привлечения капитала на рынке, часто в связи с запуском новых предпринимательских проектов, стартапов, инновационных услуг, независимо от того, связаны они с технологическим и «крипто» миром или нет. Криптовалюты и токены имеют одну и ту же технологическую матрицу: и те, и другие, по сути, являются активами, создание и обращение которых стало возможным благодаря использованию технологии распределенного реестра. Однако криптовалюты и токены - это явления, которые, даже в своей общей технологической ДНК, различаются во многих отношениях. Так, например, самая известная и распространенная криптовалюта (Bitcoin) рождается в результате, так сказать, чисто «горизонтального» процесса, то есть процесса извлечения и валидации, производимой сети, распределенная по соответствующим узлам и управляемая ее «майнерами». Токены, выпущенные в рамках ICO, вместо этого являются результатом транзакции, осуществляемой «эмитентом», как правило, в связи со сбором новых финансовых ресурсов, которые будут использоваться в качестве основы какого-либо

предпринимательского процесса (что, по сути, выглядит довольно близко к процессу выпуска традиционных ценных бумаг путем размещения на рынке). Таким образом, в ICO присутствуют элементы централизации несмотря на то, что ICO и IEO (IEO – Initial Exchange Offering, «первичное биржевое размещение»), это централизованные криптовалютные биржи, такие как Binance и Coinbase) используют технологию распределённого реестра в качестве основы (большинство предложений токенов, по сути, основаны на Ethereum). На первый взгляд, криптовалюты также, по-видимому, имеют большое сходство с платежными инструментами, в то время как токены ICO могут показаться более близкими к ценным бумагам или финансовым продуктам по своим различным возможным моделям. Однако иногда это различие может оказаться весьма формальным и не полностью соответствующим действительности. С одной стороны, криптовалюты могут фактически «трансформироваться» в инструменты привлечения капитала на рынке, особенно когда они используются в контексте транзакций, которые можно квалифицировать как выпуск ценных бумаг. Это, например, случай с криптовалютой, используемой для транзакции, направленной на привлечение капитала на рынке, в соответствии со схемой, которую можно отнести к наиболее типичным формам финансовых инвестиций или «ценных бумаг». В этом отношении разрыв между криптовалютами и токенами сокращается или, скорее, исчезает. В свою очередь, токены, выпущенные в рамках ICO, могут приобретать черты, которые делают их похожими на платежные средства, а не на финансовые инструменты или продукты, и в этом отношении разрыв с криптовалютами становится меньше. Это тот случай, когда токены, выпущенные в рамках ICO, затем могут быть использованы в качестве инструментов для оплаты определенных услуг, активов или товаров, включая те, которые предоставляются организацией, осуществляющей размещение токенов. Более того иногда на разговорном уровне, то, что называют

виртуальной валютой, на самом деле является всего лишь технологической поддержкой для первичного размещения монет, как в случае с Ethereum.

Особое внимание следует уделить другой подгруппе криптоактивов, принадлежащих к весьма диверсифицированной вселенной криптовалют, так называемым стейблкоинам. Хотя механика, поддерживающая каждую стабильную монету, может быть сложной, все они преследуют одну и ту же цель - иметь стабильную стоимость, которая привязана к фиатной валюте или ее корзине. Таким образом, стабильные монеты явно выпускаются в качестве альтернативы официальным валютам или в качестве их замены. Стабильные монеты, как правило, основаны на хорошо известных блокчейн-протоколах, таких как Ethereum. Их полезность заключается в том, что они позволяют разрабатывать платежную систему за пределами традиционных и официальных сетей официальных валют. Самой известной (и противоречивой) стабильной монетой являются «Tether», «Diem» (привязанные к доллару США) которые рекомендовали себя как «простой глобальной валютой и финансовой инфраструктурой, которая расширит возможности миллиардов людей» [19, с. 118]. Таким образом, это будет криптовалюта, поддерживаемая «новым децентрализованным блокчейном, криптовалютой с низкой волатильностью и платформой смарт-контрактов, которые вместе направлены на создание новой возможности для инноваций в сфере финансовых услуг, к примеру в рамках международных расчетов или в пределах, создаваемых государствами метавселенных.

Трансграничная платежная инфраструктура на основе технологии распределенного реестра может применять протоколы DeFi к токенизированным активам в сочетании с соответствующими мерами безопасности для обеспечения финансовой целостности, соблюдения нормативных требований и защиты субъектов экономической деятельности. У децентрализованных финансов нет юрисдикции, поэтому применение

протоколов DeFi в трансграничной платежной инфраструктуре следует рассматривать в качестве одной из приоритетных технологических моделей. Субъекты внешнеэкономической деятельности могут повысить эффективность, приняв протоколы DeFi, которые используют программный код для автоматического выполнения финансовых транзакций в соответствии с установленными правилами и условиями. Системная работа в отношении регулирования DeFi ведется на международных площадках Банка международных расчетов, Совета по финансовой стабильности, Всемирного экономического форума, Организация экономического сотрудничества и развития, Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, Международного валютного фонда и других организаций. Среди стран, лидирующих по активности использования протоколов DeFi, – США, Вьетнам, Таиланд, Китай, Великобритания и Индия. Россия в 2021 году по данному показателю занимала 15-е место [1, с. 33].

Рассматривая правовое поле криптоактивов Европейского союза, Соединенных Штатов Америки, стран Азии и исламских стран, мы наблюдаем различные режимы регулирования, исходя из социальных и экономических факторов, политического климата и сложности финансовых рынков. Считаем логичным, при анализе юрисдикций, поделить страны на два блока – дружественных и недружественных стран Российской Федерации. В состав дружественных стран входят большая часть стран Азии и исламского мира, к числу недружественных стран относим страны Европейского союза и США.

Европейский союз имеет единообразный правовой режим криптоактивов в рамках Правил регулирования цифровых активов Совета Европы - Markets in Crypto-Assets (MiCA) [9]. Надзорным органом для рынка криптоактивов является Европейское управление по надзору за рынком ценных бумаг (ESMA). В связи с политической ситуацией, которая привела к экономическим санкциям в отношении России, международные расчеты криптоактивами не

ориентированы с государствами-членами Европейского союза. В США участникам рынка приходится сталкиваться с разношерстной нормативной базой, охватывающей как федеральные, так и государственные регулирующие органы, при работе в сфере криптоактивов. Штат Нью-Йорк находится на переднем крае регулирования криптоактивов в США с 2014 года. 3 июня 2015 года Нью-Йорк стал первым штатом, который ввел всеобъемлющий режим регулирования криптовалют, известный в народе как «BitLicense». Согласно лицензии BitLicense, виртуальная валюта определяется как цифровая единица, которая является цифровым средством обмена или формой хранения ценностей (за исключением предоплаченных карт, программ поощрения клиентов, внутриигровой валюты и бонусных баллов) [19, с. 110]. В 2019 году FinCEN Министерства финансов США опубликовала руководство по применению правил перевода денежных средств к деятельности, связанной с криптоактивами. В 2020 году принят Закон о криптовалюте (HR 6154), которым определен круг государственных органов, выполняющих функции крипторегуляторов на федеральном уровне: Комиссия по управлению торговлей товарными фьючерсами (CFTC); Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN); Комиссия по биржам и ценным бумагам (SEC) В США, федеральные регулирующие органы продолжают свои усилия по адаптации устаревших финансовых законов и нормативных актов к ландшафту криптоактивов. Это останется стратегией CFTC, SEC и FinCEN на обозримое будущее. В конце марта Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) Министерства финансов США ввело санкции против российских компаний, работающих с цифровыми активами [13]. Среди них были как известные эмитенты ЦФА, так и компания «B-Crypto» — оператор трансграничных расчетов для внешнеэкономической деятельности [9]. Таким образом, мы наблюдаем постоянное совершенствование правового режима криптоактивов в блоке недружественных стран, что подтверждает актуальность

правового совершенствования правовых режимов блока дружественных стран и правовой адаптации Российской Федерации к мировым трендам.

В азиатских странах действуют более строгие правила, регулирующие криптоактивы, по сравнению с остальным миром. Противоречивый подход в правовом режиме криптоактивов был в Китае, Бангладеше, Тайланде, в том числе и России. Наиболее стабильные отношения выработано у Японии и Сингапура. Так, в 2016 году японские законодатели приняли поправки к Закону о платежных услугах (PSA), которые дают определение «виртуальной валюте» и добавляют правила в отношении «поставщиков услуг по обмену виртуальной валюты». Денежно-кредитное управление Сингапура (MAS) стремится применять прогрессивный подход к регулированию деятельности, связанной с цифровыми активами, поощряя инновации и одновременно устанавливая ограничения на соответствующую деятельность с учетом рисков. Ключевой законодательной базой, касающейся цифровых активов, является Закон о платежных услугах 2019 года (PS Act), который вступил в силу 28 января 2020 года и который регулирует деятельность лиц, осуществляющих определенные виды деятельности, связанные с цифровыми платежными токенами и электронными деньгами. Цифровые платежные токены включают в себя токены, такие как Bitcoin и Ethereum, и в широком смысле включают токены, которые не деноминированы в какой-либо валюте и не привязаны к ней, и которые являются или предназначены для использования в качестве средства обмена, принимаемого общественностью или частью общественности в качестве оплаты товаров или услуг или для осуществления платежей.

Рассматривая страны исламского мира (Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Египет, Иран, Малайзия и др.), участвующие в Организации Исламской конференции (ОИК), Лиги исламского мира, Всемирного исламского конгресса и др. [11, с. 166] и выполняющие международные стандарты исламской экономики и исламских финансов. По данным 2013 г.

ислам исповедует почти четверть населения Земли — более 1,5 млрд человек [12, с. 30], что является важным блоком в рассмотрении вопроса использования криптоактивов государствами в расчетах с Российской Федерацией. Положения исламского права разрешают инвестиции в нематериальные товары, такие как акции, облигации и цифровые активы, такие как криптовалюты [5]. Активы, соответствующие шариату, не обязательно должны быть обеспечены физическими товарами, если они имеют реальную полезность. Кроме того, шариат разрешает инвестиции только в те предприятия и проекты, которые не наносят вреда обществу (то есть нельзя азартные игры, алкоголь или табак). Исламские финансы предлагают несколько продуктов и услуг, в том числе мудараба, мушарака, мурабаха, иджара и сукук. Традиционно деятельность по привлечению капитала в соответствии с нормами шариата на рынках капитала осуществлялась посредством так называемых сукук, которые были определены как сертификаты равной стоимости, представляющие собой неразделенные доли во владении материальными активами, узуфруктами и услугами или (во владении) активами конкретных проектов или специальная инвестиционная деятельность (стандарт № 17 Организации по бухгалтерскому учету и аудиту исламских финансовых учреждений - AAOIFI). Как и в случае с любым другим продуктом, соответствующим нормам шариата, к сукуку применим ряд ограничений, включая запрет на рибу, гарар, азартные игры и некоторые активы и виды деятельности. Кроме того, наиболее характерной особенностью сукук с точки зрения шариата является тот факт, что владельцы сукук имеют долю во владении базовыми активами, т.е. сертификаты представляют собой собственность на определенные активы, а вознаграждение инвесторов - это прибыль, получаемая от таких активов [17, с. 42]. Это показывает, что в исламских финансах доход связан с принятием риска, фиксированного вознаграждения не существует, скорее оно зависит от способности активов генерировать денежные потоки (стоимость распределения прибылей и

убытков). Например, исламский стейблкоин «OneGram», который обеспечен золотыми резервами, известная как первая эмиссия сукук на блокчейне, была запущена в 2019 году на платформе SmartSukuk от Blossom Finance, построенной на базе Ethereum в качестве публичного блокчейна, эмитентом является Baitul Maal wat Tamwes (BMT) [18, с. 84]. Корпорации, выпускающие сукук, зарегистрированные в блокчейне, должны перед запуском ICO рассмотреть вопрос о том, должны ли они соответствовать нормативным требованиям или нет. Хотя ответ зависит от соответствующей юрисдикции, в целом, ICO токенов, которые квалифицируются как ценные бумаги, связаны нормативными требованиями. В Европейском союзе тот факт, что сукук зарегистрирован в токенизированной форме, а не в форме сертификата, не изменяет его передаваемый характер безопасности для целей MIFID I, и, следовательно, публичное предложение криптосукуков предъявляет те же нормативные требования, что и к сукукам в форме сертификата. ICO также могут использоваться для привлечения капитала в исламских финансах; с целью реализации новой бизнес-идеи или финансирования конкретного проекта эмитент может принять решение о выпуске токенов, которые соответствуют требованиям шариата, но, тем не менее, не являются сукуками. Первое требование, конечно же, заключается в том, чтобы деятельность эмитента была халяльной. Кроме того, учитывая неоднородность этих новых инструментов, определение соответствия токена исламскому праву должно оцениваться учеными шариата в каждом конкретном случае. Это может оказаться проблематичным, поскольку технология все еще находится в зачаточном состоянии, и знатоки шариата будут сталкиваться с меняющейся средой. В идеале, по мере развития технологии должна появиться некоторая стандартизация, например дополнение в ААОIFI. Рассматривая международные расчеты между Россией и Ираном, Ю.Б. Кравченко отмечает, что у стран отсутствует внушительный товарооборот, который служит значимым

препятствием для создания совместного «золотого» токена» [7, с. 55]. В 2021 г. экспорт из России в Иран составлял 3,1 млрд долл. США, а импорт в Россию из Ирана – 972,3 млн долл. США. Очевидно, что для поддержания ликвидности стейблкоина необходим примерно равный по стоимости товарный поток между странами, так как криптовалюта не может накапливаться на одной стороне. Ю.Б. Кравченко, в данном вопросе отмечает преимущество Беларуси в поддержании ликвидности стейблкоина.

В настоящее время глобальная нормативно-правовая база для криптоактивов продолжает развиваться, ее общие контуры можно увидеть в большинстве существующих юрисдикциях дружественных и недружественных стран, в частности в вопросах международных расчетов криптоактивами. В числе свойств трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра, на наш взгляд важно учесть совместимость с существующими платежными системами, готовность к взаимодействию с будущими платформами ЦВЦБ и создание открытой инновационной среды, которая поощряет разработку ориентированных на рынок решений. Как отмечает С.С. Акулинкин: «Взаимосвязь децентрализованных финансов (DeFi) и традиционных финансов может быть усилена в случае синхронизации использования ЦВЦБ, а в перспективе и токенизированной безналичной валюты в DeFi, что позволит применять их в DeFi вместо частных стейблкоинов» [1, с. 33]. В 2021 году центральные банки и международные организации продолжали изучать возможности и последствия ЦВЦБ для трансграничных платежей. В совместном отчете, опубликованном в июле 2021 года, СРМІ, BISИH, Международный валютный фонд и Всемирный банк пришли к выводу, что ЦВЦБ могут повысить эффективность трансграничных платежей, если страны будут работать вместе [1, с. 34]. В данном направлении уже реализуется работа Банка международных расчетов (BIS) в Гонконге совместно с Монетарным управлением Гонконга (HKMA),

Банком Таиланда, Институтом цифровых валют Народного банка Китая и Центральным банком ОАЭ по обеспечению функциональной совместимости систем трансграничных оптовых платежей с использованием ЦВЦБ. В настоящее время также насчитывается более 26 наблюдающих членов. 20 банков в четырех юрисдикциях использовали платформу mBridge для проведения 164 платежных и валютных операций на общую сумму более 22 миллионов долларов в течение шести недель, произведенных непосредственно на платформе. После экспериментов с различными технологическими архитектурами на более ранних этапах проекта команда проекта разработала новый блокчейн - mBridge Ledger, созданный центральными банками по заказу центральных банков в качестве специализированной и гибкой платформы для осуществления мультивалютных трансграничных платежей в цифровых валютах центрального банка (ЦВЦБ). Проект mBridge предусматривает эффективное, недорогое, соответствующее нормативным требованиям и масштабируемое решение для трансграничных платежей, в основе которого лежит ЦВЦБ. Эксперимент был разработан для работы в различных юрисдикциях и валютах с целью изучения возможностей технологии распределенного реестра и применения ЦВЦБ в трансграничных платежах между коммерческими банками. Проект является частью продолжающихся усилий по экспериментированию с новыми технологиями для обеспечения более быстрых, дешевых и безопасных трансграничных платежей и взаиморасчетов, что является приоритетом, определенным G20. Многие юрисдикции, в частности страны с формирующейся рыночной экономикой, теряют доступ к международной сети корреспондентских банковских услуг, в результате чего многие домохозяйства и фирмы остаются без достаточного или недорогого доступа к глобальной финансовой системе для осуществления платежей. Этот проект делает важные шаги в направлении разработки платформы, которая потенциально может способствовать развитию более

инклюзивных и эффективных платежных систем, которые принесут пользу тем, кто совершает и получает платежи в различных валютах и юрисдикциях, а также общему функционированию глобальной финансовой системы. Однако конкурирующие приоритеты и история показывают, что этих преимуществ будет трудно достичь, если центральные банки с самого начала не учтут трансграничные соображения при разработке ЦВЦБ и не будут координировать свои действия на международном уровне, чтобы избежать ошибок прошлого [2]. Исходя из данных обстоятельств, в перспективе участия Российской Федерации в платформе «mBridge» цифровой рубль является более совершенным и эффективным средством международных расчетов по сравнению с криптовалютой.

Подводя итог исследованию, мы можем сделать следующие выводы: 1) постоянное совершенствование правового режима криптоактивов в блоке недружественных стран обязывает Российскую Федерацию в целях обеспечения технологического суверенитета, развития цифровой экономики и экономической и финансовой безопасности совершенствовать правовое поле рынка криптоактивов и развивать дипломатическое и экономическое сотрудничество с странами участниками платформы «mBridge» по обеспечению функциональной совместимости систем трансграничных оптовых платежей с использованием цифрового рубля (ЦВЦБ); 2) в целях обеспечения технологического лидерства и финансового суверенитета разработать отечественную платформу обеспечивающую функциональную совместимость систем трансграничных оптовых платежей с использованием цифрового рубля с внесением соответствующих изменений в законопроект ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (в части разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций на финансовом рынке); 3) с позиции науки финансового права, последствия законопроекта влечет к развитию децентрализованных публичных

финансов, что закономерным образом трансформирует финансово-правовое регулирование, повлечет к динамике финансовых правоотношений входящих в предмет финансового права и приведет к имплементации элементов диспозитивного метода финансового права в инновационных финансовых правоотношениях, что потребует дальнейшего научного осмысления.

Список литературы:

1. Акулинкин С.С. Использование технологии распределенного реестра при формировании трансграничной платежной инфраструктуры // Финансовые рынки и банки. № 9. 2023. С. 30-37.

2. Аур Р., Хан Ф., Холден Г. Механизмы с несколькими CBDC и будущее трансграничных платежей [Электронный ресурс] // Сайт: «BIS». URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap115.htm> (дата обращения: 20.07.2024).

3. Виды криптовалют: сколько существует в мире и чем отличаются [Электронный ресурс] // Сайт: «VC.RU». URL: <https://vc.ru/u/2859005-cryptoworld/1301669-vidy-kriptovalyut-skolko-sushestvuet-v-mire-i-chem-otlichayutsya> (дата обращения: 20.07.2024).

4. Законопроект Федерального закона № 341257-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке)» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.07.2024).

5. Ислам и криптовалюта: как цифровые активы могут соответствовать исламскому финансовому праву [Электронный ресурс] // Сайт: «Binance. Square». URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/2023-04-06-islam-and-crypto-how-digital-assets-can-comply-with-islamic-financial-law-390186> (дата обращения: 20.07.2024).

6. Как блокчейн-технологии внедряются в России [Электронный ресурс] // Сайт: «Журнал для клиентов и партнеров Уралсиб». URL: https://journal.uralsib.ru/businessstrends/blockchain_in_russia (дата обращения: 20.07.2024).
7. Кравченко Ю.Б. Возможности использования цифровых средств обмена в торговле России с дружественными странами // Российский внешнеэкономический вестник. № 5. 2023. С. 53-62.
8. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций // Центральный банк Российской Федерации. М.: 2022. 37 с.
9. Лузгин А. «Нет самого интересного». Что изменит закон о криптовалюте для ВЭД [Электронный ресурс] // Сайт: «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66293ac09a79474a6f79a133?from=sour> (дата обращения: 20.07.2024).
10. Лукин Е. Сколько существует криптовалют в мире: количество видов на сегодняшний день [Электронный ресурс] // Сайт: «Bitmask». URL: <https://crypto.ru/skolko-sushchestvuet-kriptovalyut/> (дата обращения: 20.07.2024).
11. Малышева Д. Мусульманские страны в мировом сообществе // Россия и мусульманский мир. № 5. 2012. С. 166-170.
12. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 4. 2013. С. 30-56.
13. Овчинникова Ю. США ввели санкции против российской платформы цифровых финансовых активов [Электронный ресурс] // Сайт: «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/03/2024/660195939a79475944dc99a6> (дата обращения: 20.07.2024).
14. Первая платформа цифровых финансовых активов [Электронный ресурс] // Сайт: «Atomyze». URL: <https://atomyze.ru/about?order=-createdAt&status=published> (дата обращения: 20.07.2024).

15. Смирникова Ю.Л. Регулятивная функция финансового права: системный подход и реализация: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М. 2012. 42 с.
16. Список криптовалют [Электронный ресурс] // Сайт: «Wikipedia». URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_cryptocurrencies (дата обращения: 20.07.2024).
17. Тимурханова А.Х. Сукук: отличительные особенности и тенденции развития // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. № 17 (449), 2018, С. 42-44.
18. Fernandez S.S. Islamic fintech // Routledge. Taylor & Francis Group. NY. 2021. 127 p.
19. Madir J. Fintech. Law and regulation. // Edward Elgar Publishing Limited. Cheltenham, UK. 2021. <http://dx.doi.org/10.4337/9781800375956>. 520 p.
20. Pollicino O., Gregorio G.D. Blockchain and Public Law. Global Challenges in the Era of Decentralisation // DOI <http://dx.doi.org/10.4337/9781839100796>. Edward Elgar Publishing Limited. Cheltenham, UK. 2021. 249 p.

УДК 347.73

Незнамова Юлия Николаевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

uneznamova2@gmail.com

Neznamova Yuliya

Ural State Law University named After V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ

Аннотация: в статье рассматривается финансовый контроль, как деятельность уполномоченных органов, а также проблемные вопросы возникающие при осуществлении государственного финансового контроля уполномоченными на то органами, такими как Счетная палата РФ, Федеральное казначейство РФ, Центральный Банк РФ, Федеральная служба по финансовому мониторингу. Предлагаются пути решения проблемных вопросов во взаимодействии контролирующих и правоохранительных органов при выявлении признаков преступлений.

Ключевые слова: финансовый контроль, органы финансового контроля, преступление, Счетная палата, финансы, Федеральное казначейство.

POWERS OF BODIES EXERCISING STATE FINANCIAL CONTROL

Annotation: the article considers financial control as the activity of authorised bodies, as well as problematic issues arising in the implementation of state financial control by authorised bodies, such as the Accounts Chamber of the Russian

Federation, the Federal Treasury of the Russian Federation, the Central Bank of the Russian Federation, the Federal Financial Monitoring Service. the article suggests ways of solving problematic issues in the interaction of controlling and law enforcement agencies in the detection of signs of crime.

Key words: financial control, financial control bodies, crime, Accounts Chamber, finance, Federal Treasury.

В настоящее время финансовый контроль распространяется на все сферы финансовой деятельности и является важным элементом государственного управления. В условиях рыночных отношений финансовый контроль направлен на обеспечение динамичного развития общественного и частного производства [2, с. 3]. Также, он выступает формой реализации одной из основных функций финансов – контрольной, подразумевающей, что финансы – это средство контроля за производством, распределением и использованием совокупного общественного продукта и национального дохода [4].

Финансовый контроль присущ всем финансово-правовым институтам, исходя из этого все участники финансово-контрольных правоотношений подразделяются на контролирующих и подконтрольных субъектов.

Основные направления проведения финансового контроля в РФ:

- проверка выполнения органами государственной власти и местного самоуправления функций по аккумуляции, распределению и использованию финансовых ресурсов;

- проверка выполнения подконтрольными субъектами своих финансовых операций;

- проверка соблюдения подконтрольными субъектами установленных правил совершения финансовых операций, осуществления и хранения денежных средств;

- выявление внутренних резервов производства;

- устранение и предупреждение нарушений финансовой дисциплины (точного и неукоснительного соблюдения действующего законодательства).

Используются следующие методы финансового контроля: ревизии, проверки, обследование, санкционирование операций, рассмотрение проектов финансовых планов, заявок, отчетов о финансово-хозяйственной деятельности, заслушивание докладов, информации должностных лиц и др. Все они могут проводиться как в плановом, так и во внеплановом порядке [4, с. 134].

С учетом правового статуса субъекта проведения, финансовый контроль подразделяется на:

- государственный;
- муниципальный;
- общественный;
- аудиторский.

Финансовый контроль реализуется посредством контрольной деятельности специально уполномоченных органов финансового контроля, финансовая и административная автономия которых является ключом к обеспечению независимости и беспристрастности этих органов, и как следствие – залог успешного осуществления контрольных полномочий [15, с. 22].

На современном этапе развития отечественного финансового контроля существует ряд факторов, которые оказывают существенное влияние на его действенность. В число таких факторов входят [17, с. 83-84]:

1) недостаточно разработанная нормативно-правовая база реализации финансового контроля, что подтверждается дублированием полномочий ряда контрольных органов;

2) низкая степень взаимодействия контролирующих органов между собой и с иными органами государственного аппарата, как следствие, разобщённость в приоритетах деятельности;

3) отсутствие чёткого разграничения сфер деятельности контролирующих органов.

Все эти факторы во взаимосвязи имеют непосредственное влияние на выявление и пресечение преступлений в экономической сфере. Так, из-за отсутствия нормативного закрепления обязанности взаимодействия с иными государственными органами и четкого разграничения полномочий между контролирующими органами «беловоротничковая» преступность и экономическая преступность могут носить по сути своей латентный характер.

Рассмотрим данные проблемы на основе конкретных органов государственного финансового контроля. Так, их можно разделить на основные группы:

1. Контрольно-счетные учреждения, формируемые законодательными органами. К ним относится Счетная палата РФ, а также аналогичные структуры в регионах РФ.

2. Контрольно-ревизионные органы на уровне исполнительной ветви власти, такие как: Министерство финансов, Федеральная таможенная служба, Федеральное казначейство, Федеральная налоговая служба, Росфинмониторинг.

3. Региональные и муниципальные контрольно-ревизионные структуры.

4. Центральный банк и подведомственные ему учреждения.

Полномочия Счетной палаты по осуществлению финансово-контрольных полномочий закреплены в ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [5]. С учетом положений ст. 14, 17 ФЗ «О Счетной палате РФ» при обнаружении признаков составов преступлений по результатам проведения контрольных мероприятий информация об этом передается в правоохранительные органы. Также в соответствии со ст. 36 ФЗ инспекторы, при обнаружении подделок, подлогов, хищений, злоупотреблений, а также при необходимости пресечения этих противоправных действий вправе изымать необходимые документы, оставляя акт изъятия и копии или опись изъятых документов в

соответствующих делах, а в случае обнаружения данных, указывающих на признаки составов преступлений, опечатывать кассы, кассовые и служебные помещения, склады и архивы [5].

П.12 Регламента Счетной палаты Российской Федерации в свою очередь конкретизирует порядок обращения в правоохранительные органы и указывает случаи направления, субъектов, уполномоченных на подготовку проектов обращений, а также субъектов, за чьей подписью оно направляется [9].

Федеральное казначейство, в свою очередь, осуществляет свои контрольные полномочия на основании нормативных актов Правительства РФ и министерства Финансов РФ, в ведении которого оно находится [6, 7]. Постановление Правительства РФ «О Федеральном казначействе РФ» (п. 5.43), в свою очередь, не определяет порядок оформления материалов по выявленным признакам преступлений [8]. Как алгоритм действий по результатам проверки можно использовать Указ Президента РФ «Об обеспечении взаимодействия государственных органов в борьбе с правонарушениями в сфере экономики», устанавливающий обязанность информировать органы прокуратуры Российской Федерации о выявленных правонарушениях в сфере экономики [11, с. 261; 10], но помимо того, что данный акт является явно устаревшим, он носит также довольно абстрактный характер, не устанавливая конкретной обязанности для проверяющих лиц.

Федеральная налоговая служба (ФНС России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов, сборов и страховых взносов. Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» [13] определяет основные полномочия данного органа, в том числе и в сфере финансового контроля, а также ст.9 НК РФ

устанавливает, что в систему налоговых органов входит ФНС и территориальные органы, следовательно обязанность по уведомлению правоохранительных органов в порядке ч. 3 ст. 32 НК РФ распространяется и на Федеральную налоговую службу [12, с. 142].

Конституцией РФ установлен особый конституционно-правовой статус Центрального Банка. Также его статус, цели деятельности, функции и полномочия определяются ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и другими федеральными законами. К примеру, ст. 75.1 указанного ФЗ устанавливает обязанность в течение 10 рабочих дней со дня выявления указанных обстоятельств направить заявления и материалы в следственные органы, уполномоченные производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 172.1 УК РФ, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в случае обоснованного предположения о наличии в действиях должностных лиц кредитной организации признаков данного преступления.

Также следует отметить такой орган финансового контроля, как Федеральная служба по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг). Стоит сказать, что данная служба занимается контролем, надзором за исполнением законодательства в сфере противодействия легализации доходов, и финансированию терроризма. С учетом положений пп.17 п.5 в редакции от 13.11.2023 г. «Положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу», Росфинмониторинг направляет информацию в правоохранительные или налоговые органы не только при наличии достаточных оснований полагать, что операция (сделка) связана с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или финансированием терроризма, но и с иным уголовно наказуемым деянием, а также предоставляет информацию по запросам правоохранительных или налоговых [16].

Таким образом, работа органов государственного финансового контроля способствует повышению эффективности деятельности государственных учреждений. Это связано с тем, что данные органы имеют доступ ко всей информации учреждений и могут внимательно следить за их работой и предотвращать злоупотребления государственными должностными лицами. Они вносят свой вклад, реализуя подходы сдерживания и выявления правонарушений, а также следуя принципам сотрудничества с другими государственными учреждениями и правоохранительными органами.

Предлагается в качестве решения проблемы с отсутствием закрепленной конкретизировать некоторые акты, устанавливающие полномочия органов государственного финансового контроля, к примеру, Постановление Правительства РФ «О Федеральном казначействе» либо же издать собственные Правила информирования правоохранительных органов по результатам проведения контрольных мероприятий Федеральным казначейством РФ.

Это необходимо в первую очередь для того, что финансовый контроль должен быть направлен не только на предотвращение финансовых рисков, но и на поддержание высокой степени прозрачности и открытости в системе управления. Это позволяет обеспечить доверие властей, бизнеса и граждан к экономической системе страны.

Список литературы:

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 13.07.2024) // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N 31, ст. 3823.
2. Султанова, Х. Р. Финансовый контроль как метод анализа финансового состояния РФ / Х. Р. Султанова, С. Ш. Султанов // Совершенствование учета, анализа и контроля как механизмов информационного обеспечения устойчивого развития экономики. – 2016. – № 2. – С. 675-683. – EDN WYKFJT.

3. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. - 800 с.
4. Финансовое право: учебник / под ред. О. Н. Горбуновой. М., 2002. С. 47.
5. Федеральный закон от 05.04.2013 N 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Счетной палате Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 08.04.2013, N 14, ст. 1649.
6. Законодательство Российской Федерации, нормативные правовые акты, регламентирующие осуществление контроля в финансово-бюджетной сфере // [Эл. ресурс] URL: <https://roskazna.gov.ru/kontrol/vnutrenniy-gosudarstvennyy-finansovyy-kontrol/zakonodatelstvo-rossiyskoy-federatsii-normativnye-pravovye-akty-reglamentiruyushchie-osushchestvleni/>
7. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 N 329 (ред. от 09.11.2023) «О Министерстве финансов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // «Собрание законодательства РФ», 02.08.2004, N 31, ст. 3258.
8. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 N 703 (ред. от 03.08.2023) «О Федеральном казначействе» // «Собрание законодательства РФ», 06.12.2004, N 49, ст. 4908.
9. «Регламент Счетной палаты Российской Федерации» (утв. Постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 26.09.2023 N 12ПК) (ред. от 29.05.2024) // Доступ СПС «КонсультантПлюс».
10. Указ Президента РФ от 03.03.1998 N 224 (ред. от 25.07.2000) «Об обеспечении взаимодействия государственных органов в борьбе с правонарушениями в сфере экономики» // «Собрание законодательства РФ», N 10, 09.03.1998, ст. 1159.

11. Ерахтина, Е. А. Особенности выявления нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / Е. А. Ерахтина // Теоретические основы правовой политики в современной России. Участие общественности : Материалы II Национальной (всероссийской) научно-практической конференции, Красноярск, 27 октября 2023 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. – С. 259-263.

12. Сологуб, Н. Н. Правовые основы деятельности органов финансового контроля / Н. Н. Сологуб // Актуальные проблемы финансирования и налогообложения АПК в условиях глобализации экономики : Сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 19–20 марта 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 140-144. – EDN YDEFRD.

13. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

14. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 23.04.2024) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // «Собрание законодательства РФ», 15.07.2002, N 28, ст. 2790.

15. Ефремова, Е. И. Роль органов государственного финансового контроля в борьбе с коррупцией / Е. И. Ефремова, С. Н. Саргсян // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 8, № 4(145). – С. 20-27.

16. Указ Президента РФ от 13.06.2012 N 808 (ред. от 13.11.2023) «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» (вместе с «Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу») // «Собрание законодательства РФ», 18.06.2012, N 25, ст. 3314.

17. Симонян, В. М. Проблемы и современные тенденции развития внутреннего государственного финансового контроля Российской Федерации / В. М. Симонян, И. В. Григоренко // Форум молодых ученых. – 2022. – № 9(73). – С. 80-85. – EDN TVIVKJ.

УДК 347.73

Нечепаяев Назар Андреевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

nechepayev2000@yandex.ru

Nechepayev Nazar

Lomonosov Moscow State University

Law faculty

Russia, Moscow

МОДЕЛЬ НЕОБЛАГАЕМОГО МИНИМУМА ДОХОДА В НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ АНГЛОСАКСОНСКИХ СТРАН

Аннотация: на современном этапе развития налоговых систем мира становятся актуальными вопросы равенства налогообложения. В подоходном налогообложении эти вопросы невозможно решить без анализа института необлагаемого минимума дохода. В настоящей статье автором дается анализ института необлагаемого минимума дохода на примере налоговых систем Великобритании и США. Автор исследует положительные и отрицательные стороны моделей необлагаемого минимума в этих странах, выделяет универсальные черты, которые возможно внедрить в налоговое законодательство в иных юрисдикциях.

Ключевые слова: необлагаемый минимум дохода, подоходный налог, налоговое бремя, налоговый статус, совместная налоговая декларация, социальные налоговые вычеты.

THE MODEL OF NON-TAXABLE MINIMUM INCOME IN THE TAX SYSTEM OF ANGLO-SAXON COUNTRIES

Annotation: at the current stage of development of tax systems of the world, the issues of tax equality become relevant. In income taxation these issues cannot be solved without analysing the institution of non-taxable minimum income. In this article the author analyses the institute of non-taxable minimum income on the example of tax systems of Great Britain and the USA. The author examines the positive and negative sides of the models of non-taxable minimum in these countries, highlights universal features that can be introduced into the tax legislation in other jurisdictions.

Key words: non-taxable minimum income, income tax, tax burden, tax status, joint tax return, social tax deductions.

В законодательстве о подоходном налогообложении многих англосаксонских стран предусмотрен необлагаемый минимум дохода [1, с. 108] в той или иной форме.

В Великобритании необлагаемый минимум дохода называется «личной налоговой льготой» (от английского «*personal tax allowance*»). Размер необлагаемого минимума дохода пересматривается каждый налоговый период. Так, в 2022-2023 годах он был такой же, как в 2021-2022 годах и составлял сумму в 12 570 фунтов стерлингов в год (что равняется 115 344 руб. в месяц (здесь и далее расчет курса иностранной валюты на рубли дается по среднему номинальному курсу ЦБ РФ за 2023 год)). При этом налогоплательщики, получающие доход свыше 100 000 фунтов стерлингов в год (что равняется 890 684 руб. в месяц), будут иметь пониженный необлагаемый минимум дохода вплоть до того, что необлагаемый минимум дохода вообще перестанет применяться к налогоплательщику. Так, необлагаемый минимум дохода уменьшается на 1 фунт стерлингов за каждые 2 фунта стерлингов дохода, заработанного свыше порога в 100 000 фунтов стерлингов [2].

Особенностью налоговой системы Великобритании является то, что необлагаемый минимум дохода может быть «переведен» на супруга или на гражданского супруга в размере 10% от размера необлагаемого минимума, на который имеет право налогоплательщик. Такой «перевод» может быть осуществлен в онлайн-режиме и только в рамках текущего налогового периода, но только если один из супругов или гражданских супругов не платит подоходной налог по повышенной ставке 40%.

Доход в этой юрисдикции облагается не в совокупности, а в зависимости от его вида. К разным видам дохода необлагаемый минимум можно применить по-разному. Как правило, наименьшее налоговое бремя обеспечивает налогоплательщику применение института [3, с. 7] необлагаемого минимума к трудовым доходам или доходам, полученным не от сбережений.

Также в Великобритании, помимо необлагаемого минимума дохода, предусмотрен ряд социальных налоговых вычетов [4, с. 101] для незащищенных категорий населения: пожилых граждан, слепых людей, для семейных пар.

В США сумма налоговых вычетов может составлять от 12 950 до 28 700 долларов (что составляет от 91 359 руб. до 202 470 руб. в месяц соответственно). Конкретный размер необлагаемого минимума дохода будет зависеть от нескольких факторов: налогового статуса лица, возраста, наличия иждивенцев, размера валового дохода.

Служба внутренних государственных доходов США выделяет пять категорий налогового статуса лица [5]. К первой категории относятся одинокие налогоплательщики, то есть те, которые не состоят в браке, разведены или проживают отдельно, но не разведены, если такой семейный статус предусмотрен законодательством штата. Во второй категории находятся налогоплательщики, которые состоят в браке и подают совместную налоговую декларацию (см. об этом § 1.1 главы 1). К третьей категории относятся

налогоплательщики, находящиеся в браке, но подающие налоговую декларацию отдельно от супруга (подача совместной или раздельной налоговой декларации находится на усмотрении супругов). К четвертой категории относятся лица, не состоящие в браке, но содержащие на иждивении других членов семьи (от английского «*head of household*»). К пятой категории относятся вдовы (вдовцы), обладающие правом на льготы (от английского «*qualifying widow(er)*»). К такой категории относятся налогоплательщики, чей супруг умер в течение двух лет, предшествующих нынешнему налоговому периоду, и имеющие при этом ребенка на иждивении.

Возраст налогоплательщика может повлиять на получение стандартных налоговых вычетов. Как правило, для плательщиков, не достигших 65 лет, применяются одни правила, для достигших – другие, более льготные (они же применяются для слепых людей вне зависимости от возраста).

Соотношение двух этих критериев – налогового статуса и возраста плательщика, – влияние их на показатель необлагаемого минимума дохода представлены в Таблице 1 – (данные взяты на 2023 год) [6].

Следует оговориться, что подобные правила распространяются лишь на налогоплательщиков, чьи работодатели (компании и организации в США) подают специальную налоговую форму, называемую W-2 (от английского «заработная плата», «*wage*»). В этой форме организация сообщает о начисленной сотруднику заработной плате и налогах, удерживаемых из нее.

Для самозанятых порог, после пересечения которого необходимо уплачивать подоходный налог, равняется 400 долларов в год (это эквивалентно 2 821 руб. в месяц). Такой порог устанавливается вне зависимости от налогового статуса и возраста лица. Налоговые органы США будут считать доходом лица в статусе самозанятого любые доходы, не относящиеся к оплате труда по форме W-2, то есть доходы от гражданско-правовых договоров (так называемые «договоры 1099» от английского «*1099 contract*»; название пошло

от формы № 1099, изданной Службой внутренних государственных доходов США, регулирующей налогообложение самозанятых), доходы, например, от работы в такси, выгула собак и т.д. Перечень таких доходов может быть довольно широким, а необлагаемый минимум дохода при этом несоизмеримо меньше, чем для доходов, получаемых по форме W-2.

Таким образом, примеры некоторых англосаксонских стран могут послужить хорошим образцом для введения или модификации необлагаемого минимума дохода в налоговое законодательство [7, с. 184]. Так, фундаментальной положительной чертой можно считать регулярный пересмотр размера необлагаемого минимума дохода в Великобритании, так как только такой механизм будет наиболее приближен к реальным ценам на базовые потребности, необходимые человеку (а не опосредованная зависимость необлагаемого минимума дохода от какого-нибудь другого механизма). Перевод части необлагаемого минимума дохода на супруга также является полезной особенностью, которая позволяет налогоплательщикам отчасти распоряжаться своей льготой. Также только положительно можно расценивать сочетание необлагаемого минимума дохода с иными социальными налоговыми вычетами, которые в комбинации более полно обеспечивают освобождение от налогообложения доходов, необходимых для функционирования человека. Дифференциация необлагаемого минимума дохода в зависимости от возраста также предоставляет дополнительные гарантии права человека на жизнь.

Список литературы:

1. Налоговое право: учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. — М.: Альпина Паблишер, 2015. 796 с.
2. Разъяснения на веб-сайте британского правительства о ставках подоходного налога от 15.01.2024 URL:

<https://www.gov.uk/government/publications/rates-and-allowances-income-tax/income-tax-rates-and-allowances-current-and-past> (дата обращения: 25.02.2024)

3. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: "Зерцало", под ред.– 2004. 800 с.

4. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. 248 с.

5. Разъяснения о порядке заполнения налоговых деклараций на веб-сайте Службы внутренних государственных доходов США от 15.11.2021. URL: <https://www.irs.gov/newsroom/why-its-important-that-taxpayers-know-and-understand-their-correct-filing-status> (дата обращения: 26.02.2024).

6. О порядке уплаты подоходного налога в США. URL: <https://clck.ru/39CDex> (дата обращения: 26.02.2024).

7. Налоговое право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. — М.: Просвещение, 2017. 736 с.

Приложения

Таблица 1. Необлагаемый минимум дохода в США в зависимости от налогового статуса и возраста налогоплательщика

Налоговый статус	Возраст	Необлагаемый минимум дохода в год, доллары США	Необлагаемый минимум дохода в месяц, руб.
Одинокий	Моложе 65	12 950	91 359
Одинокий	65 или старше	14 700	103 704
Состоит в браке и подает совместную налоговую декларацию с супругом	Моложе 65 (оба супруга)	25 900	182 717
Состоит в браке и подает совместную налоговую декларацию с супругом	Один супруг моложе 65, один – старше 65	27 300	192 594
Состоит в браке и подает совместную налоговую декларацию с супругом	65 или старше (оба супруга)	28 700	202 470
Состоит в браке и подает отдельную налоговую декларацию с супругом	Любой возраст	5	35
Не состоит в браке, но имеет иждивенцев	Моложе 65	19 400	136 862
Не состоит в браке, но имеет иждивенцев	65 или старше	21 150	149 207
Вдова (вдовец) с правом на льготы с ребенком на иждивении	Моложе 65	25 900	182 717
Вдова (вдовец) с правом на льготы с ребенком на иждивении	65 или старше	27 300	192 594

УДК 336.226.211

Сухарькова Дарья Михайловна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита

Россия, Москва

dariashrkv2003@gmail.com

Sukharkova Daria

Lomonosov Moscow State University

Higher School of State Audit

Russia, Moscow

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДВИЖИМОГО И НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В ЦЕЛЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГЕ НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация: данная работа посвящена практическому исследованию механизма квалификации судами имущества, находящегося на балансе организаций, как недвижимого для последующего применения главы 30 НК РФ, посвященной налогу на имущество организаций. Анализ логики мотивировочных частей судебных решений показал, что определение недвижимого имущества, установленное статьей 130 ГК РФ, не является вполне достаточным. Для целей законного налогообложения суды вынуждены развивать мысль законодателя о критериях отнесения имущества к недвижимому.

Ключевые слова: трубопровод, кабельные линии, трансформаторная подстанция, скважина, буровые установки, козловой кран, налог на имущество организаций.

DISTINGUISHING CRITERIA BETWEEN PERSONAL AND REAL ESTATE FOR APPLICATION OF RULES OF LEGISLATION

Annotation: the article is devoted to the practical study of courts' qualification mechanism of the property on the organizations' balance as real estate for the subsequent application of Chapter 30 of the Tax Code of the Russian Federation, dedicated to the property tax of organizations. The reasoning parts of court decisions' analysis has proved that the real estate definition established by Article 130 of the Civil Code of the Russian Federation is not quite complete. For the purposes of legal taxation courts have to extend the legislator's idea about the criteria for classifying property as real estate.

Key words: pipeline, cable lines, transformer station, borehole, drilling rigs, gantry crane, property tax of the organizations.

Гражданское законодательство указывает два основания отнесения вещей к недвижимому имуществу: прочная связь объекта с землей и невозможность перемещения объекта без несоразмерного ущерба его назначению (п. 1 ст. 130 ГК РФ) [4]. Законом не предусмотрен исчерпывающий перечень объектов недвижимости, поэтому на практике, для характеристики конкретного объекта как недвижимого или движимого, помимо статьи 130 ГК РФ используется информация о его специфике, функциональном назначении, обстоятельствах создания и т.д. Зачастую, бремя доказывания такой характеристики ложится на суды, которые определяют подлежит ли объект регистрации в Едином государственном реестре недвижимости или нет. Рассматриваемое деление вещей, а равно и существующая неопределённость, имеет большое практическое значение для налогового права, поскольку юридические лица-правообладатели именно недвижимого имущества, находящегося на балансе организации, обязаны уплачивать в бюджеты субъектов (ст. 56 БК РФ) [3] налог на имущество организаций (ст. 374 НК РФ) [2].

Стоит отметить, что в доктрине также существуют разные мнения насчет механизма определения имущества как недвижимого для целей

налогообложения. Одни ученые считают, что для вышеуказанных задач необходимо руководствоваться судебной практикой (Балакин Р.В., Григоров К.Н., Зобова Е.П., Соловьева А.А.) [32, с. 12; 33, с. 4], другие – что нормы гражданского законодательства об определении недвижимого имущества должны подлежать пересмотру (Лашенков А.В., Рулева Н.П.) [36, с. 42-44]. Однако на сегодняшний день Федеральная налоговая служба неоднократно подчеркивала, что для обложения недвижимого имущества организаций налогом необходимо руководствоваться практикой Верховного суда РФ [27; 28].

Так, в настоящей работе автор анализирует судебную практику и ставит вопрос о квалификации имущества как недвижимого или движимого для последующего определения необходимости уплаты налога на имущество организаций. Целью изучения судебной практики является исследование логики судов в применении критериев статьи 130 ГК РФ по отношению к каждому конкретному рассматриваемому объекту: трубопроводу, кабельным линиям, трансформаторным подстанциям, скважинам, буровым установкам, козловым кранам. Данные объекты выбраны автором в силу того, что их квалификация как недвижимого или движимого имущества в судебной практике представляется наиболее часто встречающейся, а, следовательно, спорной.

Трубопровод – это сооружение или комплекс сооружений для передачи по трубам газообразных, жидких и твердых продуктов [41]. Трубопроводы бывают разных видов: подземные, наземные, надземные, подводные трубопроводы, как правило, закрепляются анкерами (металлические штыри длиной 3-7 м) [40, с. 18, 76-77], что, на первый взгляд, может показаться свидетельством природы движимых вещей. Также согласно отраслевым стандартам, демонтаж и транспортировка трубопроводов является возможной [29]. Следовательно, трубопровод может быть перемещен без несоразмерного ущерба его

назначению (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Из этого суждения можно прийти к выводу о том, что данный спорный объект является движимым имуществом. При этом судебная практика по данному вопросу однозначно относит трубопровод к объекту *недвижимого имущества*, ссылаясь на прочную связь объекта с землей, а также на не предназначенность для его последующей разборки, перемещения и сборки [15; 26].

Еще одним «неочевидным» по правовой природе объектом в судебной практике являются *кабельные линии*, внешне имеющие схожие характеристики с трубопроводом. Однако суды относят кабельные линии к недвижимому имуществу только если они являются неотъемлемой технологической частью другого недвижимого имущества (например, кабельные линии как составная часть сложной недвижимой вещи – гидроэлектростанции) [5], в остальных случаях, по общему правилу, квалифицируют как *движимое* [14; 18].

Также представляется возможным рассмотреть *трансформаторную подстанцию* с точки зрения ее обложения налогом на имущество организаций. Строительство трансформаторной подстанции происходит на железобетонном фундаменте [31, с. 52], что уже отвечает критериям отнесения ее к недвижимому имуществу согласно п. 1 ст. 130 ГК РФ. Но судебная практика по данному вопросу не является однозначной. Некоторые суды относят трансформаторную подстанцию к *движимому* имуществу исходя из возможности ее демонтажа по технической документации [8; 21], иные – к *недвижимому* ввиду ее прочной связи с землей (сооружение на монолитном железобетонном фундаменте, соединение подземными коммуникациями со снабжающими объектами) [16; 24].

Еще одним спорным объектом является *зерновой элеватор* – сложное промышленное сооружение, используемое для обеспечения сохранности зерна. Такой объект можно разделить на детали и сборочные единицы (в т.ч. силосы – цилиндрические емкости для хранения зерна) и образовать соединения

составных частей изделия для осуществления сборки и разборки элеватора. При этом зерновой элеватор имеет прочную связь с землей, поскольку устанавливается на монолитных фундаментных плитах [30]. Исходя из вышеизложенных фактов, сложно выделить правовые критерии или применить элементы, которые придадут рассматриваемому объекту статус недвижимого или движимого имущества. Современная судебная практика [11; 19] идет по пути признания зернового элеватора *движимым* имуществом, аргументируя это тем, что сооружение изначально не создано как объект недвижимости – его технически и технологически возможно разобрать на детали и сборочные единицы. Также судом сделан акцент на то, что детали и сборочные единицы спорного объекта были приобретены как отдельные самостоятельные инвентарные объекты, отраженные в бухгалтерском учете организации. Таким образом, зерновой элеватор, находящийся на балансе организации, не подлежит обложению налогом на имущество организации.

Скважина – глубокое цилиндрическое отверстие в земле, сделанное буровым инструментом [41]. Все скважины, бурящиеся при геологоразведочных работах и разработке нефтяных и газовых месторождений вне зависимости от источников финансирования в РФ, подразделяются на следующие категории: опорные, параметрические, структурные, поисково-оценочные, разведочные, эксплуатационные и специальные [34, с. 6]. Все эти виды скважин имеют идентичный набор конструкторских элементов. Например, при строительстве скважины часто используют цементируемые боковые «хвостовики», крепящиеся к обсадной колонне скважины [37, с. 9]. Так, демонтаж скважины невозможен без несоразмерного ущерба ее назначению. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что скважина является недвижимым имуществом. Стоит отметить, что скважина, находящаяся на балансе организации, всегда подлежала обложению налогом на имущество организаций. Однако ранее, до внесения изменений в налоговое

законодательство 01.01.2019 [1], когда движимое имущество также облагалось рассматриваемым налогом, в судебной практике существовала неопределенность – скважины относили как к движимому [22; 23], так и к недвижимому [10; 12; 13; 25] имуществу. На сегодняшний день судебная практика однозначна по вопросу квалификации скважины как *недвижимого* имущества [7].

Буровые установки – это комплекс буровых машин, механизмов и оборудования, смонтированный на точке бурения (на земельных участках, эстакадах, палубных платформах, судах) и обеспечивающий с помощью бурового инструмента самостоятельное выполнение технологических операций. Будучи сложной вещью, буровая установка состоит из вышки, насоса, дизель-электрической станции, привода, подъемников и т.д. [47, с. 6] На первый взгляд, сложно отнести буровую установку к движимому имуществу, так как даже при наличии критерия прочной связи объекта с землей, отсутствует критерий невозможности перемещения объекта без несоразмерного ущерба его назначению (п. 1 ст. 130 ГК РФ). При этом в учебных пособиях по технологической разведке месторождений полезных ископаемых отдельные главы и параграфы посвящены демонтажу и транспортировке буровых установок [38, с. 123; 39, с. 268-281]. Судебная практика вносит определенность в вопрос характеристики правовой природы буровых установок, поскольку относит и самоподъемные плавучие буровые установки, и палубные краны к *недвижимому* [6; 9] имуществу.

Еще одним спорным объектом, подлежащим рассмотрению, является *козловой кран* – подъемное устройство мостового типа, пролётные строения которого установлены на опоры, перемещающиеся по рельсам, установленным на бетонные фундаменты [35, с. 14]. Поскольку сам кран может быть без ущерба демонтирован и перемещен, вопрос состоит в том, следуют ли рельсы «движимой природе» козлового крана. Суды полагают, что подкрановые

железнодорожные пути козлового крана являются принадлежностью козлового крана, могут быть демонтированы и перемещены вместе с главной вещью [17; 20]. Следовательно, козловой кран, находящийся на балансе организации, является *движимой* вещью и не подлежит обложению налогом на имущество организаций.

Очевидно, что в судебной практике сложилась определенная система, позволяющая однозначно относить довольно схожие по характеристикам вещи либо к движимым, либо к недвижимым.

В результате проведенного автором исследования объектов с неоднозначной правовой природой, необходимо отметить, что для целей главы 30 НК РФ изучение судебной практики по таким объектам имеет первоочередное значение. Отсутствие такого анализа может повлечь не только фактическое доначисление крупной суммы налога на имущество организаций, но и нарушение налогового законодательства. В силу того, что российское право не является прецедентным, а, следовательно, обстоятельства, установленные судебной практикой, не становятся нормой права, нельзя говорить о том, что суды «устанавливают» критерии отнесения имущества к недвижимому. Эти критерии скорее являются вариантами толкования судами критериев, предусмотренных статьей 130 ГК РФ, при исследовании конкретных объектов. Однако можно заметить, что суды используют одни и те же формулировки применительно к однородным объектам. Соответственно, для удобства изложения мысли их можно именовать критериями.

В завершении можно выделить следующие практические критерии отнесения неоднозначного по правовой природе объекта к недвижимому: стабильность объекта по природе, его непредназначенность для последующего демонтажа и перемещения; капитальность объекта, установленная в технической документации; нахождение объекта в составе сложной

недвижимой вещи; невозможность последующего после установки демонтажа, транспортировка и сборки.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 03.08.2018 № 302-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ 06.08.2018, № 32 (часть I), ст. 5095.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ 07.08.2000, № 32, ст. 3340.
3. "Бюджетный кодекс Российской Федерации" от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // СЗ РФ 03.08.1998, № 31, ст. 3823.
4. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
5. Определение ВС РФ от 01.06.2022 N 306-ЭС22-7514 по делу № А55-35398/2020.
6. Определение ВС РФ от 23.03.2021 № 307-ЭС21-1843 по делу № А42-9322/2018.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 08.09.2021 № 71-КАД21-6-КЗ.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 12.07.2019 N 307-ЭС19-5241, А05-879/2018.
9. Определение ВС РФ от 24.09.2018 № 307-КГ18-14515 по делу № А42-5598/2017.
10. Определение ВС РФ от 30.12.2016 № 305-АД16-10430 по делу № А41-64831/2015.
11. Определение ВАС РФ от 23.07.2013 г. № ВАС-9767/13 по делу №А42-4761/2011.

12. Определение ВАС РФ от 07.10.2013 № ВАС-9610/13 по делу № А51-7125/2012.
13. Определение ВАС РФ от 10.06.2011 № ВАС-18484/10.
14. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.01.2024 N Ф03-4649/2023 по делу N А24-7340/2019.
15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.01.2024 N Ф09-8861/23 по делу N А76-100/2023.
16. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.01.2024 N Ф08-12542/2023 по делу N А53-6949/2023.
17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.12.2023 N Ф09-8694/23 по делу N А07-14106/2022.
18. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.12.2023 N Ф09-8151/23 по делу N А50-32704/2022.
19. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.12.2023 № Ф06-10892/2023 по делу N А06-5076/2021.
20. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.09.2023 N Ф10-4214/2023 по делу N А14-18233/2022.
21. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.01.2019 г. N Ф07-15984/18 по делу N А05-879/2018.
22. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2018 № 15АП-21636/2017 по делу № А32-23235/2017.
23. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.06.2018 № Ф08-4182/2018 по делу № А32-29602/2017.
24. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.05.2018 N Ф07-5328/2018 по делу N А05-1595/2017.
25. Решение Белоговского городского суда Тверской области № 2А-475/2017 2А-475/2017~М-449/2017 М-449/2017 от 04.07.2017 г. по делу № 2А-475/2017.

26. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.02.2017 г. № Ф05-22491/16 по делу № А40-98958/2016.

27. Письмо ФНС от 25.11.2021 № БС-4-21/16452 «О критериях разграничения движимого и недвижимого имущества в целях применения главы 30 НК РФ».

28. Письмо ФНС от 21.05.2021 № БС-4-21/7027 «О критериях разграничения имущества (движимое или недвижимое) в целях применения главы 30 НК РФ».

29. ОСТ 153-39.4-027-2002 (дата введения 2003.06.30).

30. Инструкция по проектированию элеваторов, зерноскладов и других предприятий, зданий и сооружений по обработке и хранению зерна (утверждена постановлением Госстроя СССР 16.02.1997 №6) – Москва строиздат 1997.

31. Бадалян Н.П. Проектирование электрических подстанций систем электроснабжения: учебное пособие // Н.П. Бадалян; ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Издат-во ВлГУ, 2023 – 124 с.

32. Балакин Р.В. Обзор ряда научных публикаций и судебных решений в части законодательных новаций по налогу на имущество организаций // Имущественные отношения в Российской Федерации», 2022, № 12. – 12 с.

33. Григоров К.Н. Правовая характеристика ограничения объекта налогообложения по налогу на имущество организаций недвижимым имуществом // Финансовое право, 2020, № 1 – 10 с.

34. Дмитриев А.Ю. Основы технологии бурения скважин: учебное пособие. – Томск: Изд-во ТПУ, 2008. – 216 с.

35. Каржавин В.В. Краны машиностроительных предприятий [Текст]: учеб. пособие /В.В. Каржавин, С.Ф. Каменских. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. - 88 с.

36. Лащенко А.В., Рулева Н.П. Квалификация технически сложного оборудования организации в качестве объекта налогообложения: проблемные вопросы и их возможные решения // Налоговая политика и практика. 2022. № 1 (229) – 42-47 с.
37. Мухин В.М., Коробов А.Д. Бурение нефтяных и газовых скважин: учебно-методическое пособие // В. М. Мухин, А. Д. Коробов. — Москва; Саратов: ОАО «Центральный коллектор библиотек «БИБКОМ», 2015. – 44 с.
38. Учебное пособие. Д.С. Садуакасов, М.Б. Байкубеков, Б.Б. Нубереков // Нур-Султан: Некоммерческое акционерное общество «Talar», 2020 г. – 299 с.
39. Самохвалов М.А. Монтаж и эксплуатация бурового оборудования: учебное пособие // М.А. Самохвалов; Томский политехнический университет. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2010. – 312 с.
40. Рудаченко А.В. Проектирование и эксплуатация газонепроводов: учебное пособие / А.В. Рудаченко, Н.В. Чухарева, А.В. Жилин. – Томск: Изд-во ТПУ, 2008. – 238 с.
41. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка // С. Ожегов, Н. Шведова. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. 907 с.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 34

Гришечкина Маргарита Андреевна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Высшая школа права

Россия, Москва

rgrishechkina@gmail.com

Grishechkina Margarita

Kutafin Moscow State Law University

Graduate School of Law

Russia, Moscow

НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ В ИНТЕРНЕТЕ С

ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ЧАТ-БОТА)

Аннотация: научная статья посвящена анализу общественных отношений, порождаемых в связи с использованием людьми чат-ботов, квалификации гражданско-правовых деликтов, возникающих при допущении нарушений авторских прав в результате работы чат-ботов. При проведении анализа правоприменительной практики, была выявлена схожесть законодательного регулирования «переработки» информации и алгоритмов самообучения чат-ботов, состоящих в использовании и преобразовании информации из открытых источников. Были приведены примеры законного режима использования «сильного» искусственного интеллекта.

Ключевые слова: защита авторских прав в интернете, искусственный интеллект, чат-бот, авторские права искусственного интеллекта, переработка объектов авторских прав.

ONLINE COPYRIGHT INFRINGEMENT USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE (CHATBOT) IN THE LATEST

Annotation: the scientific article is devoted to the analysis of social relations generated in connection with the use of chat bots by people, the qualification of civil torts that arise when copyright violations are committed as a result of the work of chat bots. When analyzing law enforcement practice, the similarity was revealed between the legislative regulation of the “processing” of information and the self-learning algorithms of chatbots, which consist in the use and transformation of information from open sources. Examples were given of the legal regime for the use of “strong” artificial intelligence.

Key words: copyright protection on the Internet, artificial intelligence, chatbot, artificial intelligence copyrights, processing of copyright objects.

29 мая Президиум Верховного Суда утвердил Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Пункт 4 указанного Обзора содержит разъяснения по прецедентному делу: ответчиком был опубликован в Интернете краткий пересказ, “Summary” литературного произведения истца вместе с предложением к продаже доступа к “Summary” книг. Согласие у правообладателя получено не было и, в ходе судебного разбирательства, был установлен факт полной идентичности содержания “Summary” и литературного произведения. Сам по себе краткий пересказ содержит переработку произведения, заимствуя основное содержание объекта, охраняемого авторским правом. Исходя из этого, Верховный суд констатировал, незаконным использованием произведения посредством его переработки является краткий пересказ содержания литературного произведения, согласие на который не было получено у правообладателя.

В контексте использования чат-ботов, основанных на технологии искусственного интеллекта, данный прецедент так же применим. Чат-боты представляют собой “сильный” искусственный интеллект, составной частью которого является механизм самообучения.

Алгоритм самообучения чат-бота обычно включает в себя несколько ключевых компонентов [1]: 1) Сбор данных: Чат-боты собирают данные из разговоров с пользователями для обучения. 2) Предварительная обработка данных: Данные очищаются и преобразуются в формат, подходящий для обучения модели. 3) Обучение модели: Используя методы машинного обучения, такие как обучение с учителем, без учителя или с подкреплением, чат-бот обучается на собранных данных. 4) Мониторинг эффективности: После обучения модель оценивается на новых данных для проверки её эффективности. 5) Итерация: Процесс может повторяться с целью улучшения модели.

Таким образом, в процессе самообучения чат-ботов возможно использование объектов авторских прав в переработанном виде, что, без установленных законом условий является нарушением авторских прав правообладателей.

Говоря об актуальности данного направления и важности поднятого в данной статье вопроса, констатируем исторические и статистические данные. Массовое использование чат-ботов началось с создания и распространения компанией Open AI технологии GPT-3. На момент 2023 года была зафиксирована рекордная отметка количества пользователей за январь месяц - 100 миллионов [2]. С созданием технологии GPT-4 и ввиду необходимости усовершенствования алгоритмов искусственного интеллекта, Open AI столкнулись с проблемой использования GPT-4 объектов авторского права. В представлении в Комитет по коммуникациям и цифровому отбору Палаты лордов OpenAI заявила, что не может обучать большие языковые модели, такие

как ее модель GPT-4 (технология, лежащая в основе ChatGPT) без доступа к защищенной авторским правом работам [3]. Последствиями указанных действий была череда коллективных исков от газетных изданий. В частности, The New York Times ссылались на наличие в результатах текстовых запросов CHAT-GPT сходных до степени идентичности фрагментов объектов, защищаемых авторским правом - статей указанной газеты.

Тем самым, была намечена тенденция самообучения технологии GPT-4 на основе газетных статей, находящихся в публичном доступе. Согласно действующим правовым реалиям и законодательству Российской Федерации, статьи в СМИ можно подразделить на несколько категорий: 1. Новости: Актуальные сообщения о событиях, происходящих в мире. Они могут быть местными, национальными или международными. 2. Аналитика: Глубокий анализ текущих событий, часто с мнениями экспертов. 3. Фичеры: Расширенные статьи, которые исследуют определённую тему, идею, человека или тренд более подробно. 4. Колонки и блоги: Личные мнения и комментарии авторов. 5. Репортажи: Подробные отчёты о событиях, часто с персональными наблюдениями и интервью. 6. Интервью: Вопросы и ответы с известными личностями или экспертами в определённой области. 7. Обзоры: Оценка и критика книг, фильмов, музыки и других форм искусства и развлечений.

Согласно смыслу статьи 1259 ГК РФ, новости как сообщения о событиях и фактах не являются объектом авторских прав. Остальные перечисленные направления деятельности авторов статей в средствах массовой информации защищаются авторским правом, так как представляют собой результат творческой деятельности человека.

Деятельность как самообучающегося искусственного интеллекта, так и ответчика по рассматриваемому в Обзоре судебной практики прецедентному делу можно рассматривать как переработку произведений, охраняемых авторским правом, ввиду указания на это Верховного суда.

Для рассмотрения деятельности искусственного интеллекта в рамках правового поля, необходимо уточнить, что переработка оригинала является формой использования произведения, принадлежащей автору или иному правообладателю (по смыслу ст. 1270 ГК РФ). Самостоятельно искусственный интеллект в гражданском обороте не участвует, по действующему законодательству он приравнивается к программам для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ). И, согласно одному из подходов, выработанному в судебной практике, признается вещью, принадлежащей конкретному собственнику. В контексте практической ситуации нарушения авторских прав системой GPT-4, собственником является Open AI, с точки зрения законодательства ответственность за незаконные действия по нарушению авторских прав несет также Open AI.

Анализируя вопрос о форме незаконных действий, выполненных в результате деятельности GPT-4, следует обратиться к судебной практике с целью сопоставить признаки переработки объектов авторского права и содержания гражданско-правового деликта. Согласно п. 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», переработка произведения предполагает создание нового (производного) произведения на основе уже существующего. В соответствии с подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ правообладателю принадлежит исключительное право использовать произведение путем перевода или другой переработки. В законе не содержится признаков переработки, судебная практика указывает на следующее: следует принимать во внимание, что само по себе отсутствие новизны, уникальности или оригинальности РИД не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права. Переработка произведения предполагает создание нового (производного) произведения на основе уже существующего. Так, авторские

права переводчика, составителя и иного автора производного или составного произведения охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав независимо от охраны прав авторов использованных произведений [4]. Исходя из разъяснений Верховного суда, можно сделать вывод о том, что критериями переработки объекта, охраняемого авторским правом, являются: 1) создание объекта на основе оригинального произведения; 2) творческий характер деятельности при переработке оригинального произведения. Аналогичной позиции придерживаются ученые [5; 6].

Обстоятельства рассматриваемого гражданского дела, установленные судом, указывают на отсутствие второго из приведенных критериев - творческого характера при работе с литературным произведением истца. Аналогично, искусственный интеллект, используя слова и выражения, не перерабатывает их, внося собственную творческую составляющую. Данное умозаключение позволяет сделать вывод о том, что, согласно текущей судебной практике, творческая составляющая в производном на основании оригинала объекте не является основным аспектом. И, следовательно, при сопоставлении нами характера деяния ответчика в рассматриваемом деле и искусственного интеллекта, деятельность последнего также является переработкой произведения.

Ведя повествование подробнее о наличии нарушений авторского права The New York Times, следует обозначить проблемный вопрос, существующий в авторском праве Российской Федерации, который проявляется исходя из специфики GPT-4. Так как информация, содержащая нарушение авторского права, является ответом на запрос, пользователь, будучи не осведомлён о таком нарушении, волен использовать эту информацию для дальнейшего распространения или иным образом по своему усмотрению. По итогу, вред, причиненный указанным гражданско-правовым деликтом, может быть особо значительным для обладателя авторского права и принести колоссальные

убытки. Так как ответственность за нарушение авторского права при переработке может нести только переработчик, третьи лица не несут ответственность за нарушение авторских прав на оригинал.

Исходя из теории гражданского права, для законного осуществления переработки объекта авторского права, необходимо наличие лицензионного договора с правообладателем, указывающего на пределы использования объекта авторского права. Новая практика деятельности корпораций-создателей систем самообучающегося искусственного интеллекта действует по данному сценарию. Согласно лицензионному договору Open AI и Financial Time [7], определены пределы использования объектов авторских прав последней компании для обеспечения самообучения искусственного интеллекта GPT-4. Допустимое использование определено возможностью использовать цитаты из авторских текстов и ссылки на них, что служит превентивной мерой к возможным нарушениям авторских прав искусственным интеллектом.

Таким образом, проведя анализ правового положения деятельности искусственного интеллекта в системе авторского права мы выяснили условия, удовлетворяющие законному использованию искусственного интеллекта (на примере чат-бота GPT-4). При сопоставлении деятельности самообучающегося искусственного интеллекта с деятельностью по переработке охраняемых законом объектов авторских прав, исходя из анализа судебной практики, мы выявили схожие закономерности при нарушении права на переработку объектов авторских прав.

Список литературы:

1. Automated Self-learning Chatbot Initially Build as a FAQs Database Information Retrieval System: Multi-level and Intelligent Universal Virtual Front-office Implementing Neural Network // Massaro A., Maritati V., Galiano A. //

Informatica (2018) 42(4) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.informatica.si/index.php/informatica/article/view/2173>

2. Reuters: ChatGPT установил рекорд по быстрорастущей базе пользователей - примечание аналитика [Электронный ресурс] // URL: <https://www.reuters.com/technology/chatgpt-sets-record-fastest-growing-user-base-analyst-note-2023-02-01/>

3. The Guardian: «Невозможно» создать инструменты искусственного интеллекта, такие как ChatGPT, без материалов, защищенных авторским правом, говорит OpenAI [Электронный ресурс] // URL: <https://www.theguardian.com/technology/2024/jan/08/ai-tools-chatgpt-copyrighted-material-openai>

4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 06 сентября 2022 г. по делу № 78-КГ22-29-КЗ [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2161386

5. Елисеев В.И. Право на переработку произведения по российскому законодательству // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. №1. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-pererabotku-proizvedeniya-po-rossiyskomu-zakonodatelstvu>

6. Право интеллектуальной собственности. Международно-правовое регулирование : учебное пособие для вузов / И. А. Блинец [и др.] ; под редакцией И. А. Блинца, В. А. Зимина, И. П. Оленичева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 284 с. — (Высшее образование). [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/539720>

7. Хабр: OpenAI заключила лицензионное соглашение с Financial Times [Электронный ресурс] // URL: <https://habr.com/ru/news/811293/>

УДК 34.09

Шиляев Дмитрий Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

demk123@yandex.ru

Shilyaev Dmitry

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Procuracy

Russia. Ekaterinburg

ПОНЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В БРИТАНСКОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация: в работе представлен анализ понятия искусственный интеллект в правовых источниках Соединенного Королевства и Российской Федерации. В ходе исследования применялись формально-юридический, сравнительный и семантический методы. Выявлены различные подходы к определению понятия искусственный интеллект. Установлена его неоднородность. Результат исследования может быть использован для дальнейших исследований и в образовательном процессе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, понятие, закон, право, дефиниция.

THE CONCEPT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN BRITISH AND RUSSIAN LAW

Annotation: the paper presents an analysis of the concept of artificial intelligence in the source of law of United Kingdom and Russian Federation. During the study, formal legal, comparative and semantic methods were used. Various approaches to

defining the concept of artificial intelligence have been identified. Its heterogeneity has been established. The result of the study can be used for further research and in the educational process.

Key words: artificial intelligence, concept, statute, law, definition.

Введение. Искусственный интеллект (далее ИИ) становится все более значимой частью жизни человека и общества. В результате возрастающего к нему интереса в научной среде [1, с. 24] а также растущему количеству государств со стратегиями развития ИИ [2, с. 163] появляется необходимость сравнения его понятий в законодательствах государств. Соединенное Королевство и Российская Федерация входят в пятерку государств по законотворческой активности в данной области [2, с. 178], в связи с чем возникает интерес к сравнению его понятий в законодательствах именно этих государств.

Понятие ИИ в науке. Для рассмотрения признаков в законодательствах рассматриваемых государств рассмотрим научные определения ИИ. В научной литературе существует два подхода к определению ИИ: как раздела информатики и как технологии [4, с. 4]. Как раздел информатики его можно определить так: *«раздел информатики, в котором разрабатываются методы и средства компьютерного решения интеллектуальных задач, традиционно решаемых человеком»* [3, с. 733]. В одном из номеров журнала «Новое в жизни науки и техники» ИИ рассматривается как *система электронных вычислительных машин, снабженная соответствующими программами, либо программно-управляемые роботы и определяемый такими признаками как приближенность к человеческим феноменам восприятия и мышления, также их проявлениям в разумном поведении* [4, с. 4]. ИИ может определяться и как *способность компьютерных систем или машин вести себя подобно разумным существам, учиться и самостоятельно действовать* [5, с. 5].

Все рассматриваемые определения ИИ как технологии обозначают следующие признаки: *наличие компьютерной техники, схожесть с интеллектуальной деятельностью человека, возможность разумного поведения машины.*

Понятие искусственного интеллекта в российском законодательстве.

Рассмотрим определения ИИ из законодательства России. В России существует два основных определения. В Стратегии развития ИИ он определяется как *комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений* [6]. В федеральном законе №123 от 24.04.2020 дано похожее определение с отличием в том, что результаты при выполнении поставленных задач сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека, но не превосходят их. В ГОСТ ИИ определяется как *моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека* [7].

В Российской Федерации ИИ определен на уровне законов, стратегического планирования, а также на уровне подзаконных актов. Во всех законодательных определениях обозначаются следующие признаки: *сопоставимость с интеллектуальной деятельностью человека и искусственность.* Дополнительными признаками для российского законодательства можно считать *поиск решения без заранее заданного алгоритма, превосходство результатов выполнения задач над результатами человека, обозначение искусственного интеллекта комплексом*

технологических решений. Если рассматривать ИИ, как элемент правоотношений, то в российском законодательстве он является объектом. В российском законодательстве выделяется два его вид: сильный и слабый [6].

Понятие ИИ в британском законодательстве. В Соединенном Королевстве ИИ определяется как *технология, подразумевающая наличие в себе вычислительной системы, запрограммированной «думать самостоятельно», адаптироваться и работать автономно* [8]; как *технология, дающая возможность программировать или обучать устройство или программное обеспечение (а) воспринимать окружающую среду с помощью данных, (б) интерпретировать данные с использованием автоматизированной обработки, предназначенной быть приближенной к когнитивным способностям, и (с) давать рекомендации, прогнозы или решения; с целью достижения конкретной цели.»* [9].

Определение ИИ закреплено на уровне стратегического планирования и еще не закреплено на уровне законов. Все указанные определения отмечают следующие признаки: технологический характер, сопоставимость активности ИИ с интеллектуальной деятельностью человека. В качестве дополнительных признаков выделяются восприятие окружающей среды с помощью данных, способность давать рекомендации, прогнозы и решения, предоставление возможности программировать устройство с использованием данных. Если рассматривать ИИ как элемент правоотношений, то с точки зрения британского права, ИИ является объектом правоотношений. Четкого единого разделения понятия ИИ на разновидности в британском законодательстве нет.

Сравнение понятий ИИ в британском и российском законодательствах. В обоих государствах определение ИИ закреплено на уровне стратегического планирования, в Российской Федерации в отличие от Соединенного Королевства оно закреплено на уровне законов и подзаконных актов. У обоих государств общим признаком ИИ является схожесть его

активности с интеллектуальной деятельностью человека, в остальном определения ИИ дают разные признаки. В обоих законодательствах ИИ рассматривается как объект правоотношений. В российском праве представлено четкое разделение ИИ по видам, в то время как в Соединенном Королевстве классификация не предусмотрена.

Понятие ИИ в законодательствах обоих государств рассматривает ИИ только как технологию или аналогичный объект, в то время как в науке принято рассматривать ИИ как технологию и как раздел информатики. В основном, правовые определения обозначают научные признаки ИИ как технологий.

Заключение. В британском и российском законодательстве выделяют различные признаки искусственного интеллекта. Определения ИИ в законодательствах рассматриваемых государств имеют как одинаковые, так и присущие только одному законодательству признаки ИИ. В правоотношениях искусственный интеллект представлен как объект правоотношений в обоих государствах. Правовая классификация ИИ отчетливо представлена в правовой системе Российской Федерации, в то время как в Соединенном Королевстве классификация четко не выражена.

Правовые определения ИИ схожи с его научными определениями.

Список литературы:

1. Artificial Intelligence Index Report 2023, Jack Clark, Erik Brynjolfsson, John Etchemendy and other, 2024 – 386. // URL: <https://arxiv.org/pdf/2310.03715>
2. Artificial Intelligence Index Report 2021, Jack Clark, Erik Brynjolfsson, John Etchemendy and other, 2022 – 222. // URL: https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2021/11/2021-AI-Index-Report_Master.pdf
3. Осипов Г. С., Величковский Б. М. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ // Большая российская энциклопедия. Том 11. Москва, 2008, стр. 733 // URL:

<https://old.bigenc.ru/mathematics/text/2022537?ysclid=Iz1iwgehdz425107239> Дата обращения: 25.07.2024

4. Б. В. Бирюков, Проблема возможностей «искусственного интеллекта», Новое в жизни, науке, технике, №10, 1978 – Москва : Издательство «Знание», 1978 – 64 с.

5. Искусственный интеллект на практике. 50 кейсов успешных компаний / Бернард Марр, Мэтт Уорд; пер. с англ. Е. Петровой. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020 – 210.

6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>

7. "ГОСТ Р 43.0.5-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения" (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 N 959-ст) // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=13472&cacheid=94B8D2CA4196F4F1630EFA5F2AE09028&mode=splus&rnd=zHXhYJUwG05eqSYw#yjdHYJUZucx9z56f>

8. National cyber strategy 2022 // URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/620131fdd3bf7f78e469ce00/national-cyber-strategy-amend.pdf>

9. Artificial Intelligence (Regulation) Bill [HL] Ordered to be Printed, 22nd November 2023 // URL: <https://bills.parliament.uk/publications/53068/documents/4030>